

15376.

15376. 31.

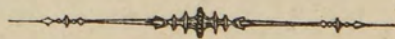
ТОРГОВЫЯ
И ДРУГІЯ
ПРАВА ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ,
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ХОДѢ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ.

Часть I.

Мѣры и постановленія, предшествовавшія нынѣ дѣйствующему
законодательству о евреяхъ.

Н. Д. Градовскаго.

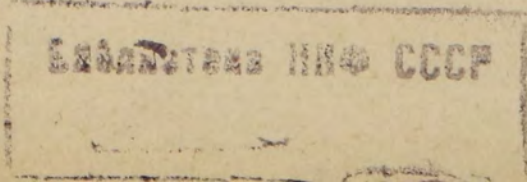
(2^е изданіе, исправленное и дополненное).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. С. Леви и К^о., Большая Подъяческая, № 35.

1886.

K

79471

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	СТРАН. 1—X
Отношеніе къ торговымъ правамъ евреевъ ихъ общаго положенія въ государствѣ.	1

I.

(Періодъ отъ царя Алексія Михайловича до Императора Павла I).

Общія свѣдѣнія о положеніи евреевъ въ древней Руси	2
Первоначальные взгляды на евреевъ въ Русскомъ Государствѣ, религіознаго характера, и сравнительная мягкость ихъ примѣненія въ бытовыхъ отношеніяхъ къ евреямъ	8

Царствованіе Государей Алексія Михайловича и Θεодора Алексѣевича.

Уложеніе 1649 года и отсутствіе въ немъ слѣдовъ исключительности, относительно евреевъ	14
Слѣды терпимости Царя Алексія Михайловича къ евреямъ, съ допущеніемъ ихъ къ жительству въ предѣлахъ Русскаго Государства, не исключая Москвы и Нижняго-Новгорода.	19
Отсутствіе слѣдовъ въ законодательныхъ постановленіяхъ Царей Алексія Михайловича и Θεодора Алексѣевича о закрытіи доступа въ Москву для евреевъ, обитавшихъ въ Россіи, какъ равно объ ограниченіи другихъ ихъ правъ	22
Образъ дѣйствія Царя Θεодора Алексѣевича, относительно евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, съ товарами, утайкою	26

Царствованіе Императора Петра I.

Невѣрность имѣющихся въ исторіи Россіи Соловьева свѣдѣній о политической нетерпимости Петра I къ евреямъ	28
Слѣды, напротивъ, терпимости Государя къ евреямъ, при всей строгости его взглядовъ и образа дѣйствія, по огражденію интересовъ господствующаго исповѣданія	30
Несомнѣнность нахожденія, вслѣдствіе этого, въ различныхъ частяхъ Государства, евреевъ, какъ временно-пріѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ	33

Царствованіе Императрицы Екатерины I, Императора Петра II и Императрицъ: Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны.

Появленіе указовъ Императрицы Екатерины I объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи.	34
Разрѣшеніе евреямъ, по ходатайствамъ Гетмана Апостола и князя Шаховскаго, вновь пріѣзжать въ Малороссію на ярмарки, для торговли оптомъ и въ раздробъ	35

Слѣды существованія евреевъ въ населенныхъ имѣнiяхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, съ запискою за ними, сходственно съ крѣпостными людьми	36
Указы о высылкѣ изъ Великороссiи и Малороссiи всѣхъ, вообще, евреевъ за границу и сомнительность строгаго выполненiя этихъ повелѣнiй	37
Религiозная исключительность Императрицы, какъ единственная причина такихъ мѣръ	38
Казнь сожженiя еврея Бороха Лейбова и флота капитанъ-лейтенанта Возницына, за совращенiе въ еврейскую вѣру, и неправосудность сентенцiй о нихъ	41
Религiозные мотивы въ указахъ Императрицы Елисаветы Петровны объ изгнанiи евреевъ изъ Россiи и строгость этихъ указовъ . . .	44
Сомнительность, чтобы, и послѣ этого, евреи не появлялись въ Россiи.	49

Царствованiе Императрицы Екатерины II.

Характеристическое различiе въ положенiи вещей, касающагося евреевъ, до и послѣ принятiя ихъ въ русское подданство	51
Манифестъ Императрицы 28 Iюня 1762 года о вступленiи на престолъ, какъ не содержащiй ничего исключительнаго, относительно евреевъ	55
Обзоръ дѣйствиИ Императрицы, въ отношенiи евреевъ, до изданiя въ 1767 году Наказа о сочиненiи проекта новаго Уложенiя	57
Основные положенiя Наказа и ихъ отношенiя къ правамъ всѣхъ вообще иновѣрцевъ.	58
Примѣненiе началъ вѣротерпимости къ евреямъ; наказъ, данный генераламъ Каховскому и Кречетникову, назначеннымъ губернаторами въ Бѣлоруссiю; указъ о присоединенiи ея къ Россiи и печатный при немъ плакатъ, по которому объявлена мѣстному тамъ населенiю, въ томъ числѣ и евреямъ, воля Государыни о дарованiи имъ равныхъ правъ съ прочими подданными	64
Обзоръ согласныхъ съ этимъ верховныхъ мѣръ и распоряженiй Императрицы	70
Указъ Сената 7 Мая 1786 г., объ огражденiи правъ евреевъ, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности.	74
Неустойчивость верховныхъ предначертанiй Императрицы, относительно евреевъ, реакцiя въ законодательномъ направленiи къ нимъ и причины этихъ явленiй	79
Появленiе ограничительныхъ постановленiй о евреяхъ; обложенiе ихъ двойнымъ окладомъ податей; признанiе евреевъ исключительно городскимъ сословiемъ; стремленiе къ сосредоточенiю ихъ, преимущественно, въ городахъ и изыятiе евреевъ отъ отбыванiя рекрутской повинности натурою	113
Общiе выводы о послѣдствiяхъ для государства установившихся, относительно евреевъ, ограничительныхъ мѣръ и постановленiй . . .	132

II.

(Перiодъ отъ Императора Павла I до Императора Николая I).

Царствованiе Императора Павла I.

Права евреевъ и гражданское ихъ положенiе въ государствѣ, въ моментъ вступленiя Императора Павла I на престолъ	135
--	-----

Законодательныя и правительственныя мѣры, относительно евреевъ.	148
Высочайше утвержденный 11 Марта 1799 г. докладъ Сената о евреяхъ въ Курляндіи	152

Царствованіе Императора Александра I.

Воспослѣдовавшія улучшенія въ законодательныхъ и правительственныхъ органахъ государства и образованіе особаго Комитета, для изысканія средствъ къ лучшему устройству евреевъ.	157
Положеніе 1804 года о евреяхъ и его содержаніе	158
Общій характеръ имѣвшихся въ немъ постановленій и причины ихъ исключительности, по отношенію къ евреямъ	170
Послѣдствія такой исключительности, для еврейской части народонаселенія	176
Мѣры къ приведенію въ дѣйствіе 34 ст. Положенія 1804 года о евреяхъ, по предмету ихъ выселенія изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки	182
Именной Указъ 30 Іюня 1808 года о прикрѣпленіи евреевъ къ фабрикамъ.	186
Всепопданнѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ князя Куракина, пріостановленіе дѣйствія 34 ст. Положенія о евреяхъ и образованіе особаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Попова.	188
Результаты дѣятельности этого Комитета.	189
Вліяніе исключительнаго положенія евреевъ на отправленіе правосудія	192
Прерогатива самоуправленія еврейскихъ обществъ, въ лицѣ ихъ кагаловъ.	194
Стѣснительное положеніе евреевъ въ государствѣ, въ отношеніи ихъ гражданскихъ правъ, и послѣдствія такого положенія	197
Ошибочность отнесенія причинъ нравственнаго упадка евреевъ къ талмуду и еврейскому вѣроученію	200
Слѣды присутствія въ евреяхъ преданности къ странѣ, въ которой они живутъ	213
Разнохарактерность и измѣнчивость мѣръ, относительно евреевъ	216
Уравненіе евреевъ съ прочими обывателями въ общественныхъ денежныхъ повинностяхъ	217
Признаніе за евреями права жительства въ г. Кіевѣ и случайный характеръ этой мѣры.	220
Исключительный порядокъ ревизской переписи евреевъ	223
Льгота отъ рекрутской повинности, денежной и натуральной, для евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру	225
Воспрещеніе евреямъ торговли платьемъ	227
Исключительный образъ дѣйствія, относительно евреевъ, при принятіи общей мѣры по поводу нарушенія мѣщанами торговыхъ правилъ.	228
Допущеніе евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ по дѣламъ христіанъ	231
Отказъ евреямъ въ торговлѣ по временнымъ свидѣтельствамъ, установленнымъ для лицъ сельскаго состоянія	236
Учрежденіе „Общества Израильскихъ христіанъ“ и отношеніе такого учрежденія къ правамъ евреевъ.	242

Ограничительныя постановленія питейнаго устава 2 Апрѣля 1817, относительно евреевъ, и разнохарактерность послѣдующихъ мѣръ по этому предмету	247
Развитіе бѣдности среди евреевъ и принятіе правительствомъ облегчительныхъ мѣръ по взысканіямъ за прописку ревизскихъ душъ .	251
Устройство евреевъ въ Бессарабской области	258
Принятіе первыхъ мѣръ къ воспрещенію евреямъ личнаго найма христіанъ	260
Договоры о „крещенціяхъ“ и возстановленіе справедливаго образа дѣйствія, относительно евреевъ, по этого рода договорамъ, дѣйствіемъ Монаршаго правосудія	263
Появленіе воспретительнаго закона, относительно договоровъ о личномъ наймѣ, между евреями и христіанами, сущность и послѣдствія такого закона	271
Льгота, въ пользу евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, по платежу податей	290
Исчезновеніе личности еврея въ понятіи о его націи и встрѣчавшіеся, вслѣдствіе этого, случаи несправедливаго образа дѣйствія, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ изъ евреевъ	292
Нѣкоторыя мѣры, относительно евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру и неудобства такихъ мѣръ	297
Отвѣтственность еврейскихъ обществъ, по платежу податей, за евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру	300
Обращеніе правительства вновь къ мѣрамъ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень	301
Учрежденіе особаго Комитета изъ Министровъ, для обсужденія основаній къ лучшему устройству евреевъ	305
Поощрительныя мѣры къ переходу евреевъ въ земледѣльческое состояніе, образованіе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній и причины неуспѣха такихъ мѣръ	307
Стѣсненіе евреевъ въ правѣ свободнаго передвиженія внутри черты осѣдлости евреевъ	327
Мѣры къ удаленію евреевъ отъ границы на 50-ти верстное разстояніе	329
Мѣры къ закрытію евреямъ Астраханской и Казанской губерній, .	336
Нѣкоторыя мѣры Сената, относительно евреевъ.	339
Законодательная мѣра къ воспрещенію евреямъ продажи товаровъ, по коммисіямъ, внутри Россіи	341
Общіе выводы о законодательныхъ и правительственныхъ мѣрахъ, касающихся евреевъ, въ періодъ времени, начиная съ царствованія Алексія Михайловича до конца царствованія Императора Александра I	342

Предлежащій обзоръ мѣръ и постановленій, касающихся евреевъ въ Россіи, имѣетъ своимъ предметомъ тщательнѣйшее, по возможности, изслѣдованіе *причинъ* или *мотивовъ*, какъ положившихъ начало ограниченіямъ въ торговыхъ и другихъ правахъ евреевъ, такъ и лежащихъ, нынѣ, въ основаніи дѣйствующаго о евреяхъ законодательства, въ видахъ ближайшаго разъясненія: имѣютъ-ли прежнія и нынѣшнія мѣры и постановленія о евреяхъ какія либо *общія основанія*, *общія исходныя точки зрѣнія*, или-же содержащіяся въ дѣйствующемъ законодательствѣ стѣсненія и ограниченія правъ евреевъ вытекаютъ изъ совершенно иныхъ взглядовъ и началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прежними, а также въ какой степени принятыя законодательствомъ основанія къ ограниченію правъ евреевъ оправдывались прежде, оправдываются и теперь, съ точки зрѣнія *надлежащей справедливости и практическихъ интересовъ государства*.

Съ мыслью возможнаго выясненія этихъ вопросовъ и разсмотрѣнія предмета въ изъясненномъ его объемѣ и были предприняты нами настоящія изслѣдованія. Поэтому, при изданіи первоначальнаго нашего труда, особою книгою, вышедшею въ свѣтъ, въ Ноябрь 1885 года, подъ заглавіемъ: „Торговя и другія права евреевъ въ Россіи, въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ, предшествовавшихъ нынѣ дѣйствующему законодательству о евреяхъ,“ — мы не имѣли тогда, не имѣемъ и теперь, намѣренія ограничиться однимъ только означеннымъ предѣломъ времени и довести наши изслѣдованія лишь до момента, съ котораго начинается это законодательство, или, говоря другими словами, лишь до царствованія ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Первоначальный нашъ трудъ, окончивающійся предшествующимъ царствованіемъ, составляетъ, слѣдовательно, только *первую часть* предпринятыхъ нами изслѣдованій, по предмету появленія и развитія у насъ ограничительныхъ узаконеній, относительно евреевъ. Къ вторичному-же изданію этой части, особою книгою, мы побуждаемся, тѣмъ обстоятельствомъ, что прежнее ея изданіе, по нѣкоторымъ личнымъ нашимъ соображеніямъ, было напечатано въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, съ назначеніемъ довольно высокой за нихъ цѣны. Это не могло способствовать, конечно, успѣшному распространенію того изданія; между тѣмъ, ближайшее ознакомленіе съ мотивами, лежавшими въ основаніи прежнихъ мѣръ и постановленій о евреяхъ, по мнѣнію нашему, вполне необходимо, для составленія себѣ правильнаго понятія о нынѣ дѣйствующемъ о евреяхъ въ Имперіи законодательствѣ.

Издавая, вслѣдствіе этого, вновь первоначальный нашъ трудъ, въ видѣ *первой части* предположеннаго нами общаго обзора касающихся евреевъ мѣръ и постановленій, и измѣнивъ соотвѣтственно этому заглавіе книги, въ которой сдѣланы нами и нѣкоторыя необходимыя исправленія и дополненія, мы оставляемъ содержаніе ея въ прежнихъ предѣлахъ времени, обнимающихъ періодъ, который начинается съ царствованія Государя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА, когда еврей въ Русскомъ Царствѣ сдѣлались, впервые, предметомъ верховныхъ мѣръ и распоряженій, въ качествѣ заѣзжихъ торговыхъ людей и постоянныхъ, даже, на русской территоріи обывателей, не утрачивая тогдашняго своего значенія людей чужеземныхъ,—и заканчивается царствованіемъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, когда, послѣ принятія евреевъ, въ 1772 году, въ русское подданство, въ числѣ жителей присоединенной отъ Польши Бѣлоруссіи, и установленія, относительно людей еврейской вѣры, *репрессивной политики*, правительство, впервые, признала неудовлетворительность мѣръ и постановленій, исключительнаго характера, а вмѣстѣ и потребность въ ихъ общемъ пересмотрѣ, въ томъ числѣ и содержавшихся въ Положеніи 1804 года о евреяхъ, съ цѣлію установленія,

по этой части, болѣе точныхъ и опредѣлительныхъ началъ и основаній.

Этотъ двухвѣковый почти періодъ времени мы раздѣляемъ, по прежнему, на *два отдѣла*. Первый отдѣлъ, заканчивающійся царствованіемъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, изображаетъ общее положеніе у насъ евреевъ, какъ до, такъ и послѣ принятія ихъ въ русское подданство, съ обстоятельствомъ, побудившими правительство, въ виду явившейся невозможности вытѣсненія евреевъ изъ предѣловъ государства, путемъ ихъ высылки за границу, обратиться къ установленію *репрессивнаго*, относительно ихъ, образа дѣйствія, съ мыслью повужденія ихъ къ добровольному выѣзду изъ Россіи. Второй отдѣлъ, обнимающій два послѣдующія царствованія: ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I и ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, изображаетъ ближайшія послѣдствія изъясненнаго, репрессивнаго, образа дѣйствія, какъ по отношенію къ евреямъ, такъ и другимъ, съ государственной точки зрѣнія, условіямъ.

Въ самомъ изложеніи нашихъ изслѣдованій приняты способъ, наиболѣе соотвѣтствующій ихъ цѣли, т. е., преимущественно, *дѣловой*, заключающійся въ точнѣйшемъ, по возможности, изложеніи обстоятельствъ дѣла, по предметамъ, касающимся евреевъ. Причемъ, мы старались освѣщать факты, посредствомъ *критическаго разбора*, какъ существа и содержанія каждой изъ появлявшихся мѣръ, такъ и *побудительныхъ* къ ней *причинъ* или *поводовъ*, съ выясненіемъ, въ то же время, *внутренней связи* этихъ послѣднихъ съ взглядами и основаніями, какіе были приняты правительствомъ, относительно евреевъ.

Главнымъ источникомъ къ составленію появляющагося вторымъ изданіемъ труда нашего, послужили *государственные акты, содержащіеся въ Полномъ Собраніи Законовъ*. Всѣ излагаемыя нами данныя, какъ равно выводы и заключенія изъ нихъ, основаны на самомъ текстѣ этихъ актовъ. Необходимый матеріалъ извлеченъ нами изъ Полнаго Собранія Законовъ, непосредственно, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, вслѣдствіе нѣкоторой неполноты составленнаго и издан-

наго, въ 1874 году, В. О. Леванда, пособія подъ заглавіемъ: „Полный хронологическій Сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ, отъ Уложенія Царя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА до настоящаго времени,“—неполноты, легко исправимой, объясняющейся обширностію этого труда и, во всякомъ случаѣ, не лишающей сказанный Сборникъ значенія весьма полезнаго пособія, какъ содержащаго in-extenso, исключительно, одинъ текстъ государственныхъ и правительственныхъ актовъ. Занятія по предварительной подготовкѣ матеріала, вышеизъясненнымъ путемъ, усложнили и замедлили нѣсколько нашъ трудъ, который, будучи предпринятъ нами въ Октябрѣ 1884 года, появился въ рукописи въ Февралѣ, а въ печати, лишь въ Ноябрѣ 1885 года; но обстоятельство личныхъ нашихъ занятій по подготовленію необходимаго матеріала, какъ оказалось, существенно послужило къ пользѣ труда, такъ-какъ это дало намъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми государственными актами, первостепенной важности, не вошедшими въ Сборникъ Г. Леванды. Таковы, напримѣръ, акты, относящіеся къ моменту пріятія евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, при воссоединеніи съ Россіею того края, въ царствованіе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, а именно: Именные указы Государыни, данные 28 Мая 1772 г. генераль-маіорамъ Каховскому и Кречетникову, съ особымъ, при этихъ указахъ, наказомъ для нихъ, „по коему они должны были поступать при исправленіи должностей Губернаторовъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ,“ и Именной указъ 16 Августа того-же года, „о принятіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши провинцій,“ съ приложеннымъ къ указу печатнымъ плакатомъ, посредствомъ котораго всѣ мѣстные жители Бѣлоруссіи, въ томъ числѣ и евреи, были оповѣщены генераль-губернаторомъ, графомъ Чернышевымъ, какъ о вступленіи ихъ въ русское подданство, такъ и о дарованіи имъ правъ русскаго гражданства, въ равной мѣрѣ съ „древними подданными, „по всему пространству Россійской Имперіи.“ Упущеніе изъ вида этихъ и нѣкоторыхъ другихъ актовъ, не

помѣщенныхъ въ вышесказанномъ Сборникѣ, не дало-бы возможности составить вполнѣ правильную характеристику той политики, какой держалась ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II, относительно подданныхъ еврейскаго исповѣданія, до появленія, въ послѣднихъ годахъ ея царствованія, нѣкоторыхъ ограничительныхъ постановленій, соотвѣтствовавшихъ правительственнымъ взглядамъ, но содержавшихъ существенныя отступленія отъ законодательныхъ предначертаній, по предмету евреевъ, самой Государыни.

Вмѣнивъ себѣ въ правило, при выполненіи предпринятыхъ нами изслѣдованій, руководствоваться, исключительно, государственными актами и оффиціальными данными, какими мы могли располагать, мы отвергли, въ дѣлѣ нашихъ изслѣдованій, всѣ еврейскіе источники, какъ-то: различные еврейскіе, на русскомъ языкѣ, органы печати, статьи еврейскихъ писателей, помѣщенные въ повременныхъ изданіяхъ, монографіи этихъ писателей, ихъ брошюры, или ихъ болѣе или менѣе, объемистыя книги и сочиненія. При всемъ томъ, мы не могли, однако, не сдѣлать исключеніе, относительно статей и сочиненій двухъ авторовъ, хотя и еврейскаго происхожденія, но которые, по ихъ ученому авторитету и ихъ положенію въ государственной службѣ, не могутъ вселять сомнѣній, относительно ихъ правдивости и надлежащаго безпристрастія въ спеціальныхъ вопросахъ, касающихся евреевъ. Мы хотимъ сказать о занимающемъ много лѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедру еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго языковъ и литературы, заслуженномъ профессорѣ, Дѣйствительномъ Статскомъ Совѣтникѣ, *Д. А. Хвольсонѣ*, происходящемъ изъ евреевъ, но давно уже принявшемъ, впрочемъ, христіанскую вѣру, и Библіотекарѣ Императорской Публичной Библіотеки, Статскомъ Совѣтникѣ, *А. Я. Гаркави*, продолжающемъ исповѣдывать свою вѣру. Но какъ ихъ статьи и сочиненія, не содержатъ, въ себѣ, вообще, изслѣдованій по законодательной у насъ части, относящейся къ евреямъ, и носятъ на себѣ характеръ чисто спеціальный; то мы могли воспользоваться нѣкоторыми изъ ихъ произве-

деній лишь для разъясненія *историческихъ предметовъ* или *предметовъ специальныхъ, касающихся талмуда и религиозныхъ вѣрованій евреевъ.*

За симъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, относительно евреевъ въ иностранныхъ государствахъ, почерпнуты нами, частію изъ матеріаловъ, собранныхъ нами лично, во время заграничной командировки нашей, данной намъ, въ 1858 году, съ разрѣшенія бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Департаментомъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, гдѣ мы состояли, въ то время, на службѣ и завѣдывали дѣлами нехристіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ и еврейскими; частію же изъ приобрѣтенныхъ нами заграницею сборниковъ и сочиненій, пользующихся тамъ оффиціальнымъ значеніемъ. Таковы, напримѣръ, сочиненія: С. I. Дѡма (Dohm, Conseiller de guerre, Archiviste et secrétaire privé au Département des Affaires étrangères de S. M. le Roi de Prusse), въ переводѣ на французскій языкъ, подъ заглавіемъ *De la réforme politique des Juifs*. Dessau. 1782 года, — сочиненіе, способствовавшее измѣненію въ Пруссіи правительственныхъ взглядовъ на евреевъ, — и двухъ другихъ тамъ авторовъ: Людвигъ фонъ Рѣнне, камергерихтс-рата, и Генриха Симона, оберландс-герихтс-ассессора, подъ заглавіемъ: «Die früheren und gegenwärtigen Verhältnisse der Juden in den sämtlichen Landestheilen des Preussischen Staates». Breslau. 1843.; извѣстный въ правительственныхъ сферахъ Франціи Сборникъ А. Е. Halphen'а, подъ заглавіемъ: *Recueil des lois, décrets, ordonnances, etc., concernant les Israélites*. Paris. 1851., и друг. Существеннымъ пособіемъ по предметамъ, касающимся историческихъ свѣдѣній о правахъ заграничныхъ евреевъ, послужилъ для насъ и извѣстный словарь Эрша и Грубера: «Allgemeine Encyclopaedie der Wissenschaften und künste, II Отдѣлъ, Н—N, изданія А. Г. Гофмана, 1850 г., 27 ч., подъ словомъ «Juden».

Что касается сочиненія нашего русскаго автора, профессора С.-Петербургскаго университета, С. А. Бершадскаго: «Литовскіе евреи». С.-Петербургъ. 1883.; то хотя этотъ почтенный трудъ былъ у насъ подъ рукою, но онъ мало чѣмъ

могъ послужить пособіемъ для насъ, будучи посвященъ, преимущественно, изысканіямъ о положеніи евреевъ въ Литвѣ, по законамъ польскимъ и литовскимъ.

Не имѣя, въ настоящее время, оффиціальныхъ занятій по еврейской части, мы не могли, конечно, дополнить наши изысканія свѣдѣніями изъ подлинныхъ производствъ, хранящихся въ государственныхъ и правительственныхъ архивахъ, центральныхъ и мѣстныхъ. Не отрицая, безусловно, нѣкоторую пользу этихъ свѣдѣній, мы имѣемъ, однако, основаніе сомнѣваться, чтобы они могли разъяснить истинное положеніе вещей, касающееся евреевъ, лучше, чѣмъ самое содержаніе государственныхъ и правительственныхъ актовъ, заключающихся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Изучая внимательно каждый изъ такихъ актовъ, придерживаясь строго ихъ текста, мы, въ тоже время, отнюдь не допускали произвольнаго ихъ подбора, изъ тѣхъ или другихъ тенденціозныхъ видовъ, но подвергали тщательному разсмотрѣнію, всѣ такіе акты, приводя ихъ за урядъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Это даетъ намъ право на нѣкоторую увѣренность, что, при надлежащемъ безпристрастіи, *архивныя свѣдѣнія* послужили бы не къ опроверженію, но къ большому еще подтвержденію, выведенныхъ нами изъ фактовъ и касающихся разсматриваемаго періода времени слѣдующихъ, главнѣйшихъ, *историческихъ положеній*.

1) что въ то время, какъ въ христіанскихъ странахъ на Западѣ, католическихъ и даже протестантскихъ, народъ и власти, къ жестокостямъ и насиліямъ, отъ которыхъ гибли массы евреевъ, подвигались королевскими эдиктами, постановленіями и распоряженіями, т. е. *въ силу законами устанавливавшася тамъ порядка*, ¹⁾ — встрѣчавшіеся на Руси,

¹⁾ Судя по королевскимъ декретамъ и повелѣніямъ, приводимымъ въ вышеупомянутомъ Сборникѣ Гальфена, Франція, на примѣръ, была страшною, гдѣ жизнь и имущество евреевъ претерпѣвали, нѣкогда, до крайности отъ жестокостей, къ которымъ подвигался народъ въ силу порядка, принципиально устанавливавшася самою королевскою властью. Одинъ изъ французскихъ писателей, — Жуанвиль (Joinville) —, современникъ французскаго короля Людовика IX, именующагося Святымъ, приводитъ

какъ до, такъ нѣкоторое время и послѣ образованія Русскаго Царства, весьма рѣдкіе, въ теченіи первыхъ семи вѣковъ существованія Руси, случаи подобныхъ же жестокостей отнюдь не носили на себѣ отпечатка постоянныхъ гоненій или преслѣдованій евреевъ, изъ за ихъ *расы* или *вѣры*, но имѣли, напротивъ, характеръ лишь минутныхъ вспышекъ, объяснявшихся случайными обстоятельствами и не находившихъ поддержки ни въ *русскихъ законахъ*, ни въ *образѣ дѣйствія властителей русской земли и ея іерарховъ*, ни въ *народныхъ чувствахъ славяно-русскихъ племенъ*, что составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ національной личности, и *русскаго народа*, и *русскаго государства*, и нашей „помѣстной“ *православной церкви*;

2) что съ воцареніемъ, въ началѣ XVI столѣтія, ДОМА РОМАНОВЫХЪ, случаевъ жестокостей и насилій, отъ которыхъ гибли бы у насъ массы евреевъ, вовсе не встрѣчалось;

3) что Уложеніе ЦАРЯ АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА 1649 года не содержитъ въ себѣ *ничего исключительнаго, относительно евреевъ*, а слѣдовательно, и признаковъ предполагающейся *историко-національной нетерпимости нашей къ евреямъ*;

4) что Москва, какъ первопрестольный городъ Русскаго Царства, на основаніи трактатовъ, заключавшихся съ Польшею, была закрыта лишь для *польскихъ евреевъ*, т. е. обитавшихъ на земляхъ польскихъ и находившихся подъ владычествомъ польской короны; слѣдовъ же, чтобы подобное воспрепятствіе существовало въ внутреннихъ законахъ Русскаго госу-

лично сказанныя ему королемъ слѣдующія его слова: „Aussi vous dis je, me fit le roy, que nul, si n'est grand clerc et théologien parfait, ne doit disputer aux Juifs. Mais doit l'homme lay quand il oit médire de la foi chretienne, défendre la chose non pas seulement de parolles, mais à bonne espée tranchant, et en frapper ces médisants á travers du corps tant qu'elle y pourra entrer.“ “C' était un moyen énergique, замѣчаетъ писатель, de faire taire la contradiction“. Въ духѣ приведенныхъ словъ Людовика IX, были изданы этимъ королемъ, и многими другими во Франціи, эдикты и постановленія о евреяхъ. То же самое явленіе было и въ другихъ христіанскихъ земляхъ на Западѣ.

дарства, относительно евреевъ, остававшихся на сторонѣ Русскаго Царя, въ областяхъ и провинціяхъ, присоединявшихся отъ Польши, — не имѣется; какъ равно нѣтъ въ тѣхъ законахъ и никакихъ слѣдовъ существованія у насъ, первоначально, исключительныхъ ограниченій въ правахъ жительства, торговли и промысловъ сказанныхъ евреевъ, вслѣдствіе чего, они имѣли возможность, не только временнаго, но и постояннаго пребыванія въ Россіи, какъ въ пограничныхъ, такъ и въ внутреннихъ ея частяхъ, гдѣ, въ дѣйствительности, евреи тѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, и имѣли такое пребываніе, до самаго конца царствованія ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I;

5) что нетерпимость къ евреямъ, съ мыслью *объ очищеніи отъ нихъ русской территоріи*, появилась у насъ, впервые, лишь въ царствованіе ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЫ I, продолжалась при ИМПЕРАТРИЦАХЪ АННѢ ІОАННОВНѢ и ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ, имѣла своею причиною, единственно, ихъ *религіозную исключительность* и нашла строгое примѣненіе въ царствованіе только послѣдней Императрицы;

6) что по принятіи евреевъ, въ 1772 г., въ русское подданство, при ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, вслѣдствіе явившейся тогда невозможности принудительнаго удаленія евреевъ изъ Россіи, путемъ высылки ихъ за границу, правительство возымѣло мысль понужденія евреевъ, или къ переходу въ христіанство, или къ добровольному выѣзду изъ государства; по поводу чего, главнымъ образомъ, и установилась, постепенно, *репрессивная политика*, относительно евреевъ, имѣвшая своею причиною исключительные на нихъ взгляды *мѣстныхъ властей и Сената*; *личныя же намѣренія ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ*, выраженные въ Именныхъ указахъ и другихъ актахъ, за собственноручнымъ ея подписаніемъ, клонились, до конца ея царствованія, къ *уравненію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, равныхъ съ ними состояній*;

7) что появившіяся, вопреки этимъ предначертаніямъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, *исключительныя узаконенія о евреяхъ*, въ послѣдніе годы ея царствованія, а также въ

послѣдующія два царствованія, признаны, впослѣдствіи, а именно, въ концѣ царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, т. е. въ концѣ разсматриваемаго періода, *крайне неудовлетворительными самимъ правительствомъ, въ виду ихъ разнохарактерности, стѣснительности и недостаточной правильности принятыхъ въ нихъ основаній*; для разсмотрѣнія и исправленія каковыхъ недостатковъ и былъ учрежденъ, тогда же, изъ Министровъ, особый Комитетъ.

Если же, вслѣдствіе этихъ положеній и другихъ, основанныхъ на фактахъ, сходственныхъ выводовъ и заключеній, нѣкоторыми, по отзывамъ, нами слышаннымъ, приписывается труду нашему тенденціозность въ пользу евреевъ; то увѣренность въ этомъ можетъ изгладиться однимъ только временемъ, почему мы считаемъ излишнимъ дѣлать, въ настоящее время, какія либо возраженія противъ этого. Но при семъ, не можемъ, однако, не замѣтить, что въ дѣлѣ историческихъ изысканій о *мѣрахъ государственнаго значенія*, признакомъ *тенденціозности* можетъ служить лишь произвольный подборъ актовъ и столь же произвольное, не основанное на ихъ текстѣ, *истолкованіе ихъ настоящаго смысла*. Коль скоро же труду этого рода присвоивается тенденціозность, безъ изобличенія, въ то же время, автора въ допущеніи имъ сказанныхъ пріемовъ; то это свидѣтельствуешь лишь о тенденціозномъ направленіи мыслей самихъ цѣнителей труда.

Н. Градовскій.

Декабрь 1886 года.

Торговля права евреевъ въ Россіи зависѣли прежде, зависятъ и теперь, отъ общаго ихъ положенія въ государствѣ.

Поэтому, говоря объ этихъ правахъ, нельзя не коснуться и всѣхъ вообще ихъ правъ, а также и тѣхъ ограниченій, кои установлены дѣйствующимъ о евреяхъ законодательствомъ.

Только при разсмотрѣніи, въ взаимной связи и послѣдовательности, всей совокупности содержащихся въ этомъ законодательствѣ постановленій и причинъ, ихъ вызвавшихъ, можно прійти къ тѣмъ или другимъ выводамъ и заключеніямъ, относительно необходимости сохраненія существующихъ ограниченій, или возможности тѣхъ или другихъ мѣръ ограниченія.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что вопросъ о занятіи евреями торговлею и промыслами въ Россіи тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ объ *удержаніи* или *измѣненіи* нынѣ дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній и постановленій.

Но такъ какъ причины исключительнаго образа дѣйствій правительства, по отношенію къ евреямъ, имѣютъ свое начало въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ нынѣ дѣйствующему о нихъ законодательству, то для того, что бы прійти къ возможно правильнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ о значеніи сего законодательства и его соотвѣтственности съ дѣйствительными въ немъ потребностями государства, необходимо подвергнуть, предварительно, разсмотрѣнію законодательныя и правительственныя мѣры, какъ *до*, такъ и *послѣ* вступленія евреевъ въ русское подданство.

Возможно-обстоятельное изложеніе этихъ мѣръ, съ первыхъ моментовъ ихъ появленія, и мотивовъ, на которыхъ онѣ были основаны, будетъ содержать *фактическую сторону дѣла*, которая дастъ возможность уяснить себѣ, ближайшимъ образомъ, какъ настоящіе поводы

дѣйствія правительства, по отношенію къ евреямъ, такъ равно и то, въ какой степени эти поводы оправдывались прежде, оправдываются и нынѣ, съ точки зрѣнія государственной пользы и его практическихъ интересовъ, въ *торговомъ, промышленномъ и финансовомъ* отношеніяхъ, а также съ точки зрѣнія *надлежащей справедливости*.

I.

(Періодъ отъ царя Алексія Михайловича до Императора Павла I).

До присоединенія къ Россійской Имперіи, въ 1772 году, Бѣлорусскаго края ¹⁾, въ предѣлахъ русскаго государства не было евреевъ, которые состояли бы въ его подданствѣ и за которыми были-бы формально признаны права русскаго гражданства.

Но изъ этого нельзя еще заключить, чтобы въ древней Руси, а затѣмъ и въ самомъ русскомъ государствѣ, задолго до присоединенія Бѣлорусскаго края, не было, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, какъ временно пріѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреевъ.

Напротивъ, изъ имѣющихся о евреяхъ въ древней Руси вполне достовѣрныхъ данныхъ, какъ въ общеизвѣстныхъ историческихъ

¹⁾ Въ Польшѣ и бывшихъ ея провинціяхъ, евреи поселились цѣлыми массами и имѣютъ осѣдлость, начиная съ IX столѣтія по Р. Х., т. е. около *тысячи лѣтъ*. Еще въ 905 году, Польскимъ правительствомъ были изданы правила, опредѣлявшія ихъ гражданское положеніе тамъ, съ нѣкоторыми даже преимуществами передъ прочими жителями, относительно суда и защиты отъ рыцарей и рыцарства. Въ 1264 году, т. е. болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, Калишскимъ княземъ Болеславомъ издана, имѣвшая громкую извѣстность, „привилегія евреямъ“, которая опредѣляла ихъ положеніе, не только въ Польшѣ, но и въ сосѣднихъ съ нею западно-славянскихъ странахъ. До начала XV столѣтія, евреи пользовались въ Польшѣ и ея провинціяхъ совершеннымъ спокойствіемъ и полнымъ благосостояніемъ, подъ покровительствомъ династіи Пястовъ. Но по прекращеніи этой династіи, евреи подвергались сильному гоненію и въ Польшѣ, а затѣмъ, при Ягеллонахъ, ихъ права стали подвергаться разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ, продолжавшимся до послѣдняго времени политическаго существованія Польши, т. е. около трехъ вѣковъ. Въ Остзейскомъ краѣ евреи имѣютъ осѣдлость съ XVI столѣтія, т. е. теперь уже около трехсотъ лѣтъ (П. С. З. т. XXV, № 18,889, утвержд. Императоромъ Павломъ I докладъ Сената 11 Марта 1799 года).

источникахъ ¹⁾, такъ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ ²⁾, усматривается, что еще до принятія, въ X столѣтіи, славянами христіанства и даже до переселенія, въ IX столѣтіи, массы евреевъ изъ Германіи въ Польшу, въ южной Руси, и преимущественно въ Кіевѣ, существовало осѣдлое населеніе евреевъ, которые проникли въ славянскія земли, а затѣмъ и въ Литву, изъ сосѣднихъ Хозарскихъ областей и греческихъ колоній въ Крыму, и которые, по всей вѣроятности, принадлежали къ числу зашедшихъ туда, въ первыя столѣтія по Р. Х., изъ Воспорскаго царства, въ Малой Азіи, чрезъ Кавказъ. Изъ Хозарскихъ же областей евреи могли, нерѣдко, приводиться славянскими племенами, въ числѣ плѣнныхъ, и расселяться ими по ихъ городамъ и вѣсямъ.

Живя тамъ, до и послѣ принятія кореннымъ населеніемъ христіанства, евреи занимались не одною только торговлею, но всеми промыслами, какими занимались и туземные жители. Есть историческіе слѣды ³⁾, что они вмѣшивались въ родовыя распри русскихъ князей, поддерживая одну партію противъ другой, за что подвергались преслѣдованіямъ недовольной ими стороны. Равнымъ образомъ, имѣются историческія свѣдѣнія и о томъ, что позднѣе, въ XV столѣтіи, съ образованіемъ, въ степяхъ южной Украйны (Малороссіи), казачества, они вступали въ ряды казаковъ и участвовали въ ихъ военныхъ подвигахъ ⁴⁾, изъ чего, по аналогіи, можно заключить, что обитая, еще до того, болѣе семи вѣковъ, среди славянъ, они воевали, и въ прежнее время, вмѣстѣ съ ними, участвуя въ ихъ набѣгахъ и защитѣ

¹⁾ Карамзина „Исторія Госуд. Россійск.“, см. мѣста, отмѣч. въ указателѣ подъ словомъ „Евреи“. Иловайскаго: Исторія Россіи „Введение“ стр. 266—267, а также стр. 141, 147, 185 и сл.

²⁾ Профес. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевск. Духовн. Академіи“ 1878 г.; Гаркави, въ „журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, за Іюль 1879 г., и въ „Трудахъ Императ. Археол. Общ.“.

³⁾ См. лѣтописные рассказы о призваніи Владиміра Маномеха въ Кіевъ по смерти Святополка.

⁴⁾ Вопросы и отвѣты рав. Йогеля-Серкеса (Баха) и такіе же вопросы и отвѣты рав. Мейера Люблинскаго, напечатанные на еврейскомъ языкѣ, первые во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1697 г., а вторые въ Венеціи, въ 1618 году, переведенныя на русскій языкъ служащимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Г. Гаркави. См. также „Акты“, изданныя Виленскою Археограф. Ком., т. V, стр. 173.

ихъ земель отъ такихъ же набѣговъ непріятельскихъ племенъ. Фактъ участія евреевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ славянъ и литовцевъ, а также и днѣпровскихъ казаковъ, въ то даже время, когда они воевали съ московскимъ государствомъ, усматривается, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что евреи встрѣчались въ числѣ военно-плѣнныхъ. Это подтверждается, отчасти, и приведеннымъ ниже государственнымъ актомъ 1655 года, изъ котораго видно, что при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, во время его войны съ Польшею, въ числѣ военно-плѣнныхъ литовцевъ, присланныхъ въ Калугу, были и евреи. Есть даже свѣдѣнія о евреяхъ, убитыхъ въ числѣ казаковъ, во время ихъ стычекъ съ непріателемъ ¹⁾).

Вообще, изъ историческихъ данныхъ о евреяхъ въ древней Руси видно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ случаевъ возстаній противъ евреевъ, во время родовыхъ распрей между князьями, или въ первыя времена распространенія среди славянъ христіанства, когда для обращенія въ него прибѣгалось еще къ мѣрамъ принужденія, — нѣтъ слѣдовъ, чтобы въ обычаѣ русскихъ славянъ было принятіе какихъ либо ограничительныхъ мѣръ, относительно гражданскихъ и политическихъ правъ жившихъ среди ихъ евреевъ.

Вслѣдствіе этого, евреи, въ теченіи многихъ столѣтій, пользовались тамъ совершенною равноправностью съ прочими жителями, и въ этомъ отношеніи, монгольское иго ни въ чемъ не измѣняло существовавшего порядка вещей.

При такихъ условіяхъ первоначальнаго существованія евреевъ, въ древней Руси и Литвѣ, они хотя и оставались тверды въ исповѣданіи своего іудейскаго закона, но съ теченіемъ времени на столько освоились и ассимилировались, въ нравахъ и обычаяхъ, съ славянами, среди которыхъ жили, что въ разговорной своей рѣчи употребляли

¹⁾ Съ точки зрѣнія предубѣжденій противъ евреевъ, которыя распространяются въ народѣ, эти факты могутъ показаться выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; но они не должны, въ дѣйствительности, удивлять кого либо, такъ какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, во время различныхъ войнъ иностранныхъ державъ между собою, особенно въ послѣднія войны, евреи, наполняя собою ихъ арміи и достигая въ нихъ высшихъ воинскихъ чиновъ, не исключая генеральскихъ, имѣли уже неоднократно случай ознаменовывать себя военными подвигами, сражаясь каждый въ рядахъ войскъ своей страны (см. ниже).

славянскій языкъ и носили даже славянскія мужскія и женскія имена ¹⁾).

Такъ это продолжалось до той поры, пока эти евреи не слились съ массою евреевъ, переселившихся въ Польшу изъ Германіи и не подверглись, вмѣстѣ съ ними, гоненіямъ, а затѣмъ и ограниченіямъ въ правахъ, начиная съ XV столѣтія, по прекращеніи покровительствовавшей имъ династіи Пястовъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что русскіе славяне пришли въ бытовыя соотношенія съ евреями, по всей вѣроятности, даже ранѣе, чѣмъ славяне польскіе, и что первые изъ нихъ, будучи гораздо вѣротерпимѣе послѣднихъ, вовсе не чуждались, первоначально, евреевъ, которые, въ свою очередь, не чуждались славянъ, даже во времена ихъ язычества, не взирая на то, что вышедшіе изъ Азіи евреи принадлежали, подобно ихъ единовѣрцамъ, переселившимся изъ Германіи, къ числу тѣхъ, которые строго слѣдовали ученію раввиновъ и талмуду ²⁾).

Поэтому, въ виду согласія, въ какомъ эти евреи, вообще, жили съ славяно-русскими и литовскими племенами въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, а также судя по времени, въ которое встрѣчались рѣдкіе случаи мѣстныхъ возстаній противъ евреевъ на Руси, подобныя явленія было бы весьма ошибочно приписывать племенной или такъ называемой *расовой* враждѣ къ нимъ славянъ или даже какой либо ихъ преимущественной къ нимъ, предъ прочими нехристіанами, религіозной непріязни. Равнымъ образомъ, несправедливо и ошибочно было бы приписывать неистовства, въ XVII столѣтіи, надъ евреями Запорожскихъ казаковъ, особой религіозной непріязни къ евреямъ всего малороссійскаго народа; такъ-какъ неистовства тѣ происходили во время войнъ запорожцевъ съ поляками, которыя сопровождались, какъ извѣстно неимовѣрными жестокостями, съ обѣихъ сторонъ, и въ которыхъ евреи поддерживали, естественно, сторону поляковъ,

¹⁾ „Объ языкѣ евреевъ“, жившихъ въ древнее время на Руси, изслѣд. Гаркави. Спб. 1866 г. и „Литовскіе евреи“, соч. Проф. С.-Петерб. Унив. Бершадскаго, стр. 395.

²⁾ Какъ это видно, между прочимъ, изъ письма Хозарскаго царя Иосифа (около 960 г. по Р. Х.), старинная копія съ коего хранится въ С.-Петербур. Импер. Публичн. Библ.—Извѣстія о Хозарахъ и другихъ народахъ, въ томъ числѣ о славянахъ и руссахъ, Проф. Спб. Унив. Д. А. Хвольсона, 1869 г., стр. 56.

будучи тѣсно связаны съ ними экономическими интересами, вслѣдствіе содержанія на ихъ земляхъ арендъ и нахожденія съ ними въ другихъ денежныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Изъ государственныхъ актовъ, которые приведены ниже, можно достаточно убѣдиться, что малороссійскій народъ и сами казаки, въ мирное время, вовсе не чуждались евреевъ, въ той степени, какъ это предполагаютъ многіе, основываясь, исключительно, на предвзятыхъ о евреяхъ взглядахъ и понятіяхъ.

Особенно заслуживаетъ вниманіе тотъ фактъ, что на Руси, какъ до образованія московскаго государства, такъ и послѣ того, не было примѣровъ гоненій на евреевъ, которыя были бы вызваны по поводу какихъ либо попытокъ съ ихъ стороны, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, къ совращеніямъ христіанъ въ свою вѣру. Весьма темное дѣло, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о евреѣ Борухѣ, обвинявшемся въ совращеніи, будто, флота капитанъ-лейтенанта Возницына, представляется такимъ единичнымъ случаемъ, который, какъ будетъ объяснено ниже, не можетъ имѣть значенія достовѣрнаго повода къ обвиненію евреевъ въ стремленіяхъ къ прозелитизму.

Что касается, такъ называемой «жидовской ереси», появившейся въ Москвѣ, при царѣ Іоаннѣ III, то и это обстоятельство не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ взведенію на евреевъ подобныхъ обвиненій.

О сущности этой ереси и виновникахъ ея происхожденія существовали, и въ то время, весьма темныя и сбивчивыя понятія. Хотя въ народѣ носился разсказъ, что причиною ея возникновенія былъ нѣкій жидъ Захарій, прибывшій въ Новгородъ изъ Кіева; но разсказъ этотъ не подтверждался тогда, не подтвердился и впослѣдствіи, никакими положительными данными. Между тѣмъ, изъ историческихъ свѣдѣній объ этой сектѣ извѣстно, что она образовалась въ Москвѣ отъ ереси «стригольниковъ», появившейся въ Новгородѣ въ XIV столѣтіи. При чемъ, несомнѣнно, что въ обѣихъ этихъ ересяхъ были замѣшаны многія лица изъ православнаго духовенства, даже высшаго, такъ, на примѣръ, дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, любимецъ Іоанна III, и архимандритъ Симонова монастыря, Зосимъ, возведенный въ санъ митрополита. Жидовская ересь въ Москвѣ нашла себѣ партію еще и потому, что имѣла сильную поддержку въ лицѣ невестки Іоанна III, Еленѣ, женѣ его сына Іоанна молодого и дочери Молдавскаго господаря.

Обличителемъ этой секты былъ Іосифъ Санинъ, основатель Волоколамскаго монастыря и авторъ проповѣдей, собранныхъ въ одну книгу, подъ названіемъ «Просвѣтителя». По поводу ереси, названной жидовскою, созванъ, въ 1504 году, духовный Соборъ, по постановленіямъ котораго были преданы жестокой казни всѣ обнаруженные послѣдователи секты, изъ числа православныхъ, какъ лица, признававшіеся отпадшими отъ православія ¹⁾. Но не взирая на это, нужно предполагать, что если сказанная ересь, по народной молвѣ, относилась къ жидовскому происхожденію, то во всякомъ случаѣ виновникомъ ея признавался одинъ лишь предполагаемый ея основатель, вышеупомянутый Жидъ Захарія или Схарія, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы кто либо изъ другихъ евреевъ былъ обвиняемъ въ ереси, въ дѣйствительности обнаруженъ участникомъ въ ней или казненъ, вмѣстѣ съ отступниками отъ православія. Поэтому, носившаяся молва прошла безъ всякихъ юридическихъ послѣдствій для евреевъ, и въ законодательныхъ нашихъ памятникахъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы по этому поводу были приняты, одновременно съ постановленіями вышеупомянутаго собора, какія либо мѣры строгости къ воспрепятствію евреямъ пріѣзда въ Московское государство и пребыванія въ немъ, что, само собою, свидѣтельствуетъ, что ни въ народѣ, ни въ правительствѣ, не существовало тогда твердаго убѣжденія о виновности въ той ереси именно евреевъ ²⁾.

Хотя же по нѣкоторымъ документальнымъ свѣдѣніямъ о Царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ, имъ было повелѣно, при взятіи Полоцка, жившихъ тамъ евреевъ, въ случаѣ ихъ упорнаго отказа отъ принятія крещенія, топить въ рѣкѣ, но это дѣйствіе, обнаруживавшее лишь

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ были всенародно сожжены въ клѣткѣ, нѣкоторымъ были отрѣзаны языки, а весьма многіе были заключены въ тюрьму или разосланы по монастырямъ. Учеб. Руск. Истор. Иловайскаго для курс. старш. возр.

²⁾ Тоже самое можно сказать и о сектѣ „Субботниковъ“, обнаруженной гораздо позднѣе а именно въ 1818 году, при Императорѣ Александрѣ I, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, внѣ черты осѣдлости евреевъ. Хотя она и была прозвана сектою „іудействующихъ“ или „жидовскою“; но какъ будетъ объяснено ниже, причины ея возникновенія слѣдуетъ отнести скорѣе къ появившимся въ Россіи, вмѣстѣ съ иностранными колонистами, различнымъ христіанскимъ свободнымъ сектамъ и толкамъ, но никакъ не къ евреямъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ судимъ и уличенъ за ея распространіе.

грозный характеръ Царя и минутную вспышку въ немъ религіознаго рвенія, нельзя, конечно, принимать, за вполне осмысленный законодательный актъ, имѣвшій цѣлю установленія въ политической нашей сферѣ исключительнаго образа дѣйствія, по отношенію къ евреямъ, подобно тому, какъ это дѣлалось на Западѣ, въ другихъ христіанскихъ державахъ, особенно католическихъ.

Вообще, нѣкоторое время, по образованіи московскаго государства, а затѣмъ и Русскаго царства, евреи не были въ немъ предметомъ какихъ либо особыхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, такъ какъ края и области древней Руси, гдѣ евреи имѣли осѣдлость и куда они временно пріѣзжали, для торговли, изъ другихъ странъ, какъ-то: Малороссія, Кіевская Русь, Смоленскъ и другія города и провинціи, находились, какъ извѣстно, еще подъ владычествомъ Литвы и Польши и не входили, первоначально, въ составъ территоріи русскаго государства.

Но съ присоединеніемъ къ Россіи, отъ Польши, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, начиная съ 1656 года, Вильно, Ковно, Гродно, Малой и Бѣлой Руси, а по Андрусовскому перемирію, Смоленска, части Запорожья на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Малороссіи, и города Кіева, а въ 1681 году, при царѣ Θεодорѣ Алексіевичѣ—всей Украйны и Запорожья, —въ юго западныхъ частяхъ расширившейся, такимъ образомъ, территоріи русскаго государства, оказались мѣстности, гдѣ въ городахъ и селахъ было уже болѣе или менѣе значительное число, какъ заѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреевъ, хотя тѣ и другіе были ограничены польскимъ правительствомъ въ ихъ правахъ жительства и торговли, на основаніи статутовъ и привилегій, данныхъ разнымъ городамъ или отдѣльнымъ народностямъ, какъ напримѣръ: Малороссіи, Кіеву, Вильно, Могилеву, и проч.

Такіе польскіе статуты и привилегіи, первое время, какъ извѣстно, были оставляемы русскимъ правительствомъ въ полной ихъ силѣ, безъ изгнанія впрочемъ, евреевъ изъ предѣловъ русской территоріи, хотя и безъ признанія, въ тоже время, за кѣмъ либо изъ нихъ правъ на русское подданство.

Поэтому, въ царствованіе Алексія Михайловича встрѣчаются уже слѣды правительственныхъ мѣръ и распоряженій, относительно евреевъ, но они были ихъ предметомъ только въ качествѣ заѣзжихъ чужеземцевъ, о принятіи которыхъ въ русское подданство не возбуждалось и вопроса, хотя, не отрицалось за ними право и на постоянную въ Россіи осѣдлость.

Что касается принятаго, вообще, съ того времени, русскимъ правительствомъ образа дѣйствій, въ отношеніи иновѣрцевъ еврейскаго закона, то онъ зависѣлъ, отчасти, отъ установившихся уже тогда общихъ взглядовъ на отношенія русскаго государства къ греко-восточной православной церкви, какъ къ господствующему въ немъ исповѣданію, отчасти же, отъ проникшихъ въ правительственную среду особыхъ на евреевъ воззрѣній, составившихся, заранѣе, въ христіанскомъ мірѣ средневѣковаго времени.

Признавая себя и признаваясь церковью блюстителемъ православія, государство наше, въ лицѣ правительства, являлось, какъ извѣстно, усерднымъ ревнителемъ вѣры. Съ одной стороны, огражденіе народа отъ соблазновъ совращенія въ чужія вѣры, а съ другой стороны, обращеніе въ православіе невѣрныхъ — были, въ то время, главными предметами государственныхъ заботъ и попеченій о благѣ народа.

Эту ревность къ религіознымъ интересамъ православія, съ самаго начала образованія московскаго государства, ощущали на себѣ всѣ вообще иновѣрцы, не принадлежавшіе къ господствующему греко-восточному исповѣданію, преимущественно же раскольники, или отщепенцы отъ православія, и иновѣрцы не христіанскихъ исповѣданій, которымъ было тогда присвоено, обычаемъ и закономъ, общее названіе «*бусурманъ*». Отъ большей или меньшей вѣротерпимости къ тому или другому иновѣрному исповѣданію и выбора средствъ къ огражденію и распространенію православія, зависѣлъ и, болѣе или менѣе, строгій характеръ мѣръ, относительно раскольниковъ и иновѣрцевъ. Извѣстно, напримѣръ, что при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, самымъ строгимъ мѣрамъ преслѣдованія подвергались, со стороны правительства, не столько иновѣрцы, сколько раскольники, какъ люди, отпавшіе отъ православія.

Что касается «*бусурманъ*», то изъ нихъ евреи, какъ вообще олицетворявшіе собою, въ религіозныхъ созерцаніяхъ христіанъ, тѣхъ, которые распяли Христа, должны были, естественно, вселять къ себѣ въ ревнителяхъ православія чувство особой религіозной непріязни, чувство, — отрѣшиться отъ котораго, въ то время, представлялось, для нихъ, конечно, затруднительнымъ, потому-что оно находило себѣ пищу въ общихъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ, которые поддерживались въ высшихъ классахъ, весьма малою и въ нихъ, степенью развитости общаго образованія.

Обратиться, поэтому, къ ближайшимъ изслѣдованіямъ о евреяхъ,

правительство не имѣло тогда возможности, да не ощущало и особой въ томъ надобности, не предвидя, конечно, что русскому государству придется, нѣкогда, имѣть въ своемъ подданствѣ болѣе чѣмъ трехмилліонное населеніе евреевъ.

Вслѣдствіе этого, перешедшія изъ западной европы, преимущественно, изъ католическихъ странъ, созерцательныя воззрѣнія на евреевъ, какъ на племя, подлежащее различію въ правахъ съ прочими гражданами, укоренились и въ нашей правительственной сферѣ, хотя видимо состояли въ противорѣчіи и борьбѣ съ тѣми на евреевъ бытовыми воззрѣніями, какія существовали, въ прежнее время, на Руси, среди славянскихъ племенъ.

Однимъ изъ дѣйствій перехода въ нашу правительственную сферу непріязненныхъ религіозныхъ воззрѣній на евреевъ было то, что названіе «жидъ», употреблявшееся въ прежнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, по однимъ лишь природнымъ свойствамъ языка, стало пріобрѣтать какъ бы бранное значеніе и употребляться въ неблагопріятномъ смыслѣ для евреевъ; такъ какъ съ этимъ именемъ начали у насъ соединять уже, какъ бы понятіе о человѣкѣ низкомъ, презрѣнномъ, коварномъ, все племя котораго, за преданіе и распятіе Христа, осуждено находится подъ вѣчною карою самого Бога. Не взирая на смыслъ, какой, такимъ образомъ, получило слово «жидъ», евреи именовались «жидами» во всѣхъ почти государственныхъ актахъ и официальныхъ бумагахъ того времени, легко быть можетъ, съ умысломъ внушенія къ евреямъ чувствъ презрѣнія ¹⁾, такъ какъ на ряду было другое для нихъ, болѣе соответствующее названіе «евреянъ» или евреевъ.

Неблагопріятныя понятія и взгляды на евреевъ, какъ на «жидовъ», поддерживались, отчасти, и особенностями польскаго ихъ типа,

¹⁾ Наименованіе евреевъ въ официальныхъ бумагахъ „жидами“, а ихъ вѣру „жидовскою“, именно съ этою цѣлію, имѣетъ примѣры и въ новѣйшее время. Такъ, въ 1819 г., въ царствованіе Императора Александра I, по поводу возникшаго вопроса о мѣрахъ противъ секты „субботниковъ“, появленіе которой, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, приписывалось евреямъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, была предложена, между прочимъ, мѣра, принятая Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ и заключавшаяся въ томъ, чтобы мѣстному начальству было предписано „въ официальныхъ сношеніяхъ“ именовать сказанную секту „жидовскою“, а ея послѣдователей „жидами“, на тотъ именно конецъ, какъ сказано въ запискѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы вселить въ народъ отвращеніе къ ней (П. С. З. XL. № 30,436, п. 13).

который выработался подъ вліяніемъ вѣковыхъ гоненій, какія были воздвигнуты на нихъ, среди христіанскаго населенія, со временъ крестовыхъ походовъ, сперва на западѣ, а потомъ и въ самой Польшѣ, начиная съ XV столѣтія, съ возшествіемъ на престолъ династіи Ягеллоновъ. Этотъ типъ носилъ на себѣ отпечатокъ особой отчужденности и отличалъ евреевъ рѣзкими чертами отъ прочихъ людей, по наружному виду, одеждѣ, нарѣчію, обычаямъ и нравамъ, а также приниженію, свойственному людямъ низшихъ классовъ, не пользующихся прочнымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Занятія евреевъ заключались, преимущественно, въ мелкой торговлѣ и промыслахъ, вслѣдствіе оттѣсненія ихъ отъ земледѣлія и сельскихъ занятій самимъ польскимъ правительствомъ (см. ниже).

Все это было послѣдствіемъ четырехвѣковаго гнета надъ евреями въ Польшѣ и тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя постоянно держали ихъ въ зависимости отъ личнаго произвола, не только влостей, но польскихъ магнатовъ, шляхты, ксендзовъ и даже горожанъ, которымъ часто давались привилегіи на изгнаніе евреевъ изъ городовъ. Польское правительство само приучало ихъ, такимъ образомъ, къ скитальческой жизни и неопредѣленному роду занятій, сопряженному съ непрочною осѣдлостію и отсутствіемъ увѣренности въ неприкосновенности правъ собственности на недвижимое имущество.

Поэтому, хотя между евреями всегда было много личностей вполне достойныхъ, способныхъ и даже замѣчательныхъ по своему уму, познаніямъ и трудамъ производительнаго свойства и полезнымъ, но видъ ихъ общаго типа, съ какимъ они появились и на русской территоріи, какъ бы нагляднымъ образомъ подтверждалъ составившееся о нихъ заранѣе общее предубѣжденіе, относительно того, что они, «жидаы», исповѣдуютъ враждебную для христіанства вѣру, стремятся къ отчужденной отъ христіанъ жизни, ненавидятъ производительный трудъ и прочную осѣдлость, что они, вообще не способны къ военному поприщу, требующему мужества и развитія физическихъ силъ, и вслѣдствіе всего этого, недостойны и пользоваться въ обществѣ и государствѣ одинаковымъ положеніемъ съ прочими жителями.

Замѣчавшаяся же, вообще, въ еврейскихъ массахъ религіозная преданность къ обрядамъ ихъ вѣры давала о нихъ понятіе, какъ объ особомъ народѣ, имѣвшемъ крѣпкую, какъ бы ничѣмъ не устранимую, племенную и религіозную сплоченность и наводила на мысль, что причины отчужденнаго состоянія евреевъ скрываются, главнымъ

образомъ, въ ихъ вѣроученіи, которое, по своему содержанію и духу, должно непремѣнно быть враждебнымъ христіанству и его нравственнымъ началамъ.

Такія понятія поддерживались и распространялись въ народѣ, преимущественно, въ высшихъ его классахъ, іезуитами и фанатиками изъ польско-католическаго духовенства, стремившимися всячески возбуждать власти противъ евреевъ, утверждая, что въ нихъ и ихъ вѣроученіи дѣйствительно скрываются сильные элементы противодѣйствія христіанству, съ склонностію къ прозелитизму и пропагандѣ своей вѣры ¹⁾. Оттуда понятія эти проникли и въ нашу высшую среду, изъ которой происходили бояре и сановники, окружавшіе царя и имѣвшіе, во время войнъ съ Польшею, случаи видѣть собственными глазами типъ загнаннаго и жившаго въ отчужденномъ состояніи еврея.

Это же было главною причиною, почему въ высшемъ кругѣ лицъ того времени, болѣе или менѣе близко стоявшихъ у кормила правленія, составилось и установилось понятіе, что евреи, по ихъ закону, суть первые враги христіанства, что при частыхъ столкновеніяхъ съ ними народа, ему можетъ грозить опасность «жидовской ереси» и что, наконецъ, евреи и по ихъ племеннымъ качествамъ и свойствамъ, не могутъ и не должны, какъ бы по небесному о томъ предопредѣленію, пользоваться одинаковыми правами съ прочими людьми. Отсюда, въ правительствѣ проявлялось, иной разъ, чувство какой-то безотчетной религіозной непріязни къ евреямъ, какъ ненавистнымъ для христіанства «жидамъ» и поддерживалось убѣжденіе, что всего благоразумнѣе и полезнѣе для государства было бы избѣгать, по возможности, всякихъ съ ними сношеній.

Поэтому, и у насъ въ представителяхъ правительственной власти могла легко проявляться склонность къ закрытію евреямъ доступа въ государство или къ ихъ изгнаніямъ изъ него, и даже къ безчеловѣчнымъ поступкамъ, относительно ихъ. Принесеніе, въ этомъ случаѣ, въ жертву матеріальныхъ пользъ и выгодъ страны, а также нашего національнаго чувства терпимости и гостепріимства къ чужеземнымъ людямъ иныхъ вѣръ, могло въ глазахъ такихъ ревнителей православія представляться дѣломъ религіознаго усердія и лучшимъ

¹⁾ „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“. Профес. Спб. Унив. Д. А. Хвольсона, 1880 г., стр. 135 и др.

средствомъ къ побужденію евреевъ не упорствовать въ ихъ ненавистныхъ для христіанства вѣрованіяхъ.

При такихъ условіяхъ, казалось, что всѣ слѣды прежней вѣротерпимости къ евреямъ должны были бы у насъ исчезнуть, и въ правительствѣ и въ народѣ, и что, съ образованіемъ русскаго царства, надъ личностью и достояніемъ евреевъ должны были бы повториться всѣ ужасы средневѣковыхъ гоненій.

Между тѣмъ, ничего подобнаго не произошло. Не взирая на преобладаніе, въ то время, предубѣжденій противъ евреевъ, на сильную степень религіозной непріязни къ нимъ, государственная мудрость нашихъ царей, значительнѣйшая, сравнительно съ католицизмомъ, вѣротерпимость нашей православной церкви, въ лицѣ высшаго ея духовенства, и природная склонность къ такой же вѣротерпимости всего славянскаго племени, соединенная съ практическимъ смысломъ, чуждымъ слѣпаго фанатизма католическихъ странъ, брали постоянно верхъ надъ суровостью религіозныхъ взглядовъ, господствовавшихъ, вообще, по отношенію къ иновѣрцамъ.

Подъ вліяніемъ евангельскаго ученія, сохранившагося въ лонѣ православія, во всей его чистотѣ, общечеловѣческое чувство къ еврею, какъ человѣку, имѣющему, подобно всѣмъ людямъ, естественное право на жизнь и свое достояніе, а слѣдовательно и на охрану со стороны закона и власти, никогда не изглаживалось въ самыхъ усердныхъ ревнителяхъ православія, изъ представителей правительственной власти, особенно же въ нашихъ Царяхъ и высшихъ Іерархахъ Церкви.

До еврейскихъ погромовъ, которые приключились въ наше время и причины которыхъ еще достаточно не разъяснены, въ нашемъ государствѣ никогда не встрѣчались освященные законами ужасы поголовнаго истребленія евреевъ, огнемъ и мечемъ, безъ различія пола и возраста, какіе были порожденіемъ грубаго фанатизма въ католическихъ странахъ, и послѣдствіемъ порядка, устанавливавшагося тамъ законодательною властію. При внимательномъ же изученіи нашихъ законодательныхъ источниковъ, нельзя не усмотрѣть, что въ то даже время, когда въ правительствѣ пробуждалась религіозная идея безусловнаго освобожденія православной среды отъ присутствія въ ней еврейскаго элемента, на примѣръ, въ царствованія Екатерины I, Анны Іоанновны и пр., всѣ мѣры строгости, принимавшіяся въ отношеніи евреевъ, носили на себѣ отпечатокъ несравненно болѣе здоровой и гуманной политики, чѣмъ на западѣ, во время господ-

ства тамъ той же религіозной идеи. Мѣры эти отличались, *во-первыхъ*, осторожностію, такъ какъ ихъ принятіе предоставлялось не самосуду и расправѣ самого народа, а исключительно лишь верховной власти, особенно же въ случаяхъ поголовнаго ихъ изгнанія изъ государства. Правительственная мѣра такого изгнанія, коль скоро она признавалась необходимою, приводилась въ исполненіе, не иначе, какъ по Царскому на то, каждый разъ, указу, въ извѣстномъ порядкѣ, а именно, посредствомъ высылки за «рубежъ» (за границу), съ помощію законныхъ властей и безъ конфискаціи имущества, за исключеніемъ развѣ русской звонкой монеты, которую, не безъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, основаній, признавалось полезнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, отбирать у евреевъ, но не иначе, какъ съ вознагражденіемъ ихъ за нее другими цѣнностями. Этимъ, во всякомъ случаѣ, сохранялось въ народѣ чувство уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ евреевъ на жизнь и достояніе и предупреждались случаи народныхъ противъ нихъ возстаній, сопровождавшихся обыкновенно, поголовными ихъ избіеніями и разграбленіемъ ихъ имущества, такъ, какъ это часто происходило на Западѣ. *Во-вторыхъ*, такія мѣры строгости, въ отношеніи евреевъ, отличались значительными уступками въ ихъ пользу, когда отъ торговыхъ сношеній съ евреями предвидѣлась какая либо мѣстная или общая для государства польза. Исключительный случай безусловной неуступчивости, въ этомъ отношеніи, со стороны правительства, изъ чисто религіозныхъ побужденій, встрѣтился лишь при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая не допускала евреевъ въ Россію, въ теченіи почти всего своего царствованія. Но случай этотъ былъ единственный, въ тотъ даже періодъ времени, когда по незначительному у насъ числу евреевъ и несостоянію ихъ еще въ русскомъ подданствѣ, ихъ допущеніе или недопущеніе въ Россію могли еще, въ извѣстной степени, зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія правительства.

Слѣды политической терпимости къ евреямъ нашихъ государей усматриваются изъ законодательныхъ актовъ нашего государства, начиная съ Царя Алексія Михайловича.

Главнѣйшій изъ такихъ актовъ есть, конечно, Уложеніе Царя Алексія Михайловича 1649 года. Изъ имѣющагося къ нему вступленія, видно, что Уложеніе это составлено и начертано, подъ непосредственнымъ руководствомъ Патріарха и всего Священнаго Собора, «въ правилахъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ и въ градскихъ законѣхъ Греческихъ Царей». Заимствованная изъ этого

последняго источника, т. е. законовъ Греческихъ Царей, идея господства и первенства въ государствѣ Греко - Восточной Каѳолической Церкви и ея обороны силою закона отъ внѣшнихъ и внутреннихъ ея враговъ, въ лицѣ отпадающихъ отъ православія раскольниковъ и разнаго рода иновѣрныхъ людей, какъ христіанскихъ, такъ и нехристіанскихъ исповѣданій, строго проведена въ Уложеніи, особенно, по отношенію къ посягательствамъ на православіе «бусурманъ», т. е., людей некрещеныхъ и державшихся обряда обрѣзанія.

Между тѣмъ не взирая на такой религіозно-политическій характеръ Уложенія, а также на то, что въ греческихъ законахъ имѣлись уже слѣды исключительности къ евреямъ, ни въ одной изъ XXVI главъ этого законодательнаго памятника не встрѣчается, однако, ничего подобнаго. Хотя 24 статьею XXII главы Уложенія, дѣйствительно, установлена тяжкая казнь сожженія «безъ всякаго милосердія», за насильственное или обманное принужденіе «бусурманомъ» «русскаго человека» къ совращенію изъ православія и обрѣзанію; но по отсутствію при томъ особаго указанія на евреевъ и въ виду того, что обрядъ обрѣзанія былъ, и въ то время, признакомъ не одной еврейской, но и магометанской вѣры, послѣдователи которой, въ лицѣ татаръ, населяли тогда русское государство въ значительномъ уже числѣ, никакъ нельзя, справедливымъ образомъ, заключать, чтобы вышеприведенная статья Уложенія о казни за совращеніе бусурманомъ изъ православія касалась единственно однихъ только евреевъ и служила указаніемъ о существованіи у насъ историко-національной исключительности по отношенію къ нимъ.

То же самое можно сказать и о 70 ст. XX главы того же Уложенія. Хотя она содержитъ въ себѣ строгое воспрещеніе «русскимъ людямъ» жить въ домахъ у иноземцевъ некрещеныхъ и находиться у нихъ въ услуженіи, по крѣпостямъ или добровольно; но это, равнымъ образомъ, не относится, исключительно, къ однимъ только евреямъ, а къ иновѣрцамъ всѣхъ, вообще, нехристіанскихъ исповѣданій, какъ державшихся обряда обрѣзанія, такъ и другихъ. Къ тому же по существу этого воспрещенія и изъ имѣющихся о немъ въ той же статьѣ Уложенія объясненій видно, что оно имѣло своею побудительною причиною не пресѣченіе всякихъ сношеній съ нехристіанами по дѣламъ гражданскаго оборота, но только религіозную цѣль огражденія православныхъ отъ раздѣленія пищи и домашнихъ общеній съ некрещеными, которые, по тогдашнимъ понятіямъ о правовѣрїи или

ортодоксіи, могли осквернять православнаго и припятствовать его душеспасенію ¹⁾). Изъ этого выводится прямое заключеніе, что при всей религіозной, въ то время, непріязни къ евреямъ или «жидамъ», ни Царь, ни окружавшее его духовенство, не имѣли въ своихъ мысляхъ вносить эту непріязнь въ торговые и другія дѣловыя сношенія съ евреями и лишать ихъ общаго огражденія законовъ, какъ людей, сообщеніе съ которыми христіанину, внѣ домашняго быта, было бы безусловно вреднымъ и предосудительнымъ, а тѣмъ менѣе возбуждать православный народъ къ возстаніямъ противъ евреевъ и погранію всякихъ чувствъ къ общечеловѣческимъ ихъ правамъ.

Поэтому, можно утвердительно сказать, что Уложеніемъ Царя Алексія Михайловича, положеннымъ краеугольнымъ камнемъ въ тогдашній государственный нашъ строй и впервые упорядочившимъ его, соотвѣтственно съ духовными и свѣтскими потребностями времени, не было внесено въ нашу гражданско-политическую сферу религіозной, расовой или политической непріязни къ евреямъ, и въ этомъ отношеніи, русскіе властители и наша «помѣстная» православная Церковь обнаружили себя несравненно вѣротерпимѣе къ нимъ чѣмъ свѣтскіе и духовные властители, не только на Западѣ, но и на Востокѣ, въ Греціи.

Весьма ошибочно было бы также принимать за признакъ политической нетерпимости къ евреямъ нашихъ Царей встрѣчающіяся въ иныхъ постановленіяхъ того времени выраженія чисто духовнаго смысла, какія имѣются, напримѣръ, въ «Новоуказныхъ статьяхъ» Царя же Алексія Михайловича, 22-го Января 1669 (7177) года, «о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ», гдѣ, въ 109 статьѣ, въ видѣ добавленія къ вышеприведенной 24 ст. XXII главы Уложенія 1649 года, о казни бусурманъ, черезъ сожженіе, за совращеніе въ свою вѣру, присовокуплено слѣдующее: «А въ градскихъ законѣхъ написано: Аще Жидовинъ, или Агарянинъ, дерзнетъ

¹⁾ Вѣдомо учинилось, сказано въ 70 ст. XX гл. Уложенія, что по Москвѣ и въ городѣхъ у иновѣрныхъ у некрещенныхъ иноземцевъ служатъ православные христіане и тѣмъ православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе и многіе безъ покаянія, безъ отцовъ духовныхъ, помирають, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ ѣдятъ невѣлѣнно"... Известно, что такія же обратныя понятія объ общеніяхъ съ иновѣрцами имѣють и многіе изъ нехристіанъ, признающихъ себя правовѣрными, какъ-то: турки, татары, евреи и т. п.

79471
развратить отъ Христіанской вѣры Христіанина, повиненъ есть главнѣе; а еще Жидовинъ Христіана раба имый обрѣжетъ, да отсѣкутъ ему главу» (П. С. З. т. I, № 441). Всѣ постановленія такого рода относятся къ области чисто духовной, гдѣ воззрѣнія на тѣхъ или другихъ иновѣрцевъ могли быть, болѣе или менѣе, строги, совершенно независимо отъ юридическихъ условій гражданскаго положенія тѣхъ иновѣрцевъ и безъ всякихъ даже практическихъ для нихъ послѣдствій. Приведенное выраженіе, какъ равно строгій чинъ присоединенія евреевъ къ православію, заимствованы изъ греческихъ религіозно-гражданскихъ источниковъ и имѣлись, слѣдовательно, въ виду свѣтскими и духовными составителями Уложенія 1649 года; это не воспрепятствовало, однако, недопущенію въ немъ ничего исключительнаго, по отношенію къ евреямъ. Едва ли, къ тому же, содержащаяся въ 109 «Новоуказной» статьѣ прибавка, въ ея духовномъ даже смыслѣ, можетъ быть отнесена къ однимъ только евреямъ, такъ какъ въ ней, кромѣ «Жидовина», говорится и объ «Агарянинѣ», подъ названіемъ котораго, какъ и «бусурмана», могли разумѣться составителями сказанныхъ статей всѣ, вообще, некрещенные, держащіеся обряда обрѣзанія, а слѣдовательно, опять таки и мусульманы. Нельзя также не замѣтить, что по неясности текста сказанной прибавки, неизвѣстно въ точности кто именно, въ силу такого новоуказнаго постановленія, долженъ былъ подвергаться упоминаемому въ немъ отсѣченію главы: совратившійся ли рабъ-христіанинъ, или же самъ совратитель, жидовинъ или агарянинъ? Въ первомъ случаѣ, духовное воззрѣніе, что эти послѣдніе повинны суть казни главнѣе, не должно было имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій для нихъ, такъ какъ казнь ихъ сожженія ни въ чемъ не видоизмѣнялась бы; признаваемая же, съ духовной точки зрѣнія, сравнительная тяжесть такого преступнаго дѣянія должна была бы выразиться только въ присовокупленіи смертной казни и для христіанина-раба, въ видѣ изъятія изъ общаго на такіе случаи постановленія о христіанахъ, которые, за насильственное или обманное принужденіе къ обрѣзанію, по смыслу 24 ст. XXII главы Уложенія, смертной казни не подвергались, но отсылались лишь «къ учиненію указа по правиламъ Апостолъ и Св. Отецъ», къ духовной власти; во второмъ же случаѣ, слѣдуетъ предположить, что по тогдашнимъ взглядамъ на приниженное положеніе раба, «Новоуказными статьями», при всей суровости духовнаго взгляда на совращеніе, совершенное жидовиннымъ

или агаряниномъ, признавалось возможнымъ, въ случаѣ учиненія такого проступка дѣянія надъ рабомъ, смягчить, даже и для этихъ некрещеныхъ, родъ наказанія, замѣною сожженія нечестивца отсѣченіемъ ему главы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что выводить изъ древнихъ гражданскихъ постановленій, духовнаго смысла, заключеніе объ ихъ историко-національномъ значеніи, на томъ только основаніи, что они нѣкогда у насъ существовали, можетъ привести положительно къ абсурдамъ. Если держаться такого правила въ способахъ изслѣдованія законодательныхъ мотивовъ, то можно прійти, пожалуй, къ выводу, что допущеніе, нынѣ, свободного употребленія табака и торговли этимъ товаромъ противно историко-національнымъ воззрѣніямъ русскаго народа, потому только, что всѣ десять статей XXV главы Уложенія Царя Алексія Михайловича, согласно съ прежними царскими повелѣніями и распоряженіями, посвящены, между прочимъ, строгимъ воспрещеніямъ держанія и употребленія кѣмъ бы то ни было табака и особенно торговли имъ, какъ богопротивнымъ зельемъ, подѣ страхомъ «битія кнутомъ на козлѣ», пытокъ и смертной даже казни.

Строгое соблюденіе духовно-религіозныхъ постановленій требовалось только по отношенію къ православнымъ. Что касается иновѣрцевъ, особенно чужеземныхъ, къ числу которыхъ относились и евреи, то изъ государственныхъ актовъ Московскаго государства усматривается, что Цари наши, дѣйствуя въ духѣ историко-національныхъ преданій, не были, вообще, склонны переносить изъ области духовной въ область гражданскую воззрѣній, съ цѣлію обращенія ихъ въ законные поводы религіозныхъ гоненій и побужденія народа и властей къ нарушенію бытовыхъ отношеній къ людямъ иныхъ вѣръ, попранію ихъ человѣческихъ правъ, возстаніямъ противъ нихъ и безпорядкамъ. Поэтому, нѣтъ историческихъ основаній къ предположенію, чтобы вытѣсненіе евреевъ изъ русскаго государства и безусловное закрытіе для нихъ всякаго доступа въ него могли быть руководящею идеею нашей историко-національной политики и постояннымъ стремленіемъ нашихъ Царей. Подобное предположеніе не находитъ подтвержденія и въ образѣ ихъ дѣйствія, особенно со времени вступленія на престолъ Дома Романовыхъ и упорядоченія нашего государственнаго строя Уложеніемъ 1649, хотя это было еще въ тотъ періодъ существованія русскаго государства, когда въ другихъ христіанскихъ державахъ, въ томъ числѣ и въ сосѣдней съ нами Польшѣ, были въ

сильной еще степени распространены религіозныя предубѣжденія противъ евреевъ и когда они подвергались еще тамъ разнаго рода жестокостямъ и насиліямъ, на основаніи порядковъ, устанавливавшихся законодательною дѣятельностью государей. Такъ, напримѣръ, во Франціи, до вослѣдованія въ XVIII столѣтіи коренныхъ преобразованій въ правахъ и евреевъ, они подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ, на основаніи королевскихъ эдиктовъ, декретовъ и постановленій, ставившихъ ихъ внѣ дѣйствія общихъ законовъ. Улучшенія и облегченія въ ихъ положеніи допускались тамъ не иначе, какъ на основаніи особыхъ привилегій или охранныхъ грамотъ (*lettres patentes*), подъ тяжкими денежными условіями. То же самое происходило въ Германіи, гдѣ Маркграфы, Курфюрсты, Эрцгерцоги и сами Императоры издавали постановленія, отличавшіяся безчеловѣчіемъ къ евреямъ, которые право своего существованія въ ихъ владѣніяхъ должны были, равнымъ образомъ, покупать на вѣсъ золота, для чего была установлена тамъ и особая пошлина, подъ названіемъ охранныхъ денегъ (*Schutzgeld*) ¹⁾.

Ничего подобнаго не представляетъ образъ дѣйствія нашихъ Государей. Въ совершенное отличіе отъ другихъ христіанскихъ властителей, они разграничивали, уже и въ то время, въ своихъ политико - гражданскихъ воззрѣніяхъ, какъ объяснено выше, домашнія общенія съ некрещеными людьми отъ общественныхъ, бытовыхъ, сношеній съ ними, по торговымъ и другимъ дѣламъ; не обнаруживали къ ихъ личностямъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, презрѣнія и не отрицали ихъ общечеловѣческихъ правъ на жизнь, честь и имущество, а также на свободу занятій торговлею и разнаго рода промыслами, въ мѣстахъ ихъ пребыванія, подобно тому, какъ это дѣлалось на Западѣ.

Вслѣдствіе этого не видно, чтобы прежними Царями нашими устанавливались, путемъ законодательныхъ мѣръ и постановленій, какія либо исключительныя ограниченія, по отношенію къ правамъ жительства, торговли и промысловъ евреевъ, какъ обитавшихъ на земляхъ, присоединявшихся къ Россіи отъ Польши, такъ и пріѣзжав-

¹⁾ Recueil des lois, décrets, ordonnances, etc. concernant les Israélites, par Achille—Edmond Halphen. Paris. 1851.—Allgemeine Encyklopaedie der Wissenschaften und Künste, v. I. S. Ersh und I. G. Gruber, II Section, H—N, изданія Гоффмана, 27 ч., подъ словомъ „Juden“.

шихъ туда. Хотя въ сказанныхъ земляхъ Царями оставлялись, временно, въ силѣ польскія привилегіи нѣкоторыхъ городовъ, предоставлявшія имъ, между прочимъ, право изгнанія евреевъ изъ своей черты, какова была, напримѣръ, привилегія г. Вильны, подтвержденная грамотою Царя Алексія Михайловича 1658 (7166) года (П. С. З. т. I, № 232); но потребность въ этомъ вызывалась политикою польскою, но никакъ не нашею русскою. Вслѣдствіе несравненно значительнѣйшей степени вѣротерпимости нашихъ Царей, евреи никогда не лишались у насъ покровительства законовъ и пользовались имъ въ широкихъ размѣрахъ, на одномъ основаніи съ иностранными гостями. Нѣкоторыя данныя, содержащіяся въ государственныхъ актахъ того времени, даютъ прямое основаніе, не только предполагать, но и утверждать, что при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, въ правительствѣ не существовало мысли о закрытіи евреямъ доступа въ русскія земли и даже Москву, и о воспрещеніи имъ поселяться и обитать въ нихъ, на положеніи осѣдлыхъ людей. Это видно, между прочимъ, изъ двухъ Именныхъ Указовъ Царя, 30 Іюля 1654 (7162) и 7 Марта 1655 (7163) годовъ, состоявшихся, судя по времени ихъ появленія, вскорѣ послѣ изданія Уложенія 1649 года. Первымъ изъ этихъ Указовъ, 30 Іюля 1654 года, даннымъ изъ Разряда Приказу Княжества Смоленскаго, было строго воспрещено Боярамъ и служилымъ всякихъ чиновъ людямъ, въ числѣ полоненныхъ (взятыхъ въ плѣнъ) въ Польшѣ, вывозить, изъ принадлежавшихъ ей земель въ Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ и Смоленскомъ уѣздахъ, крестьянъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, для водворенія ихъ, въ качествѣ крѣпостныхъ людей, въ Москвѣ и по деревнямъ; для наблюденія же за этимъ былъ воспрещенъ свободный пропускъ изъ Смоленска людей, полоненныхъ или ѣхавшихъ въ Москву, по своимъ надобностямъ, изъ заграницы или съ окраинъ государства, и велѣно учредить въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ извѣстныхъ пунктахъ по дорогѣ, которая вела изъ Смоленска, особыя заставы, на которыхъ всѣ сказанные люди должны были быть допрашиваемы кто они такіе, откуда и какой вѣры. Причемъ, за исключеніемъ вышесказанныхъ крестьянъ, всѣхъ прочихъ полоненныхъ людей, крещеныхъ, и некрещеныхъ, въ томъ числѣ и евреевъ, разрѣшено по надлежащемъ ихъ допросѣ, пропускать безпрепятственно въ Москву. «И которые Боярскіе и всякихъ чиновъ люди, сказано буквально въ Указѣ, повезутъ къ Москвѣ полоняниковъ мужскаго полу и женска, и тѣхъ всѣхъ полоняниковъ велѣно на заставахъ распрашивать,

кто котораго города и уѣзду, и какой человекъ, и какія вѣры, и которые скажутся Мстиславскаго и иныхъ зарубѣжныхъ городовъ Литовскіе люди, Католицкія Смяцкія вѣры, и *Жиды* и Мурзы и всякіе некрещенные люди, и тѣхъ пропускать къ Москвѣ....» Это разрѣшеніе даетъ право заключать, что нашими законами того времени не возбранялось, вообще, боярамъ и другимъ лицамъ, владѣвшимъ крѣпостными людьми, имѣть въ числѣ ихъ и евреевъ, которыхъ многіе русскіе помѣщики, какъ видно будетъ ниже, дѣйствительно и имѣли у себя, въ позднѣйшее даже время.

Что касается втораго изъ вышесказанныхъ указовъ Царя Алексія Михайловича, 7 Марта 1655 года, то изъ него видно, что Государемъ не было встрѣчено препятствій къ отправленію присланныхъ въ Калугу воеводами князьями Трубецкимъ и Волконскимъ, въ числѣ плѣнныхъ Литовцевъ, плѣнныхъ же евреевъ, съ ихъ семьями, на жительство въ Нижній-Новгородъ, съ назначеніемъ всѣмъ тѣмъ плѣннымъ, во время пути, продовольствія, въ одинаковыхъ размѣрахъ, безъ различія вѣры, а слѣдовательно, не встрѣчено препятствія къ водворенію сказанныхъ евреевъ, на однихъ основаніяхъ съ плѣнными христіанами, среди православныхъ жителей, и притомъ, въ такомъ именитомъ русскомъ городѣ, какъ Нижній-Новгородъ, который, вслѣдствіе недавняго тогда подвига Минина, пользовался общимъ расположеніемъ Царя и народа (П. С. З., т. I, № 148).

Политическая и бытовая терпимость къ евреямъ, какой, въ то время, держались наши Государи, не взирая на нѣкоторую непріязненность духовно-религіозныхъ на нихъ взглядовъ, усматривается, съ особою ясностію, изъ актовъ, касающихся нашихъ сношеній съ ближайшею къ намъ, тогда, державою — Польшею. Такъ, 11 пунктомъ извѣстнаго Андрусовскаго договора о перемиріи съ нею, заключеннаго при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 30 Января 1667 (7175) года, постановлено, по поводу евреевъ, между прочимъ, слѣдующее: «...также и жидовъ тѣхъ, которые въ вѣру русскую не крестятся, всѣхъ съ женами и съ дѣтьми и съ животами ихъ (имуществомъ), ни кого не тая, и къ заставанію не принуждаючи, доброю вѣрою въ сторону Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой взволить и выпустить Его Царское Величество укажетъ; и которые бѣ изъ нихъ похотѣли *въ сторону Ею Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣетъ быть.* А которые польскаго и литовскаго народу женскій полъ и жидовки вышли замужъ за русскихъ людей:

и тѣмъ оставаться въ сторону Его Величества при мужѣхъ своихъ» (П. С. З. т. I, № 398, п. 11). Изъ словъ: «и которые бѣ изъ нихъ (некрещенныхъ евреевъ) похотѣли въ сторону Его Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣть быть» — прямо усматривается, что Царь Алексій Михайловичъ не признавалъ противнымъ религіозно-національной политикѣ русскаго государства дарованіе болѣе или менѣе значительному числу евреевъ права, не только постояннаго въ немъ жительства, но и состоянія какъ бы въ его подданствѣ, или по крайней мѣрѣ, подъ постоянною защитою Русской Державы, такъ какъ словамъ: «остаться въ сторонѣ Его Царскаго Величества» не можетъ быть присвоено, конечно, иного смысла. Изъ этого можно заключить, что въ то время, Цари наши, какъ и правительство не видѣли не только въ отдѣльных личностяхъ изъ евреевъ, но и въ цѣломъ ихъ населеніи, какого либо особаго вреда или опасности, ни для Церкви, столь ревностно оберегавшейся, ни для государства.

Такимъ образомъ, въ Андрусовскомъ договорѣ о перемиріи съ Польшею нѣтъ слѣдовъ какой либо исключительности, относительно евреевъ, ни той политической нетерпимости къ нимъ, которая, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ духовно-религіозныхъ на нихъ воззрѣній, могла бы тогда, или впослѣдствіи, вселять въ правительствѣ мысль объ ихъ изгнаніи изъ городовъ и областей, присоединявшихся отъ Польши и постепенно входившихъ въ составъ русской территоріи; но усматривается, напротивъ, что тогдашнею политикою нашею, за евреями, оставшимися на сторонѣ Россіи, была признана, въ принципѣ, возможность ихъ поселенія въ государствѣ, безъ ограниченія ихъ правъ жительства, торговли и промысловъ въ немъ, исключительно, тѣми землями, гдѣ они имѣли уже свое пребываніе.

Нѣтъ также слѣдовъ, чтобы сказаннымъ евреямъ, т. е. оставшимся на сторонѣ Русскаго Царя и обитавшимъ уже въ предѣлахъ территоріи Русскаго государства, былъ возбраняемъ пріѣздъ въ Москву, какъ престольный городъ. Имѣющееся у насъ предположеніе о существованіи такого воспрещенія основано, единственно, на не вполне точномъ уясненіи себѣ нѣкоторыхъ постановленій, касающихся евреевъ и содержащихся въ Именномъ указѣ Царя Θεодора Алексіевича 12 Сентября 1676 (7185) года и двухъ трактатахъ съ Польшею, заключенныхъ ³/₁₃ Августа 1678 (7186) года и 20 Апрѣля—6 Мая 1686 (7194) года: одинъ-при Θεодорѣ Алексѣевичѣ же, а другой-во

время несовершеннолѣтія Царя Петра Алексѣевича, когда онъ раздѣлялъ еще Престолъ съ братомъ своимъ Царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Между тѣмъ, если вникнуть въ точный смыслъ этихъ государственныхъ актовъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что ни одинъ изъ нихъ не содержитъ предполагаемаго воспрещенія.

Хотя въ первомъ изъ нихъ—въ указѣ 12 Сентября 1676 (7185) года, имѣется выраженіе, которое можетъ давать нѣкоторый поводъ къ подобному предположенію, такъ какъ въ текстѣ читается, между прочимъ, что «по указу Великаго Государя Евреянъ съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать не велѣно»; но подъ этимъ всего справедливѣе, однако, разумѣть воспрещеніе евреямъ лишь тайнаго или скрытнаго пріѣзда въ Москву, но отнюдь не пріѣзда въ нее явнаго, т. е. съ надлежащими удостовѣреніями объ ихъ личностяхъ. Къ иному выводу о значеніи вышеприведенныхъ словъ нельзя прійти, если принять въ соображеніе: 1, что указъ тотъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «Объ отсылкѣ въ Посольскій приказъ Евреевъ, пріѣхавшихъ *утайкою* въ Москву съ товарами», и что судя, какъ по этому заглавію, такъ и по содержанію самаго указа, въ немъ шла рѣчь только о евреяхъ, которые пріѣзжали въ Москву, утайкою, т. е. скрытно, съ объѣздомъ вышеупомянутыхъ заставъ, учрежденныхъ, по повелѣнію Царя Алексія Михайловича, на пути изъ Смоленска, для допроса людей, взятыхъ въ плѣнъ или ѣхавшихъ по своимъ надобностямъ, по направленію къ Москвѣ, изъ границы или съ окраинъ государства, и 2, что вышеприведенными словами, содержащимися въ Именномъ указѣ, данномъ Царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя по вступленіи его на престолъ, очевидно, подтверждался, по поводу евреевъ, пріѣхавшихъ въ Москву украдкою, указъ Великаго Государя, его Родителя, о непускѣ евреевъ, какъ и другихъ всякаго званія иновѣрныхъ людей, по Смоленской дорогѣ, безъ сказаннаго допроса объ ихъ личностяхъ, такъ какъ другаго указа не существовало, которымъ Царь Алексій Михайловичъ или Θεодоръ Алексѣевичъ, прямымъ и положительнымъ образомъ, воспретили бы пріѣздъ въ Москву, какимъ бы то ни было, евреямъ, чужеземнымъ ли или тѣмъ, которые обитали уже въ предѣлахъ русской территоріи, получили, въ силу Андрусовскаго перемирія, право постоянного жительства въ Русскомъ Царствѣ и состояли подъ владычествомъ не польской уже короны, но Русскаго Царя; выводить же изъ принятой въ то время мѣры, чисто государ-

ственно-полицейскаго свойства, о непропускѣ изъ Смоленска, по направленію къ Москвѣ, иновѣрныхъ людей, въ томъ числѣ и евреевъ, безъ допроса ихъ на пути: откуда и кто они такіе,—заключеніе о закрытіи нашими Царями для лицъ еврейскаго закона всякаго доступа въ Москву и другія русскія земли не представляется достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что изъ фактовъ, приводимыхъ ниже, усматривается, что евреи, жившіе въ русскомъ государствѣ и пріѣзжавшіе изъ чужихъ земель имѣли спокойное въ немъ пребываніе и свободный доступъ всюду, до воздвигнутыхъ на нихъ, позднѣе, гоненій, начиная съ царствованія Императрицы Екатерины I. (П. С. З. т. II, № 662).

Равнымъ образомъ, было бы ошибочно выводить подобное заключеніе изъ нѣкоторыхъ ограничительныхъ постановленій, содержащихся относительно евреевъ, въ вышеупомянутыхъ двухъ договорахъ или трактатахъ съ Польшею 3/13 Августа 1678 (7186) и 26 Апрѣля (6 Мая) 1686 (7194) годовъ. При заключеніи этихъ трактатовъ, обѣ договаривавшіяся стороны: Россія и Польша, поставивъ, между прочимъ, предметомъ своихъ взаимныхъ соглашеній право свободного пріѣзда торговыхъ людей одной державы въ столичные города другой, дѣйствительно, въ видѣ изъятія изъ общихъ постановленій по этому предмету, закрыли для евреевъ доступъ въ сказанные города: Польша въ *Краковъ, Варшаву и Вильно*, а Россія— «Его Царскаго Величества въ царствующій градъ Москву». Въ этомъ отношеніи, 18 п. втораго изъ сказанныхъ трактатовъ составляетъ лишь буквальное повтореніе 8 п. перваго. Но по характеру обоюдности сказанныхъ соглашеній, какъ содержавшихся въ договорныхъ актахъ, каждая изъ державъ, дѣлая оговорку о евреяхъ, очевидно разумѣла и могла разумѣть евреевъ не своихъ, а договаривавшагося съ нею государства: Польша—евреевъ, оставшихся на сторонѣ Русскаго Царя и обитавшихъ въ предѣлахъ его Царства, а Россія—евреевъ, принадлежавшихъ коронѣ польской и обитавшихъ на земляхъ Польскихъ. Изъ этого же само собою слѣдуетъ: 1, что сказанное ограниченіе, по отношенію къ Москвѣ, не касалось, прямымъ образомъ, евреевъ обитавшихъ въ Россіи, по праву, имъ на то предоставленному и, что русскіе бояре, заключавшіе тѣ трактаты съ польскими послами вполне сознавали, что въ Русскомъ Царствѣ существуютъ или могутъ существовать евреи, пользующіеся, въ силу законовъ, правомъ постояннаго въ немъ жительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т. е. еслибъ Царь

и бояре не признавали сказаннаго факта и отрицали самую возможность существованія на русской территоріи, подъ русскимъ владычествомъ, лицъ еврейскаго исповѣданія, то не было бы и причинъ къ помѣщенію въ трактатахъ какой либо оговорки о евреяхъ, со стороны Россіи, какъ налагавшей на нее обязанность недопускать своихъ евреевъ въ столичные города договаривавшейся чужеземной державы и являться отвѣтственною передъ нею, въ случаѣ ихъ заѣзда туда вопреки договорныхъ пунктовъ; 2) что русское государство уже, съ того времени, освоилось съ мыслию, что въ составѣ русскаго народонаселенія могутъ быть евреи и стало тѣхъ изъ нихъ, которые обитали въ немъ, признавать людьми не посторонними, но какъ бы своими, русскими, евреями, хотя и безъ формальнаго дарованія имъ правъ русскаго гражданства; 3) что вышесказанное ограниченіе, относительно евреевъ, взаимно оговорено со стороны Россіи и Польши только по отношенію къ ихъ столичнымъ городамъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что польскіе евреи въ Россіи, а обитавшіе въ Россіи—въ Польшѣ, могли имѣть, по своимъ торговымъ дѣламъ, свободный доступъ во всѣ прочіе города и мѣста обѣихъ Державъ, и 4, что въ виду того обстоятельства, что до заключенія вышесказанныхъ трактатовъ доступъ въ Москву не былъ безусловно закрытъ, ни для русскихъ, ни для польскихъ евреевъ, и что вообще нѣтъ слѣдовъ, чтобы въ обычаѣ русскаго правительства было выдавать своимъ городамъ стѣснительныя для евреевъ грамоты и привилегіи, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Польшѣ, можно утвердительно сказать, что инициатива вышесказанныхъ оговорокъ, относительно столицъ, принадлежала всецѣло заключавшимъ трактаты польскимъ посламъ, но отнюдь ни русскимъ боярамъ, которые, въ дѣлѣ закрытія для польскихъ евреевъ доступа въ Москву, могли руководствоваться не столько чувствомъ религіозной непріязни къ евреямъ, сколько весьма справедливою мыслию о необходимости поддержанія политическаго достоинства Россіи и стольнаго ея града Москвы, черезъ установленіе въ трактатахъ тѣхъ же для него правъ, какихъ Польша добивалась для своихъ стольныхъ городовъ, на основаніи данныхъ тѣмъ городамъ, еще прежде, особыхъ грамотъ и привилегій на право изгнанія изъ нихъ евреевъ (П. С. З., т. II, №№ 730, п. 8, и 1186, п. 18).

Изъ всего сказаннаго ясно усматривается, что во времена прежнихъ нашихъ Царей, права жительства, торговли и промысловъ евреевъ, обитавшихъ въ Россіи и находившихся подъ ея владычествомъ, не

были подвергаемы какимъ либо исключительнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Для чужеземныхъ евреевъ, пріѣзжавшихъ временно изъ Польши и другихъ странъ, земля русская, равнымъ образомъ, была открыта, за исключеніемъ одной Москвы. Если же, въ то время, никто изъ евреевъ не считался состоящимъ въ русскомъ подданствѣ и никому изъ нихъ не было предоставлено, формальнымъ образомъ, правъ русскаго гражданства, то это зависѣло, преимущественно, отъ преобладавшихъ тогда извѣстныхъ взглядовъ на евреевъ, духовно-религіознаго характера, какъ на особую націю, какъ на временныхъ выходцевъ изъ Палестинскихъ земель, которые всюду живутъ по своимъ законамъ и обычаямъ, не нуждаясь сами въ ихъ натурализаціи на земляхъ христіанскихъ народовъ. Это, конечно, устанавливало нѣкоторую рознь между лицами еврейскаго происхожденія и кореннымъ населеніемъ государства, но никогда не порождало въ русскихъ людяхъ расовой или фанатико-религіозной къ нимъ вражды, которая отражалась бы въ законахъ того времени и вела къ какимъ либо освященнымъ ими насиліямъ надъ ними.

Фактъ, что при господствовавшей религіозной непріязни къ евреямъ и ихъ вѣрѣ, Московскіе Государи наши всегда относились, однако, съ должнымъ уваженіемъ къ общечеловѣческимъ ихъ правамъ, усматривается осязательно, между прочимъ, изъ вышеупомянутаго Именнаго указа 12 Сентября 1676 (7185) года, Царя Θεодора Алексіевича, который, въ отношеніе евреевъ, слѣдовалъ такой же точно политикѣ, какъ и Царь Алексій Михайловичъ.

Изъ этого указа видно, что хотя распоряженіе царя Алексія Михайловича о недопущеніи въ Москву, съ товарами и безъ товаровъ, евреевъ, недопрошенныхъ на заставахъ по смоленской дорогѣ и пріѣхавшихъ какъ-бы украдкою, было строго подтверждено царемъ Θεодоромъ Алексіевичемъ, но что, въ то же время, мѣры, принимавшіяся относительно и такихъ даже евреевъ, не носили на себѣ ни малѣйшаго отпечатка какихъ либо насилій надъ ними и ихъ имуществомъ. Напротивъ, изъ указа усматривается, что евреи названы въ немъ не презрѣннымъ именемъ «жидовъ», но «евреянами», и что относительно тѣхъ изъ нихъ, которые и впредь тайно пріѣхали бы въ Москву, съ товарами, предписывалось только товары ихъ не принимать къ запискѣ въ московской большой таможнѣ, а прибывшихъ съ ними евреевъ отсылать въ посольскій приказъ.... «которые евреяне, сказано въ указѣ, впредь пріѣдутъ съ товары утайкою къ Москвѣ и

учнутъ являться и товары свои записывать въ большой московской таможенѣ, и тѣхъ евреянь изъ приказа большого приходу присылать въ посольскій приказъ и товары ихъ въ таможенѣ не записывать, для того, что по указу Великаго Государя, евреянь, съ товары и безъ товаровъ, изъ Смоленска пропускать не велѣно», разумѣя, подъ этимъ, какъ объяснено выше, одинъ лишь *свободный* пропускъ изъ Смоленска, т. е. безъ допроса на заставахъ (Полн. Собр. Зак., Т. II, № 662). Воспрещеніе записывать въ таможенѣ товары евреевъ, которые, тайнымъ съ ними прїѣздомъ въ Москву, нарушали установленное царскою волею правило и отсылка такихъ евреевъ въ посольскій приказъ, чрезъ законныя власти, безъ обращенія къ внезапной ихъ высылкѣ изъ Москвы и конфискаціи принадлежавшихъ имъ товаровъ, не взирая на то, что, въ подобныхъ случаяхъ, они являлись, въ сущности, ослушниками царской воли, никакъ нельзя признать мѣрами, которыя содержали-бы какое либо насиліе надъ ихъ личностію или имуществомъ. Это служить, кажется, достаточнымъ доказательствомъ, что при всей суровости тогдашнихъ взглядовъ на иновѣрцевъ нехристіанскаго закона, вообще, и евреевъ, въ особенности, Царямъ нашимъ были присущи чувства уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ каждаго изъ нихъ, не исключая и евреевъ. Поэтому, есть полное основаніе заключать, что такія ихъ права, и въ то время, вполнѣ ограждались закономъ отъ всякихъ нарушеній со стороны частныхъ лицъ, и что всякій самосудъ или самоуправство надъ евреемъ, такъ точно, какъ и надъ всякимъ другимъ, навлекли бы, неминуемо, на виновнаго въ томъ гнѣвъ царя и наказаніе, по всей строгости Уложенія.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ на Западѣ, въ католическихъ и даже протестантскихъ земляхъ, а также въ Польшѣ, евреи подвергались еще жестокимъ преслѣдованіямъ и ограниченіямъ въ правахъ; въ то время, какъ въ присоединенномъ, на примѣръ, отъ Польши, г. Вильнѣ, евреи, въ 1658 году, находились еще въ положеніи людей, которыхъ горожане имѣли право изгонять по своему произволу изъ черты города, на основаніи польскихъ привилегій, которыя русское правительство, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, было вынуждаемо оставлять временно въ силѣ, — Цари наши, при всей строгости и даже суровости своихъ религіозныхъ воззрѣній на отношенія государства къ иновѣрцамъ, не только не принимали никакихъ верховныхъ мѣръ къ очищенію русской территоріи отъ

евреевъ, но относились къ нимъ съ терпимостью, не поддаваясь увлеченіямъ религіознаго фанатизма, не обнаруживая никакой и расовой къ нимъ вражды, и дѣйствуя постоянно, относительно ихъ, на основаніи началъ вполне здоровой и сознательной политики. Нельзя, по этому, не прійти къ убѣжденію, что политическій образъ дѣйствія нашихъ первыхъ Царей, по отношенію къ евреямъ, былъ несравненно вѣротерпимѣе, гуманнѣе, справедливѣе и, можно сказать политичнѣе чѣмъ верховныхъ властителей многихъ другихъ христіанскихъ странъ, гдѣ религіозный фанатизмъ создавалъ порядокъ вещей, о которомъ остаются нынѣ, лишь самыя возмутительныя воспоминанія. Бытовая терпимость ко всѣмъ вообще иновѣрцамъ, не исключая евреевъ, всегда составляла отличительный признакъ истиннаго православія нашей русской помѣстной церкви и національнаго характера славяно-русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ самыхъ великихъ его политическихъ достоинствъ; этотъ многознаменательный фактъ подмѣченъ и многими иностранными историками и публицистами. Изображать этотъ предметъ въ иномъ свѣтѣ, представлять русскій народъ и его верховныхъ властителей гонителями евреевъ, нетерпѣвшими ихъ среди себя изъ за ихъ расы или вѣры,—не имѣло бы инаго значенія, какъ искаженія историческихъ фактовъ, не справедливаго умаленія нашихъ національныхъ достоинствъ и набрасыванія тѣни на самую свѣтлую сторону ихъ внѣшнихъ проявленій въ политической нашей жизни.

Въ этомъ отношеніи, едвали можно признать за извѣстнымъ историкомъ нашимъ, Соловьевымъ, заслугу сохраненія надлежащей исторической вѣрности. При описаніи въ своей исторіи Россіи царствованія Петра I, онъ изобразилъ этого Великаго Царя нашего, какъ Государя, не только нетерпѣвшаго евреевъ, но и принимавшаго политическія противъ нихъ мѣры, съ цѣлію недопущенія ихъ въ предѣлы своего государства. Для вселенія въ русскомъ обществѣ мысли и убѣжденія о такомъ именно направленіи и образѣ дѣйствія Петра I, по отношенію къ евреямъ, Г. Соловьевъ, на 88 стр. 15 т. выше-сказаннаго его сочиненія (изд. 3), говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, Петръ только для одного народа дѣлалъ постоянное исключеніе,—для жидовъ. Я хочу, говорилъ онъ, видѣть у себя лучше народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, но не распложая; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища,

ни торговли, сколько о томъ ни стараются, и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ.» Выдавая, такимъ образомъ, за достовѣрный историческій фактъ, что Петръ I держался исключительной политики, относительно евреевъ, и принималъ мѣры къ недопущенію ихъ въ Россію или ихъ вытѣсненію изъ нея, Г. Соловьевъ, въ подкрѣпленіе такого факта, не приводитъ, однако, никакихъ государственныхъ актовъ и ограничивается ссылкой только, въ 51 своей цитатѣ, на извѣстный Манифестъ Петра 16 Апрѣля 1702 года, о вызовѣ иностранцевъ. Между тѣмъ, Манифестъ этотъ менѣе всего можетъ служить доказательствомъ приписываемой Г. Соловьевымъ Петру I исключительности къ евреямъ, даже по предмету ихъ вызова изъ заграничныхъ державъ, такъ какъ въ этомъ государственномъ актѣ ни слова не говорится о евреяхъ и въ немъ не содержится потому и ничего исключительнаго, относительно ихъ (П. С. З., т. IV, № 1910).

Что касается приведенныхъ Г. Соловьевымъ словъ Государя, то они, сами по себѣ, не могутъ представлять вѣрной характеристики его политическаго образа дѣйствія, по отношенію къ евреямъ. Одни слова не составляютъ еще государственной мѣры; къ тому же, если и предположить, что они дѣйствительно были нѣкогда сказаны Государемъ въ частной бесѣдѣ, то во всякомъ случаѣ, судя по поводу, ихъ вызвавшему, ими выражался лишь образъ мыслей Государя, относительно вызова въ Россію иностранныхъ евреевъ, но отнюдь не его политическіе взгляды на евреевъ, жившихъ уже въ Россіи съ прежнихъ временъ, или пріѣзжавшихъ въ нее изъ чужихъ странъ, добровольно, для торговли и промысловъ. Нельзя не усомниться и въ достаточной исторической достовѣрности вышесказанныхъ словъ, такъ какъ они заимствованы самимъ историкомъ Соловьевымъ не изъ государственныхъ актовъ и памятниковъ того времени и не изъ собственноручныхъ писемъ, замѣтокъ или приказовъ Государя, но изъ анекдотическихъ разсказовъ о немъ, во время его пребыванія за границую. Это видно изъ того, что Г. Соловьевъ, приводя тѣ слова на страницахъ своего сочиненія, не подкрѣпляетъ ихъ достовѣрность ничѣмъ инымъ, кромѣ ссылки въ той же 51 цитатѣ на извѣстные анекдоты Нартова, съ разсказами о Царѣ во время его пребыванія за границую. Повѣствованія же анекдотическаго характера, въ дѣлѣ такихъ изслѣдованій, которыя, для своего значенія, должны быть основаны исключительно на государственныхъ актахъ и письменныхъ документахъ, выражающихъ несомнѣннымъ образомъ волю держав-

наго Государя и характеръ его политической дѣятельности, не могутъ и не должны быть относимы, конечно, къ числу вполне достовѣрныхъ историческихъ доказательствъ.

Сдержанность и отрѣшеніе себя, въ дѣлахъ государственнаго управленія, отъ личныхъ симпатій или антипатій къ людямъ, и особенно къ цѣлому классу людей, составляли, какъ извѣстно, отличительный признакъ генія Петра Великаго. Одно лишь противодѣйствіе вводившимся имъ тогда преобразованіямъ вынуждало его, иной разъ, отступать отъ этого политическаго принципа. Если имъ принимались мѣры строгости, относительно, напримѣръ, раскольниковъ, то это, преимущественно, потому-что онъ видѣлъ въ нихъ элементъ именно такого противодѣйствія, но со стороны евреевъ ничего подобнаго не проявлялось и не могло проявляться, по направленію ихъ дѣятельности исключительно къ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ. Поэтому, нѣтъ и историческихъ основаній къ предположенію, чтобы Петръ I имѣлъ какіе либо серьезные поводы къ преслѣдованію евреевъ и вытѣсненію ихъ изъ государства.

Изъ этого видно, что историкъ Соловьевъ, помѣщая на страницахъ своего многотомнаго историческаго труда тираду о евреяхъ, заботился, въ этомъ случаѣ, не столько объ изображеніи въ истинномъ свѣтѣ характера политической дѣятельности Великаго Государя, по отношенію къ нимъ, не столько объ исторической достовѣрности фактовъ, ихъ касающихся, сколько о проведеніи тенденціозныхъ о нихъ взглядовъ и понятій, въ увѣренности, что они будутъ приняты обществомъ сочувственно и что все повѣствуемое о евреяхъ, въ этомъ смыслѣ и направленіи, будетъ признаваться достовѣрнымъ, въ силу одной авторитетности автора, какъ извѣстнаго ученаго историка. Такимъ образомъ, сказанная тирада является, въ сущности, ни болѣе, ни менѣе, какъ агитаціонною статьею, которая, заключаая, къ тому же, повѣствованія, лишеныя исторической вѣрности, едвали умѣстна въ твореніи, служащемъ учебнымъ пособіемъ, для изученія отечественной исторіи и распространенія въ обществѣ правильныхъ о ней познаній.

Петръ Великій, какъ извѣстно, въ своихъ государственныхъ заботахъ о Россіи, обращалъ, преимущественно, свое вниманіе на образованіе народа, на расширеніе границъ государства и на развитіе въ немъ, съ одной стороны, его сухопутныхъ и морскихъ силъ, а съ другой его силъ торговыхъ и промышленныхъ. Но вмѣстѣ съ

симъ, при своихъ занятіяхъ многообразнѣйшими военными и гражданскими дѣлами, Великій Монархъ не упускалъ изъ вида и дѣлъ духовныхъ. Подобно своему Родителю, Алексію Михайловичу, онъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ оберегателей чистоты и интересовъ православія. Въ его царствованіе, съ такою же, если еще не съ большею, строгостью, преслѣдовались всякаго рода отступленія отъ православной вѣры и посягательства на нее, какъ со стороны внутренняго раскола, такъ и внѣшнихъ враговъ Церкви—разныхъ иновѣрцевъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій. Извѣстно, что на основаніи Именнаго его указа 8 Февраля 1716 года было строго предписано, подъ опасеніемъ штрафа, всѣмъ православнымъ ходить на исповѣдь. Этимъ же указомъ повелѣно всѣмъ раскольникамъ произвести перепись и обложить ихъ двойнымъ окладомъ податей, который отмѣненъ, за тѣмъ, лишь при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1782 году. Именнымъ указомъ, Петра же, 4 Іюля 1724 года, повелѣно «о небытіи имъ (раскольникамъ) ни у какихъ дѣлъ начальниками и о неприниманіи ихъ ни въ какія свидѣтельства (П. С. З., т. V, № 2991, т. VII, № 4526, и т. XXI, №№ 15.473 и 15.581). Равнымъ образомъ, при Императорѣ Петрѣ I, принимались и поощрительныя мѣры къ привлеченію иновѣрцевъ въ православіе. Такъ, Сенатскимъ указомъ 1 Сентября 1720 года, съ этою цѣлію, дарована новокрещенымъ «разныхъ народовъ людямъ» трехлѣтняя льгота отъ платежа всякихъ сборовъ и податей, «дабы тѣмъ, какъ сказано въ указѣ, придать къ воспріятію греческаго закона лучшую охоту» (П. С. З., т. VI, № 3637). Не взирая, на такія строгія отношенія, въ то время, верховной власти и правительства къ своимъ обязанностямъ по огражденію интересовъ господствующаго исповѣданія и его оборонѣ силою закона, при Императорѣ Петрѣ I, не встрѣчается, однако, слѣдовъ о какихъ либо воспрещеніяхъ, относительно евреевъ.

Не говоря объ упомянутомъ выше трактатѣ съ Польшею 26 Апрѣля 1686 года, 18 пунктомъ котораго, по выясненнымъ уже причинамъ и обстоятельствамъ, подтверждено закрытіе для евреевъ, жившихъ въ Польшѣ, доступъ въ Москву, и который, въ частяхъ и цѣлости, не можетъ быть приписанъ лично Петру I, такъ какъ онъ заключенъ во время его юношества, когда бразды правленія не перешли еще въ единодержавныя руки Царя и политическіе его взгляды и понятія не могли еще окончательнымъ образомъ сложиться,—есть данныя, которыя даютъ право съ достовѣрностью заключать, что Госу-

дарь, съ политической точки зрѣнія, относился къ евреямъ съ полною терпимостью и не отрицалъ безусловно ихъ пользы, какъ людей торговыхъ и промышленныхъ. Главнѣйшее изъ такихъ данныхъ есть то, что за все время царствованія Петра I не принималось, ни имъ, ни правительствомъ, никакихъ мѣръ къ вытѣсненію евреевъ изъ государства или къ ограниченію ихъ правъ въ немъ. Воспрещеніе свободного пріѣзда въ Москву, для польскихъ евреевъ, хотя оставалось въ силѣ, но оно не было распространено Петромъ I на другія части и мѣста Имперіи, которыя, слѣдовательно, по прежнему, могли считаться открытыми и для чужеземныхъ даже евреевъ, не только юридически, но и фактически, такъ какъ нѣтъ актовъ, которые свидѣтельствовали бы о принятіи, въ это царствованіе, какихъ либо законодательныхъ или административныхъ мѣръ къ недопущенію туда сказанныхъ евреевъ. Торговля ограниченія Петра I, относительно иностранцевъ, не содержатъ, равнымъ образомъ, ничего исключительнаго, по отношенію къ евреямъ, ибо этого рода постановленія, судя по ихъ содержанію, касались всѣхъ вообще иностранныхъ торговыхъ людей, безъ различія племени и вѣры. Таковы, напримѣръ указы Петра I, 19 Ноября 1720 года, о воспрещеніи русскимъ подданнымъ чинить съ иноземцами контракты и договоры по доставкѣ товаровъ къ портамъ; 30 Апрѣля 1719 года о воспрещеніи торгова парчею во внутреннихъ частяхъ Россіи и Маллороссіи, и т. п. (П. С. З., т. VI, № 3672, и т. V, № 3359). Что касается евреевъ, обитавшихъ въ Россіи и состоявшихъ подъ владычествомъ Русскаго Царя, то по сравнительной ихъ тогда малочисленности, при условіяхъ, въ какихъ они, въ то время, находились у насъ, какъ лица, не признававшіяся состоящими въ русскомъ подданствѣ и пользующимися правами русскаго гражданства, Петру I, — Государю, отличавшемуся силою воли и могуществомъ, было бы легко, конечно, привести въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры нетерпимости къ нимъ, еслибъ такая нетерпимость приписываемая ему со времени его путешествія за границу, т. е. въ теченіи почти всего его царствованія, дѣйствительно существовала въ немъ и руководила его политическимъ образомъ дѣйствія. Но изъ государственныхъ актовъ того времени видно, что до самаго конца жизни Великаго Государя, на евреевъ не воздвигалось никакихъ гоненій, вслѣдствіе чего, жившіе въ Россіи евреи пользовались при немъ спокойнымъ въ ней пребываніемъ, въ той же мѣрѣ, какъ и при прежнихъ Царяхъ.

Фактъ непредпринятія Петромъ I, въ теченіи всего его царствованія, никакихъ, относительно евреевъ, ограничительныхъ мѣръ, которыя были бы направлены къ стѣсненію ихъ правъ или ихъ вытѣсненію изъ Россіи, съ закрытіемъ имъ всякаго доступа въ нее, а также отсутствіе въ такихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, какъ «Исторія Россіи» Соловьева, указаній на какіе либо государственные акты, и другіе историческіе документы, которые свидѣтельствовали бы о противномъ, служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что если подъ вліяніемъ тогдашнихъ религіозныхъ понятій о евреяхъ и господствовавшихъ общихъ противъ нихъ предубѣжденій и предразсудковъ, Петръ I и имѣлъ самъ, быть можетъ, личное къ нимъ нерасположеніе, то во всякомъ случаѣ, онъ не руководствовался строго этимъ чувствомъ въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія. Есть даже историческіе памятники, изъ которыхъ усматривается, что Государемъ обнаруживалась, иной разъ, склонность не къ вытѣсненію, а скорѣе къ удержанію въ государствѣ людей еврейскаго закона. Такъ, напримѣръ, изъ капитуляціи, заключенной 4 Іюля 1710 года, Генераль-Фельдмаршаломъ Графомъ Шереметевымъ съ Рижскимъ Губернаторомъ Графомъ Штрембергомъ, подъ личнымъ руководствомъ Петра I, видно, что изъ имѣвшихся въ г. Ригѣ евреевъ, одному «Жиду» Гиршу было разрѣшено оставить, по желанію, Россію; прочимъ жителямъ, «какихъ», сказано въ капитуляціи, «они ни есть племень», не исключая, слѣдовательно, и еврейскаго, повелѣно не давать свободнаго пропуска (П. С. З. т. IV, № 2277). Спустя десять лѣтъ послѣ того, а именно, въ 1720 году, когда на воззрѣніе Государя были повергнуты докладные пункты, между прочимъ, съ вопросомъ о нѣкоторыхъ плѣнныхъ полякахъ еврейскаго происхожденія, не слѣдуетъ ли ихъ отдать, т. е. выслать изъ Россіи, то по этому вопросу воспослѣдовала собственноручная резолюція Петра I: «не отдавать» (П. С. З., т. VI, № 3.604).

Такимъ образомъ, русское законодательство, за періодъ времени отъ изданія Уложенія Царя Алексія Михайловича до кончины Петра I, послѣдовавшей въ 1725 году, т. е. въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, не содержитъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ, ни относительно воспрепятствія евреямъ всякаго доступа въ Россію, ни относительно ограниченія правъ жительства, торговли и промысловъ тѣхъ изъ нихъ, которые обитали уже въ предѣлахъ государства. Мѣры строгости, по отношенію къ евреямъ, проявились у насъ, впервые, только вслѣдъ за кончиною

Петра I, съ возшествіемъ на престолъ Императрицы Екатерины I. До того же, евреи, какъ проживавшіе у насъ, такъ и временно-пріѣзжавшіе изъ чужестранныхъ земель, занимались свободно, не только торговлею оптомъ и въ раздробъ, но и разными промыслами и ремеслами, содержали въ арендѣ корчмы, земли, дома, торговали виномъ, пивомъ и медомъ, владѣли недвижимыми имуществами и заѣзжали безпрепятственно даже во внутренніе Россійскіе города. Нѣтъ слѣдовъ, начиная съ Царя Алексія Михайловича, чтобы религіозная непріязнь къ евреямъ порождала народныя противъ нихъ возстанія, но есть, напротивъ, данныя, дающія право предполагать, что евреи жили въ ладахъ съ мѣстнымъ населеніемъ, пользовались расположеніемъ, не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ, принимавшихъ ихъ въ свои помѣстья или записывавшихъ ихъ за собою, въ качествѣ содержателей корчемъ, арендаторовъ и служащихъ людей, и внушали мѣстнымъ властямъ къ себѣ довѣріе, на столько, что имъ предоставлялось содержаніе даже казенныхъ откуповъ питейныхъ (кабацкихъ) и таможенныхъ сборовъ.

Все это усматривается изъ тѣхъ самыхъ ограничительныхъ мѣръ, которыя стали приниматься, по отношенію къ евреямъ, вслѣдъ за кончиною Императора Петра I.

Такъ, изъ указа Императрицы Екатерины I, 14 марта 1727 г., которымъ было предписано, евреевъ Борха и Лейбова отъ откуповъ немедленно отрѣшить и, по учиненіи съ ними расчета по контрактамъ, выслать ихъ, съ товарищами, за границу (за рубежъ), откупа же передать другимъ, кромѣ «жидовъ»,—видно, что до того времени, эти евреи, съ товарищами, состояли откупщиками таможенныхъ и питейныхъ (кабацкихъ) сборовъ, по контрактамъ, между прочимъ, и въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ Дворцовомъ селѣ Звѣровичѣ. Въ сказанномъ указѣ сдѣлана ссылка на прежній такой же Именной указъ, но какъ онъ не помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, то о содержаніи и мотивахъ его нельзя въ точности судить. Во всякомъ случаѣ, такой указъ, какъ состоявшійся за два дня до кончины Петра I, а именно: 26 Января 1725 года, едва ли можетъ быть отнесенъ къ нему лично. Въ видахъ же осуществленія усвоенной правительствомъ, вслѣдъ за его кончиною, мысли совершеннаго освобожденія русскаго государства отъ евреевъ, чрезъ полтора мѣсяца послѣ распоряженія о высылкѣ за границу вышесказанныхъ евреевъ, а именно, 26 Апрѣля 1727 года, послѣдовалъ другой Именной указъ Екатерины I, кото-

рымъ повелѣно о высылкѣ изъ Россіи уже всѣхъ вообще евреевъ, имѣвшихъ пребываніе «на Украинѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ», при чемъ, предписано и объ отобраніи отъ нихъ русской золотой и серебряной монеты, съ уплатою имъ за нее мѣдными деньгами (П. С. З., т. VII, №№ 5032 и 5063).

Но видно, что такая мѣра не соотвѣтствовала, вполнѣ, дѣйстви- тельнымъ желаніямъ и интересамъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ на другой же годъ, при Императорѣ Петрѣ II, правительствомъ была сдѣлана, въ этомъ отношеніи, значительная уступка, заключавшаяся въ томъ, что по ходатайствамъ Гетмана Войска Запорожскаго, обѣихъ сторонъ Днѣпра, Апостола, о разныхъ мѣрахъ, касавшихся Малороссіи, въ томъ числѣ и о разрѣшеніи вновь евреямъ пріѣзда туда, для торговли на ярмаркахъ, состоялись 22 Августа 1728 года рѣшитель- ные пункты Верховнаго Тайнаго Совѣта, изъ которыхъ, пунктомъ 14-мъ, хотя подтверждено, что жительство евреевъ въ Малороссіи, по силѣ указа 1727 года, строго воспрещается, но въ то же время имъ вновь разрѣшенъ пріѣздъ въ Малороссію, для занятія торговыми дѣлами на ярмаркахъ, подъ условіемъ, чтобы они производили на нихъ торговлю, не иначе, какъ оптомъ, на вырученныя изъ товаровъ деньги покупали товары же, золота и серебра деньгами изъ Мало- россіи за границу не вывозили, а въ Малороссію не ввозили копѣекъ и другой монеты, подъ русскимъ гербомъ (П. С. З., т. VIII, № 5324). Черезъ четыре же года послѣ этого, при Императрицѣ Аннѣ Иоан- новнѣ, указомъ Сената 10-го Сентября 1731 года, подъ такими же условіями, разрѣшено евреямъ, вновь, право пріѣзда въ Смолен- скую губернію, для торговли на ярмаркахъ (Полн. Соб. Зак., т. VIII, № 5,852).

Хотя этими распоряженіями правительства, право торговли евре- евъ на ярмаркахъ, въ то же время, ограничено ея родомъ, а именно, продажею товаровъ не иначе, какъ только оптомъ; но вскорѣ за тѣмъ, по ходатайству князя Шаховскаго, которому было ввѣрено главное начальство надъ слободскими полками, правительствомъ сдѣлана еще уступка въ пользу евреевъ, такъ какъ состоявшимися, 31 Іюля и 8 Августа 1734 года, двумя Именными указами Императрицы Анны Иоанновны, ихъ право торговли на ярмаркахъ значительно расширено, разрѣшеніемъ имъ въ слободскихъ полкахъ, «для пользы обыватель- ской», продажи товаровъ не только оптомъ, но и въ раздробъ, на фунты и локти, съ удержаніемъ лишь прежняго ограниченія, относи-

тельно ихъ права на русскую золотую и серебряную монету (П. С. З., т. IX, № 6610 и 6614).

Подтвержденіе права приѣзда евреевъ въ Малороссію, для торговли на ярмаркахъ, содержится и въ вослѣдовавшемъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Именномъ указѣ, 16 Февраля 1736 года, въ числѣ мѣръ, указанныхъ въ немъ, относительно поимки бѣглыхъ людей на учрежденныхъ, на польской границѣ, заставахъ и надзора за вывозомъ и ввозомъ въ Россію заповѣдныхъ товаровъ (П. С. З., тотъ же томъ, № 6898).

Что касается содержанія евреями въ Малороссіи корчемъ, арендованія земель и домовъ, а также торговли виномъ, пивомъ и медомъ, то нужно полагать, что евреи не прекращали въ томъ краѣ своихъ занятій этими промыслами и, занимаясь ими, жили тамъ и послѣ распоряженій о высылкѣ ихъ изъ Россіи. Это подтверждается данными, содержащимися въ докладѣ Сената, утвержденномъ кабинетъ-министрами Императрицы Анны Іоанновны 18 августа 1739 года. Изъ доклада этого усматривается, что Сенату была предоставлена Генеральною Войсковою Канцеляріею вѣдомость, въ которой было показано въ Малороссіи 130 человекъ евреевъ, жившихъ въ отписанныхъ на Государыню и въ владѣльческихъ «маетностяхъ», и шинковавшихъ тамъ виномъ, пивомъ или медомъ. Въ виду этого, Сенатомъ, на основаніи извѣстнаго уже указа Императрицы Екатерины I, 26 апрѣля 1727 года, было предписано о немедленной высылкѣ тѣхъ евреевъ за границу. Но вслѣдствіе представленія Генеральной Войсковою Канцеляріи, въ которомъ ею выражены опасенія, что высланные евреи, по случаю бывшей, въ то время, войны съ Турціею, могутъ перейти къ туркамъ и сдѣлаться у нихъ лазутчиками, резолюціей кабинетъ-министровъ, положенной на вышесказанномъ докладѣ Сената, мѣра эта была приостановлена; причемъ Канцеляріи той предписано строго наблюдать и «накрѣпко запретить, чтобы во всей Малой Россіи никто къ себѣ жиновъ не бралъ и ни въ корчмахъ своихъ содержалъ, ниже на аренду что имъ отдалъ» (П. С. З., т. X, № 7869). По заключеніи же, въ слѣдующемъ году, мира съ Турціей, а именно 11 іюля 1740 года, собственноручною резолюціею Императрицы Анны Іоанновны, положенною на донесеніи Сената, къ которому былъ приложенъ реестръ о числѣ евреевъ, жившихъ въ Малороссіи на владѣльческихъ земляхъ и записанныхъ за разными лицами, свѣтскими и духовными, повелѣно выслать ихъ съ женами и дѣтьми за границу, «по силѣ

прежнихъ указовъ». Изъ сказаннаго же реестра усматривается, что, въ то время, въ Малороссіи, въ отписныхъ и владѣльческихъ помѣстьяхъ проживало евреевъ 292 человека мужескаго и 281 женскаго пола, всего 573 души ¹⁾, и всѣ они показаны записанными, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, не только за владѣльцами большихъ помѣстій, такими, какъ графы фонъ-Минихи, Головкины, Толстые, князья Трубецкіе и проч., но еще за разными военными и гражданскими чинами, какъ то: обозными генералами, генеральными войсковыми судьями, бунчуковыми товарищами, и сотниками, и наконецъ, за Кіево-Софійскимъ монастыремъ и даже частными лицами изъ бѣлаго духовенства, попами и протопопами (П. С. З., т. XI, № 8169).

Судя по этому, а также и по тому, что евреи тѣ спокойно проживали тамъ, съ ихъ семействами, многіе годы, и допускались къ этому, какъ частными владѣльцами, такъ и властями, свѣтскими и духовными, не взирая на строжайшія Царскія воспрещенія, можно заключить, что ихъ не чуждались ни жители, ни богатые владѣльцы земель, ни само духовенство православной церкви, что всѣ они жили съ евреями въ ладахъ, находя ихъ для себя полезными, и что отъ этого не проистекало никакого дѣйствительнаго вреда, для безопасности православной церкви и государства.

Послѣдовала ли на самомъ дѣлѣ высылка этихъ евреевъ за границу, согласно съ повелѣніемъ 11 іюля 1740 года, или нѣтъ—въ точности неизвѣстно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что евреи, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, продолжали и послѣ того пребывать, не только въ Малороссіи и мѣстностяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, но даже въ великороссійскихъ губерніяхъ, куда они заѣзжали оттуда, для торговыхъ сношеній съ жителями. Это подтверждается тѣмъ, что указомъ Императрицы Елисаветы Петровны, состоявшимся черезъ два года послѣ вышеприведеннаго повелѣнія Императрицы Анны Іоанновны, а именно 2 декабря 1742 года, повелѣно вновь,

¹⁾ Такъ какъ поголовныя высылки евреевъ предпринимались несогласно съ желаніемъ мѣстнаго населенія и мнѣнія мѣстной администраціи, то нельзя вполне положиться, чтобы въ сказанномъ реестрѣ число такихъ осѣдлыхъ евреевъ не было показано и въ уменьшенной цифрѣ. Къ тому же необходимо замѣтить, что кромѣ евреевъ, проживавшихъ у частныхъ владѣльцевъ, было болѣе или менѣе значительное число евреевъ, которые жили сами по себѣ, не только въ Малороссіи, но и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи.

самымъ строгимъ образомъ, подѣ опасеніемъ Высочайшаго гнѣва и *тяжчайшаго истязанія*, выслать всѣхъ евреевъ, какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень (П. С. З., т. XI, № 8,673). Неоднократность подобныхъ мѣръ и распоряженій, сопровождавшихся строгими требованіями правительства, относительно ихъ выполненія, даютъ, сами собою, прямой поводъ заключать, что высылка евреевъ и закрытіе имъ всякаго доступа въ мѣста, гдѣ населеніе привыкло къ торговымъ сношеніямъ съ ними, не встрѣчали особаго сочувствія ни въ мѣстныхъ жителяхъ, ни въ мѣстной администраціи. Изъ всего сказаннаго видно, что имѣющееся предположеніе, что въ Малороссіи, по воссоединеніи ея съ Велико-россіей, т. е. со времени царей Алексія Михайловича и Θεодора Алексіевича, евреевъ, будто, вовсе не было, и что мѣстные жители чуждались ихъ сами и не желали имѣть съ ними дѣлъ, оказывается не вполне точнымъ и согласнымъ съ фактами.

Если бы евреевъ тамъ прежде небыло, то правительству нечего было бы задаваться мыслию объ ихъ изгнаніи и предпринимать къ тому какія либо мѣры; если бы народъ и мѣстныя власти несочувствовали евреямъ, то правительству нечего было бы прибѣгать къ подтвержденіямъ о строгомъ выполненіи предписанныхъ мѣръ, подѣ страхомъ «тяжчайшаго истязанія», а представители интересовъ мѣстнаго населенія, каковы были гетманъ Апостолъ и князь Шаховской, не входили бы съ ходатайствами о смягченіи сказанныхъ мѣръ и правительство, вслѣдствіе этихъ ходатайствъ, не дѣлало бы дѣйстви-тельно уступокъ въ пользу евреевъ.

Но, если со стороны коренныхъ жителей воссоединенныхъ съ Россіею мѣстъ и областей и ихъ представителей, не только не было доходившихъ до русскаго правительства ропота, неудовольствій и жалобъ на евреевъ, а напротивъ, были ходатайства за нихъ; если, какъ мы видѣли, весьма многіе владѣльцы изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ и даже духовенству, вопреки всѣхъ воспре-щеній, со времени Императрицы Екатерины I, охотно водворяли ихъ на своихъ земляхъ (маетностяхъ) и записывали ихъ за собою, находя въ томъ для себя пользу; если многіе изъ евреевъ внушали довѣріе и администраціи, не опасавшейся поручать имъ дѣла, сопряженные съ казеннымъ даже интересомъ, и если, наконецъ, отъ сношеній съ ними не ощущалось, повидимому, особаго вреда для религіозныхъ и экономическихъ интересовъ государства, то какія же именно при-

чины побуждали правительство, при Императрицахъ: Екатеринѣ 1, Аннѣ Іоанновнѣ, а за тѣмъ и Елисаветѣ Петровнѣ, дѣйствовать такимъ образомъ въ отношеніи евреевъ и относиться къ нимъ, сравнительно строже, чѣмъ это было въ царствованіе Алексія Михайловича, Θεодора Алексіевича и Петра Великаго? Чѣмъ объяснить внезапно обнаружившееся въ правительствѣ стремленіе къ безусловному закрытію для евреевъ всякаго доступа въ государство? Скрывались ли причины такой политики, исключительно, въ однихъ лишь религіозныхъ воззрѣніяхъ на евреевъ, или же въ сознаніи правительствомъ какихъ либо практическихъ въ томъ потребностей, для пользы государства и православной церкви?

Нѣкоторые государственные акты царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, съ мотивами, въ нихъ содержащимися, могутъ служить на это отвѣтомъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, необходимо остановиться, нѣсколько, на этомъ предметѣ, чтобы уяснить себѣ ближе общность побудительныхъ причинъ, какими руководствовалось правительство, относительно евреевъ, въ царствованія трехъ Императрицъ.

Изъ постановленій и распоряженій, относящихся къ ихъ времени и касающихся евреевъ, видно, между прочимъ, что правительство опасалось вывоза ими изъ Россіи золотой и серебряной монеты. Но распоряженія, сдѣланныя въ предупрежденіе этого, достаточно ограниждали казну для того, чтобы ограничиться ими, не прибѣгая къ мѣрамъ поголовной высылки евреевъ за границу, съ закрытіемъ для нихъ всякаго доступа въ Россію. Это признавалось и самимъ правительствомъ, такъ-какъ подъ условіемъ соблюденія евреями его требованія, о невывозѣ ими русской звонкой монеты, имъ былъ разрѣшенъ пріѣздъ вновь въ Россію на ярмарки; слѣдовъ же ихъ обвиненія въ неисполненіи этого требованія не имѣется, по-крайней-мѣрѣ, это не выставлено мотивомъ ихъ изгнанія изъ государства. Это приводитъ къ заключенію, что предпринятая мѣра строгости не имѣла никакихъ достаточныхъ финансовыхъ основаній. Нѣтъ поводовъ также къ предположенію, чтобы она была вызвана торговыми или какими либо другими мѣстными экономическими нуждами или выгодами, такъ-какъ, по засвидѣтельствованію мѣстныхъ начальствъ, пріѣздъ евреевъ въ Россію на ярмарки оживлялъ, напротивъ, торговлю и служилъ вообще для «пользы обывательской». Поголовная высылка евреевъ изъ Россіи не могла также объясняться и сознаниемъ правитель-

ства прямой въ томъ потребности изъ какой либо предвидѣвшейся для православной церкви серьезной отъ евреевъ опасности. Сношенія съ ними, непрерывно продолжавшіяся, со времени присоединенія Смоленска и Украйны, были тогда у насъ почти вѣковыя. Между тѣмъ, въ виду правительства не было ничего такого, что могло бы наводить его на мысль, что православію угрожаетъ возможность частыхъ совращеній въ еврейскую вѣру. Это доказывается тѣмъ, что нѣтъ ни одного историческаго памятника, ни одного государственнаго акта, изъ которыхъ усматривалось бы, что въ царствованіе Алексія Михайловича, Θεодора Алексіевича или Петра I были случаи примѣненія, надъ кѣмъ либо изъ евреевъ, той жестокой казни, какая 24 ст. XXII гл. Уложенія 1649 г. установлена за совращеніе изъ православія, не было примѣра сожженія по Уложенію еврея огнемъ, «безъ милосердія», за насильственное или обманное принужденіе имъ «русскаго человѣка» къ жидовской вѣрѣ. Это доказываетъ, что евреи, вообще, не занимались у насъ прозелитизмомъ и что, съ этой стороны, они не представляли и не могли представлять никакой опасности для православной церкви. Наша церковь была и тогда достаточно крѣпка, какъ силою собственнаго ученія, такъ и непоколебимыми вѣрованіями каждаго православнаго, и даже каждаго раскольника, въ крестъ и евангеліе, соединенными, какъ бы съ естественнымъ въ нихъ отвращеніемъ ко всѣмъ, кто не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ. Поэтому, нѣтъ достаточнаго повода къ предположенію, чтобы мѣра безусловнаго закрытія евреямъ доступа въ Россію была вызвана какими либо дѣйствительными въ ней потребностями и со стороны нашей православной церкви. Напротивъ, всѣ факты положительно свидѣтельствуютъ, что какъ въ пріѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреяхъ, не замѣчалось, вообще, никакого стремленія къ совращеніямъ въ свою вѣру и расположенія заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ своихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ. Отъ этого же рода сношеній съ евреями, какъ уже сказано, происходили не вредъ, а скорѣе польза. Поэтому, причину внезапной мысли объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи было бы напрасно искать въ убѣжденіяхъ правительства о какихъ либо практическихъ въ томъ потребностяхъ, для церкви и государства. Остается, слѣдовательно, одна побудительная причина—это религіозныя увлеченія и общіе предразсудки и предубѣжденія противъ евреевъ.

Разительный, единственный, со временъ Царя Алексія Михайловича, случай, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, сожженія еврея Бороха Лейбова и флота капитанъ-лейтенанта Возницына—перваго за совращеніе Возницына въ «жидовскій законъ», а послѣдняго—за отпаденіе отъ православія и богохульство, служить еще большимъ подтвержденіемъ того, что правительство руководствовалось тогда, въ своей политикѣ, по отношенію къ евреямъ, исключительно, этого рода побужденіями, шедшими въ разрѣзъ съ практическими пользами государства.

Изъ помѣщенного въ Полномъ Собраніи Законовъ сенатскаго доклада по этому дѣлу, утвержденнаго Императрицею Анною Іоанновною 3 Іюля 1738 г. (П. С. З., т. X, № 7612), видно, что въ апрѣлѣ того года, дѣло объ этомъ случаѣ поступило въ Сенатъ, для гражданскаго суда надъ евреемъ Борохомъ и капитанъ-лейтенантомъ Возницынымъ, изъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, по Именному указу Императрицы Анны Іоанновны, и тогда же передано Сенатомъ Юстицъ-Коллегіи для написанія сентенціи. Въ то же время, для совокупнаго разсмотрѣнія и написанія, равнымъ образомъ, сентенціи, Сенатомъ было передано въ Юстицъ-Коллегію, другое дѣло, поступившее, какъ и первое, изъ вышесказанной Канцеляріи, о томъ же еврей, Борохъ Лейбовъ. Это послѣднее дѣло было возбуждено 14 лѣтъ передъ тѣмъ, по доносамъ на Бороха смоленскихъ мѣщанъ: Шилы, Семена Паскина и другихъ людей, изъ мѣстныхъ жителей, объ убійствѣ имъ, Борохомъ, въ с. Звѣровичѣ, Смоленскаго уѣзда, священника Авраамія, о совращеніи имъ, съ прочими жидами, въ свою вѣру, простаго народа, о построеніи имъ жидовской школы и о мученіи имъ же крестьянской дѣвки.

По этому общему дѣлу, первоначальный розыскъ былъ произведенъ отъ архіерейскаго дома Филофея, архіепископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, но оно не было окончательно разслѣдовано Канцеляріею тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, почему Юстицъ-Коллегія и не признала возможнымъ написать по немъ свою сентенцію. Такимъ образомъ, осталось неизвѣстнымъ, въ какой степени были справедливы обвиненія, взведенныя на Бороха, по вышесказаннымъ извѣтамъ и доносамъ на него. Что же касается дѣла по обвиненію его же, Бороха, и капитанъ-лейтенанта Возницына: перваго въ совращеніи Возницына въ жидовскую вѣру, а втораго—въ отпаденіи отъ православія и богохульствѣ, то и по этому дѣлу Юстицъ-Коллегія находила слѣдствіе

не полнымъ и признавала надобность въ дополненіи его «накрѣпкими розысками» (пытками), безъ чего не видѣла возможности написать справедливую сентенцію о примѣненіи къ Бороху и Возницыну такой жестокой казни, какъ сожженіе ихъ огнемъ, «безъ всякаго милосердія». Сенатъ находилъ тоже самое; но вслѣдствіе объявленнаго ему генераломъ Ушаковымъ словеснаго повелѣнія Императрицы объ учиненіи по этому дѣлу рѣшенія безъ дальнѣйшихъ розысковъ, изъ личныхъ опасеній, что отъ жестокихъ пытокъ могли бы послѣдовать «перемѣнныя рѣчи» и что этимъ дѣло могло бы замедлиться, оно было разсмотрѣно и рѣшено Юстицъ-Коллегіей въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось. Хотя, такимъ образомъ, еврей Борохъ и Возницынъ отъ большихъ пытокъ (накрѣпкихъ розысковъ) были освобождены, но по слѣдственному порядку тогдашняго времени, они были допрошены, еще до того, въ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, съ приводомъ въ застѣнокъ и подъемомъ на «дыбу», слѣдовательно, съ помощію пытокъ, которыя хотя и считались малыми, но были сопряжены, однако, съ истязаніями, такого рода, какъ вывихъ суставовъ и растяженіе жилъ. Послѣдствіемъ этого было, конечно, то, что обвиняемые, не сознавшись, первоначально, ни въ-чемъ, дали, впослѣдствіи, весьма сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія и, будучи поставлены свидѣтелями одинъ противъ другаго, старались всячески слагать вину другъ на друга, а затѣмъ были вынуждены принести повинную, которая, въ сущности, не имѣла инаго значенія, какъ вынужденнаго признанія въ взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ. При чемъ, повинная Возницына была соединена съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ, впредь жидовскаго закона и обрядовъ жидовскихъ «не содержать». Кромѣ недостаточности уликъ и доказательствъ по ихъ показаніямъ, въ слѣдственномъ о нихъ производствѣ замѣчалось еще отсутствіе самаго важнаго, а именно—слѣдовъ формальнаго какого-либо акта, который удостовѣрялъ бы, что Возницынъ былъ дѣйствительно обрѣзанъ. Поэтому, рѣшеніе настоящаго дѣла, по существу, и написаніе по немъ сентенціи, представлялись весьма затруднительными для Юстицъ-Коллегіи. Но будучи вынуждена, давленіемъ свыше, постановить, во что бы то ни стало, обвинительный приговоръ, Коллегія не могла этого сдѣлать иначе, какъ путемъ изворотливыхъ выводовъ и заключеній, которые поражаютъ отсутствіемъ въ нихъ всякой послѣдовательности, а приговоръ о казни всякой справедливости. Признавъ, что Возницынъ отпалъ отъ православной вѣры и

принялъ жидовскій законъ «самовольно», т. е. добровольно, безъ всякаго со стороны Бороха принужденія къ тому насиліемъ или обманомъ, Коллегія, тѣмъ не менѣе, нашла возможнымъ подвергнуть Бороха казни, слѣдовательно, съ другой стороны, въ противорѣчіе самой себѣ, признала его виновнымъ въ насильственномъ и обманномъ принужденіи Возницына къ своей жидовской вѣрѣ. Признавъ же Бороха виновнымъ въ этомъ преступленіи, Коллегія, по точному смыслу 24 ст. XXII гл. улож. 1649 года, которымъ она руководствовалась, должна была бы, въ отношеніи Возницына, какъ не состоявшаго рабомъ Бороха, положить сентенцію не о казни его, но о его отсылкѣ «къ учиненію указа, по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ», къ духовной власти. Между тѣмъ, Коллегія нашла и Возницына достойнымъ сожженія огнемъ, т. е. казни, установленной только для «бусурманъ» за совращеніе обманомъ и насиліемъ изъ православія, на томъ основаніи, что «русскій человѣкъ», въ силу вышеприведенной статьи Уложения, освобождается, въ подобномъ случаѣ, отъ казни только тогда, если онъ «превращенъ изъ православія въ жидовскій законъ не самовольно, а насильствомъ и обманомъ». Почему, Коллегія постановила сентенцію о сожженіи ихъ обоихъ, «дабы впредь.... незнающіе люди.... не отвращены были отъ православной церкви, которая паче всего хранима быть должна». Сенатъ, съ своей стороны, не найдя, и за симъ, дѣло достаточно изслѣдованнымъ, полагалъ, въ своемъ докладѣ Императрицѣ, дополнить его «указными розысками», для достиженія истины; въ случаѣ же нежеланія этого Императрицею, подвергнуть Бороха и Возницына, согласно съ сентенціею Юстицъ-Коллегіи, сожженію, по силѣ Уложения. На этомъ докладѣ послѣдовала собственноручная резолюція Императрицы, слѣдующаго содержанія: «Понеже оныя, Возницынъ въ богохуленіи на Христа Спасителя нашего и въ отверженіи истиннаго Христіанскаго закона и въ принятіи Жидовской вѣры, а Жидъ Борохъ Лейбовъ, въ превращеніи его чрезъ прелестныя свои увѣщанія въ Жидовство, сами повинились; и для того больше ими розыскивать не въ чемъ, дабы далѣе сіе богопротивное дѣло не продолжалось, и такіе, богохульники Возницынъ и превратитель въ Жидовство Жидъ Борохъ, другихъ прельщать не дерзали: того ради, за такія ихъ богопротивныя вины, безъ дальняго продолженія, по силѣ Государственныхъ правъ, обоихъ казнить смертію, сжечь, чтобы другіе смотря на то невѣжды и богопротивники отъ Христіанскаго закона отступать не могли, и та-

ковые прелестники, какъ и оный Жидъ Борохъ, изъ Христіанскаго закона прельщать и въ свои законы превращать не дерзали».

Изъ этого дѣла и резолюціи Императрицы усматривается съ достаточною, кажется, ясностью, что въ данномъ случаѣ, правительство руководилось главнѣйше тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, а не сознаніемъ дѣйствительной невозможности обойтись безъ казни, которая до того не имѣла въ Россіи примѣра, по отношенію къ евреямъ.

Такія точно побужденія были исключительною причиною и всѣхъ прочихъ принимавшихся, въ отношеніи евреевъ, мѣръ. Это вполне подтверждается содержаніемъ Именныхъ Указовъ Императрицы Елисаветы Петровны, 2-го Декабря 1742 г. и 16-го Декабря 1743 г., въ которыхъ явно выражены мотивы, характеристически обрисовывающіе настоящія причины вышесказаннаго образа дѣйствія, относительно евреевъ (П. С. З., т. XI, №№ 8673 и 8840).

Въ первомъ изъ этихъ указовъ, 2-го Декабря 1742 г., послѣ ссылки на извѣстный уже указъ Императрицы Екатерины I, 26-го Апрѣля 1727 г., сказано, между прочимъ... «извѣстно учинилось, что оныя Жиды, еще въ Нашей Имперіи, а наипаче въ Малороссіи, подъ разными видами, яко то торгами и содержаніемъ корчемъ и шинковъ жительство свое продолжаютъ, отъ чего не инаго какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени *Христа Спасителя ненавистниковъ*, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно. А понеже Наше Всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ Нашимъ вѣрноподданнымъ и всей Нашей Имперіи случиться могущихъ худыхъ послѣдствій крайне охранять и отвращать, того для» и проч.

По приведеніи такого мотива, повелѣвается указомъ выслать за границу, «какъ изъ Великороссійскихъ такъ, и изъ Малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, какого бы кто званія и достоинства не былъ», со всѣмъ ихъ имуществомъ, и впредь ихъ въ Россію ни подъ какимъ предлогомъ не впускать, исключая, если бы кто изъ евреевъ захотѣлъ принять христіанскую вѣру и, притомъ, не иную, какъ греческаго исповѣданія, «которымъ, сказано въ указѣ, крестя въ нашей Имперіи, жить позволить, токмо вонъ ихъ изъ государства уже не выпускать». При чемъ, согласно съ прежними распоряженіями правительства, состоявшимися послѣ Петра I, при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ, предписывается также, если у кого нибудь изъ евреевъ нашлась бы

русская золотая и серебряная монета, то ее у нихъ отбирать, выплачивая ее русскими мѣдными мелкими деньгами, пятикопѣечниками, денежками и полушками, «которые, сказано въ указѣ, могутъ они (евреи) въ нашей же Имперіи отдать и куда кому надобно векселя взять». Все это повелѣно указомъ исполнить самымъ строгимъ образомъ, подъ опасеніемъ царскаго гнѣва и «тяжчайшаго истязанія». Этотъ указъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «о высылкѣ, какъ изъ Великороссійскихъ, такъ и изъ Малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ Жидовъ, какого бы кто званія и достоинства ни былъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, за границу и о невпусканіи оныхъ, на будущее время, въ Россію, кромѣ желающихъ принять Христіанскую вѣру Греческаго исповѣданія».

Въ виду содержавшагося въ указѣ Императрицы повелѣнія о строгомъ его соблюденіи, онъ былъ тотчасъ обнародованъ, а въ слѣдующемъ 1743 году, о выполненіи его «накрѣпчайше» подтверждено Сенатомъ, особыми указами.

Отобраніе у евреевъ русской золотой и серебряной монеты, и обмѣнъ ее на мелкую мѣдную монету, съ цѣлію вынужденія ихъ вовсе не брать съ собою денегъ и довольствоваться за свои товары векселями, хотя и не было, въ строгомъ смыслѣ, конфискаціей имущества, такъ какъ черезъ это евреи тѣ не лишались права собственности на свои товары и деньги; но, во всякомъ случаѣ, представляло такую мѣру насилія, которая должна была поставить ихъ въ критическое положеніе. Это распоряженіе, а также внезапная высылка евреевъ изъ Россіи, съ воспрещеніемъ впускать ихъ въ нее на будущее время—должны были неминуемо повлечь за собою преждевременное прекращеніе завязавшихся съ ними и заграничными негоціантами торговыхъ сношеній, ко вреду насущнѣйшихъ интересовъ мѣстныхъ жителей, съ подрывомъ, въ то же время, какъ мѣстнаго кредита, такъ и довѣрія заграничныхъ купцовъ къ русскому правительству. Въ виду этого, въ Малороссіи,—Генеральная Войсковая Канцелярія, а въ г. Ригѣ—Лифляндское Губернское Правленіе, тамошняя Регирунгс-Канцелярія, Генераль-Фельдмаршалъ Рейхс-графъ, фонъ Лессій и Рижскій Магистратъ, почти одновременно, вошли въ Сенатъ съ доношеніями, въ которыхъ объяснили: *Генеральная Войсковая Канцелярія*, что вслѣдствіе вышесказаннаго указа Императрицы, выслано изъ Малороссіи 142 еврея мужескаго и женскаго пола, что между тѣмъ, евреи издавна

пріѣзжали въ Малороссію не для житія, а только для торговли на ярмаркахъ, что за привозъ и отвозъ своихъ товаровъ они платятъ въ казну индуктивные сборы, эксакторами которыхъ состоятъ греки, что евреи, не вѣдая нечаянной ихъ высылки за-границу, завезли изъ разныхъ государствъ въ Имперію товары и ихъ «на знатную сумму» еще не продали, что они же, евреи, разнымъ купцамъ въ Великороссіи и Малороссіи, а тѣ купцы имъ должны произвести денежныя уплаты по векселямъ, почему вышесказанная Войсковая Канцелярія, согласно съ просьбою эксакторовъ грековъ, ходатайствовала передъ Сенатомъ о разрѣшеніи вновь евреямъ-купцамъ пріѣзда въ Россію съ товарами на ярмарку, «дабы не пропускомъ ихъ не послѣдовало въ казенномъ индуктивномъ сборѣ недобору, а имъ (эксакторамъ грекамъ) убытку и разоренія»; *вышепомянутыя лифляндскія правительственныя учрежденія и власти*, что многіе и едва-ли не всѣ польскіе магнаты и купцы имѣютъ евреевъ своими факторами и повѣренными, по своимъ торговымъ дѣламъ, что вслѣдствіе этого, они, чрезъ посредство ихъ, евреевъ, заключаютъ контракты съ рижскими купцами, деньги принимаютъ, товары присылаютъ и потребные въ Ригѣ товары покупаютъ, что если евреямъ воспретится вовсе пріѣздъ въ этотъ городъ, то все это должно «пресѣчься», что рижское мѣщанство имѣетъ за евреями болѣе 100 тыс. ефимковъ задаточныхъ денегъ, между тѣмъ, по случаю высылки ихъ изъ Россіи, они могутъ отправиться съ своими товарами въ чужестранныя сосѣднія мѣста и тамъ ихъ распродать, а нужные для нихъ на вывозъ товары тамъ же купить, слѣдовательно «торгъ въ Ригѣ сильно пропадаетъ, а рижскіе купцы ни съ чѣмъ останутся» и, такимъ образомъ, Ея Императорскаго Величества «интересу великій ущербъ приключится и имѣющіеся рижскихъ купцовъ на тѣхъ жидяхъ весьма великіе долги пропадутъ, а коммерція совсѣмъ рушиться можетъ, для того, что имъ привозныхъ изъ-за моря товаровъ продать будетъ некому», почему лифляндскія учрежденія и власти, подобно малороссійской Войсковой Канцеляріи, ходатайствовали «чтобы определено было пріѣзжающихъ изъ Польши и Литвы въ Ригу, съ своими товарами, жидовъ и потомъ возвращающихся, безъ задержанія пропускать и имъ въ томъ никакого помѣшательства и препятствія не чинить...»

Правительствующій Сенатъ, рассмотрѣвъ эти доношенія, вошелъ къ Императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ нахо-

дилъ и съ своей стороны, что воспрещеніе евреямъ, разъ навсегда, права прїѣзда въ тѣ или другія пограничныя мѣста, гдѣ между ними и мѣстными купцами существуетъ ярмарочный временной торгъ, можетъ повлечь за собою не только «великій убытокъ» русскимъ купцамъ, но причинить не малый и самой государственной казнѣ, почему Сенатъ, ссылаясь на состоявшіеся при Императорѣ Петрѣ II и Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по ходатайству гетмана Апостола, Высочайшіе указы, полагалъ, что для приращенія государственныхъ интересовъ и распространенія коммерціи и дабы подданные Ея Величества изъ купцовъ, въ Малороссіи и прочихъ пограничныхъ мѣстахъ, могли имѣть пользу, «надлежало бы жидовъ, какъ въ Малую Россію и слободскіе полки, такъ и въ Ригу и всѣ пограничныя мѣста, для единого точію купческаго промысла на ярманки съ товарами впускать». Но на такомъ докладѣ положена Императрицею Елисаветою Петровною собственноручная резолюція слѣдующаго содержанія: *«Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли»*.

Вслѣдствіе такой резолюціи, вполнѣ выясняющей побужденія, какими руководствовалось правительство, какъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, такъ и при другихъ Императрицахъ, состоялся и тотчасъ обнародованъ Именной указъ 16 Декабря 1743 года; а затѣмъ, въ слѣдующемъ году, Правительствующій Сенатъ, указомъ 25 Января 1744 года, предписалъ подлежащимъ мѣстнымъ начальствамъ: «обрѣтающихся въ Малой Россіи, въ Ригѣ и въ прочихъ Великороссійскихъ и завоеванныхъ городахъ «Жидовъ», по содержанію вышеупомянутаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго, Декабря 2 дня прошлаго 1742 года, указа, всѣхъ выслать за границу и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ, ни для чего, такожь и въ ярмарочныя времена на ярманки, ни на малое время въ Россію отнюдь не впускать, да и о впускѣ ихъ никакихъ ни откуда представленій въ Правительствующій Сенатъ не присылать; а всѣль оныя отнынѣ высланы, о томъ въ Правительствующій Сенатъ рапортовать» (П. С. З., т. XII, № 8,867).

Изъ приведеннаго ряда данныхъ, содержащихся въ государственныхъ актахъ, а слѣдовательно исторически вполнѣ достовѣрныхъ, само собою усматривается, что принятая правительствомъ, при Императрицахъ Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ, столь строгая политика, въ отношеніи евреевъ, не имѣла въ своемъ основаніи тѣхъ бытовыхъ началъ, коими наши Государи руководствовались прежде, что политика эта, въ основаніи которой легла мысль

безусловнаго очищенія отъ евреевъ русской территоріи, представлялась крайне стѣснительною не для однихъ евреевъ, но и для мѣстнаго населенія, и не вызывалась торгово-промышленными и финансовыми соображеніями законодательной власти, и что, поэтому, поголовныя высылки евреевъ, «за рубежъ», т. е. за границу, съ строгими мѣрами къ закрытію имъ всякаго доступа въ Россію извнѣ, не могутъ объясняться никакою иною побудительною причиною, кромѣ внесенія въ политическую сферу религіозной къ евреямъ нетерпимости, подъ вліяніемъ которой, низшія и высшія власти дѣйствуютъ обыкновенно, не принимая въ расчетъ указаній безпристрастной политики. Религіозная исключительность въ сказанномъ образѣ дѣйствія правительства обрисовывается всего лучше, какъ обстоятельствомъ конфирмованія Императрицею Анною Іоанновною сентенцій, которыми еврей Борохъ Лейбовъ и флота-капитанъ-лейтенантъ Возницынъ были приговорены къ сожженію огнемъ, «безъ всякаго милосердія», и которыя признавались не имѣвшими надлежащей справедливости самими инстанціями, ихъ постановившими, такъ равно мѣрами, принятыми къ изгнанію евреевъ изъ Россіи, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, изъ каковыхъ мѣръ видно, что, въ одномъ случаѣ, было повелѣно выслать евреевъ изъ государства, на томъ только основаніи, что они «имени Христа Спасителя ненавистники», а въ другомъ случаѣ, на основаніи извѣстной резолюціи Императрицы: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли», — резолюціи, собственноручно положенной Государынею на докладѣ Сената, хотя Сенатомъ, принявшимъ въ соображеніе ходатайства о евреяхъ Малороссійской Генеральной войсковой канцеляріи и Рижскихъ мѣстныхъ властей, были повергнуты на воззрѣніе Императрицы всѣ практическія невыгоды внезапной высылки евреевъ изъ Россіи и безусловнаго закрытія для нихъ доступа въ нее, со стороны торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ государства.

Изъ ряда вышеизложенныхъ фактовъ, само собою, вытекаетъ: 1) что принятая правительствомъ при Императрицахъ: Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ, столь строгая политика, въ отношеніи евреевъ, не оправдывалась, ни мѣстными, ни общими интересами государства; 2) что она не имѣла въ своемъ основаніи тѣхъ началъ, коими наши Государи руководствовались прежде, и 3) что этотъ образъ дѣйствія, не будучи вызванъ матеріальными въ томъ нуждами и пользами страны, ни интересами православнаго исповѣ-

данія, имѣлъ, исключительно, одну только побудительную причину— религиозную исключительность и предубѣжденія противъ евреевъ.

Но была-ли сказанными мѣрами достигнута, по крайней мѣрѣ, цѣль совершеннаго очищенія русской территоріи отъ евреевъ и герметическаго, такъ сказать, закрытія для нихъ дверей государства? Оставались-ли евреи еще и послѣ того въ предѣлахъ государства, или же, до извѣстнаго времени, ихъ дѣйствительно въ немъ не было?.

Многими предполагается, что высылка евреевъ изъ Россіи была встрѣчена сочувственно жителями, которые, вслѣдствіе этого, сами охотно и строго приводили ее въ исполненіе. Въ подтвержденіе же, что послѣ того евреевъ въ Малороссіи до 1793 года уже не встрѣчалось, указывается на опись, произведенную при Г. Г. Румянцевѣ, и на описаніе черниговскаго намѣстничества Шафонскаго 1776 года. Но едва-ли такія данныя могутъ быть приняты за несомнѣнныя.

Особая строгость, съ какою были предписаны мѣры о высылкѣ евреевъ изъ Россіи и не менѣе строгія подтвержденія, какія Правительствующимъ Сенатомъ были сдѣланы мѣстнымъ начальствамъ о точномъ и неукоснительномъ выполненіи ихъ, вслѣдъ за указами, какъ 2 Декабря 1742 года, такъ и 16 Декабря 1743 г., свидѣлствуютъ скорѣе, что мѣры тѣ, какъ уже сказано, не были встрѣчены съ особымъ сочувствіемъ, ни со стороны мѣстныхъ жителей, ни со стороны мѣстной администраціи. Если же принять во вниманіе приведенный выше фактъ усиленныхъ ходатайствъ, съ какими, въ виду перваго изъ тѣхъ указовъ, обратились въ Сенатъ мѣстныя власти въ Малороссіи и г. Ригѣ, о невысылкѣ евреевъ и о дозволеніи имъ дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи; если припомнить также недавнія, передъ тѣмъ, подобныя же ходатайства гетмана Апостола и князя Шаховскаго, уступки, какія, вслѣдствіе этого, было признано нужнымъ сдѣлать, въ пользу торговыхъ правъ евреевъ въ царствованія Петра II и Анны Іоанновны, и, наконецъ, фактъ содержанія евреевъ въ своихъ помѣстьяхъ многими владѣльцами, въ томъ числѣ духовными лицами и Кіево - Софійскимъ монастыремъ, съ запискою ихъ за собою, подобно крѣпостнымъ людямъ, не взирая на строгія воспрещенія о томъ со временъ Екатерины I; то нельзя не признать, что распространяющіяся свѣдѣнія о всеобщемъ сочувствіи къ правительственнымъ мѣрамъ, относительно высылки евреевъ изъ Россіи, являются вполне произвольными и принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя осно-

ваны не на дѣйствительныхъ фактахъ, а на однихъ только предположеніяхъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что денежныя и матеріальныя выгоды, всегда и вездѣ, были главными двигателями въ жизни людей, къ какому бы они вѣроисповѣданію ни принадлежали, и что, въ виду ихъ, практическое направленіе всегда брало верхъ, особенно въ населеніяхъ русско-славянскаго происхожденія, по ихъ природной несклонности къ религіозному фанатизму, который, въ католическихъ паствахъ ученіемъ іезуитовъ доводился, какъ извѣстно, до безразсудства. Поэтому, несравненно больше основаній къ предположенію, что не смотря на всю строгость указовъ 2 Декабря 1742 г. и 16 Декабря 1743 г., они, какъ не соотвѣтствовавшіе матеріальнымъ выгодамъ населенія, повели только къ одному и тому же результату, а именно: къ ихъ обходу всѣми мѣрами, какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны мѣстныхъ жителей, не безъ содѣйствія и самихъ мѣстныхъ властей, и что, вслѣдствіе этого, не только въ г. Ригѣ и другихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, но и въ Малороссіи, евреи и послѣ того продолжали появляться и имѣть въ нихъ, болѣе или менѣе, продолжительное пребываніе, для торговыхъ и другихъ сношеній съ кореннымъ тамъ населеніемъ. Если же въ описи Г. Г. Румянцева не встрѣчается слѣдовъ ихъ пребыванія тамъ, то это могло произойти отъ того, что мѣстная администрація, въ виду строгихъ распоряженій о евреяхъ, остерегалась вообще вносить ихъ въ списки; къ чему она могла имѣть и вполне законный предлогъ, такъ какъ опись та имѣла своимъ предметомъ и цѣлью—собраніе свѣдѣній, преимущественно, о состоящемъ въ русскомъ подданствѣ осѣдломъ, коренномъ населеніи, а не о заѣзжихъ, на короткое время, чужеземныхъ людяхъ, къ числу которыхъ относились тогда и евреи, даже изъ числа имѣвшихъ постоянную у насъ осѣдность и владѣвшихъ недвижими имуществами.

Еслибъ правительство вполне рассчитывало на несочувствіе къ евреямъ мѣстнаго населенія, то не было бы и повода послѣ ихъ изгнанія изъ Россіи, къ какимъ либо новымъ, въ отношеніи ихъ, мѣрамъ. Между тѣмъ, спустя 20 лѣтъ послѣ вышесказанныхъ указовъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ самый годъ вступленія Екатерины II на престолъ, а именно 4 Декабря 1762 года, состоялся Именной ея указъ о воспрещеніи евреямъ выходить и селиться въ Россіи, въ числѣ другихъ иностранцевъ, которымъ это было разрѣ-

шено. Спустя же два года послѣ того, а именно 11 Октября 1764 года, при той же Императрицѣ, состоялся сенатскій указъ, которымъ евреямъ, жившимъ въ непринадлежавшей намъ еще тогда Литвѣ, въ тамошней слободѣ Вѣткѣ, и принявшимъ крещеніе по старообрядческому обряду, разрѣшено селиться внутри Имперіи, для чего, по составленному реестру, были указаны тамъ для нихъ даже особыя мѣстности, какъ то: въ Бѣлгородской губерніи и Валуйскомъ уѣздѣ, по рѣчкамъ Журавкѣ, Деркулу, Биткѣ и Осколу (П. С. З., т. XVI, №№ 11720 и 12260).

Нѣтъ сомнѣнія, что евреи, принявшіе христіанство по раскольническому обряду, остались такими же евреями, какъ и прежде. Это было для тѣхъ евреевъ, очевидно, только средствомъ къ обходу правительственныхъ распоряженій, воспрещавшихъ имъ селиться въ Россіи, и въ этомъ случаѣ, такому обходу, какъ бы не замѣчая того, содѣйствовало само же правительство, въ лицѣ Сената и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ которымъ Сенатъ сдѣлалъ, по этому предмету, предварительное сношеніе.

Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, вполнѣ утвердительно, чтобы со времени Императрицы Елисаветы Петровны до разрѣшенія евреямъ Екатериною II, въ 1769 году, селиться въ Новороссійскомъ краѣ, въ составѣ русскаго народонаселенія вовсе ихъ не было и чтобы всякія сношенія съ ними у насъ были вовсе прекращены.

Перейдемъ, теперь, къ ближайшему разсмотрѣнію образа дѣйствія, по отношенію къ евреямъ, Императрицы Екатерины Великой и правительства, въ ея царствованіе.

Въ ряду событій, касающихся евреевъ въ Россіи, царствованіе нашей Великой Государины представляетъ фазисъ особой исторической важности. Съ присоединеніемъ въ 1772 году Бѣлоруссіи, евреи, впервые, были признаны формально русскими подданными. Съ этого момента наступаетъ для нихъ совершенно иной періодъ времени. До того, евреи, жившіе въ Россіи и имѣвшіе въ ней даже осѣдлость, какъ уже объяснено выше, въ русскомъ подданствѣ не состояли и пользовались покровительствомъ законовъ, только на основаніи тогдашнихъ воззрѣній о международномъ правѣ. Въ этотъ, первоначальный, періодъ времени, когда, къ тому же, число постоянно проживавшихъ въ Россіи евреевъ было незначительно и считалось лишь сотнями, терпимость или нетерпимость ихъ въ предѣлахъ русской территоріи, открытіе или закрытіе имъ доступа въ Россію, могли еще въ представленіяхъ того

времени, и на самомъ дѣлѣ, зависѣть, въ извѣстной степени, отъ воли и личнаго усмотрѣнія правительства. Поголовныя ихъ высылки «за рубежъ», т. е. за границу, въ чужестранныя земли, могли еще быть осуществимы. Но когда евреи, подобно тому, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ сосѣднихъ съ нами державахъ Австріи и Пруссіи, вошли массами въ составъ общаго народонаселенія и приобрѣли у насъ, какъ и тамъ, не столько въ силу правительственнаго признанія, сколько въ силу самихъ вещей, значеніе осѣдлаго и натурализованнаго класса гражданъ, тогда осуществленіе надъ ними мѣръ нетерпимости, путемъ ихъ поголовнаго изгнанія изъ Россіи, или даже въ видѣ высылки за границу отдѣльныхъ личностей, сдѣлалось дѣломъ не только затруднительнымъ, но положительно невозможнымъ, какъ само по себѣ, такъ и по политическимъ отношеніямъ съ сосѣдними державами, которыя могли бы воспротивиться переселенію на ихъ земли евреевъ, высланныхъ изъ Россіи. На земляхъ, гдѣ евреи были застигнуты русскимъ владычествомъ, при Императрицѣ Екатеринѣ II, ихъ населеніе было уже сплошное, оно считалось не сотнями, а тысячами; евреи имѣли тамъ древнюю осѣдлость и состояли въ многообразнѣйшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ, особенно съ владѣльческими классами, свѣтскими и духовными, владѣя и сами недвижимыми имуществами, въ качествѣ арендаторовъ, а въ городахъ, не имѣвшихъ привилегій на ихъ изгнаніе изъ своей черты—на правѣ даже полной собственности, не только строеніями, но и землею, или, какъ тогда выражались, «грунтами». При такихъ условіяхъ, не взирая, что въ то время господствовалъ взглядъ на евреевъ, какъ на людей пришлыхъ, и что нѣкоторое право государства на принятіе или непринятіе къ себѣ такого рода людей неподлежитъ, вообще, спору, дальнѣйшее пребываніе евреевъ въ предѣлахъ русскаго государства, съ той поры, не могло, однако, зависѣть уже отъ воли и личнаго усмотрѣнія правительства. При невозможности осуществленія затаенной мысли очищенія отъ евреевъ русской территоріи, мѣрами языческихъ временъ, когда народы не стѣснялись поголовнымъ истребленіемъ непріязннаго племени огнемъ и мечемъ, оставалось одно изъ двухъ: или совершенно примириться съ необходимостью имѣть евреевъ въ составѣ русскаго народонаселенія, или обратиться къ попыткамъ ихъ вытѣсненія изъ него, посредствомъ понужденія евреевъ, не желавшихъ переходить въ христіанскую вѣру, къ добровольному переселенію въ

чужія страны, къ чему не представлялось, конечно, инаго способа, какъ только лишеніе евреевъ гражданскихъ правъ или всевозможное, по крайней мѣрѣ, стѣсненіе этихъ правъ, путемъ ограничительныхъ мѣръ.

Очевидно, что въ сказанные два совершенно разнохарактерные періода времени, наша внутренняя политика, относительно евреевъ, не могла быть одинаковою. Сообразно съ измѣнившимися, кореннымъ образомъ, обстоятельствами, должны были, кореннымъ же образомъ, измѣниться и отношенія государства къ евреямъ. Политическіе взгляды на этотъ предметъ Екатерины II, какъ Государыни, при которой произошелъ этотъ переворотъ и которая всею Европою признана, безспорно, Великою, по ея генію, усвоеннымъ государственнымъ знаніямъ и мудрости въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, не могутъ не представлять весьма серьезнаго значенія въ общемъ ходѣ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, касающихся правъ жительства, торговли и промысловъ евреевъ въ Россіи. Никакъ нельзя предполагать, чтобы Екатерина Великая, вникавшая такъ близко во всѣ условія гражданского быта своихъ подданныхъ и общіе интересы государства, не отдавала себѣ яснаго отчета о сказанныхъ обстоятельствахъ; чтобы Государыня, и по присоединеніи Бѣлороссіи, признавала возможнымъ держаться той же политики нетерпимости къ евреямъ, какой слѣдовали предшествовавшія Государыни. Великая Монархиня, какъ это видно изъ ея законодательныхъ актовъ и извѣстно изъ имѣющихся изслѣдованій о ея царствованіи, не любила, вообще, различать своихъ подданныхъ по племени и вѣрѣ, или по странамъ и областямъ, въ которыхъ они обитали. Отличительный признакъ ея политической мудрости заключался, между прочимъ, именно въ ея постоянныхъ заботахъ и попеченіяхъ о равномѣрномъ благосостояніи ея подданныхъ, во всѣхъ частяхъ Имперіи, соединенныхъ подъ ея Скипетромъ. Менѣе всего можно предполагать, чтобы Екатериною Великою могло допускаться какое либо политическое отличіе по отношенію къ возсоединившимся съ Россіею областямъ и землямъ древней нашей Руси. Бѣлоруссія, Кіевская Русь, Малороссія и другія страны Западнаго края, какъ показываетъ само ихъ названіе, такія же, въ сущности, русскія земли, какъ и прочія части государства, и даже гораздо больше, въ сравненіи съ тѣми, гдѣ обитаетъ финское племя, или живутъ разныя инородныя племена, каковы всѣ сѣверныя и восточныя части Имперіи, Сибирь, Кавказъ, и проч. Съ политической точки зрѣнія, всѣ области и страны, вхо-

дившія въ составъ древней нашей Руси и случайно подпавшія подъ владычество Польши, всегда признавались у насъ не столько завоеванными силою оружія, сколько добровольно возсоединившимися съ Россіею и безропотно перешедшими вновь подъ скипетръ русскаго царства. Изъ всѣхъ государственныхъ актовъ временъ Екатерины II усматривается, что сама Государыня не смотрѣла иначе на эти края и области. Населеніе въ нихъ, большею частію, православное, стояло столь же близко къ ея Монаршему сердцу, какъ населеніе въ прочихъ частяхъ Имперіи. Нѣтъ, поэтому, достаточныхъ основаній къ предположенію, чтобы Государыня могла лично быть склонною къ сознательному допущенію какой либо черты политическаго отличія между тѣми или другими частями Имперіи,—отличія, которое давало бы чувствовать нѣкоторымъ изъ нихъ меньшую степень ея Монаршаго къ нимъ расположенія. Равнымъ образомъ, едва ли можно предполагать, чтобы Государыня могла не сознавать, что лишеніе гражданскихъ правъ извѣстной народности, принятой въ русское подданство, должно было бы отразиться пагубнымъ образомъ на нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи, какъ этой народности, такъ и окружающаго его населенія. По однимъ уже этимъ соображеніямъ, нельзя предполагать, чтобы Екатерина Великая, при ощутившейся, съ возсоединеніемъ Бѣлоруссіи, невозможности устраненія евреевъ изъ Россіи, могла, въ своихъ законодательныхъ предначертаніяхъ, возымѣть мысль угнетенія евреевъ подобною мѣрою внутри государства и, въ то же время, стѣсненія и отягощенія еврейскимъ населеніемъ, какъ многолюднымъ торговымъ и промышленнымъ классомъ людей, исключительно, края и области древней нашей Руси, съ цѣлію образованія изъ нихъ территоріальнаго, средневѣковаго, какъ бы ghetto для евреевъ, или ихъ палестину въ христіанскихъ земляхъ, проведенія, такимъ образомъ, рѣзкой, въ этомъ отношеніи, черты различія между тѣми странами и всѣми остальными въ Имперіи и водворенія этимъ способомъ существеннаго политическаго даже неравенства въ ихъ правахъ, такъ какъ очевидно, что вслѣдствіе сего, одна часть кореннаго населенія, въ видѣ какъ бы особой льготы и особаго Монаршаго попеченія о нравственныхъ и матеріальныхъ его интересахъ, была бы освобождена отъ необходимости терпѣть среди себя евреевъ, а другая часть—была бы вынуждена къ тому силою закона, не взирая на всѣ невыгодныя отъ этого послѣдствія, для своихъ мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ. Первые

моменты нашихъ государственныхъ отношеній къ евреямъ, застигнутымъ въ Бѣлоруссіи, при ея присоединеніи къ Россіи, и дальнѣйшій образъ дѣйствія, по отношенію къ нимъ, такой Государыни, каковою была Императрица Екатерина II, представляетъ, поэтому, предметъ существенной важности.

Къ сожалѣнію, ни въ одномъ историческомъ трудѣ, касающемся царствованія Великой Императрицы, предметъ этотъ не былъ, до сего времени, достаточно изслѣдованъ. Это обстоятельство служитъ, главнымъ образомъ, причиною, что нѣкоторымъ мѣрамъ, воспослѣдовавшимъ отъ лица Государыни, вначалѣ ея царствованія, при вступленіи ея на престолъ, а затѣмъ — въ концѣ, незадолго до ея кончины, какъ равно ограничительнымъ мѣрамъ, принятымъ самимъ правительствомъ, въ порядкѣ управленія, присвоивается значеніе личной нетерпимости Государыни къ евреямъ, въ одной степени съ предшествовавшими Императрицами.

Въ доказательство этого предполагаемаго факта дѣлается, обыкновенно, ссылка на Манифестъ Государыни 28 Іюня 1762 года о ея возшествіи на престолъ, на воспослѣдовавшей, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, а именно 4 Декабря того же года, Именной ея указъ о воспрещеніи евреямъ выходить и селиться въ Россіи, въ числѣ другихъ иностранцевъ, и на два Именныхъ ея указа 23 Декабря 1791 г. и 23 Іюня 1794 г., коими права жительства евреевъ въ Россіи ограничены опредѣленными въ ней мѣстностями, въ Западномъ краѣ. Но ближайшее разсмотрѣніе содержанія этихъ актовъ, въ связи съ общимъ ходомъ законодательныхъ предначертаній Императрицы, относительно евреевъ, вошедшихъ въ составъ русскаго народонаселенія, приводитъ, однако, къ совершенно инымъ выводамъ.

Изъ вышеприведенныхъ государственныхъ актовъ, первые два — Манифестъ 28 Іюня 1762 г. и Именной указъ 4 Декабря того же года, — не имѣютъ никакого отношенія къ евреямъ, вступившимъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, такъ какъ оба акта воспослѣдовали за десять лѣтъ до присоединенія къ Россіи этого края и состоялись, слѣдовательно, въ тотъ періодъ времени, когда евреи не могли еще быть предметомъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, какъ русскіе граждане. Къ тому же, въ вышесказанномъ Манифестѣ не говорится ни слова о евреяхъ. Въ этомъ государственномъ актѣ, по поводу раскола и имѣвшихся въ составѣ русскаго народонаселенія множества людей иновѣрныхъ исповѣданій, христіан-

скихъ и нехристіанскихъ, содержится только торжественное заявленіе Императрицы, отъ ея лица, какъ русской православной Государыни, о намѣреніи ея строго ограждать господствующую Греко-Восточную Церковь, отъ соблазновъ совращенія въ чужія вѣры, въ виду опасности, какой она подвергалась, въ послѣднее тогда время, «отъ перемѣны, какъ сказано въ Манифестѣ, древняго въ Россіи православія и принятія иновѣрнаго закона». Это было, ни болѣе, ни менѣе, какъ провозглашеніе Императрицею своего *profession de foi*, дабы никто въ государствѣ не могъ сомнѣваться, относительно твердаго и непоколебимаго ея намѣренія строго соблюдать свои обязанности по защитѣ и оборонѣ православнаго закона отъ внѣшнихъ и внутреннихъ его враговъ. Содержащійся же въ Манифестѣ намекъ объ опасности, какая въ то время ощущалась, вслѣдствіе случаевъ «перемѣны древняго въ Россіи православія и принятія иновѣрнаго закона», — касался не столько евреевъ, сколько внутренняго раскола, Уніи и, въ особенности, латинскихъ орденовъ, которые Императрица, какъ это видно изъ приведеннаго ниже Именнаго ея указа 28 Мая 1772 г., даннаго Генералъ-Маіорамъ Каховскому и Кречетникову, признавала, вообще, неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, а іезуитскій орденъ даже «коварнѣйшимъ» изъ всѣхъ ихъ (П. С. З., т. XIX, № 13808). Такимъ образомъ, можно безошибочно сказать, что сказанный Манифестъ не содержалъ и не устанавливалъ ничего исключительнаго, относительно евреевъ, вообще.

Что касается, ограничительныхъ указовъ Императрицы, вослѣдовавшихъ въ 1791 и 1794 годахъ, т. е. подъ конецъ ея царствованія, то для выясненія отношеній къ нимъ личной воли Императрицы и ихъ настоящаго значенія, какъ законодательныхъ актовъ, необходимо обозрѣть, предварительно, ближе законодательную дѣятельность Екатерины II, по отношенію къ евреямъ, съ самаго начала вступленія ея на престолъ.

Вслѣдствіе распоряженій, состоявшихся еще при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, евреямъ, какъ извѣстно, было воспрещено пребываніе въ Россіи. Въ этомъ положеніи застала ихъ Императрица Екатерина II, при своемъ возшествіи на престолъ.

Изъ нѣкоторыхъ же данныхъ, не лишенныхъ исторической достовѣрности, усматривается, что первое время, до начертанія въ 1767 году извѣстнаго Наказа Коммисіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, взгляды этой великой Монархини на евреевъ и отношеніе къ

нимъ государства и правительственной власти, въ точности, какъ бы не установились.

Въ собственноручныхъ замѣткахъ Императрицы, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», за 1865 годъ (стр. 492), имѣется, по поводу этого, слѣдующій рассказъ.

Въ первый, или на другой день, по восшествіи своемъ на престолъ, Императрица прибыла въ Сенатъ, гдѣ, именно въ тотъ день, по наступившей очереди, докладывалось, между прочимъ, дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ сенаторы были единогласно того мнѣнія, что ихъ слѣдуетъ допустить, признавая такое допущеніе полезнымъ для государства. Но Императрица затруднилась, однако, высказать свою Монаршую волю, по этому предмету. Когда же, изъ присутствовавшихъ сенаторовъ, князь Одоевскій поднесъ Императрицѣ дѣло о евреяхъ, съ извѣстною уже резолюціею на немъ Императрицы Елисаветы Петровны: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли», то Государыня, прочитавъ ее, отдала приказаніе заслушанное дѣло о евреяхъ отложить до другаго времени.

Это дало поводъ къ толкамъ, что, будто, Императрица Екатерина II имѣла такое же нерасположеніе къ евреямъ, какъ и Императрица Елисавета Петровна. Между тѣмъ, изъ приведеннаго же рассказа объ этомъ случаѣ самой Императрицы видно, что такіе толки не имѣли никакого основанія. Колебаніе Императрицы, относительно евреевъ, въ самомъ рассказѣ, объясняется тѣмъ, что Императрица, только что заявившая, передъ этимъ случаемъ, торжественно, въ Манифестѣ о восшествіи на престолъ, свой священный долгъ, относительно защиты и обороны православнаго закона, не могла не почувствовать нѣкоторую щекотливость своего положенія, при докладѣ въ Сенатѣ, въ личномъ ея присутствіи, дѣла о евреяхъ, съ имѣвшеюся на немъ резолюціею Императрицы Елисаветы Петровны, а также всю неловкость для себя начать свое царствованіе актомъ, который могъ бы быть истолкованъ не въ пользу ея благочестія и вселить недовольство въ духовенствѣ, бывшемъ, и безъ того уже въ то время, недовольнымъ, вслѣдствіе невоспослѣдованія еще возврата ему секулиризованныхъ имѣній.

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы рассказъ самой Императрицы, помѣщенный въ «Русскомъ Архивѣ», не былъ документально вѣренъ. Во всякомъ случаѣ, онъ весьма правдоподобенъ, такъ какъ щекотливость вопроса о евреяхъ, въ первые дни восшествія Императрицы на

престолъ, весьма понятна и могла быть причиною, какъ отсрочки вышеупомянутаго дѣла, такъ и нерѣшительнаго образа дѣйствія Императрицы, по отношенію къ евреямъ, въ первое время Ея царствованія. Этимъ же объясняется и появленіе, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по возшествіи Государыни на престолъ, Манифеста ея 4 Декабря 1762 г., которымъ, согласно съ прежними распоряженіями, подтверждено воспрещеніе допускать «жидовъ» въ Россію изъ иностранныхъ земель.

Но это продолжалось недолго. Геніемъ Государыни вскорѣ усвоены и изображены, въ изданномъ ею, 30 Іюля 1767 года, Наказъ Коммисіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія (П. С. З., т. XVIII, № 12949), многія изъ тѣхъ великихъ началъ, которыя служатъ нынѣ основою гражданскаго благоустройства всѣхъ вообще христіанскихъ государствъ.

По важности этого обстоятельства, его общеевропейскому значенію и весьма существенному отношенію къ настоящему предмету, необходимо коснуться сказаннаго Наказа нѣсколько ближе.

Наказъ, данный Императрицею Екатериною II вышесказанной Коммисіи и начертанный Государынею собственноручно, составляетъ знаменательнѣйшій актъ законодательной ея дѣятельности, въ коемъ проявился, съ особою силою, ея политическій геній. Какъ содержащій государственныя основы, имѣвшія, въ большей или меньшей мѣрѣ, дѣйствительное примѣненіе, Наказъ тотъ, при кодификаціи нашихъ законовъ, въ царствованіе Императора Николая I, включенъ цѣликомъ въ ихъ Полное Собраніе, въ двухъ текстахъ: русскомъ и французскомъ, съ дополненіями, какія были сдѣланы лично самою же Императрицею. Цѣль Наказа заключалась въ преподаніи сословно-совѣщательной Коммисіи, образованной Императрицею изъ представителей существовавшихъ, въ то время, высшихъ государственныхъ установленій и выборныхъ отъ «всѣхъ званій Россійскаго народа», ¹⁾ началъ и основаній, какими Коммисія та должна была руководствоваться, при составленіи новаго Уложенія, имѣвшаго предназначеніе замѣнить собою дѣйствовавшее еще тогда, во многихъ частяхъ, Уложеніе Царя Алексія Михайловича и позднѣйшія узаконенія, не соотвѣтствовашія достаточно требованіямъ времени и нуждамъ народа. Вышесказанные

¹⁾ Къ участію въ этой Коммисіи, были призваны и крестьяне, за исключеніемъ находившихся въ крѣпостномъ состояніи.

представители и выборные, коимъ было присвоено общее названіе Депутатовъ, по выслушаніи Наказа въ общемъ ихъ собраніи, будучи восторжены такими Монаршими попеченіями о народномъ благѣ, какъ равно великими дѣяніями, коими ознаменовалось уже тогда ея царствованіе, преподнесли Государынѣ, отъ лица народа, тройственный титулъ: «Великая», «Мудрая» и «Мать отечества», изъ каковыхъ наименованій Императрицею было принято лишь послѣднее. Хотя вскорѣ за симъ, вслѣдствіе политическихъ усложненій, по случаю возникшихъ войнъ, народные выборные были распущены и вышесказанному Уложенію не суждено было осуществиться, но выраженные въ Наказѣ законодательныя начала, какъ равно многія изъ содержащихся въ немъ предначертаній Императрицы, были приведены, однако, въ дѣйствіе, путемъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, такихъ, какъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года, жалованная Грамота Дворянству 1785 года и Городовое Положеніе того же года, коими, въ возможной, по тому времени, мѣрѣ, упрочены за сословіями ихъ права состоянія, на началахъ, изложенныхъ въ Наказѣ.

Изъ акта, составленнаго и подписаннаго вышеупомянутыми Депутатами 27 Сентября 1767 года, усматривается, между прочимъ, что государственные чины и сословные представители народа, глубоко прочувствованные при чтеніи Наказа всѣмъ, что въ немъ содержалось, высказали свое убѣжденіе, что въ этомъ многознаменательномъ памятникѣ политическаго генія Великой Государыни «владеваютъ...великодушіе, премудрость и человеколюбіе», и что «поистинѣ, сей дрожайшій роду человеческому Наказъ, есть всѣмъ земнымъ обладателямъ наставленіе». Отзывъ этотъ едва ли можетъ считаться преувеличеннымъ, если принять даже во вниманіе исторически-подтверждающійся фактъ, что содержащіеся въ Наказѣ политическіе взгляды и начала, почерпнуты Императрицею изъ философскихъ школъ того времени, преимущественно, изъ сочиненій Монтескьё и Беккарія.

Въ то время, какъ на Западѣ, проявившіяся въ народномъ сознаніи понятія о общечеловѣческихъ правахъ и свободахъ совѣсти, — должныствововшія, съ теченіемъ времени, упразднить средневѣковыя формы взаимныхъ отношеній людей и классовъ населенія, снять оковы, налагавшіяся господствомъ лица надъ лицомъ и изгладить слѣды несправедливыхъ насилій и рабства, удручавшаго, въ разнообразныхъ видахъ, низшіе слои общества, — пролагали себѣ путь въ политическую сферу, съ волненіями умовъ и народными движеніями

не обходившимся безъ потоковъ крови, понятія тѣ въ державной Составительницѣ Наказа нашли себѣ вполнѣ мирное усвоеніе, какое до того нигдѣ еще не встрѣчалось. Изъ всего содержанія Наказа видно, какъ свѣтло и глубоко Великая Государыня постигла своимъ геніемъ правду и справедливость этихъ понятій, ихъ практическій смыслъ, по отношенію къ народнымъ пользамъ и нуждамъ, и какъ было близко ея Монаршему сердцу пробужденіе въ своемъ народѣ сознанія потребности въ усвоеніи себѣ тѣхъ же понятій.

Устанавливая въ своемъ Наказѣ начала, долженствовавшія лечь въ основаніе предполагавшагося для государства общаго Уложенія, Императрица не отступила отъ коренныхъ, тѣсно связанныхъ съ историко-національными преданіями русскаго народа, устоевъ государственнаго нашего строя: *самодержавія, единодержавія и православія*, разумѣя подъ самодержавіемъ—царскую, въ лицѣ нашихъ православныхъ Государей, власть, сильную, крѣпкую, единственно-могущую вести государство къ благоденствію, могуществу и славѣ; подъ единодержавіемъ — цѣльность и нераздѣльность всѣхъ частей Имперіи, соединенныхъ подъ скипетромъ русскаго государства; подъ православіемъ— господство и первенство въ государствѣ Греко - Восточной Церкви, сохранившей во всей чистотѣ истины евангельскаго ученія. Такимъ образомъ, устои тѣ признаны Екатериною Великою, вполнѣ сознательно, вѣрнѣйшимъ залогомъ силы, крѣпости, могущества и славы нашего государства, по его обширности, географическому положенію, разнородности его населенія и другимъ мотивамъ, столь же справедливымъ, сколько для каждаго понятнымъ. Вмѣстѣ съ симъ, разъясня въ Наказѣ, въ чемъ именно должна заключаться сущность законовъ, коими опредѣляется положеніе въ извѣстной странѣ каждаго изъ ея подданныхъ, Государыня, согласно съ понятіями о общечеловѣческихъ правахъ и свободѣ исповѣданій, приняла въ основаніе, главнымъ образомъ, ту мысль, что въ православномъ государствѣ, взаимныя отношенія людей должны зиждиться на правилѣ вѣры и добра, требующемъ, чтобы каждый въ обществѣ честный человѣкъ видѣлъ въ другомъ своего согражданина и желалъ, чтобы онъ, въ одной мѣрѣ съ нимъ, пользовался огражденіемъ законовъ и выгодами гражданскаго положенія, по состоянію или званію, къ какому кто принадлежитъ. Исходя изъ этой мысли, а также той, что допущеніе въ законахъ религіозной исключительности представляетъ собою насиліе совѣсти, несогласное съ духомъ истиннаго православія и не

оправдывающееся опытомъ, какъ средство, не только не достигающее цѣли, а, напротивъ, ожесточающее сердца, державная Составительница Наказа пришла къ законодательному принципу о равенствѣ въ правахъ всѣхъ подданныхъ, одинаковыхъ состояній, «безъ различія народа и закона», т. е. племени и вѣры, придавая такому равенству значеніе одного изъ высшихъ народныхъ благъ, которое желается, или должно желаться каждымъ гражданиномъ, держащимся правилъ чести. Въ дальнѣйшемъ развитіи понятій о содержаніи законовъ, Императрицею положено въ ихъ основаніе начала, предостерегающія законодательную власть отъ введенія такихъ правилъ, которыя стѣсняють людей въ дѣйствіяхъ, не представляющихъ, сами по себѣ, ничего противонаправственнаго, и которыя, вслѣдствіе этого, ведутъ къ одному лишь обходу законовъ, путемъ разнаго рода ухищреній. «Ничто такъ не наноситъ ослабленіе законамъ, сказано въ Наказѣ, какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ; также и ненужные законы умаляютъ почтеніе къ нужнымъ». Такимъ точно образомъ имѣются въ Наказѣ многія другія положенія, касающіяся сущности законовъ и свидѣтельствующія о стремленіи Императрицы къ возможному ихъ согласованію съ понятіями о общечеловѣческихъ правахъ и требованіями здравой политики. Таковы положенія Наказа о значеніи каждаго человѣка, какъ свободно-разумнаго существа, имѣющаго право на жизнь, трудъ и свое достоинствѣ, объ отношеніяхъ государственной власти къ различнымъ народностямъ, соединеннымъ въ общій гражданскій союзъ, подъ скипетромъ одной и той же державы, и т. п. Изъ Наказа усматривается также, что Екатерина II отдавала себѣ, при этомъ, вполне ясный отчетъ, что народности, живущія въ государствѣ, могутъ различаться между собою, по ихъ природнымъ качествамъ и свойствамъ, направленнымъ въ ту или другую сторону человѣческой дѣятельности, въ примѣръ чему приведены, между прочимъ, Китайцы, какъ люди, отличающіеся необыкновеннымъ проворствомъ въ торговыхъ дѣлахъ и жаждою къ обогащенію, что, по смыслу положеній, высказанныхъ въ Наказѣ, составляетъ, конечно, порокъ, но порокъ, относящійся къ частной жизни людей и не могущій служить поводомъ къ установленію въ законахъ уголовной за него вѣняемости, для извѣстнаго класса людей (Нак., гл. VI, §§ 55, 56).

Приведемъ текстуально нѣкоторыя мѣста изъ Наказа, касающіяся главнѣйшаго предмета—установленныхъ Императрицею поли-

тическихъ принциповъ, относительно равенства правъ и свободы исповѣданія каждаго изъ ея подданныхъ, къ какому бы кто племени и закону вѣры ни принадлежалъ,—принциповъ, которые, какъ это видно изъ Наказа и многихъ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ Государыни, признавались ею, по ея собственному выраженію, основанными *«на правилъ православія, политики и здраваго разсудка»*.

Такъ, въ предварительныхъ статьяхъ Наказа сказано слѣдующее: 1) «законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно». 2) «Полагая сіе закономъ вѣры предписанное правило, за вкоренившееся, или за долженствующее вкорениться въ сердцахъ цѣлаго народа, не можемъ инаго кромѣ сего сдѣлать положенія, что всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть, или будетъ, видѣти все отечество свое на самой высшей степени благополучія славы, блаженства и спокойствія». 3) «А всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его отъ всѣхъ, сему правилу противныхъ, предпріятій». За симъ, въ гл. V Наказа, подъ рубрикою: *«О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ»*, § 34, изображено: «Равенство гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ»; въ гл. VI, подъ рубрикою: *«О законахъ вообще»*, § 41: «ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно, или каждому особенно, или всему обществу»; § 42: «всѣ дѣйствія ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большее спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ»; подъ рубрикою: *Правила весьма важныя и нужныя*, § 494: «въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный, для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ, былъ порокъ запрещеніе или дозволеніе ихъ различныхъ вѣръ»; § 495: «и нѣтъ подлинно инаго средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду¹⁾»; § 496: «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе

¹⁾ Переводъ этотъ съ помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ французскаго текста крайне не точенъ, а потому, не лишне привести

вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковѣйныя сердца и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію гражданъ». Въ дополненіяхъ къ этому Наказу (П. С. З., т. XVIII, № 13096), изображено, въ гл. XXII, подъ рубрикою: «*О расходахъ и приходахъ и ихъ управленіи, то есть, объ Экономіи Государства, иначе называемой Финансовое Управленіе*», § 568: «всякъ долженъ здѣсь самому себѣ сказать: я человѣкъ, ничего чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себя не считаю»; § 573: «человѣкъ кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлецъ; руководѣльникъ или торговецъ; праздный хлѣбоядца, или прилежаніемъ и раченіемъ подающій къ тому способы; управляющій или управляемый,—все есть человѣкъ: сіе одно слово подаетъ уже совершенное изображеніе всѣхъ нуждъ и всѣхъ средствъ къ удовлетворенію оныхъ».

Такимъ образомъ, еще за двадцать лѣтъ передъ вспыхнувшей во Франціи революціею, прологавшею, терроромъ, путь въ политическую сферу понятіямъ о общечеловѣческихъ правахъ (*droit de l'homme*),—первѣйшія изъ нихъ: о равенствѣ въ правахъ, свободѣ совѣсти и гражданскомъ братолюбіи, безъ различія племени и вѣры, были предложены русскому народу державною властію, съ пальмою въ царственныхъ рукахъ и царскими заботами и попеченіями о привитіи и укорененіи тѣхъ понятій и вытекающихъ изъ нихъ началъ въ законахъ и сердцахъ.

Очевидно, что съ усвоеніемъ такихъ понятій и началъ должны были существенно измѣниться взгляды на иновѣрцевъ, христіанскихъ и не христіанскихъ исповѣданій, и средства, которыя избирались прежде къ огражденію православной Церкви, такъ точно, какъ и къ раскрытію истины по дѣламъ уголовнымъ. Отмѣна пытокъ и религіозныхъ преслѣдованій, въ жесткихъ и суровыхъ формахъ прежняго времени, были естественнымъ послѣдствіемъ этого.

Императрица Екатерина II не ограничилась изображеніемъ только на бумагѣ усвоенныхъ ею принциповъ новѣйшей гражданственности, но окрѣпнувъ въ нихъ, стала проводить ихъ въ дѣйствительную жизнь, лично руководя избранныхъ государственныхъ дѣятелей и исполнителей Царской ея воли, посредствомъ собственноручныхъ письменныхъ приказаній, указовъ, наказовъ и манифестовъ.

французскій текстъ этого §: „Il n'y a même qu'une sage tolérance, avouée de la religion orthodoxe et de la politique, qui puisse ramener ces brebs égarés au vrai troupeau des fidèles“.

Такая просвѣщенная дѣятельность Императрицы и природная Ея мудрость, проявлявшіяся по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не могли не отразиться и на ея политикѣ, по отношенію къ евреямъ.

Религіозная нетерпимость прежняго времени должна была уступить болѣе здравымъ понятіямъ о свободѣ исповѣданія каждымъ своей вѣры, а стремленіе приводить въ православіе мѣрами внѣшняго принужденія—чувствамъ уваженія къ личности и правамъ иновѣрцевъ и убѣжденіямъ ихъ совѣсти, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Императрица Екатерина II, еще за три года до присоединенія отъ Польши Бѣлорусскаго края, съ осѣдлымъ въ немъ еврейскимъ населеніемъ, а именно, 16 Ноября 1769 года, не поколебалась, Именнымъ указомъ, даннымъ Кіевскому Генераль-Губернатору Воейкову, предоставить присланнымъ изъ дѣйствовавшей въ Турціи арміи евреямъ право поселенія въ Новороссійскомъ краѣ (П. С. З., т. XVIII, № 13383).

Хотя это право было ограничено однимъ только тѣмъ краемъ, и поселившимся въ немъ евреямъ не было, одновременно, предоставлено правъ русскаго гражданства, которыя дарованы имъ, какъ будетъ сказано ниже, лишь въ 1791 году; но все-таки формальное разрѣшеніе евреямъ водворенія въ предѣлахъ русской территоріи, откуда правительство, въ царствованіе прежнихъ Императрицъ, стремилось евреевъ вовсе изгнать, было рѣшительнымъ уже шагомъ къ измѣненію прежней, относительно ихъ, политики и свидѣтельствуетъ, что Екатерина II, съ того времени, стала смотрѣть на евреевъ, не какъ на людей, представлявшихъ нѣчто безусловно опасное для спокойствія государства и православной нашей Церкви. Появленіе сказаннаго указа не можетъ объясняться одною случайностію. По своему духу и направленію, онъ имѣлъ тѣсную связь съ началами, выраженными въ вышеупомянутомъ наказѣ Императрицы, почему причину допущенія ею вновь евреевъ въ предѣлы русскаго государства, для ихъ постоянного въ немъ жительства, справедливо отнести къ тому обстоятельству, что Государынею былъ тогда уже усвоенъ тотъ взглядъ, что терпимость къ евреямъ вовсе не противна, ни правиламъ православной вѣры, ни историко-національной политикѣ русскаго государства, въ чемъ Государыня могла убѣдиться, между прочимъ, изъ Уложенія Царя Алексія Михайловича, которымъ, при начертаніи ея вышеупо-

мянутаго Наказа, какъ это видно изъ него же, она особенно дорожила, какъ законодательнымъ источникомъ русскаго права.

Принимая, затѣмъ, приуготовительныя мѣры къ присоединенію отъ Польши Бѣлорусскаго края, въ то время, когда объ этомъ шли еще переговоры съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами, и предположивъ раздѣлить тотъ край на двѣ губерніи: Псковскую и Могилевскую, съ образованіемъ изъ нихъ генераль-губернаторства и назначеніемъ туда генераль-губернаторомъ графа Захара Григорьевича Чернышева, а губернаторами: генераловъ—Каховскаго и Кречетникова,—Императрица, при Именныхъ указахъ 28 Мая 1772 года, сообщила имъ особый, ею начертанный, Наказъ, содержащій подробное наставленіе объ основаніяхъ, какими они должны были руководствоваться, при управленіи губерніями и краемъ (П. С. З., т. XIX, №№ 13807 и 13808).

Этотъ Наказъ составляетъ, также, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ актовъ Екатерины Великой. Императрица, непосредственно отъ своего лица, между прочимъ, повелѣвала въ немъ губернаторамъ и главному правителю края, въ отношеніи различныхъ вѣръ, какія исповѣдуются жителями, руководствоваться строго именно тѣми началами терпимости, которыя начертаны въ §§ 494, 495 и 496 вышеупомянутаго общаго Наказа Коммисіи для составленія проекта новаго Уложенія, а въ отношеніи правъ состоянія жителей—началами равенства, содержащимися въ V его главѣ, какъ такими, которыя, сказано буквально въ Наказѣ губернаторамъ, суть *«коренныя, основанныя на правилъ православія, политики и здраваго разсудка»*. Причемъ, предписывалось принимать дѣятельныя мѣры къ пресѣченію всякаго рода угнетѣній, притѣсненій, несправедливостей, разбоевъ, смертоубійствъ, избѣгая въ изслѣдованіи дѣлъ *«мерзкихъ пытокъ, обвиняющихъ и праваго и виноватаго»*, а также всякихъ суровыхъ казней. Въ Наказѣ изъяснялась также Монаршая воля Императрицы, чтобы не только провинціи силою оружія, но и сердца всѣхъ людей, въ нихъ живущихъ, были покорены *«добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и челоуѣколюбивымъ управленіемъ»*, и чтобы всѣ жители, какого бы они званія ни были, не только были оставлены при всемъ томъ *«что кто имѣетъ и гдѣ кто живетъ»*, но чтобы были приняты мѣры къ огражденію личной и имущественной безопасности каждаго изъ нихъ. Вмѣстѣ съ симъ, предписывалось произвести перепись повѣтамъ и деревнямъ

и всѣмъ живущимъ въ нихъ людямъ и крестьянамъ; что же касается городовъ, то повелѣно оставить ихъ, на первый случай, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, съ разрѣшеніемъ имъ входить съ ходатайствами объ ихъ утвержденіи. Изъ всѣхъ вѣроисповѣданій, Императрицею въ Наказѣ обращено особое вниманіе только на монашескіе ордена римско-католическаго исповѣданія, и изъ нихъ, преимущественно, на іезуитовъ, за которыми повелѣно «наипаче недреманно смотрѣть... яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ». Въ отношеніи же евреевъ и ихъ исповѣданія, въ Наказѣ ничего исключительнаго постановлено не было.

Умолчаніе Императрицею о евреяхъ, въ столь важномъ случаѣ, какъ присоединеніе края, съ значительнымъ ихъ населеніемъ, которое, съ того времени, должно было войти въ составъ общаго народонаселенія Имперіи и имѣть въ ней постоянную осѣдлость, есть обстоятельство, которое, само собою, доказываетъ, что Государыня не имѣла намѣренія руководствоваться прежними религіозными предубѣжденіями и предразсудками, относительно евреевъ, не желала дѣйствовать на основаніи предвзятыхъ на нихъ взглядовъ, какъ на людей, по ихъ племени и вѣрѣ, безусловно вредныхъ для государства, и не видѣла, вообще, потребности ставить ихъ подъ своимъ скипетромъ, въ какое либо исключительное отъ прочихъ подданныхъ положеніе.

Это не преминуло обнаружиться и въ болѣе осязательныхъ чертахъ. По успѣшномъ окончаніи переговоровъ о присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, состоялся 11 Августа 1772 года Именной указъ «о принятіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши провинцій», которымъ повелѣно графу Чернышеву, какъ генералъ-губернатору этого края, по приложенному къ указу плакату, объявить объ этомъ политическомъ событіи мѣстнымъ жителямъ, съ приведеніемъ ихъ къ присягѣ, каждаго по закону его вѣры.

Вышесказанный плакатъ, составленный и изложенный въ духѣ Наказа, который былъ данъ генераламъ Каховскому и Кречетникову, содержитъ формулировку оповѣщенія жителей края о вступленіи ихъ въ русское подданство, съ торжественнымъ заявленіемъ, отъ лица Императрицы, тѣхъ началъ и основаній, какихъ Государыня была намѣрена держаться въ своемъ образѣ дѣйствія, по отношенію къ новымъ своимъ подданнымъ. Плакатъ этотъ былъ тогда прочитанъ въ церквахъ, прибитъ въ разныхъ мѣстахъ, для его всенароднаго прочтенія, и записанъ въ городскихъ книгахъ. По государственной важности этого

документа, которымъ ярко обрисовывается предначертанная Великою Монархиною политика, относительно жителей присоединенныхъ областей и провинцій, въ томъ числѣ, и относительно евреевъ, нелишне привести здѣсь нѣкоторыя мѣста плаката, въ подлинномъ ихъ текстѣ. Онъ начинается такимъ образомъ: «Я Графъ Захаръ Чернышевъ объявляю... всѣмъ вообще жителямъ, всякаго чина и званія, присоединенныхъ отъ Рѣчи Посполитой Польской на вѣчныя времена къ Имперіи Всероссійской мѣста и земель... (слѣдуетъ описаніе земель и ихъ границъ)... отъ нынѣ навсегда имѣютъ (мѣста и земли) состоятъ подъ скипетромъ Россійской Имперіи, жители же оныхъ земель и владѣльцы, *какого бы рода и званія они ни были, въ подданствѣ онаго.* Чего ради и имѣлъ я, какъ учрежденный надъ оными отъ Ея Величества Генераль-Губернаторъ, точное Высочайшее повелѣніе торжественно обнадежить, прежде всего, собственнымъ Ея священнымъ Именемъ и словомъ (какъ то симъ публичнымъ плакатомъ, для всеобщаго свѣдѣнія и удостовѣренія и исполняю), всѣхъ Ея Величества новыхъ подданныхъ, а мнѣ любезныхъ теперь согражданъ, что Всемилостивѣйшая Государыня изволить не только всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ cadaго владѣніи и имуществѣ, но и совершенно ихъ подъ державою Своею усыновляя, всѣхъ и cadaго награждать, еще отнынѣ, въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія, всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе Ея подданные пользуются, такъ что *каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель* вступаетъ, съ самаго сего дня, во всѣ оному свойственныя выгоды, *по всему пространству Имперіи Россійской...* Черезъ торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществѣхъ цѣлости, собою разумѣется, что и Еврейскія общества, *жительствоющія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійскихъ городахъ и земляхъ* будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются: ибо человеколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подъ благословенною Ея Державою, доколь они, съ своей стороны, съ подлежащимъ повиновеніемъ *яко вѣрноподданные* жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ, по званіямъ своимъ, обращаться будутъ. Судъ и расправа да будутъ

продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именемъ и властію Ея Императорскаго Величества, съ наблюденіемъ строжайшаго правосудія».

Изъ этого видно, что принятіе евреевъ въ русское подданство совершилось на однихъ основаніяхъ съ прочими жителями, не только безъ всякихъ ограничительныхъ условій, относительно ихъ правъ жительства въ Россіи и другихъ гражданскихъ правъ; но съ значительною, по отношенію къ ихъ вѣроисповѣданію, прерогативою, заключающеюся въ томъ, что евреямъ, въ то же время, даровано право существованія въ государствѣ отдѣльными отъ прочаго населенія еврейскими обществами, за которыми признано значеніе *юридическихъ лицъ*, хотя и въ видѣ особой Монаршей милости, безъ требованія отъ тѣхъ обществъ чего либо иного, кромѣ ихъ повиновенія правительству и занятія евреями ихъ торгами и промыслами. Эта прерогатива, которая не была предоставлена жителямъ всѣхъ прочихъ исповѣданій, не исключая православнаго, имѣла своею причиною извѣстный взглядъ на евреевъ, какъ на особый народъ или націю, нуждающуюся, по своимъ обычаямъ и вѣрованіямъ, въ особомъ устройствѣ и управленіи, лишеніе которыхъ людей еврейскаго закона представлялось, въ то время, какъ бы стѣсненіемъ свободы ихъ исповѣданія, чего Государынѣ, на первыхъ же порахъ, не желалось допустить. Это было, однако, нѣкоторою политическою ошибкою, такъ какъ такое преимущество послужило къ разъединенію евреевъ, въ общественномъ отношеніи, съ прочими жителями и, какъ будетъ объяснено ниже, было однимъ изъ главныхъ, впослѣдствіи, поводовъ къ установленію различія въ правахъ евреевъ, ограничительнаго свойства. При всемъ томъ, остается несомнѣннымъ, что по смыслу приведенныхъ политическихъ актовъ, евреи, въ числѣ прочихъ жителей Бѣлоруссіи не были приняты подъ русскій скипертъ подъ какими либо исключительными условіями, кромѣ выполненія лежащей на каждомъ подданномъ общей обязанности жить въ повиновеніи правительству и заниматься законными промыслами. Это и не могло быть иначе, такъ какъ по значительному числу евреевъ въ присоединенномъ краѣ и нахожденію не менѣе значительныхъ ихъ массъ въ сосѣднихъ съ нами державахъ: Польшѣ, Австріи и Пруссіи, — высылка ихъ за «рубежъ» сдѣлалась, съ того времени, мѣрою уже невыполнимою. Постигая это вполне, Екатерина Великая недопускала и мысли о какой либо условности въ принятіи евреевъ въ свое подданство, вслѣдствіе чего, они и вошли въ составъ русскаго народонаселенія, наравнѣ съ прочими подданными.

Для руководства же мѣстныхъ властей въ ихъ дѣйствіяхъ по собранію точныхъ свѣдѣній о народонаселеніи и другихъ предметахъ, касавшихся присоединенныхъ мѣстностей и земель, къ вышеупомянутому Именному указу, вмѣстѣ съ плакатомъ, были приложены образцы формъ: 1) для перечневыхъ вѣдомостей изъ семейныхъ списковъ о числѣ городовъ и селеній въ повѣтахъ и въ нихъ жителей, *въ томъ числѣ и евреевъ*, въ городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ и деревняхъ, и 2) для посемейныхъ списковъ жителей въ повѣтахъ, приходахъ и селеніяхъ, съ графою для камеральныхъ примѣчаній и графами, для показанія каждаго съ семействомъ, *въ томъ числѣ и евреевъ*, въ городахъ и мѣстечкахъ—по торговымъ и другимъ занятіямъ, а въ селеніяхъ—по хатамъ (П. С. З., т. XIX, № 13850).

Нельзя, при этомъ, не обратить, однако, вниманія, что въ то время, какъ въ плакатѣ послѣдователи еврейскаго закона названы «евреями», имъ было присвоено въ вышесказанныхъ образцахъ формъ презрѣнное названіе «жидовъ», — обстоятельство, которое не могло не обнаружить весьма неблагопріятнаго вліянія на взгляды мѣстной администраціи, относительно послѣдователей еврейскаго закона. Но нужно полагать, что это было сдѣлано помимо воли и желанія Императрицы, такъ какъ составленные образцы тѣхъ формъ, будучи предметомъ второстепеннымъ, по всей вѣроятности, къ прочтенію Государыни поднесены не были.

Вниманіе Императрицы было обращено, конечно, на одинъ только плакатъ, въ точности опредѣлявшій общія начала ея политики, относительно новыхъ ея подданныхъ, въ присоединенномъ отъ Польши краѣ, въ томъ числѣ и евреевъ,—начала, во всемъ согласныя съ выраженными въ вышеупомянутыхъ Наказахъ. Геній Императрицы исполнѣ постигалъ, что проявлявшіяся у насъ порой, въ политической сферѣ, мѣры религіозно-политической нетерпимости къ евреямъ, не соотвѣтствуя общимъ понятіямъ о человѣческихъ правахъ, ни истинному ученію православной вѣры, не соотвѣтствуютъ и требованіямъ здравой политики, и что колъ скоро евреи, жившіе въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ, были формально приняты въ русское подданство и сдѣлались такою составною частію русскаго народонаселенія, которая никакими правительственными мѣрами не могла уже быть изъ него вытѣснена и устранена, то подданные этого исповѣданія, въ интересахъ самаго государства, не могли и не должны были уже подвергаться какимъ либо стѣснительнымъ, а тѣмъ болѣе

унизительнымъ для нихъ различіямъ въ правахъ отъ прочихъ подданныхъ. Поэтому, до вослѣдованія двухъ ограничительныхъ Именныхъ указовъ 23 Декабря 1791 и 23 Іюня 1794 года, приведенныхъ ниже и относящихся, по времени ихъ появленія, къ самому концу царствованія Екатерины II, нѣтъ слѣдовъ, чтобы Государыня имѣла какую либо мысль, относительно локализациі многочисленнаго уже, въ то время, населенія евреевъ, ограниченіемъ ихъ правъ жительства, торговли и промысловъ Бѣлоруссіею и другими возсоединенными областями древней нашей Руси, какъ зла, отъ котораго надлежало ограждать остальные части Имперіи.

Дѣйствуя со дня присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи, постоянно, въ духѣ и направленіи установленныхъ ею политическихъ началъ о свободѣ исповѣданій и равенствѣ въ правахъ всѣхъ подданныхъ, «безъ различія народа и закона» (вѣры), каковое выраженіе, встрѣчающееся во многихъ ея указахъ, было, можно сказать, однимъ изъ девизовъ внутренней ея политики, Императрица, въ періодъ самой энергической своей дѣятельности, два десятилѣтія, держалась твердо сказанныхъ началъ по отношенію и къ евреямъ, видя въ безпорядкахъ, какіе приписывались имъ, причину зла не столько въ нихъ, сколько въ неблагоустройствахъ мѣстнаго управленія.

Сдѣлаемъ сперва обзоръ тѣхъ касавшихся евреевъ мѣръ и распоряженій, которыя находились въ согласіи съ личными взглядами и убѣжденіями Императрицы, выраженными, въ Наказѣ 1767 года, въ плакатѣ и вышеупомянутомъ Наказѣ правителямъ Бѣлорусскаго края, а за тѣмъ, объяснимъ и причины той неустойчивости этой политики, какая произошла не-задолго до кончины Государыни.

Вслѣдъ за вступленіемъ русской администраціи въ управленіе тѣмъ краемъ, а именно 13 Сентября 1772 года, тамошній генералъ-губернаторъ, графъ Чернышевъ, представилъ на воззрѣніе Императрицы докладные пункты, съ своими предположеніями объ устройствѣ порядка мѣстнаго тамъ управленія.

Седьмымъ изъ этихъ докладныхъ пунктовъ, графомъ Чернышевымъ было предположено, между прочимъ, съ цѣлью огражденія крестьянъ отъ излишнихъ сборовъ и отягощенія неумѣренными работами, со стороны арендаторовъ населенныхъ имѣній, которыми, преимущественно, были евреи, установить для такихъ арендъ пятилѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы сказанныхъ имѣній имѣли право сдавать ихъ въ аренду не иначе, какъ по Именнымъ, каждый

разъ на то, указамъ Высочайшей власти. Но Императрица, какъ бы отклонила эту чрезвычайную мѣру, начертавъ собственноручно противъ этого пункта резолюцію слѣдующаго содержания: «сдѣлать съ арендаторами контракты, коибы охраняли отъ разоренія тѣхъ деревень». Изъ этой общей мѣры, признававшейся Императрицею достаточною для огражденія интересовъ крестьянскаго населенія, не сдѣлано никакихъ исключеній, относительно собственно евреевъ (П. С. З., т. XIX, № 13865).

За симъ, когда въ 1772 же, а потомъ въ 1774 году, по представленію графа Чернышева, были дарованы мѣстнымъ жителямъ Бѣлорусскихъ губерній временныя льготы отъ платежа податей, то льготы эти, каждый разъ, были распространяемы, въ одинаковой мѣрѣ, и на евреевъ. При уменьшеніи же, въ 1779 году, для тѣхъ же жителей положеннаго оклада податей на половину, такое точно облегченіе было предоставлено и евреямъ (П. С. З., т. XIX, №№ 13923 и 14113; т. XX, № 14892).

Къ этому предмету имѣетъ прямое отношеніе и Именной указъ Императрицы 10 Марта 1781 года, воспослѣдовавшій на имя генераль-прокурора, въ лицѣ котораго сосредоточивался, въ то время, высшій надзоръ за точнымъ примѣненіемъ въ Имперіи законовъ и соблюденіемъ надлежащей справедливости по дѣламъ, касавшимся всѣхъ, вообще, частей гражданскаго управленія государствомъ. Въ указѣ томъ, по поводу установленнаго съ купеческихъ капиталовъ однопроцентнаго сбора, разъяснена, между прочимъ, воля Государыни, что исповѣданіе торгующихъ не долженствуетъ служить поводомъ ни къ какому различію: «слѣдовательно, сказано въ указѣ, кто бы какого закона ни былъ, ни больше ни меньше установленнаго платить не обязанъ» (П. С. З., т. XXI, № 15130, п. 1). Изъятія изъ этого общаго постановленія, по отношенію къ торгующимъ лицамъ изъ евреевъ, въ то время, никакого установлено не было; изъ чего можно заключать, что требованіе верховной власти о соблюденіи справедливой равномѣрности во взиманіи вышесказаннаго сбора распространялось, въ одинаковой степени, на торговыхъ людей и еврейскаго исповѣданія, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ и пользовавшихся правами русскаго гражданства.

Въ 1781 году, Именнымъ указомъ повелѣно взимать за винную сидку со всѣхъ жителей Бѣлорусскихъ губерній одинаковую подать, *безъ различія ихъ рода и закона* (П. С. З., т. XXI, № 15274). Слѣ-

довательно, и въ этомъ случаѣ, не было допущено въ отношеніи евреевъ, какихъ либо особыхъ отягощеній, значительнѣйшихъ въ сравненіи съ прочими подданными.

Нѣкоторое время передъ этимъ, а именно 7 января 1780 года, по возбужденному графомъ же Чернышевымъ вопросу о правѣ евреевъ записываться въ купечество въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой, ¹⁾ состоялся Именной указъ, въ которомъ прямо сказано: «Мы черезъ сіе волю Нашу объявляемъ, что въ томъ имъ (евреямъ) препятствовать не слѣдуетъ, поступая, впрочемъ, что до платежа капиталовъ принадлежитъ, по точной силѣ приложенныхъ при манифестѣ нашемъ отъ 17 апрѣля 1775 года статей и именно ст. 47». Манифестомъ же этимъ и статьями, къ нему приложенными, разрѣшено записываться въ купечество, повсемѣстно въ Имперіи, всѣмъ вообще мѣщанамъ, объявившимъ капиталъ свыше 500 руб., съ освобожденіемъ ихъ, по запискѣ въ купечество, отъ платежа подушной подати ²⁾. Разъясненіе Императрицею, какъ Законодательницею, что, въ отношеніи записки въ купечество, къ евреямъ слѣдуетъ примѣнять общія узаконенія, какія существовали, въ то время, для горожанъ, равныхъ съ ними состояній, ясно доказываетъ, что Императрица не имѣла въ мысляхъ ограничивать сказанное право, для евреевъ, одними Бѣлорусскими губерніями. Между тѣмъ, указъ тотъ появился подъ заглавіемъ «о дозволеніи евреямъ, обитающимъ въ Могилевской и Полоцкой губерніяхъ, записываться въ купечество», — что могло, конечно, давать, впоследствии, поводъ къ истолкованію права торговли евреевъ въ ограничительномъ смыслѣ (П. С. З., т. XX, № 14962).

Законодательная воля Императрицы, относительно уравниенія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, усматривается, далѣе, и изъ Именнаго ея указа 3 мая 1783 года, которымъ было постановлено, между прочимъ, что евреи, въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ пребывающіе, должны обложены быть податями по состоянію, въ какое они запишутся, *«безъ различія закона и народа»* (П. С. З. т. XXI, № 15724, III, п. 6).

¹⁾ Ниже будетъ объяснена причина возбужденія подобнаго вопроса самимъ объявителемъ плаката, въ силу котораго дарованы были евреямъ права русскаго гражданства, наравнѣ съ прочими подданными.

²⁾ Манифестъ о Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостей, по случаю заключенія мира съ Портою Оттоманскою (П. С. З., т. XX, № 14,275).

Это направленіе законодательныхъ предначертаній Екатерины II, по отношенію къ евреямъ, усматривается еще яснѣе и положительнѣе изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ 1785 году, двумя Именными указами Императрицы, состоявшимися въ одинъ и тотъ же день, а именно 4 Февраля, разрѣшено, какъ Россійскимъ вольнымъ людямъ, такъ и иностранцамъ, «безъ различія, также, закона и народа», селиться и записываться въ мѣщанство и купечество въ возвращенномъ отъ Курляндіи къ Рижской губерніи и переименованномъ, тогда, въ посадъ, мѣстечкѣ Шлокѣ, какъ равно во всѣхъ вообще уѣздныхъ городахъ Рижской и Ревельской губерній. При чемъ, относительно Россійскихъ вольныхъ людей, т. е. свободныхъ состояній, сдѣлана въ тѣхъ указахъ ссылка на вышеупомянутый Манифестъ 17 Марта 1775 года, сила котораго, какъ объяснено выше, распространена, передъ этимъ, Именнымъ указомъ 7 Января 1780 года, и на евреевъ; почему, относительно, правъ на сказанную записку тѣхъ изъ нихъ, которые обитали въ Бѣлоруссіи и состояли въ русскомъ подданствѣ, не могло быть никакого сомнѣнія. При этомъ, въ вышесказанныхъ указахъ 4 Февраля, не было сдѣлано уже ссылки на Именной указъ Императрицы 4 Декабря 1762 года, состоявшійся въ годъ возшествія Государыни на престолъ и содержавшій подтвержденіе прежнихъ распоряженій о недопущеніи иностранныхъ евреевъ въ Россію. Неупоминаніе объ этомъ указѣ и включеніе въ указѣ 4 Февраля словъ: «безъ различія закона и народа» — само собою указывало на отмѣну дѣйствовавшаго прежде, ограничительнаго постановленія, относительно иностранныхъ торговыхъ людей изъ евреевъ. Но какъ до того, въ виду такого постановленія, не отмѣненнаго прямымъ образомъ Высочайшимъ указомъ, со стороны мѣстныхъ властей Рижской и Ревельской губерній, встрѣчались постоянныя затрудненія къ разрѣшенію, вообще, евреямъ селиться и торговать, какъ въ посадѣ Шлокѣ, такъ и уѣздныхъ городахъ вышесказанныхъ губерній, то купцы изъ иностранныхъ евреевъ, въ г. Митавѣ, еще до состоянія вышеупомянутыхъ однодневныхъ указовъ, вошли къ посланному въ г. Ригу Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Воронцову съ ходатайствомъ объ устраненіи тѣхъ препятствій, которое было повергнуто на воззрѣніе Императрицы. Вслѣдствіе такого ходатайства, одновременно съ тѣми указами, т. е. 4 же Февраля, состоялся еще третій Именной указъ, въ которомъ Императрица, относительно сказанныхъ иностранныхъ еврейскихъ

купцовъ, выразила Рижскому Генералъ-Губернатору, Графу Броуну, свою державную волю слѣдующимъ образомъ: «когда же мы указомъ нашимъ позволили всѣмъ иностранцамъ, *безъ различія народа и закона*, записываться въ мѣщанство и купечество сего посада, равно какъ и другихъ городовъ, на кое сіе простирается, и пользоваться выгодами, правами и свободою въ отправленіи торговъ, промысловъ ремеслъ, кои вообще купечеству и мѣщанству російскимъ, по узаконеніямъ нашимъ, присвоены, то и ничто не препятствуетъ удовлетворить требованію помянутыхъ еврейскихъ купцовъ, на каковомъ основаніи вы съ ними и поступите» (П. С. З., т. XXII, № 16146). Если предположить, что ограничительный указъ объ иностранныхъ евреяхъ 4 Декабря 1762 года, до этого не былъ отмѣняемъ и еще дѣйствовалъ, то нельзя, во всякомъ случаѣ сомнѣваться, что за силою послѣдняго изъ трехъ приведенныхъ указовъ, онъ не могъ уже имѣть дальнѣйшаго дѣйствія, какъ состоявшійся въ духъ еще той политики, относительно евреевъ, какой держалось русское правительство, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Характеристическое различіе этихъ двухъ политикъ усматривается изъ другаго подобнаго же случая. Изъ него видны, какъ личные взгляды Императрицы Екатерины Великой на подданныхъ еврейскаго исповѣданія и отношенія къ нимъ государственной власти, такъ и склонность правительства пользоваться удобными предлогами, чтобы подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ евреямъ, противодействовать уравнинію ихъ въ правахъ съ прочими подданными. Случай этотъ слѣдующій.

Въ 1786 году, нѣкоторые изъ жившихъ въ Бѣлорусскихъ городахъ евреи, испытывая, вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами, разныя притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей, которыя, вопреки торжественно объявленной въ вышепомянутомъ плакатѣ державной воли Императрицы, стали, съ самаго начала, допускать произвольныя дѣйствія по отношенію къ евреямъ, ограничивать ихъ права и отказывать имъ даже въ надлежащемъ правосудіи, рѣшились войти съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о своихъ нуждахъ и защитѣ отъ такого несогласнаго съ волею Императрицы образа дѣйствія мѣстной администраціи.

Принявъ это прошеніе благосклонно и передавая его на разсмотрѣніе Сената, при словесномъ указѣ, объявленномъ Генералъ-Прокурору Полоцкимъ и Могилевскимъ Генералъ-Губернаторомъ Пассекомъ,

Императрица «примѣтитъ указала, что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ Ея Величества, *въ состояніе равное съ другими*, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать *правило, Ея Величествомъ установленное*, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, *безъ различія закона и народа*».

Нельзя было, кажется, Императрицѣ выразить яснѣе своей законодательной воли, относительно безусловнаго уравниенія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными. Ни это повелѣніе Императрицы, ни предшествующія верховныя ея распоряженія не давали правительству ни малѣйшаго повода къ установленію для евреевъ какихъ либо различій въ правахъ съ прочими подданными, ограничительнаго свойства, въ томъ числѣ и по отношенію къ ихъ праву повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Сенату, который былъ, въ то время, ближайшимъ органомъ законодательной власти, надлежало, слѣдовательно, не устанавливая, въ отношеніи евреевъ, никакихъ исключительныхъ мѣръ, разъяснить мѣстному начальству настоящій смыслъ державной воли Императрицы и отмѣнить всѣ распоряженія его, которыя не были съ этою волею согласны. Тѣмъ не менѣе Сенатъ поступилъ иначе.

Не распространивъ на евреевъ, какъ надлежало, дѣйствія общихъ узаконеній, Сенатъ призналъ нужнымъ, въ видѣ изъятія изъ нихъ, установить какъ бы особыя правила для еврейскаго народа, которыя появились въ его указѣ, состоявшемся 7 Мая 1786 г., подъ заглавіемъ: «объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности».

Изъ этого указа видно, что Сенатъ, на основаніи предложеннаго ему генералъ-прокуроромъ къ исполненію Высочайшаго указа, хотя и примѣнилъ къ правамъ евреевъ начала равенства, но въ то же время, ввелъ въ свои постановленія такія мѣры, которыя состояли съ тѣми началами въ противорѣчій и, вмѣстѣ съ другими сенатскими же мѣрами и распоряженіями, о коихъ будетъ сказано ниже, положили основаніе тому исключительному положенію евреевъ въ государствѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время. Мѣры и распоряженія эти болѣе соотвѣтствовали постановленіямъ польскаго правительства, которыя, совершенно противоположно съ направленіемъ законодательныхъ идей русской Государыни, были пропитаны духомъ исключительныхъ льготъ и привилегій.

Приступивъ къ разсмотрѣнію ходатайствъ, заключавшихся, какъ въ вышесказанномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, такъ и въ поступившихъ, за тѣмъ, дополнительныхъ къ нему прошеніяхъ и запискахъ тѣхъ же евреевъ, Сенатъ призналъ нужнымъ разрѣшить, прежде всего, вопросъ объ ихъ домогательствѣ на свободное въ городахъ винокурение, пиво и медоварение, съ продажею этихъ питей оптомъ и въ розницу, помимо отдававшихся въ откупъ питейныхъ домовъ.

Просьбу эту Сенатъ, согласно съ заключеніями мѣстныхъ начальствъ, губернскаго и главнаго, весьма справедливо призналъ неправильною и въ ней евреямъ отказалъ, такъ-какъ удовлетвореніе подобнаго домогательства не имѣло бы инаго значенія, какъ допущенія, въ пользу евреевъ, исключительной льготы или привилегіи, въ нарушеніе существовавшаго, тогда, общаго питейнаго закона 3 мая 1782 года, воспрещавшаго всѣмъ, вообще, вышесказанную продажу питей. Отказъ этотъ вполне согласовался, слѣдовательно, съ началами равенства, указанными Императрицею. Придерживаясь какъ бы этихъ же началъ и въ дальнѣйшихъ своихъ постановленіяхъ, Сенатъ призналъ возможнымъ, на основаніи того же самаго питейнаго закона, предоставить евреямъ право одинаковаго съ прочими подданными участія въ торгахъ, при взятіи питей на откупъ, съ преимуществомъ, какое было установлено для горожанъ надъ иногородными, и съ тѣмъ, чтобы въ отношеніи устроенныхъ уже евреями въ городахъ винокурень и другихъ строеній, судебными мѣстами было поступлено безобидно для нихъ, «и конечно, сказано въ указѣ, *не отягощая ихъ противу другихъ равнаго состоянія людей*». Установивъ, такимъ образомъ, равенство евреевъ съ прочими подданными, по торговлѣ питіями, и руководствуясь, повидимому, строго этимъ основаніемъ, Сенатъ, вообще, въ огражденіе правъ евреевъ, постановилъ, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же указѣ, слѣдующія правила и мѣры: 1) объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для евреевъ и несогласныхъ съ дѣйствовавшими, въ то время, общими узаконеніями распоряженій генералъ-губернатора и намѣстническихъ правленій, относительно воспрещенія евреямъ брать, а помѣщикамъ, имъ отдавать въ своихъ деревняхъ, въ арендное содержаніе, винокурень и корчемъ; 2) о допущеніи евреевъ къ выборамъ «въ судейскія и прочія купечества и мѣщанства должности» и о составленіи изъ нихъ и другихъ, христіанскаго закона гражданъ городскихъ магистратовъ, ратушъ и городскихъ думъ», соразмѣрно по количеству каждаго риту, «по точной силѣ жалованной

городамъ 21 апрѣля 1785 года, грамоты ¹⁾); 3) о доставленіи евреямъ, по ихъ дѣламъ, *правосудія*, равномѣрно и всякихъ по торгамъ и промысламъ и по городовому праву выгодъ, наравнѣ съ прочими подданными, *безъ различія закона вѣры*, а также о допущеніи евреевъ, по дѣламъ, къ свидѣтельскимъ показаніямъ, подѣ присягою, по обрядамъ ихъ вѣры ²⁾), почему въ домогательствѣ евреевъ объ учрежденіи особыхъ еврейскихъ судовъ Сенатомъ было отказано; 4) о предоставленіи евреямъ права по дѣламъ, касающимся ихъ духовенства и обрядовъ вѣры, судиться и разбираться, по прежнему, въ уѣздныхъ и губернскихъ кагалахъ, учрежденныхъ, какъ будетъ объяснено ниже, по инициативѣ графа Чернышева, тотчасъ, по присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, съ присвоеніемъ такимъ кагаламъ, по дѣламъ евреевъ, не только духовной, но и гражданской даже юрисдикціи ³⁾); 5) о предоставленіи евреямъ, съ жалобами на вымогательство съ нихъ помѣщиками и другими лицами, за построенныя ими на ихъ земляхъ дома и другія строенія, платежа поземельныхъ денегъ, сверхъ договорныхъ цѣнъ, обращаться въ подлежащія судебныя мѣста; причемъ, Могилевскому и Полоцкому намѣстническимъ правленіямъ вмѣнено въ обязанность разсматривать ихъ «на основаніи законовъ и съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ коими дѣла прочихъ Бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются»; изъ чего можно заключить, что нашими русскими судами и, вообще, нашими русскими мѣстными властями былъ принятъ и весьма скоро усвоенъ, по отношенію къ евреямъ, неправосудный образъ дѣйствія прежнихъ польскихъ судовъ и властей;

¹⁾ Городовое положеніе, п. к., ст. 127 (П. С. З., т. XXIII № 16,188).

²⁾ Ниже мы увидимъ, что не смотря на это распоряженіе, мѣстныя власти, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, придерживаясь древнихъ польскихъ статутовъ, продолжали и послѣ того устранять евреевъ отъ свидѣтельскихъ показаній по дѣламъ христіанъ, что послужило, въ царствованіе Императора Александра I, поводомъ къ возбужденію объ этомъ законодательнаго даже вопроса (см. ниже).

³⁾ Хотя сказаннымъ распоряженіемъ Сената юрисдикція кагаловъ была ограничена одними религіозными дѣлами евреевъ, но кругъ ея дѣйствія былъ, однако, и послѣ того не малымъ, если принять во вниманіе, что, въ то время, къ религіознымъ дѣламъ евреевъ, предоставленнымъ самостоятельному завѣдыванію ихъ обществъ и кагаловъ, относились всѣ дѣла брачныя, по устройству синагогъ, молитвенныхъ домовъ, благотворительныхъ учреждений, по образованію юношества, учрежденію школъ, общественнымъ денежнымъ сборамъ, и т. п.

6) объ оказаніи евреямъ возможныхъ вспомошествованій, по дѣламъ о раздачѣ мѣстъ въ городахъ подъ постройки домовъ, и о вознагражденіи такими мѣстами помѣщиковъ, взамѣнъ ихъ земель, заселенныхъ евреями, «не нарушая токмо ничьей, безъ надлежащаго удовлетворенія, собственности» и не ссылаясь на прежніе польскіе законы и установленія, *относительно различія евреевъ отъ христіанъ*, «поелику, сказано въ Сенатскомъ указѣ, войдя они, по запискѣ ихъ въ купечество и мѣщанство, въ равное съ прочими состояніе и платя въ казну равныя подати, также и нося прочія наравнѣ съ другими тягости, должны, во всякомъ случаѣ, защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными»; 7) о вознагражденіи евреевъ, за отчуждаемыя отъ нихъ въ городахъ на общественную пользу дома, *также наравнѣ съ прочими жителями*, отъ которыхъ послѣдовали такія отчужденія, не изъемя ихъ отнюдь отъ сего удовлетворенія противъ другихъ, «*по различію единственно въ законѣ*», каковое постановленіе Сената даетъ право предполагать существованіе случаевъ, что, первое время, у евреевъ отбиралось имущество по произволу административныхъ властей и что этими властями не всегда, слѣдовательно, исполнялись, по отношенію къ евреямъ, существовавшія и въ то время, общія узаконенія о неприкосновенности правъ частной собственности на имущества, пріобрѣтенныя законными путями; 8) о непринужденіи евреевъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство, а также живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, *преждевременно* селиться въ городахъ; равнымъ образомъ, о невоспрещеніи имъ «заниматься по уѣздамъ промысломъ и работами, съ дозволенія общества по даваемымъ паспортамъ ¹⁾», особенно когда въ городахъ не имѣется свободныхъ мѣстъ, для построекъ домовъ, и когда неизвѣстно, могутъ ли они найти себѣ тамъ средства къ пропитанію, такъ-какъ и законами не запрещено торгующимъ отлучаться изъ городовъ, лишь бы они платили лежащія на нихъ подати бездоимочно»,—что ведетъ къ прямому

¹⁾ Это, само собою, придавало еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ, независимо отъ религіознаго, и административное значеніе, такъ какъ ихъ власти были, одновременно, подчинены дѣла, касавшіяся мѣстопробыванія, отлучекъ и занятій евреевъ торговлею и промыслами; почему, мнѣніе профессора Бершадскаго, что Екатерининскимъ законодательствомъ отрицалось, будто, за кагалами всякое официальное значеніе, не можетъ быть признано вполне правильнымъ (Литовск. Евр., 1883 г., стр. 57).

заключенію, что въ административныхъ властяхъ, съ самаго начала вступленія евреевъ въ русское подданство, проявилось стремленіе къ сосредоточенію ихъ населенія, исключительно въ городахъ, съ явною цѣлью оттѣсненія ихъ отъ земледѣлія и сельской промышленности, по предвзятому взгляду, что евреи, вообще, могутъ заниматься только торговыми и денежными дѣлами,—взгляду, вполне, какъ видно, не отвергавшемуся и самимъ Сенатомъ; 9) о предоставленіи евреямъ установленныя съ нихъ государственныя подати и общественныя сборы, за исключеніемъ процентовъ съ объявленныхъ купцами капиталовъ, платить въ казну *по свободной между собою раскладкѣ*, ¹⁾ подобно тому, какъ это предоставлено Именнымъ указомъ 3 Мая 1783 года, въ малороссійскихъ намѣстничествахъ, казакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ казеннаго вѣдомства; причитающіеся же казнѣ съ объявленныхъ капиталовъ проценты постановлено взыскивать сколько съ кого слѣдуетъ; 10) объ истребованіи отъ Рижскаго Намѣстническаго Правленія объясненія почему въ г. Ригѣ допущено воспрещеніе евреямъ, пріѣзжающимъ съ товарами, имѣть свободныя квартиры, а также объ отказѣ, въ то же время, въ просьбѣ евреевъ о разрѣшеніи имъ безпрепятственной записки въ окладѣ Рижскаго форштата, наравнѣ съ прочими иногородными купцами, для свободной тамъ торговли, на томъ основаніи, что *о свободной ихъ запискѣ въ купечество и мѣщанство въ другихъ городахъ, кромѣ Бѣлорусскихъ губерній, не имѣется особаго Высочайшаго повелѣнія* (П. С. З., т. XXII, № 16391).

Многими предполагается, что этимъ Сенатскимъ опредѣленіемъ и содержащимися въ немъ правилами установлено санкціонированное законодательною властію особое положеніе о евреяхъ, а слѣдовательно съ вѣдома и согласія самой Императрицы. Объ ошибочности такого предположенія будетъ объяснено ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что послѣднее изъ приведенныхъ постановленій Сената, которымъ признано, что евреи не имѣютъ права селиться и промышленяты внѣ городовъ

²⁾ Предоставленіемъ евреямъ общественной между собою раскладки податей, въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ, положено начало солидарной отвѣтственности еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ за исправный взносъ податей причисленныхъ къ нимъ евреевъ, а слѣдовательно, и ихъ податной отъ нихъ зависимости. Поэтому, нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Профессора Бершадскаго, что Екатерининскимъ законодательствомъ податная зависимость евреевъ отъ ихъ обществъ и кагаловъ была совершенно, будто, устранена. (Лит. Евр., стр. 57).

Бѣлоруссіи, безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія, не имѣло никакого, въ сущности, законнаго основанія, какъ по смыслу объявленной Сенату воли Императрицы, при передачѣ на его разсмотрѣніе вышесказаннаго всеподданнѣйшаго прошенія евреевъ, такъ и въ виду приведенныхъ выше верховныхъ распоряженій Императрицы, которыми съ ясностью, исключавшею возможность инаго толкованія, евреямъ, жившимъ въ Бѣлоруссіи дарованы права полного гражданства, на всемъ пространствѣ Имперіи, какъ людямъ, вошедшимъ въ равныя состоянія съ прочими подданными. Если же вышеприведенными Именными указами 4 Февраля 1785 года всѣмъ вольнымъ людямъ, въ томъ числѣ и евреямъ, принадлежавшимъ къ числу такихъ же людей было разрѣшено свободно селиться въ посадѣ Шлокѣ и во всѣхъ городахъ Рижской и Ревельской губерній, за исключеніемъ городовъ губернскихъ: Риги и Ревеля, то это указывало только на существованіе особыхъ привилегій для этихъ послѣднихъ городовъ; изъ чего, никакъ нельзя было выводить заключенія, къ которому пришелъ Сенатъ, что для дозволенія евреямъ правъ жительства, торговли и промысловъ внѣ городовъ Бѣлорусскихъ губерній было необходимо испрошеніе на то, каждый разъ, Высочайшаго повелѣнія. Такое заключеніе въ опредѣленіи и указѣ Сената, было равносильно произвольной локализациі евреевъ въ Бѣлоруссіи и торговому отягощенію ими этой области, въ порядкѣ управленія, по текущему дѣлу, вопреки законодательной воли Императрицы, отнюдь не постановлять ничего исключительнаго, относительно евреевъ. Подобный образъ дѣйствія Сената имѣлъ уже тогда прецеденты въ такихъ же его опредѣленіяхъ и указахъ, какъ это будетъ объяснено ниже.

При всемъ томъ, самъ Сенатъ до конца царствованія Императрицы продолжалъ примѣнять къ евреямъ, въ иныхъ случаяхъ, указанное Государыней начало ихъ равенства въ правахъ съ прочими подданными. Такъ, за два года до Ея кончины, а именно 7 Сентября 1794 года, состоялся Именной указъ, которымъ распространенъ на евреевъ купческаго званія общій законъ, освобождавшій всѣхъ вообще лицъ этого званія отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, замѣненной для нихъ повинностію денежною, чрезъ взиманіе за каждаго рекрута по 500 рублей (П. С. З., т. XXIII, № 17249). Нужно замѣтить, впрочемъ, что евреи, по сложившимся о нихъ понятіямъ, не отбывали *de facto* натуральной рекрутской повинности и прежде, почему приведенною мѣрою, въ сущности, установленъ съ

евреевъ купческаго званія лишь новый денежный сборъ, въ пользу рекрутской повинности, чѣмъ, конечно, въ тоже время, установливалась свобода этого званія евреевъ отъ отбыванія ея натурою. Ниже мы увидимъ, что, вскорѣ, за симъ, всѣ вообще евреи были устранены Сенатомъ, *de jure*, отъ отбыванія рекрутской повинности натурою.

Изъ приведенныхъ данныхъ, ясно усматривается, что личныя воззрѣнія Императрицы на правовое положеніе въ государствѣ евреевъ, вступившихъ въ его подданство, были, въ сущности, тѣ же, какимъ слѣдуетъ нынѣ политика всѣхъ вообще европейскихъ державъ. Поэтому, несправедливо было бы смѣшивать, въ этомъ отношеніи, царствованіе Екатерины II съ царствованіями прежнихъ Императрицъ. Допущеніе подобнаго смѣшенія не имѣло бы инаго значенія, какъ предположенія, что Великая Монархиня могла не отдавать себѣ надлежащаго отчета о невозможности держаться прежней политики вытѣсненія евреевъ изъ предѣловъ государства, со времени принятія цѣлаго ихъ населенія въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи.

Ни въ одномъ изъ касавшихся евреевъ законодательныхъ предначертаній Императрицы, начиная съ принятія евреевъ въ русское подданство до появленія, въ концѣ ея царствованія, ограничительныхъ о нихъ постановленій, не встрѣчается слѣдовъ, чтобы Государыня имѣла политическую мысль установить, въ своей державѣ, особое еврейское званіе, учредить изъ евреевъ особый, приниженный, классъ людей, подвергнуть, съ этою цѣлію ихъ гражданскія права ограниченіямъ, въ томъ числѣ и ихъ права жительства въ Россіи, и этимъ путемъ, однѣ части Имперіи, въ видѣ какъ бы исключительной для нихъ льготы, отъ евреевъ освободить, а другія части ими отяготить, какъ людьми, преимущественно, торговаго класса, въ которомъ могъ ощущаться тамъ вредный для населенія избытокъ. Если же нѣкоторые, въ подтвержденіи Императрицею еврейскимъ обществамъ льготъ (свободъ), какими они пользовались при польскомъ владычествѣ, «въ разсужденіи, какъ сказано въ вышеупомянутомъ плакатѣ, закона (вѣры) и имущества», видятъ установленіе Государынею для евреевъ изъятія изъ общихъ условій гражданскаго быта, опредѣленныхъ въ томъ же плакатѣ для прочихъ жителей Бѣлоруссіи, то это весьма ошибочно. Содержащееся въ сказанномъ актѣ заявленіе воли Императрицы о совершенномъ усыновленіи подъ ея Державою новыхъ ея подданныхъ въ Бѣлоруссіи и о дарованіи имъ одинаковыхъ съ древними ея подданными правъ, вольностей и преимуществъ, на всемъ пространствѣ Импе-

ріи, относилось столько же къ евреямъ, сколько къ мѣстнымъ жителямъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Предоставленіе же, при этомъ, еврейскимъ обществамъ права юридическаго существованія въ государствѣ, съ сохраненіемъ за ними тѣхъ же льготъ, какими они пользовались въ Польшѣ, стѣснявшей только гражданскія права евреевъ, но не вмѣшивавшейся въ ихъ религіозныя дѣла (см. ниже), доказываетъ только, что Императрица изъ опасенія не оказать, въ чемъ либо, достаточной заботливости о благосостояніи своихъ новыхъ подданныхъ, въ томъ числѣ и евреевъ, и зная общее неуваженіе къ ихъ вѣрѣ, признала нужнымъ подтвердить особеннымъ образомъ ихъ религіозныя права, предвидя, что иначе, они могли бы стѣсняться властями въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣры, несогласно съ принятымъ Государынею началомъ свободы исповѣданій. Но даруя евреямъ преимущество существованія въ государствѣ отдѣльными обществами, въ смыслѣ *въпроисповідной прерогативы*, Государыня разумѣла, конечно, подъ сказанными обществами однѣ лишь религіозныя конгрегаціи евреевъ, не предполагая, по отсутствію, въ моментъ присоединенія Бѣлоруссіи, въ русской правительственной сферѣ всякихъ свѣдѣній о еврейскихъ обществахъ, чтобы они въ Польшѣ могли имѣть иное предназначеніе, кромѣ завѣдыванія религіозными дѣлами своего исповѣданія. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ будетъ объяснено ниже, польскимъ правительствомъ были допущены національно-гражданскіе оттѣнки въ устройствѣ тѣхъ обществъ, въ которыхъ, вслѣдствіе этого, скрывались, какъ главнѣйшія причины гражданской обособленности евреевъ, среди кореннаго населенія, такъ и главнѣйшія препятствія къ достиженію предначертанной Императрицею цѣли уравнианія евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ прочими подданными. Поэтому, оставленіе еврейскихъ обществъ, при тѣхъ свободахъ, какими они пользовались, во время польскаго владычества, противорѣчило, въ сущности, идеѣ сказаннаго равенства и составляло политическую ошибку, которая, при изъясненныхъ обстоятельствахъ, не могла не ускользнуть, конечно, отъ вниманія и самой Императрицы.

Если бы, въ то время, не существовали предубѣжденные взгляды на евреевъ, какъ на отдѣльную, чуждую въ государствѣ, націю, и лица, призванные Императрицею къ управленію Бѣлорусскимъ краемъ, усвоили себѣ вполнѣ ея политическія начала, то по инициативѣ мѣстной администраціи могло бы воспослѣдовать переустройство еврей-

скихъ обществъ на основаніяхъ, соотвѣтственныхъ тѣмъ началамъ, чѣмъ были бы устранены и препятствія къ достиженію желавшагося Великою Государынею сліянія евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ. Но мѣстныя власти и многіе государственные дѣятели того времени, въ составѣ Сената и внѣ его, не стояли на высотѣ изъясненныхъ политическихъ принциповъ Екатерины II. Они не были въ состояніи достаточно усвоить себѣ идеи равенства въ правахъ и свободы исповѣданій, особенно по отношенію къ евреямъ. Вслѣдствіе приниженаго положенія, въ какомъ русская администрація застигла евреевъ въ польскихъ провинціяхъ, мѣстныя тамъ власти, на первыхъ же порахъ, стали, и съ своей стороны, смотрѣть на лицъ, принадлежавшихъ къ еврейскому племени, какъ на людей безправныхъ, стоящихъ внѣ дѣйствія общихъ законовъ, — людей, надъ которыми могъ осуществляться ихъ личный произволъ, какъ надъ такими, которые по своему племени и вѣрѣ, предполагались чуждымъ и непріязненнымъ среди христіанскаго населенія элементомъ. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и господствовавшихъ тогда общихъ предубѣжденій и предразсудковъ противъ евреевъ, а также непріязненнаго настроенія къ нимъ торговыхъ классовъ христіанскихъ исповѣданій, всегда видѣвшихъ въ нихъ опасныхъ для себя конкурентовъ, а въ ихъ соперничествѣ съ ними — нарушеніе евреями торговыхъ правъ кореннаго купечества, злоупотребленіе и корыстныя стремленія къ эксплоатаціи христіанъ, — мѣстныя власти и даже высшее правительство, въ лицѣ тогдашняго Сената, признавъ въ принципѣ, съ самаго начала, потребность въ огражденіи христіанскаго населенія отъ лицъ еврейскаго исповѣданія, поставили себѣ какъ бы за правило руководствоваться, относительно ихъ, не законодательными предначертаніями Императрицы, но собственными взглядами и воззрѣніями на евреевъ, а также порядками, какіе были установлены, по отношенію къ нимъ, еще при польскомъ владычествѣ. Не постигая достаточно настоящихъ причинъ, побуждавшихъ Великую Монархиню дѣйствовать съ надлежащею терпимостію къ евреямъ, низшіе и высшіе органы правительственной власти, большею частію, объясняли это слишкомъ широкимъ примѣненіемъ Императрицею гуманныхъ къ нимъ началъ, и, подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій, а также своихъ личныхъ нерасположеній къ евреямъ и ихъ вѣрѣ, при весьма узкихъ и одностороннихъ, въ то же время, понятіяхъ своихъ о пользѣ государственной, считали долгомъ умѣрять предполагаемую

ими гуманность въ взглядахъ и образѣ дѣйствія Императрицы, неприведеніемъ въ точное исполненіе повелѣній и распоряженій верховной ея воли, относительно евреевъ. Такое постоянное ей противодѣйствіе, какъ исходившее отъ властей, близко стоявшихъ къ интересамъ мѣстнаго населенія и предполагавшихся практически съ ними знакомыми, имѣло послѣдствіямъ появленіе, подъ конецъ царствованія Екатерины II, нѣкоторыхъ ограничительныхъ мѣръ, изшедшихъ отъ лица самой Императрицы.

Для того, чтобы уяснить себѣ, въ извѣстной степени, эту реакцію какъ бы въ личныхъ взглядахъ и образѣ дѣйствія самой Государыни и ознакомиться съ послѣдствіями, какія имѣла, для государства, допущенная, относительно евреевъ, исключительность въ правительственныхъ мѣрахъ, необходимо вникнуть нѣсколько ближе въ общій ходъ дѣлъ, касающихся евреевъ, съ самаго начала ихъ вступленія въ русское подданство, въ числѣ жителей присоединенной къ Россіи Бѣлороссіи.

Изъ вышеупомянутаго плаката, которымъ первый правитель этого края, графъ Чернышевъ, оповѣстилъ его жителей о новомъ ихъ отечествѣ, а также изъ послѣдующихъ верховныхъ распоряженій Императрицы, видно, что Государыня неоспоримо имѣла твердое и непоколебимое намѣреніе отрѣшиться, въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія, отъ господствовавшихъ противъ евреевъ предразсудковъ и предубѣжденій, не подвергая ихъ гражданскихъ правъ ограниченіямъ, по различію только ихъ племени и закона вѣры.

Текстъ вышеприведеннаго плаката и послѣдующихъ указовъ Императрицы, а также неоднократно встрѣчавшееся въ нихъ выраженіе: «безъ различія народа и закона» (вѣры), свидѣлствуютъ о положительной волѣ Государыни усыновлять въ присоединявшихся къ Россіи силою оружія, а тѣмъ болѣе въ возсоединявшихся съ нею, безъ пролитія крови, областяхъ древней нашей Руси, всѣхъ ея новыхъ подданныхъ, какого бы рода, званія или вѣры они ни были, съ дарованіемъ имъ одинаковыхъ правъ и выгодъ съ прочими подданными, *на всемъ пространствѣ Имперіи*, не исключая изъ этого и подданныхъ *еврейскаго исповѣданія*, какъ это видно уже изъ того, что вышеозначенное выраженіе помѣщалось въ Именныхъ указахъ и тогда, когда рѣчь шла собственно о евреяхъ.

Мысль о равенствѣ въ правахъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія племени и вѣры, была строго проведена Императрицею и въ наказѣ,

который былъ данъ ею предназначившимся въ Бѣлоруссію правителямъ края, передъ присоединеніемъ его къ Россіи. Въ этомъ наказѣ, начертанномъ сообразно съ личными взглядами и волею Императрицы, ни слова, какъ уже сказано выше, не упоминается о евреяхъ, какъ объ исключительномъ какомъ либо народѣ или классѣ людей, для котораго требовался бы особый порядокъ управленія или отдѣльное отъ другихъ племенъ и народностей правовое въ государствѣ положеніе. Съ точки зрѣнія политическихъ началъ, какими руководствовалась великая Государыня, говорить въ такомъ смыслѣ о евреяхъ представлялось столь же неумѣстнымъ и несообразнымъ съ практическими интересами государства, какъ говорить, подобнымъ же образомъ, о татарахъ или другихъ народахъ и племенахъ, издревле, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, населявшихъ Россію. Это доказываетъ, что Екатериною II, какъ Законодательницею, вполнѣ сознавался лично тотъ принципъ, что къ какому бы племени и закону вѣры ни принадлежали жители той или другой мѣстности государства, но коль скоро они вступили въ его подданство, то не должны составлять уже въ немъ, не только *отдѣльнаго народа*, или націи, но даже *особаго класса людей*, а тѣмъ менѣе подчиняться правительствомъ какому либо исключительному образу дѣйствія, который вложился бы къ уменьшенію степени ихъ гражданскаго благосостоянія, сравнительно съ прочими подданными. Императрица, какъ видно изъ всѣхъ ея актовъ, отдавала себѣ вполнѣ ясный отчетъ, что благосостояніе каждаго изъ подданныхъ государства имѣетъ тѣсную и неразрывную связь съ благосостояніемъ всего его народонаселенія и что съ точки зрѣнія государственной пользы, а также въ интересахъ правосудія и справедливости, ограниченію правъ, какъ мѣръ карательнаго свойства, могутъ подвергаться не *классы жителей*, но лишь *отдѣльныя между ними личности*, за личную и вполнѣ констатированную вину.

Еще менѣе представляется основаній, судя по характеру извѣстныхъ политическихъ взглядовъ и принциповъ Екатерины II, къ предположенію, чтобы, въ ней могла присутствовать мысль о нарушеніи политическаго единства всѣхъ соединенныхъ подъ ея скипетромъ частей Имперіи, допущеніемъ какого либо различія между ними, собственно изъ за евреевъ, посредствомъ образованія *Руси съ евреями* и *Руси безъ евреевъ*. Но вслѣдствіе недостаточнаго уясненія себѣ большею частію изъ властей и государственныхъ дѣятелей того вре-

мени политическихъ принциповъ, къ установленію которыхъ стремилась Екатерина Великая, въ Монаршихъ попеченіяхъ объ общемъ благѣ своего государства, правительствомъ, въ моментъ присоединенія Бѣлорусскаго края, были допущены существенныя, по отношенію къ еврейскому въ немъ населенію, политическія ошибки, имѣвшія весьма неблагопріятныя послѣдствія и, при всемъ геніи Императрицы, отъ вниманія ея какъ бы ускользнувшія.

Одна изъ такихъ ошибокъ заключалась въ томъ, что въ вышеупомянутомъ плакатѣ, предназначавшемся для торжественнаго оповѣщенія жителей Бѣлорусскаго края о вступленіи ихъ въ русское подданство, составителями этого акта помѣщено нѣчто исключительное о евреяхъ, а именно: изъясненное выше подтвержденіе ихъ обществамъ льготъ и привилегій, какими они пользовались во время польскаго владычества, одновременно съ введенными имъ ограниченіями въ гражданскихъ ихъ правахъ. Дарованіе евреямъ, кромѣ равнаго состоянія съ прочими подданными, еще права юридическаго существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ отъ прочихъ подданныхъ еврейскихъ обществъ и въ смыслѣ, какъ объяснено въ вышесказанномъ плакатѣ, особой Монаршей милости, недопущенной относительно жителей всѣхъ другихъ въ Бѣлоруссіи племенъ и народностей, не исключая и тѣхъ которыя были православнаго исповѣданія, составляло такую, въ сущности, прерогативу, которая, нарушая начала равенства, тотчасъ присвоила у насъ евреямъ политическій оттѣнокъ какъ бы особаго въ государствѣ народа, или націи, скрѣпленной племенною и религіозною связью, въ силу самаго закона, въ отличіе отъ жителей другихъ вѣроисповѣданій и народностей. Другая ошибка заключалась въ томъ, что съ первыхъ же моментовъ присоединенія Бѣлоруссіи, прежде чѣмъ администрація русскаго правительства успѣла войти въ управленіе этимъ краемъ и ознакомиться ближе и самостоятельно съ евреями и ихъ бытомъ, государственные дѣятели, на обязанности которыхъ лежало составленіе сказаннаго плаката, подъ вліяніемъ своихъ предвзятыхъ о евреяхъ понятій, собственнымъ опытомъ не провѣренныхъ, поспѣшили изобразить ихъ въ этомъ торжественномъ и всенародномъ актѣ такимъ классомъ людей, которые какъ бы огульно всеяли преимущественныя опасенія, относительно ихъ гражданской и политической благонадежности. Это видно изъ слѣдующей, имѣющейся въ плакатѣ, оговорки: «доколѣ они (евреи) съ своей стороны, съ надлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные,

жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ своимъ обращаться будутъ»,—оговорки, какой не было сдѣлано въ отношеніи другихъ тамъ жителей иновѣрныхъ исповѣданій. При этомъ, нельзя упустить изъ виду и приведенное уже выше обстоятельство, что сообщая къ руководству мѣстныхъ властей, при томъ же плакатѣ, образцы формъ, для собранія разныхъ свѣдѣній о краѣ, правительство, преднамѣренно или нѣтъ, но значительно принизило, въ глазахъ тѣхъ властей, общечеловѣческое достоинство евреевъ, назвавъ ихъ въ тѣхъ образцахъ не евреями, а презрѣннымъ для христіанъ именемъ «жидовъ», что не согласовалось и съ болѣе соответствующими волѣ Императрицы словами самаго плаката: «ибо челоувѣколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ (евреевъ) исключить изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подѣ благословенною Ея державою...», и проч.

Присвоеніе вышесказаннымъ способомъ, съ самаго начала, евреямъ, вошедшимъ въ составъ русскаго народонаселенія, особой національной личности, съ изображеніемъ ея въ чертахъ для нихъ неблагоприятныхъ и даже унижительныхъ, и притомъ отъ имени какъ бы самой Императрицы, не могло не поставить евреевъ, сразу, въ возрѣніяхъ низшихъ и высшихъ властей, какъ людей, по отношенію къ которымъ надлежало вводить особый порядокъ и принять особый образъ дѣйствія. Это давало, нѣкоторымъ образомъ, законный поводъ и евреямъ продолжать, по прежнему, смотрѣть на себя, какъ на чуждое въ государствѣ племя, которому хотя и присвоены права русскаго гражданства, но которое, тѣмъ не менѣе, имѣетъ преимущество предъ прочими народностями пользоваться обособленною и сплоченною жизнію, съ чертами нѣкоторой даже національной самобытности.

Такимъ образомъ, евреи, на первыхъ же порахъ, были поставлены русскимъ правительствомъ въ исключительное положеніе, не путемъ стѣсненія и ограниченія ихъ правъ, но путемъ сохраненія за ихъ обществами льготъ и привилегій, какими они пользовались при польскомъ владычествѣ и которыя предполагались ихъ вѣроисповѣдною прерогативою. Причина такого образа дѣйствія составителей плаката объясняется, конечно: 1) недостаточнымъ усвоеніемъ тогдашними государственными дѣятелями политическихъ принциповъ Императрицы Екатерины II, 2) ошибочнымъ предположеніемъ, что свобода еврейскаго исповѣданія, по нравамъ и обычаямъ евреевъ и закону ихъ вѣры, необходимо обуславливается ихъ гражданскою и обще-

ственной обособленностію среди прочихъ народовъ, и 3) неощущавшеюся, въ моментъ принятія евреевъ въ русское подданство, потребностью въ провѣркѣ дѣйствительности этого факта, такъ - какъ въ глазахъ тѣхъ дѣятелей онъ подтверждался, какъ бы нагляднымъ образомъ, условіями еврейскаго быта, въ какихъ онъ былъ застигнутъ въ Бѣлоруссіи русскимъ владычествомъ.

Между тѣмъ, вышесказаннымъ способомъ была легализирована, въ сущности, несогласно съ политическими принципами Императрицы, *общественная обособленность* или, лучше сказать, *общественная разъединенность* евреевъ съ прочимъ населеніемъ, которая, при господствовавшей въ властяхъ, того времени, религіозной къ нимъ непріязни, должна была, не смотря на свой характеръ Монаршей милости, дарованной вѣроисповѣдной прерогативы, послужить не къ огражденію, а къ стѣсненію гражданскихъ правъ евреевъ произвольными дѣйствіями со стороны властей, видѣвшихъ въ евреяхъ элементъ, враждебный для христіанской религіи, и предполагавшихъ въ такомъ, относительно ихъ, образѣ дѣйствія надежное средство, для ихъ побужденія къ скорѣйшему переходу въ христіанство. Стѣснительнымъ и неправосуднымъ дѣйствіемъ со стороны мѣстной администраціи, вызвавшимъ въ 1786 году, какъ мы видѣли выше, потребность въ особыхъ даже мѣрахъ къ огражденію правъ евреевъ въ Россіи, содѣйствовали не мало условія и той внѣшней обстановки, при которой евреи въ Бѣлоруссіи перешли, въ числѣ прочихъ жителей, изъ подъ владычества польскаго подъ владычество русское.

Передъ глазами первыхъ правителей Бѣлорусскаго края—графа Чернышева и генераловъ Каховскаго и Кречетникова—предсталъ еврейскій типъ польскихъ провинцій, выработавшійся, вслѣдствіе вѣковыхъ гоненій и жестокихъ преслѣдованій, какимъ евреи подвергались въ Польшѣ, послѣ Казиміра I, и ихъ приниженнаго тамъ положенія, не ограждавшаго ихъ достаточно отъ личнаго произвола властей, горожанъ, католическаго духовенства и даже частныхъ лицъ, изъ числа польскихъ магнатовъ и польской шляхты. Встрѣчавшіеся въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Бѣлоруссіи евреи дѣйствовали неблагопріятно, по одному своему наружному виду. Длинные пейсы евреевъ, съ ермолкою на головѣ, обложенною, въ царствованіе Императора Николая I, особою даже податью, въ пользу коробочнаго сбора, и вообще присвоенная себѣ евреями особая одежда, именовавшаяся

ихъ національною одеждою и окончательно воспрещенная лишь въ то же царствованіе (В. П. С. З., т. XXIII, № 21985 и т. XXV, № 24127); несозвучный польско-нѣмецкій жаргонъ евреевъ, ихъ рѣзкія черты лица восточнаго типа, и обряды вѣры, вселявшіе, вообще, среди христіанъ, суевѣрные понятія о выполненіи, будто, евреями какъ бы чего-то таинственнаго и непріязненнаго для христіанской религіи, у себя по домамъ, въ синагогахъ и даже, въ извѣстные дни, на открытомъ воздухѣ, при лунномъ сіяніи; наконецъ, родъ ихъ занятій, состоявшій, исключительно, въ мелочной торговлѣ, мелкихъ городскихъ промыслахъ, денежныхъ сдѣлкахъ, арендахъ, факторствѣ и т. п., и казавшаяся, вслѣдствіе этого, общая неспособность евреевъ къ тяжелымъ физическимъ трудамъ, преимущественно же къ военной службѣ, къ которой, по установившимся, въ то время, на нихъ взглядамъ, они вовсе не призывались;—вся эта внѣшность, не означавшая, въ сущности, ничего изъ предполагавшагося относительно евреевъ и ихъ природныхъ свойствъ, а также ихъ вѣроученія, не могла, однако, не подѣйствовать неблагопріятно на русскія власти, особенно же на такихъ воиновъ, какъ графъ Чернышевъ и генералы Каховскій и Кречетниковъ. Къ тому же, какъ будетъ видно изъ данныхъ, которыя приводятся ниже, лица эти сами не были чужды религіозныхъ, относительно евреевъ, предубѣжденій и предразсудковъ, соединенныхъ съ склонностью ихъ побужденія къ переходу въ христіанскую вѣру, путемъ принудительныхъ мѣръ. Неблагопріятное впечатлѣніе на русскія власти не могла не производить и численность евреевъ, какъ торговаго и промышленнаго класса, соперничавшаго съ купечествомъ христіанскихъ исповѣданій. Конкуренція же со стороны евреевъ, торговая и промышленная, по неразвитости тогдашнихъ экономическихъ понятій о значеніи этого явленія, принималась властями за умышленный подрывъ евреями русской торговлѣ и промышленности, съ цѣлью эксплуатаціи христіанскихъ классовъ населенія. Съ этой точки зрѣнія, пріобрѣтеніе евреями малѣйшихъ для себя выгодъ, по роду занятій, получало, въ глазахъ властей, значеніе какъ бы незаконныхъ со стороны ихъ стяжаній и наживы и даже злоупотребленія, ко вреду экономическихъ интересовъ кореннаго населенія. При такихъ условіяхъ, было, конечно, весьма легко возбуждать русскія власти противъ евреевъ разнымъ людямъ и личностямъ изъ мѣстнаго купечества, горожанъ, католическаго духовенства и владѣвшихъ землями и населенными имѣніями польскихъ магнатовъ и шляхты.

Всѣ эти лица, вообще, не были довольны тѣмъ, что русскимъ владычествомъ положенъ извѣстный предѣлъ ихъ произволу надъ евреями, уничтоженіемъ польскихъ льготъ и привилегій и введеніемъ въ судахъ правосудія, ограждавшаго, въ значительнѣйшей, сравнительно, степени, чѣмъ прежде, личность и имущество евреевъ, подвергавшихся, до того, со стороны владѣльцевъ земель и населенныхъ имѣній, въ Польшѣ и ея провинціяхъ, даже *произвольнымъ денежнымъ поборамъ*, какъ это видно, между прочимъ, изъ приведеннаго выше указа Сената 7 Мая 1786 года. Причиною неблагоклонныхъ и даже раздражительныхъ отношеній мѣстныхъ властей къ евреямъ служило, въ довольно значительной степени, и безпокойное ихъ состояніе, которое естественно существовало, вслѣдствіе неопредѣлительности ихъ положенія среди христіанъ, вынуждавшее евреевъ безпрестанно утруждать начальство жалобами на ихъ притѣсненія, или просьбами и домогательствами, относительно разныхъ льготъ и привилегій, соотвѣтствовавшихъ ихъ взглядамъ и понятіямъ о себѣ, какъ объ особой въ странѣ націи, пользующейся, исключительными, по своему вѣроисповѣданію, правами и составляющей, въ этомъ отношеніи, какъ бы нѣчто отдѣльное отъ прочихъ жителей, съ значительными даже, въ сравненіи съ ними, преимуществами, къ чему евреи, какъ объяснено выше, имѣли, и нѣкоторый законный даже поводъ. Отказывая евреямъ, въ подобныхъ просьбахъ и домогательствахъ, на основаніи началъ равенства, правительство, съ другой стороны, какъ это видно изъ Сенатскаго указа 7 мая 1786 года, не было склонно соблюдать этихъ началъ, по отношенію къ естественнѣйшимъ правамъ евреевъ, какими пользуется въ государствѣ каждый подданный. Это не могло не вселять въ евреяхъ еще большее безпокойство о своей судьбѣ и учашать ихъ жалобы и просьбы, развивая среди нихъ сутяжничество и склонность къ обремененію начальства, иной разъ, и не вполнѣ законными домогательствами. Наконецъ, нельзя упустить изъ виду и то обстоятельство, что въ канцеляріяхъ мѣстнаго начальства служило много лицъ изъ польской шляхты, которыми дѣла докладывались, обыкновенно, въ непріязненномъ смыслѣ для евреевъ; умышленные же вымыслы на нихъ принимались тѣмъ начальствомъ, большею частію, за дѣйствительные факты.

Главная причина всего этого скрывалась въ шаткости положенія евреевъ и неопредѣлительности ихъ правъ; но власти относили докучливость евреевъ къ природнымъ ихъ свойствамъ, къ ихъ «жидов-

скому» характеру, какъ выражались тогда, въ предположеніи, что, по ихъ вѣрованіямъ, они питаютъ непримиримую ненависть и злобу къ христіанамъ, представляя собою, поэтому, элементъ, вредный для ихъ благосостоянія.

Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ взглядовъ было появленіе въ представителяхъ мѣстной администраціи убѣжденія о практической, будто, необходимости въ принятіи противъ евреевъ репрессивныхъ мѣръ къ возможному стѣсненію и ограниченію ихъ правъ, для огражденія кореннаго населенія отъ предполагаемыхъ со стороны ихъ злоупотребленій. Къ такимъ мѣрамъ относилось сочувственно и высшее правительство, такъ-какъ онѣ согласовались съ его затаенною мыслію о понужденіи евреевъ къ скорѣйшему переходу въ христіанство, или ихъ вытѣсненію изъ государства. Вотъ почему, вслѣдъ за вступленіемъ русской администраціи въ управленіе Бѣлорусскимъ краемъ, въ мѣстныхъ тамъ властяхъ обнаружилось стремленіе, отчасти къ сохраненію, отчасти къ установленію для евреевъ особыхъ порядковъ и стѣснительныхъ различій въ правахъ, вопреки личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ Екатерины Великой.

Выше мы видѣли, что одна изъ исключительныхъ мѣръ, предложенныхъ графомъ Чернышевымъ въ его докладныхъ пунктахъ 13 сентября 1772 года, а именно та, которая касалась порядка отдачи евреямъ населенныхъ имѣній въ арендное содержаніе, была Императрицею отклонена. Но въ тѣхъ же его пунктахъ, Императрицею оставлены въ силѣ двѣ другія подобныя мѣры: 1) установленіе съ «жидовъ» отдѣльнаго отъ прочихъ подданныхъ денежнаго сбора, «по одному рублю съ каждой» головы, который евреи должны были платить, независимо отъ поголовныхъ же сборовъ, имъ же, графомъ Чернышевымъ, предложенныхъ, для купцовъ по 1 р. 20 к., для арендаторовъ корчемъ, за вино, пиво и медъ, по 50 копѣекъ и для содержащихъ помѣщичьи имѣнія, съ помѣщичьяго дохода, по 1 руб. 50 коп.; 2) учрежденіе отдѣльной для евреевъ общественной организаціи, съ кагалами во главѣ, которые графъ Чернышевъ полагалъ учредить «по усмотрѣнію губернаторовъ и по надобности», съ припискою къ нимъ всѣхъ вообще евреевъ. Императрица допустила обѣ эти мѣры, не замѣтивъ, конечно, что онѣ состоятъ въ противорѣчій съ собственною ея волею, относительно равенства въ правахъ всѣхъ подданныхъ, «безъ различія народа и закона» (П. С. З., т. XIX, № 13865).

Вышесказанный отдѣльный сборъ съ евреевъ по одному рублю съ головы былъ вскорѣ, впрочемъ, отмѣненъ, за силою вышеприведеннаго именнаго указа Императрицы Екатерины II, 3 мая 1783 года, подчинившаго евреевъ, въ отношеніи государственныхъ податей, общему порядку (П. С. З., т. XXI, № 15724). Но кагальное устройство евреевъ осталось въ силѣ.

Вслѣдствіе этого, тогда же были учреждены уѣздные и губернскіе кагалы, не только съ административною, но и судебною надъ евреями властію, и даже съ правомъ представительства ихъ народныхъ нуждъ и потребностей, что не могло, конечно, не укрѣплять евреевъ въ мысли, что они дѣйствительно составляютъ въ государствѣ какъ бы отдѣльную и самостоятельную націю и вселять въ нихъ стремленіе къ домогательству, не только разныхъ торговыхъ и промышленныхъ льготъ и привилегій, но и особаго даже, въ лицѣ ихъ кагаловъ, гражданскаго и уголовного суда.

Все это было сдѣлано мѣстными властями по шаблону польской рутины, такъ какъ польское правительство, стѣсняя до нельзя права евреевъ, изгоняя ихъ изъ городовъ или ограничивая ихъ жительство тамъ особыми «жидовскими» кварталами (*ghetto*, *Judenviertel*), подобно тому, какъ это дѣлалось, въ среднія вѣка, на Западѣ, въ то же время, предоставляло имъ полную почти независимость въ устройствѣ ихъ общественныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи, они пользовались въ Польшѣ неограниченною почти свободою. Изъ имѣющихся нѣкоторыхъ оффиціальныхъ данныхъ о правовомъ и общественномъ положеніи польскихъ евреевъ, видно, что религіозныя дѣла евреевъ, браки и разводы, общинные сборы, судъ надъ евреями, не только въ гражданскихъ, но даже уголовныхъ дѣлахъ, образованіе еврейскаго юношества, учрежденіе школъ,—всѣ эти предметы были предоставлены собственному завѣдыванію «еврейскихъ обществъ», въ лицѣ ихъ кагаловъ, съ весьма незначительною степенью вмѣшательства со стороны правительства. Считаясь въ Польшѣ королевскими рабами (*servi regii*), евреи были изъяты изъ вѣдомства общихъ властей и находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ воеводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ особой важности, которыя были указаны въ «воеводскихъ правилахъ», апелляція на рѣшенія общинныхъ судовъ восходила прямо къ воеводамъ, а иногда къ Королю. Вообще же, права евреевъ въ Польшѣ подвергались значительнымъ ограниченіямъ и если, при этомъ, что либо предоставлялось въ ихъ пользу, то это дѣлалось не

иначе, какъ въ видѣ особой милости, въ видѣ какъ бы исключительной привилегіи или льготы.

При всей тяжести этого положенія, при всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ, какимъ евреи подвергались во время польскаго владычества, сохраненіе за ихъ обществами свободы управленія внутренними своими дѣлами, изъ коихъ многія были не духовнаго, а чисто гражданскаго характера, не было, конечно, противно ихъ понятіямъ о себѣ; они дорожили и гордились этимъ, связывали это съ своими религіозно-національными преданіями и считали себя вправѣ смотрѣть на все свое населеніе, какъ на особый классъ людей, хотя непріязненный для христіанъ и гонимый, но все же такой, за которымъ королевская власть и правительство признавало нѣкоторые національные оттѣнки и который составлялъ въ странѣ, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе, какъ бы «народъ въ народѣ», «націю въ націи».

Одинъ геній Императрицы Екатерины Великой могъ бы тогда постигнуть всю несоотвѣтственность такого порядка вещей, относительно евреевъ, еслибъ такой порядокъ былъ ей извѣстенъ. Принципъ равенства, ею торжественно провозглашенный, былъ единственнымъ и могучимъ средствомъ, которымъ могло бы быть произведено коренное преобразованіе въ этомъ, несогласномъ съ духомъ ея политики, порядкѣ. Но такова была сила вещей и личныхъ предубѣжденій противъ евреевъ русскихъ властей, что они не могли не подчиниться, въ большей или меньшей степени, этой обветшавшей относительно евреевъ рутинѣ, чему, конечно, способствовало, преимущественно, недостаточное знакомство, тогда, нашихъ властей и правительства съ евреями и ихъ бытомъ.

Еслибъ Графъ Чернышевъ и его сподвижники по управленію Бѣлорусскимъ краемъ, имѣли ясное понятіе объ условіяхъ еврейскаго быта въ польскихъ провинціяхъ и отдавали себѣ отчетъ о всей несоотвѣтственности съ практическими интересами государства и нуждами самихъ евреевъ допущенія дальнѣйшаго существованія отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ и ихъ кагалныхъ управленій, какъ равно всякихъ другихъ различій въ правахъ евреевъ, вопреки державной волѣ Императрицы; то, конечно, мѣстною нашею администраціею, на первыхъ же порахъ, былъ бы принятъ совершенно иной образъ дѣйствія. Но изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что инициативѣ именно этихъ правителей края принадлежитъ удержаніе и введеніе многихъ исключительныхъ формъ и порядковъ, касавшихся

гражданскаго быта евреевъ. Профессоръ С.-Петербургскаго Университета Бершадскій, въ своемъ сочиненіи «Литовскіе евреи», въ виду представленнаго Графу Чернышеву генераломъ Каховскимъ «Описанія» тогдашняго состоянія евреевъ въ Могилевской губерніи, предполагаетъ, что русское правительство было достаточно, будто, ознакомлено съ характеромъ кагалныхъ учрежденій (стр. 55 и 56). Но едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Не отрицая, что сказанное «Описаніе» содержало въ себѣ, болѣе или менѣе, вѣрное изображеніе состоянія евреевъ и ихъ кагалныхъ общинъ, — хотя по времени составленія того описанія, и это представляется сомнительнымъ, — нельзя во всякомъ случаѣ, сказать, чтобы не только правительство, но и сами первые правители Бѣлорусскаго края, стоявшіе ближе къ евреямъ, вполне уяснили себѣ настоящее значеніе сказанныхъ еврейскихъ учрежденій и препятствія, какія въ нихъ скрывались къ уравнинію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, по волѣ Императрицы. Сохраненіе тѣми властями кагалнаго устройства еврейскихъ обществъ, по примѣру Польши, тогда какъ отъ нихъ зависѣлъ починъ принятія и введенія, относительно евреевъ, порядка болѣе сообразнаго съ законодательными предначертаніями Императрицы, служитъ лучшимъ доказательствомъ недостаточнаго уясненія ими себѣ настоящаго характера этихъ средневѣковыхъ формъ юридическаго существованія евреевъ въ христіанскихъ странахъ.

Столь же мало съ характеромъ кагалныхъ учрежденій и другими особенностями еврейскаго быта было знакомо и высшее правительство, въ лицѣ Сената, особенно первое десятилѣтіе, по присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, какъ это видно, отчасти, и изъ приведеннаго выше сенатскаго указа 16 Іюня 1782 года, которымъ было предписано Генералъ-Губернатору Пассеку доставить подробныя свѣдѣнія о введенныхъ Графомъ Чернышевымъ «Жидовскихъ судахъ». Хотя воспослѣдовавшимъ, за симъ, вышеупомянутымъ указомъ 7 Мая 1786 года, въ которомъ содержались спеціальныя постановленія объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, а потомъ и Именнымъ указомъ 3 Мая 1795 года (П. С. З., т. XXIII, № 17327), судебная юрисдикція еврейскихъ кагаловъ, съ цѣлію недопущенія относительно евреевъ никакихъ исключеній по дѣламъ гражданскаго и уголовнаго правосудія, ограничена одними духовно - религіозными ихъ дѣлами, но по значительности, въ то время, какъ уже объяснено выше, круга предметовъ, относившихся къ этимъ дѣламъ, кагалы, и послѣ того,

пользовались довольно обширною судебною властію, надъ лицомъ и имуществомъ своихъ единовѣрцевъ, имѣя, въ то же время, во многихъ отношеніяхъ, и административную надъ ними власть. Въ такомъ видѣ, общественное устройство евреевъ продолжало существовать и послѣ Екатерины II, до самаго почти новѣйшаго времени, а именно до царствованія Императора Николая I, содѣйствуя значительно ихъ обособленности среди прочаго населенія и придавая ихъ религіозно-общественной солидарности особую силу и крѣпость.

Но съ точки зрѣнія тогдашнихъ органовъ правительственной власти, не вникавшихъ въ настоящія причины явленій, касавшихся евреевъ, ихъ общественная обособленность приписывалась исключительно ихъ собственному упорству въ отчужденномъ положеніи среди христіанъ, вслѣдствіе чего, мѣстныя власти ощущали потребность въ постоянномъ побужденіи правительства къ принятію, относительно евреевъ, исключительныхъ мѣръ, ограничительнаго характера.

Это было причиною, вызвавшею по инициативѣ графа Чернышева, не далѣе, какъ черезъ четыре года послѣ вступленія русской администраціи въ управленіе Бѣлорусскимъ краемъ, ограничительную мѣру, содержащуюся въ указѣ Сената 17 Октября 1776, которою проведена рѣзкая черта различія въ правахъ между евреями и христіанами, совершенно произвольно и въ разрѣзъ съ содержавшимися въ вышеупомянутомъ плакатѣ основаніями гражданскаго состоянія евреевъ, объявленными самимъ же графомъ Чернышевымъ. Такимъ дѣйствіемъ Сената положено начало тому порядку вещей, при существованіи котораго каждое изъ правъ, общихъ всѣмъ прочимъ подданнымъ, могло быть предоставляемо евреямъ уже не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, въ видѣ исключенія или изъятія изъ ихъ общаго правоваго въ государствѣ положенія. По важности такого сенатскаго распоряженія и его вліянія на правительственный образъ дѣйствія, по отношенію къ евреямъ, необходимо разсмотрѣть ближе обстоятельства, касающіяся этой мѣры.

Изъ сказаннаго указа Сената видно, что графъ Чернышевъ и его сподвижники, генералы Каховскій и Кречетниковъ, распорядившись, на основаніи вышеупомянутыхъ Высочайше утвержденныхъ докладныхъ пунктовъ 13 Сентября 1772 года, о поголовномъ обложеніи евреевъ рублевымъ сборомъ и учрежденіи уѣздныхъ и губернскихъ кагаловъ, приняли, въ то же время, мѣры къ распредѣленію евреевъ по этимъ кагаламъ и ихъ припискѣ къ нимъ, какъ для

правильнаго взиманія съ евреевъ податей, такъ и для выдачи имъ паспортовъ, подчинивъ, такимъ образомъ, евреевъ, тотчасъ же, порядку управленія, носившему уже на себѣ печать исключительности. При этомъ, какъ видно изъ приведеннаго выше указа Сената же 16 Юня 1782 г. (П. С. З., т. XXI, № 15436), за кагалами признана и судебная власть, для разбора дѣлъ между евреями, съ присвоеніемъ губернскимъ кагаламъ, по такимъ дѣламъ, значенія высшихъ даже судовъ; вслѣдствіе чего, первое время, они рѣшали ихъ безапелляціонно. Хотя, впослѣдствіи, такая судебная власть кагаловъ была ограничена, но это произошло, какъ сказано выше, лишь въ 1786 г., то есть, черезъ 14 лѣтъ послѣ того, въ теченіи которыхъ такая юрисдикція кагаловъ имѣла полное свое дѣйствіе, почему и неудивительно, если евреи, привыкнувъ къ ней, домогались, впослѣдствіи, этой льготы, какъ законнаго преимущества. Что же касается власти кагаловъ административно—полицейскаго характера, по выдачѣ приписаннымъ къ нимъ евреямъ паспортовъ на отлучки, для занятій торговлею и промыслами, а также по надзору за правильнымъ и бездоимочнымъ поступленіемъ съ евреевъ, въ казну, податей и другихъ сборовъ; то этого рода обязанности оставались въ полной ихъ силѣ до 1795 года, т. е. почти до конца царствованія Императрицы Екатерины II. Хотя же въ этомъ году, какъ видно изъ приведеннаго ниже именнаго указа 3 Мая 1795 года, вслѣдствіе приписки евреевъ къ городамъ, еврейскія общества, въ административномъ отношеніи, на основаніи Городоваго Положенія, были подчинены магистратамъ; но предоставленное евреямъ право самостоятельной раскладки между собою податей не прекращало ихъ зависимости, въ этомъ отношеніи, отъ кагаловъ, какъ ближайшихъ органовъ ихъ общественнаго управленія, за которымъ было, къ тому же, сохранено и право самостоятельнаго завѣдыванія всѣми религіозно-общественными дѣлами ихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ относились и дѣла по устройству школъ и образованію еврейскаго юношества. Это не можетъ не убѣждать въ нѣкоторой ошибочности мнѣнія профессора Бершадскаго, что при Императрицѣ Екатеринѣ II, русское правительство не присвоивало еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ никакого, будто, officialнаго значенія и уничтожило всякую зависимость отъ нихъ евреевъ, въ податномъ и административномъ отношеніяхъ (Лит. Евреи, стр. 57). Все это, напротивъ, было принято и удержано русскимъ правительствомъ, не только въ принципѣ, но и на самомъ дѣлѣ, хотя

и несогласно съ законодательными предначертаніями Императрицы, относительно равноправности евреевъ съ прочими подданными. Сохранивъ за евреями прерогативу юридическаго существованія въ государствѣ отдѣльными обществами и учредивъ уѣздные и губернскіе кагалы, графъ Чернышевъ озаботился произведеніемъ переписи евреямъ въ Бѣлоруссіи. Но перепись эта была произведена имъ съ отступленіями отъ порядка, указаннаго въ приложенныхъ къ Именному указу 16 Августа 1772, «о принятіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши провинцій», образцахъ, по содержанию и смыслу которыхъ, еврейское населеніе должно было быть приведено въ извѣстность, въ составѣ прочихъ жителей и не для иной цѣли, какъ только камеральной. Графомъ же Чернышевымъ было присвоено этому дѣлу специальное значеніе, и видимо, съ религіозною цѣлію. Это усматривается изъ того, что имъ предписано о произведеніи той переписи, черезъ особаго ревизора, съ показаніемъ въ ней точныхъ свѣдѣній, между прочимъ, и о томъ, «кто изъ нихъ (евреевъ) принялъ христіанскую вѣру и какую». Затѣмъ, по окончаніи переписи, графъ Чернышевъ, ссылаясь на прежнія распоряженія правительства, относительно евреевъ, во время Императрицы Елисаветы Петровны, и какъ бы упустивъ изъ вида, что онъ и подвѣдомственные ему губернаторы — сподвижники не ея, а Екатерины II, какъ равно и то, что прежнія мѣры, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, не могли имѣть примѣненія, послѣ того, какъ принятіе ихъ въ это подданство было уже свершившимся фактомъ, представилъ на утвержденіе Сената проектированныя имъ, вмѣстѣ съ губернаторами Кречетниковымъ и Каховскимъ, постановленія, которыя хотя и касались однихъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, но въ то же время имѣли прямое отношеніе ко всѣмъ вообще евреямъ, составивъ для нихъ какъ бы особое Положеніе.

По содержанію этихъ правилъ и постановленій, правителями Бѣлорусскаго края предлагались слѣдующія мѣры: 1) объ освобожденіи «жидовъ», принявшихъ христіанскую вѣру (какую не сказано), отъ установленнаго для евреевъ поголовнаго сбора, съ предоставленіемъ перешедшимъ въ христіанство полной свободы по избранію рода жизни и мѣста жительства, 2) о предоставленіи такимъ евреямъ (права записки въ купеческое званіе, а художникамъ изъ нихъ въ цехи, 3) о разрѣшеніи, изъ тѣхъ же евреевъ, находящимся въ услуженіи и

работѣ, выдавать безпрепятственно паспорта, а желающимъ заниматься земледѣліемъ—оставаться въ мѣстахъ, гдѣ они пожелаютъ, 4) о подчиненіи тѣхъ изъ принявшихъ христіанскую вѣру евреевъ, которые будутъ брать паспорта, общимъ правиламъ, относительно пошлинъ и казенныхъ сборовъ, наравнѣ съ прочими жителями, 5) о предоставленіи занимающимся изъ нихъ земледѣліемъ права арендовать казенныя и помѣщичьи земли, съ платою въ казну или помѣщикамъ, по аренднымъ договорамъ, не допуская, однакоже, укрѣпленія ихъ къмъ либо за собою, 6) о предоставленіи имъ права свободного избранія жительства въ другихъ городахъ и селеніяхъ, 7) о невозбраненіи имъ вступать въ военную и гражданскую службу, съ распространеніемъ на нихъ, въ этомъ отношеніи, дѣйствія общихъ законовъ, и, наконецъ, 8) о распространеніи всѣхъ этихъ правъ и преимуществъ передъ прочими евреями на все потомство евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Хотя, при этомъ, буквально не объяснено, предоставлялось или не предоставлялось этимъ евреямъ, при избраніи ими своего мѣстопробыванія въ селеніяхъ, право записки, въ тоже время, въ свободныя сельскія состоянія, но по общему смыслу 1, 3 и 6 пп. вышеприведенныхъ правилъ, можно заключать, что и это право предполагалось имъ не воспрещать.

По представленію Графа Чернышева, въ коемъ имъ были предложены эти мѣры, состоялось слѣдующее опредѣленіе Сената: «согласно его Г. Генераль-Фельдмаршала и Кавалера представленію, живущихъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ Жидовъ, принявшихъ Христіанскій законъ, въ поголовный окладъ не класть, но оставить имъ на волю избирать такой родъ жизни, какъ въ томъ его, Г. Генераль-Губернатора, представленіи означено, съ тѣмъ точно, чтобы оныхъ воспріявшихъ Христіанскій законъ Жидовъ никто ни подъ какимъ видомъ къ себѣ не укрѣплялъ; сколько же ихъ всѣхъ нынѣ состоитъ, и изъ того числа по собственному ихъ желанію въ купечество, мѣщане или службу поступить, или же и другой какой образъ жизни примутъ, о томъ донести Сенату (П. С. З., т. XX, № 14522).

Въ силу такого сенатскаго опредѣленія, объ исполненіи котораго было дано знать подлежащимъ мѣстнымъ властямъ вышеупомянутымъ указомъ Сената 17 Октября 1776 года, съ пропискою въ немъ всѣхъ предположенныхъ правителями Бѣлоруссіи и одобренныхъ Сенатомъ мѣръ, евреи, оставшіеся въ законѣ своей вѣры, т. е., все ихъ населеніе, вопреки изображенной въ плакатѣ державной

волѣ Государыни объ ихъ состояніи, равномъ съ прочими подданными, необходимо ставились въ совершенно исключительное уже положеніе и являлись какъ бы вовсе лишенными правъ русскаго гражданства; ибо очевидно, что если существеннѣйшими изъ этихъ правъ, какъ-то: повсемѣстнымъ жительствомъ въ Имперіи, свободнымъ избраніемъ рода жизни, безпрепятственною запискою въ купечество и цехи, занятіемъ земледѣліемъ и сельскою промышленностію, содержаніемъ въ арендѣ земель, гражданскою и военною службою и одинаковыми выгодами съ прочими подданными по платежу податей и отправленію государственныхъ и общественныхъ повинностей, могли пользоваться одни только евреи, принявшіе христіанскую вѣру; то правительствомъ, въ противоположность этому, признавалось, что всѣ прочіе евреи, вѣры своей не измѣнившіе, были по своему положенію, какъ бы лишены всѣхъ этихъ правъ и могли пользоваться ими, только въ видѣ исключенія или изъятія изъ общихъ о нихъ правилъ, на основаніи особыхъ указовъ Высочайшей власти.

Этимъ объясняется, почему для мѣстныхъ властей право евреевъ на торговлю и записку въ купечество, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они обитали, начало являться, съ того времени, какъ бы законодательнымъ вопросомъ, почему мѣстныя власти стали отрицать за тѣми евреями даже право свободного занятія торговлею и причинять имъ стѣсненія въ немъ, не взирая на невыгодныя послѣдствія отъ этого для интересовъ страны, въ экономическомъ, торговомъ и финансовомъ отношеніи, и почему черезъ четыре года послѣ состоянія вышесказаннаго сенатскаго указа, самимъ объявителемъ плаката, Графомъ Чернышевымъ, было признано необходимымъ поступившія отъ нѣкоторыхъ евреевъ въ Могилевской и Полоцкой губерніяхъ просьбы, о разрѣшеніи имъ записываться тамъ въ купечество, повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Императрицы. Между тѣмъ, къ такому образу дѣйствія, со стороны мѣстной администраціи, помимо изъясненнаго сенатскаго распоряженія, не было, въ сущности, ни малѣйшаго законнаго повода. Напротивъ, по смыслу воспослѣдовавшихъ верховныхъ распоряженій Императрицы, относительно евреевъ, при принятіи ихъ въ русское подданство, а также утвержденныхъ Государынею 13 Сентября 1772 года докладныхъ пунктовъ самаго Графа Чернышева, коими, между прочимъ, евреи были подвергнуты поголовно однорублевому денежному сбору, безъ ихъ освобожденія, въ то же время, отъ платежа и упомянутыхъ выше особыхъ сборовъ съ купцовъ и арендаторовъ корчемъ

и недвижимыхъ имѣній, каковыми въ польскихъ провинціяхъ, какъ извѣстно, состояли, большею частью, евреи же,—прямо слѣдовало, что дѣйствовавшими тогда постановленіями законодательной власти Императрицы разрѣшалось имъ право свободной торговли, съ запискою въ купечество, не только въ Бѣлоруссіи, но по всѣмъ вообще городамъ Россійской Имперіи, наравнѣ съ прочими подданными въ присоединенной отъ Польши Бѣлоруссіи. Законодательнаго воспрещенія евреямъ такого права, отъ лица Императрицы, въ то время, очевидно, не существовало, относительно же пользованія ими этимъ правомъ въ самой Бѣлоруссіи и не могло существовать; такъ какъ это было бы равносильнымъ отрицанію за евреями почти права существованія тамъ, вслѣдъ за принятіемъ ихъ въ подданство и дарованіемъ имъ правъ русскаго гражданства. Соображенія эти подтверждаются тѣмъ, что неправильно возбужденный Графомъ Чернышевымъ вопросъ о правѣ записки евреевъ въ купечество по городамъ, въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой, разрѣшенъ законодательною властію Императрицы, какъ мы видѣли, въ смыслѣ утвердительномъ, т. е. въ смыслѣ совершеннѣйшей несомнѣнности для евреевъ такого права. Изъ этого можно заключать, относительно появившагося 17 Октября 1776 года сенатскаго указа, одно изъ двухъ: или что указъ этотъ, коимъ, между прочимъ, право свободной записки въ купечество признано только за евреями, принявшими христіанскій законъ, Императрицѣ вовсе не былъ извѣстенъ, или что Государынею содержащимся въ немъ постановленіямъ не придавалось никакого законнаго значенія.

Между тѣмъ, такой сенатскій указъ, при всей несообразности его основаній съ верховными распоряженіями Императрицы о евреяхъ, воспослѣдовавшими въ одномъ и томъ же направленіи до и послѣ его состоянія, какъ не отмѣненный прямымъ образомъ ни Высочайшею властію, ни другимъ сенатскимъ указомъ, продолжалъ имѣть свое дѣйствіе и руководящее значеніе по дѣламъ, касавшимся евреевъ, служа для мѣстныхъ властей предлогомъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ, стѣснявшимъ евреевъ въ безпрепятственномъ пользованіи дарованными имъ державною волею Императрицы правами русскаго гражданства. До чего доходили эти стѣсненія—достаточно усматривается изъ того, что они вызвали, десять лѣтъ спустя, потребность въ принятіи общихъ мѣръ къ огражденію евреевъ отъ произвольныхъ дѣйствій и неправосудія мѣстныхъ властей, какъ это видно изъ состоявша-

гося 7 Мая 1786 года другаго сенатскаго указа, имѣвшаго еще болѣе прямыхъ отношеній къ правовому положенію евреевъ въ Россіи. Что касается самихъ поводовъ дѣйствія Сената, при признаніи имъ, въ указѣ 17 Октября 1776 года, правительственною своею властію, безспорности права на русское гражданство только за евреями, принявшими христіанство; то изъ указа того, поставившаго въ глазахъ властей всю остальную массу евреевъ въ столь исключительное положеніе, не видно, чтобы мѣра эта правителями Бѣлоруссіи была предложена, а Сенатомъ принята, на основаніи какихъ либо соображеній о ея пользѣ для государства, въ торговомъ, промышленномъ или финансовомъ отношеніи. Какъ мѣстные власти, такъ и Сенатъ видимо побуждались въ этомъ случаѣ одною мыслию — предоставленія евреямъ, которые отказались бы отъ своихъ вѣрованій и перешли бы въ христіанство, значительнѣйшихъ, въ сравненіи съ прочими ихъ единовѣрцами, льготъ и преимуществъ, съ цѣлію побужденія всѣхъ ихъ вообще къ такому переходу, невыгодами своего положенія. Судя по характеру такой мѣры, составлявшей, въ сущности, ни что иное, какъ насиліе совѣсти въ дѣлѣ религіи, столь строго возбранявшееся политикою Императрицы, можно безошибочно сказать, что въ этомъ правительственномъ образѣ дѣйствія не присутствовало другой цѣли, кромѣ *религіозной*. Сенатъ подражалъ, слѣдовательно, въ немъ политикѣ прежнихъ Императрицъ, отвергнутой геніемъ Екатерины Великой, какъ по ея законодательнымъ принципамъ, такъ и по измѣнившемуся, относительно евреевъ, положенію вещей.

Несомнѣнно, поэтому, что завѣдывавшія гражданскою частію низшія и высшія власти того времени, какъ не стоявшія на высотѣ политическихъ началъ Великой Государыни и не постигавшія вполнѣ ихъ справедливости и соотвѣтственности съ практичными пользами государства, какъ вообще, такъ въ особенности по отношенію къ дѣламъ, касавшимся евреевъ, сосредоточили по этимъ дѣламъ, съ самаго начала, все свое вниманіе, исключительно, на *религіозныхъ цѣляхъ*; къ тому же вовсе не на тѣхъ, которыя могли бы быть полезны для интересовъ нашей православной Церкви и осуществленіе которыхъ могло бы только имѣть для русскаго государства политическій смыслъ, ибо принятыми Сенатомъ мѣрами евреи поощрялись къ переходу не въ нашу только вѣру, но во всѣ вообще христіанскія исповѣданія и даже, какъ мы видѣли выше, въ внут-

ренный у насъ расколъ, что для нашего государства и господствующаго въ немъ исповѣданія, съ политической и религіозной стороны, могло оказать скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Такимъ образомъ, въ своихъ заботахъ и попеченіяхъ о горсти евреевъ, которые, вслѣдствіе вышесказанныхъ поощреній, могли бы перейти въ христіанскую вѣру, иной разъ, и даже большею частію, вовсе не православнаго исповѣданія, власти упустили изъ вида болѣе существенный для государства вопросъ, — вопросъ о несомнѣнной, въ то время, необходимости повергнуть на воззрѣніе такой великой Монархини, какъ Екатерина II, тщательно разработанный проектъ, съ общими соображеніями, относительно гражданскаго положенія, какое, на основаніяхъ справедливыхъ и полезныхъ, разъ навсегда надлежало бы установить для многочисленнаго и тогда уже населенія евреевъ, только что вступившихъ въ подданство Россіи и представлявшихъ массу торговыхъ и промышленныхъ людей, объ удаленіи которыхъ изъ ея предѣловъ правительственными мѣрами и распоряженіями не могло уже быть, конечно, и рѣчи. Признававшаяся же и тогда сомнительность практической пользы удержанія, вообще, польскаго режима усугубляла потребность въ обдуманности образа дѣйствія, какой должно было принять русское правительство, по отношенію къ новымъ его подданнымъ этого исповѣданія. При чемъ, особенно тщательному обсужденію, подлежалъ, конечно, вопросъ о справедливости и пользѣ, для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, ограниченія путемъ закона правъ повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи, а также сосредоточенія ихъ въ однихъ лишь городахъ, чрезъ воспрещеніе имъ права приписки въ сельскія состоянія, какъ свободныя, такъ и крѣпостныя, доступъ въ которыя, на всемъ пространствѣ Имперіи, могъ, казалось бы, успѣшнѣе всего подѣйствовать на сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, возбужденіе и развитіе въ нихъ утраченной вѣками склонности къ земледѣльческому труду, уничтоженіе ихъ типа мелкихъ торговцевъ и ослабленіе ихъ религіозно-племенной обособленности. Еслибъ первоначальными правителями Бѣлорусскаго края, а за тѣмъ и Сенатомъ, были повергнуты на воззрѣніе Императрицы соображенія по этимъ существеннымъ предметамъ и проведена черта различія не между евреями и христіанами, а между евреями прежняго времени, не состоявшими въ русскомъ подданствѣ, и тѣми, которые, по присоединеніи Бѣлоруссіи, вошли безповоротнo въ составъ русскаго народонаселенія, то геніемъ Ека-

терины Великой, нужно полагать, были бы указаны болѣе твердыя, руководящія начала, относительно подданныхъ еврейскаго исповѣданія,—начала, которыя, по всей вѣроятности, предупредили-бы тѣ затрудненія, какія встрѣтились впоследствии и встрѣчаются по настоящее время.

Между тѣмъ, Графъ Чернышевъ и другія мѣстныя власти, болѣею частію, видѣли въ евреяхъ только враговъ христіанства и отдѣльный, долженствовавшій всегда быть чуждымъ странѣ, народъ, который требовалъ какъ-бы совершенно отдѣльнаго управленія, и не выходя изъ предѣловъ такихъ предвзятыхъ взглядовъ, поспѣшили основать на нихъ свой образъ дѣйствія, приспособляясь, въ то же время, къ рутиннымъ порядкамъ, введеннымъ польскимъ правительствомъ. Точно такимъ же образомъ поступилъ и Сенатъ, этотъ высшій тогда органъ государственной власти.

Въ царствованіе Екатерины II, Сенатъ, какъ извѣстно, пользовался широкими полномочіями въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія. Въ то время не было ни Государственнаго Совѣта, ни такихъ министерствъ какъ теперь, не было и строгаго разграниченія между законодательными, судебными и исполнительными функціями высшей правительственной власти. Можно сказать, что Сенатъ, въ коллегіальномъ его составѣ, сосредоточивалъ ихъ всѣ въ себѣ. Вслѣдствіе этого, имъ, нерѣдко, при разрѣшеніи текущихъ дѣлъ, постановлялись, въ порядкѣ подчиненнаго ему управленія, и такія мѣры, которыя, по своему существу, были законодательнаго свойства и которыя, въ настоящее время, не могли бы воспріять силу и дѣйствіе, безъ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ и утвержденія верховною властію. Всѣ же, вообще, постановлявшіяся Сенатомъ, по текущимъ дѣламъ, мѣры и распоряженія, какого бы рода и свойства они ни были, по принятому порядку, обращались Сенатомъ къ немедленному исполненію, на основаніи собственныхъ его опредѣленій и указовъ. Вслѣдствіе этого, Сенатъ являлся тогда, не только блюстителемъ точнаго исполненія законовъ и ихъ истолкователемъ, но, во многихъ случаяхъ, и ихъ постановителемъ. При такихъ условіяхъ, Сенатъ имѣлъ полную возможность проводить по дѣламъ высшаго государственнаго управленія свои правительственные взгляды и осуществлять всякаго рода мѣры, безъ участія въ томъ законодательной власти, не имѣвшей еще тогда правильно устроенныхъ совѣщательныхъ органовъ. О несообразностяхъ, какія встрѣча-

лись, нерѣдко, въ сенатскихъ постановленіяхъ, по текущимъ дѣламъ, съ верховными распоряженіями и предначертаніями Императрицы, или общими законами, Государыня могла узнавать лишь въ случаѣ подачи, на Высочайшее ея имя, жалобы къмъ либо изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, или путемъ доведенія о томъ до Высочайшаго ея свѣдѣнія инымъ какимъ либо способомъ. Это было причиною, что въ то время, существовало много такихъ сенатскихъ мѣръ и постановленій, которыя, касаясь правъ частныхъ лицъ, обществъ и классовъ населенія, хотя имѣли, по своему существу, законодательное значеніе, но которыя, по отсутствію въ нихъ слѣдовъ законодательной дѣятельности самой Императрицы, не всегда были, въ дѣйствительности, выраженіемъ ея личной воли. Между сенатскими постановленіями, появлявшимися въ указахъ Сената и не имѣвшими законодательной санкціи верховной власти, были и такія, которыя по совокупности заключающихся въ нихъ правилъ и многосторонности условій, обнимавшихся ихъ содержаніемъ, представляли собою какъ бы дѣйствующіе Уставы или Положенія. Такіе правительственные акты Сената заключали въ себѣ лишь его собственные мѣры и распоряженія, но по ихъ обязательной силѣ для всѣхъ и cadaго въ государствѣ, они имѣли значеніе государственныхъ постановленій, шедшихъ на ряду съ законами. Изъ сенатскихъ постановленій этого рода образовалась масса такихъ, которыя не имѣли достаточнаго согласованія съ дѣйствовавшими узаконеніями и указами, за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы, и весьма часто содержали въ себѣ правила, одно другому противорѣчившія. Это производило по законодательной у насъ части неурядицу, которая влекла за собою правительственное самовластіе Сената, отражавшееся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на интересахъ частныхъ людей и классовъ населенія, и была одною изъ причинъ, вызвавшихъ въ царствованіе Императора Александра I, коренное преобразование въ устройствѣ нашихъ законодательныхъ органовъ.

Къ числу сенатскихъ постановленій, въ которыхъ выражалось правительственное самовластіе Сената, принадлежатъ, между прочимъ, и содержащіяся въ вышеприведенныхъ указахъ его 17 Октября 1776 года и 7 Мая 1786 года. По явному противорѣчію ихъ основаній съ верховными предначертаніями и повелѣніями Императрицы, относительно уравниенія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, постановленія тѣ никакъ не могутъ, справедливымъ обра

зомъ, быть признаны актомъ ея законодательной воли. Изъ одного того обстоятельства, что эти правительственные акты состоялись и воспріяли свое дѣйствіе въ ея Царствованіе нельзя еще заключать, что ихъ существо было вполнѣ ей извѣстно и что Государынею была наложена на нихъ ея Монаршая санкція. Подобное заключеніе было бы весьма ошибочнымъ. При несомнѣнности законодательной сущности сказанныхъ постановленій и воспріятія ими своего дѣйствія въ законномъ порядкѣ, несомнѣнно и то, что они вослѣдовали не въ законодательномъ, а въ административномъ порядкѣ, и состоялись, въ предѣлахъ предоставленной Сенату власти, по двумъ производившимся въ немъ текущимъ дѣламъ, изъ коихъ одно возникло по представленію Бѣлорусскаго Генералъ-Губернатора, Графа Чернышева, а другое по всеподданнѣйшему прошенію частныхъ лицъ изъ евреевъ, переданному на разсмотрѣніе и постановленіе Сената, по Высочайшему повелѣнію Императрицы. Законодательная дѣятельность Государыни, въ послѣднемъ случаѣ, какъ извѣстно, ограничилась словеснымъ повелѣніемъ, объявленнымъ Сенату Генералъ-Прокуроромъ, о примѣненіи къ людямъ еврейскаго закона, какъ вошедшимъ уже «на основаніи указовъ Ея Величества въ состояніе равное съ другими», правила, Ея Величествомъ установленнаго, «что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона и народа». За симъ, все постановленное Сенатомъ по этому дѣлу, а тѣмъ менѣе по дѣлу, возникшему въ порядкѣ подчиненнаго ему управленія, по представленію мѣстнаго правителя края, не возносилось уже на воззрѣніе Императрицы и воспріяло силу и дѣйствіе, безъ верховной ея санкціи, въ общемъ порядкѣ приведенія сенатскихъ мѣръ и распоряженій въ исполненіе, т. е. путемъ сенатскихъ указовъ, на основаніи сенатскихъ же опредѣленій. Поэтому, существо и основанія постановленныхъ Сенатомъ мѣръ, ихъ сообразность или несообразность съ дѣйствовавшими законоположеніями и верховною волею Государыни, могли сдѣлаться ей извѣстными, въ обоихъ вышесказанныхъ случаяхъ, лишь при обжалованіи постановленій Сената, въ установленномъ для того порядкѣ, или же посредствомъ всеподданнѣйшаго доклада кѣмъ либо изъ приближенныхъ къ Высочайшей особѣ Государыни лицъ. Но ни того ни другаго не послѣдовало и не могло, конечно, послѣдовать,—доклада, потому, что государственными дѣятелями того времени, вслѣдствіе общей предубѣжденности противъ евреевъ, дѣламъ, ихъ касавшимся, не присвоивалось особаго значенія; — обжалованія,

со стороны самихъ евреевъ — потому, во первыхъ, что они хотя и рѣшались подавать прошенія на Высочайшее имя, съ жалобами на причиняемыя имъ стѣсненія, но по угнетенному и приниженному положенію евреевъ, они ограничивались принесеніемъ такихъ жалобъ лишь на мѣстное начальство, не касаясь, вообще, высшихъ, правительственныхъ властей; во вторыхъ же, потому-что и для самихъ евреевъ было довольно затруднительно постигнуть сразу всю неправильность принятыхъ Сенатомъ основаній, тѣмъ болѣе, что постановленія, содержащіяся въ одномъ изъ вышесказанныхъ указовъ, 17 Октября 1772 года, какъ бы не касались ихъ прямымъ образомъ, имѣя открыто своимъ предметомъ только евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, а въ другомъ, 7 Мая 1786 года, постановленія клонились, по видимому, въ ихъ же пользу, имѣя своею цѣлію огражденіе ихъ правъ отъ насилія и самоуправства со стороны мѣстныхъ властей. Заключавшееся же въ этихъ послѣднихъ постановленіяхъ Сената воспрещеніе евреямъ записываться въ купечество Рижскаго форштадта, въ предположеніи, что евреи, вообще, не имѣютъ права жить и торговать внѣ городовъ Бѣлорусскихъ губерній, безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія, — могло, въ данное время, не затрогивать на столько интересовъ евреевъ, даже домогавшихся права торговли въ Рижскомъ форштадтѣ, чтобы въ комъ либо изъ нихъ могла явиться рѣшимость утруждать Государыню жалобою на Сенатъ, постановившій многое и въ ихъ пользу.

Поэтому, не можетъ подлежать, кажется, сомнѣнію, что принятая Сенатомъ въ основаніе исключительность, по отношенію къ евреямъ, вопреки державной волѣ Императрицы, не только не могла имѣть верховной ея санкціи, но осталась ей положительно неизвѣстною и по обращеніи вышесказанныхъ постановленій къ исполненію.

Между тѣмъ, такая исключительность, введеная въ дѣйствіе силою сенатскихъ опредѣленій и указовъ и представлявшая собою самовластное отрицаніе Сенатомъ за евреями, вступившими въ русское подданство, права повсемѣстнаго жительства, торговли и промысловъ въ Россіи и даже всякихъ правъ гражданства, содержитъ въ себѣ зародышъ тѣхъ ограничительныхъ мѣръ, которымъ евреи, впоследствии, стали подвергаться и въ законодательномъ порядкѣ и изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, образовалось особое о нихъ законодательство, составляющее, нынѣ, столь серьезный вопросъ для внутренней политики нашего государства.

Правда, что причины вышеизъясненной несогласности сенатскаго образа дѣйствія, относительно евреевъ, съ верховными предначертаніями Императрицы, могли иной разъ, не зависѣть отъ Сената. Вслѣдствіе крайнихъ, въ то время, недостатковъ, не только въ устройствѣ нашихъ законодательныхъ органовъ, но въ самомъ порядкѣ изданія и обнародованія законовъ, Сенату, весьма продолжительное время, оставались неизвѣстными многія мѣры и распоряженія, принимавшіяся въ порядкѣ верховнаго управленія государствомъ и исходившія, въ разнообразнѣйшихъ видахъ и формахъ, отъ лица державной власти.

Доказательствомъ этому можетъ служить приведенный выше случай, изъ коего усматривается, что, напримѣръ, порядокъ кагалнаго устройства еврейскихъ обществъ, введенный въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 12 Сентября 1772 года докладныхъ пунктовъ перваго правителя тамошняго края, Графа Чернышева, не былъ въ точности извѣстенъ Сенату въ 1782 году, т. е. черезъ десять лѣтъ по его введеніи, какъ это видно изъ сенатскаго указа 16 Іюня того года, коимъ предписано другому тамошнему генералъ-губернатору, Пассеку, доставить подробныя свѣдѣнія о еврейскихъ кагалахъ, названныхъ въ томъ же указѣ «Жидовскими судами» (П. С. З., т. XXI, № 15436). Легко быть можетъ, что, точно такимъ же образомъ, Сенату, болѣе или менѣе продолжительное время, не были въ точности извѣстны, ни наказъ, который былъ данъ Императрицею генераламъ Каховскому и Кречетникову, ни плакатъ, содержащій въ себѣ законодательныя положенія о правахъ новыхъ подданныхъ Россіи, въ Бѣлорусскомъ краѣ, въ томъ числѣ и евреевъ, ни, наконецъ, позднѣйшія, касавшіяся этихъ правъ, верховныя распоряженія Императрицы. Оставленіе Сенатомъ подобныхъ верховныхъ мѣръ и распоряженій, безъ вывода ихъ на справку въ столь существенныхъ своихъ указахъ, какъ указы 17 Октября 1772 года и 7 Мая 1786 года, утверждаетъ еще болѣе въ убѣжденіи о возможности не вполнѣ точнаго знанія Сенатомъ законодательныхъ предначертаній Императрицы по многимъ предметамъ, касавшимся евреевъ.

Въ виду, однако, объявленнаго Генералъ-Прокуроромъ указа Императрицы, въ которомъ ясно и категорично выражалась законодательная воля Государыни о недопущеніи никакихъ различій въ правахъ евреевъ, какъ людей, вошедшихъ въ равныя состоянія съ

прочими подданными, на Сенатъ, какъ выше и тогда блюстителъ точнаго исполненія законовъ и державной воли, лежала, во всякомъ случаѣ, обязанность, при отказѣ евреямъ въ правѣ записки въ купечество внѣ городовъ Бѣлорусскихъ губерній, сослаться, по крайней мѣрѣ, на узаконенія или Высочайшія повелѣнія, которыя содержали бы въ себѣ воспрещеніе этого права для евреевъ, вступившихъ въ русское подданство и пользовавшихся правомъ русскаго гражданства; въ случаѣ же какихъ либо, въ этомъ отношеніи, недоразумѣній, которыхъ, говоря справедливо, на самомъ дѣлѣ не было, повергнуть такое обстоятельство на воззрѣніе Императрицы, съ подробными и обстоятельными соображеніями, для полученія отъ Государыни личныхъ указаній, по предмету столь существенной для государства важности, какъ лишеніе многочисленнаго класса подданныхъ еврейскаго исповѣданія права пользованія всѣми выгодами дарованнаго имъ гражданства, наравнѣ съ прочими подданными.

Между тѣмъ, Сенатъ, не выполнивъ этой обязанности и относясь весьма легко къ вопросу о правовомъ положеніи евреевъ въ Россіи, призналъ возможнымъ допустить въ своихъ постановленіяхъ существенныя отступленія отъ указанныхъ Императрицею началъ и ввести собственною властію такіа различія въ правахъ евреевъ, которыя изъняли ихъ изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ и изъ которыхъ одни эти права расширяли, другія ограничивали ихъ, а всѣ вмѣстѣ присвоивали евреямъ совершенно исключительное въ государствѣ положеніе, рѣзко выдѣлявшее ихъ изъ среды кореннаго населенія. Такъ, Сенатъ, безъ возбужденія какихъ либо сомнѣній, требовавшихъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, оставилъ вышесказаннымъ указомъ въ силѣ противорѣчившую началамъ равенства прерогативу евреевъ, предоставлявшую имъ преимущественное передъ прочими жителями право юридическаго существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ обществъ, имѣющихъ свое особое устройство, а съ другой стороны, не призналъ за евреями, состоявшими въ русскомъ подданствѣ и пользовавшимися уже правами русскаго гражданства, права повсемѣстнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, съ свободнымъ избраніемъ рода жизни, на общемъ основаніи съ людьми, равныхъ съ ними состояній, подъ тѣмъ единственно предлогомъ, что на это требовалось, будто, особое Высочайшее соизволеніе. Между тѣмъ, основанія, указанные Императрицею, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и другихъ, не давали къ этому никакого закон-

наго повода, особенно въ виду состоявшихся за годъ передъ тѣмъ, а именно 4 Февраля 1785 года, трехъ Именныхъ указовъ, разрѣшавшихъ всѣмъ Россійскимъ вольнымъ людямъ, «безъ различія народа и закона», право записки въ посадѣ Шлокѣ и городахъ Рижской и Ревельской губерній, по точной силѣ Манифеста 17 Апрѣля 1775 года, т. е. повсемѣстно въ Имперіи, изъ чего не только не было сдѣлано исключенія для евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ и пользовавшихся правами русскаго гражданства, но вслѣдствіе просьбы, поданной иностранными купцами изъ евреевъ въ г. Митавѣ, разъяснено, что сила того Манифеста распространяется и на евреевъ иностранныхъ.

Такимъ образомъ, фактъ несомнѣнный, что постановленія, содержащіяся въ двухъ вышеприведенныхъ сенатскихъ указахъ, представляютъ, въ своемъ существѣ, правительственные акты, изшедшіе отъ лица Сената, но отнюдь не акты законодательные, въ которыхъ выражалась бы личная воля Императрицы, какъ Законодательницы. При всемъ томъ, сказанныя сенатскія постановленія, какъ имѣвшія въ государствѣ извѣстную силу и дѣйствіе, сообщивъ неправильный импульсъ государственнымъ дѣламъ по отношенію къ евреямъ, служили вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ тѣхъ несправедливостей и беззаконій, какія евреи стали претерпѣвать отъ властей, еще въ царствованіе Екатерины II.

Положивъ начало ограничительнымъ узаконеніямъ о евреяхъ, Сенатъ, въ своемъ образѣ дѣйствія, по отношенію къ нимъ, руководствовался въ сказанныхъ случаяхъ, исключительно, своеобразными взглядами на евреевъ, какіе рутиннымъ образомъ были введены въ правительственную сферу канцеляріями мѣстнаго начальства, въ личномъ составѣ которыхъ преобладали польско-католическій элементъ.

Въ предположеніи, что евреи, и по вступленіи ихъ въ русское подданство, должны составлять отдѣльный народъ, не принадлежащій къ коренному населенію государства,—народъ чужестранный, имѣющій какъ бы временное пребываніе въ государствѣ,—и не придавая, въ то время, надлежащаго значенія факту древней осѣдлости евреевъ въ возсоединенныхъ областяхъ прежней нашей Руси, правительство какъ бы не ощущало и потребности въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію шаткости и непрочности ихъ гражданскаго положенія въ Россіи, но признавало, съ своей точки зрѣнія, вполне практичнымъ, тотчасъ по присоединеніи Бѣлорускаго края, съ еврейскимъ въ немъ

населеніемъ, оказывать постоянное противодѣйствіе законодательнымъ предначертаніямъ Императрицы Екатерины II, объ уравниніи евреевъ въ правахъ съ прочими гражданами, въ особенности же въ правѣ ихъ повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Отсюда явилась въ правительствѣ мысль объ ограниченіи правъ жительства евреевъ и свободного отправленія ими торговъ и промысловъ тѣми областями, въ которыхъ они были застигнуты русскимъ владычествомъ, съ цѣлію безусловнаго закрытія для нихъ всѣхъ прочихъ областей и странъ русскаго государства. Но при этомъ, государственными дѣятелями, того времени, не было, конечно, отдано себѣ надлежащаго отчета: 1) что такая мѣра, кромѣ ея несообразности съ началами равноправности евреевъ, предначертанными Императрицею, несоотвѣтствовала, въ то же время, началамъ гражданской и политической равноправности всѣхъ соединенныхъ подъ русскимъ скипетромъ странъ и областей и населявшихъ ихъ коренныхъ племенъ и народностей; такъ-какъ, при допущеніи сказанной мѣры, однѣ такія страны и области, съ кореннымъ въ нихъ населеніемъ, подверглись бы всѣмъ невыгодамъ исключительнаго ихъ отягощенія евреями, какъ многочисленнымъ торговымъ классомъ населенія, а другія, вслѣдствіе преимущественной какъ бы заботливости правительства объ огражденіи ихъ отъ евреевъ, были бы лишены и выгодъ, какія возможно имѣть отъ торговыхъ сношеній съ ними, 2) что этимъ проводились бы довольно рѣзкія черты отличія, не только въ гражданскомъ, но какъ бы и въ политическомъ бытѣ образующихъ Россію странъ и областей, такъ-какъ изъясненные знаки преимущественной заботливости правительства объ однѣхъ изъ нихъ, могли бы давать другимъ поводъ смотрѣть на себя какъ на страны и области, непризнаваемыя правительствомъ коренными русскими, а слѣдовательно, для Россіи, нѣкоторымъ образомъ, чуждыя, 3) что между тѣмъ, такой взглядъ, не будучи исторически вѣрнымъ, потому-что всѣ возсоединившіяся съ Россіею, на западѣ и югѣ, земли составляли нашу древнюю Русь, могъ бы представлять и довольно существенныя невыгоды для Россіи, въ случаѣ какихъ либо политическихъ усложненій, какія, встрѣчались при Екатеринѣ II, могли встрѣчаться и послѣ, особенно въ виду близкаго сосѣдства тѣхъ странъ и областей съ чужеземными державами, и значительнаго числа, въ составѣ кореннаго тамъ населенія, иновѣрныхъ и инородныхъ племенъ и народностей, 4) что, вообще, допущеніе, въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ, отличій между странами и областями, об-

разующими Русскую державу, не соответствовало бы принципамъ ея *единодержавія*, въ силу которыхъ всѣ соединенныя подъ ея скипетромъ части Россіи, какъ общей для всѣхъ ея подданныхъ родины, какого бы они происхожденія и закона вѣры ни были, должны составлять *единую и нераздѣльную Русь*, все народонаселеніе которой, въ видахъ общаго блага государства, должно пользоваться одинаковою степенью правомѣрности и гражданскаго благосостоянія, безъ различія странъ и областей и населяющихъ ихъ племенъ и народностей, и 5) что слѣдовательно, мѣрою локализации евреевъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, на окраинахъ Русской Имперіи, подрывалась бы, въ сущности, главнѣйшая основа его единодержавія—*единство государства*, составляющее въ каждой странѣ, имѣющей самостоятельный политическій бытъ, первостепенное условіе его силы, крѣпости и могущества.

Доказательствомъ, что Екатерина Великая, по отношенію къ своей Державѣ, лично исходила именно изъ этихъ политическихъ взглядовъ и началъ и именно съ ними связывала свои державныя предначертанія, относительно равноправности всѣхъ поступавшихъ подъ Ея скипетръ земель и народностей, безъ различія ихъ рода и закона вѣры, могутъ служить, между прочимъ, слѣдующія слова, содержащіяся въ текстѣ плаката, посредствомъ котораго жители Бѣлоруссіи, въ томъ числѣ и евреи, были, торжественно и всенародно, оповѣщены о державной волѣ и намѣреніи Императрицы, относительно правъ и выгодъ ихъ гражданскаго состоянія въ Россіи: «...отнынѣ и навсегда имѣютъ (присоединенныя отъ Польши мѣста и земли») состоятъ подъ скипетромъ Россійской Имперіи, жители же оныхъ земель и владѣльцы, *какого бы рода и званія ни были*, въ подданствѣ онаго» и «...что Всемилостивѣйшая Государыня изволить...совершенно ихъ подъ Державою Своею *усыновляя*, всѣхъ и каждого награждать, еще отнынѣ, *въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія*, всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми *древніе Ея подданные* пользуются, такъ-что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ, съ самого сего дня, *во всѣ* оному свойственныя *выгоды*, по всему пространству Имперіи».

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что Императрица Екатерина Великая, присвоивала вѣсьма важное значеніе праву именоваться подданнымъ ея Державы и что Государынею отнюдь не допускалась и не могла допускаться, по поводу евреевъ, мысль о какихъ либо отъ прочихъ

частей Россіи отличій возсоединявшихся съ нею, или присоединявшихся къ ней, силою оружія, странъ и областей, особенно тѣхъ, которыя составляли нашу древнюю Русь и гдѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, имѣлось населеніе, соединенное съ русскою народностію узами кровнаго родства. Этимъ объясняются державныя предначертанія Екатерины Великой, а за тѣмъ твердыя и настойчивыя требованія Государыни, относительно уравнинія евреевъ въ правахъ съ коренными подданными государства, что вовсе не было, слѣдовательно, знакомъ особаго Монаршаго ея снисхожденія къ лицамъ, исповѣдующимъ еврейскую вѣру, — снисхожденія, котораго, по духу того времени и общему настроенію умовъ, не могла имѣть, конечно, и сама Императрица; но доказываетъ лишь ея попеченіе, относительно водворенія и упроченія, въ государственномъ строѣ своей Державы, законоположеній, которыя, какъ сказано въ вышеупомянутомъ Ея наказѣ губернаторамъ Каховскому и Кречетникову, суть *«коренныя, основанныя на правилъ православія, политикъ и здраваго разсудка»*, и которыя, нынѣ, во всѣхъ европейскихъ странахъ, составляютъ главную основу ихъ внутренняго благоустройства и благосостоянія.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на это мѣстныя власти и государственныя дѣятели того времени. Объясняя себѣ образъ дѣйствія Императрицы, незаслуженною евреями ея Монаршею къ нимъ милостію, они полагали поступать весьма практично для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, умѣряя, по возможности, эту казавшуюся имъ снисходительность къ нимъ Государыни. Вслѣдствіе этого, пользуясь широкимъ, въ то время, просторомъ, для личнаго ихъ произвола, низшія и высшія власти, какъ видно изъ приведенныхъ уже данныхъ, не стѣснялись, большею частію, мѣрами строгости, относительно евреевъ, и стремились всячески склонить къ этому же и Императрицу, подъ предлогомъ, что такой образъ дѣйствія оправдывается, будто, потребностію огражденія кореннаго населенія отъ вреда, причиняемаго ему евреями. Вредъ же этотъ усматривался во всемъ, такъ-какъ преданность евреевъ закону своей вѣры и ощущавшаяся мѣстными торговыми классами, со стороны ихъ, сильная степень торговой и промышленной конкуренціи, а также частыя ихъ жалобы на притѣсненія должностныхъ и частныхъ лицъ высшей среды туземнаго населенія, отождествлялись, въ тогдашнихъ понятіяхъ, съ неблагопріятнымъ для интересовъ православія, упорствомъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, неповиненіемъ къ властямъ, враждебнымъ настроеніемъ къ христіан-

скимъ классамъ населенія, стремленіемъ къ ихъ эксплуатаціи, вслѣдствіе природной алчности къ наживѣ и денежному обогащенію ¹⁾), и, вообще, съ злоупотребленіемъ евреями дарованныхъ имъ правъ, ко вреду нравственныхъ и экономическихъ интересовъ кореннаго населенія.

Орудя постоянно въ этомъ смыслѣ и пользуясь существовавшими, въ то время, недостатками въ формахъ нашего законодательства,

¹⁾ Въ страсти къ наживѣ и обогащенію имѣлся прежде, имѣется и теперь, обычай обвинять, поголовно, всѣхъ вообще занимающихся торговыми или денежными дѣлами и предпріятіями. Неудивительно, поэтому, что если такой обычай, при религіозной непріязни къ евреямъ, укоренился относительно ихъ, такъ-какъ по ихъ положенію среди христіанскихъ населеній, евреи были поставлены въ невозможность, для своего существованія, заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ торговыхъ и денежныхъ дѣлъ. При всемъ томъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ о евреяхъ и ихъ бытѣ, оказывается, что за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ изъ ихъ личностей, вся вообще масса евреевъ, изъ числа занимающихся торговлею, промыслами, ремеслами и денежными даже оборотами, довольствуется, сравнительно, меньшею прибылью и заработками, чѣмъ многіе торговые люди другихъ вѣроисповѣданій и народностей, не исключая, иной разъ, и русскихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ евреи, въ Западномъ краѣ, находятся подъ владычествомъ Россіи, прошло болѣе ста лѣтъ. Между тѣмъ, вотъ что сказано, въ числѣ прочихъ объясненій, въ одной официальной запискѣ о евреяхъ, внесенной сановнымъ у насъ лицомъ, относившимся, вообще, неблагопріятно къ еврейству: „замѣчательно, однако, что страсть къ наживѣ необогатила еврейской національности. „Еврейскіе банкиры и крупные негоціанты сѣумѣли вездѣ пріобрѣсти „себѣ колоссальныя богатства, но народная масса евреевъ вездѣ отличалась и доселѣ отличается крайнею бѣдностію“. Если принять, при этомъ, въ соображеніе, что, по имѣющимся официальнымъ же свѣдѣніямъ, благосостояніе лицъ сельскаго состоянія, въ Бѣлоруссіи и другихъ центрахъ еврейскаго населенія, въ Западномъ краѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, не пришло въ упадокъ и находится въ лучшемъ даже положеніи, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ евреевъ нѣтъ; то нельзя не прійти къ заключенію, что обычай поголовнаго ихъ обвиненія, въ употребленіи какихъ либо особыхъ средствъ къ эксплуатаціи окружающаго населенія, всегда былъ основанъ скорѣе на предубѣжденіяхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Едва ли можно отрицать, что страсть къ наживѣ и обогащенію не составляетъ отличительной черты одного еврейскаго племени и что, во всякомъ случаѣ, такой порокъ не можетъ признаваться поводомъ къ ограниченію гражданскихъ правъ того или другаго класса населенія, какъ это замѣчено еще Екатериною Великою, въ ея Наказѣ комисіи о соч. проек. Новаго Уложенія, съ приведеніемъ въ примѣръ Китайцевъ (П. С. З. т. XXIII, № 12949, § 55).

представители мѣстной и высшей администраціи достигли, подѣ конецъ царствованія Императрицы Екатерины II, появленія, въ видѣ Именныхъ указовъ, нѣкоторыхъ законодательныхъ актовъ ограничительнаго содержанія, по отношенію къ правамъ гражданскаго состоянія евреевъ въ Россіи и ихъ повсемѣстнаго жительства въ ней.

Главнѣйшими изъ такихъ актовъ представляются два Именныхъ указа, состоявшіеся 23 Декабря 1791 года и 23 Іюня 1794 года, въ которыхъ воля Императрицы выражена въ смыслѣ, несогласномъ съ прежними ея предначертаніями, относительно евреевъ, и которые многимъ даютъ, нынѣ, поводъ къ предположеніямъ, что Государыня, въ отношеніи ихъ, руководствовалась, въ продолженіи всего своего царствованія, тою же политикою нетерпимости, какъ и прежнія Императрицы.

По важности этихъ двухъ указовъ и ихъ вліянію на права жительства, торговли и промысловъ евреевъ въ Россіи, отчасти, по настоящее время, необходимо разсмотрѣть ихъ нѣсколько ближе, съ цѣлію разясненія: дѣйствительно-ли выраженная въ нихъ воля Императрицы можетъ признаваться вполне ея личною, вытекавшею изъ ея собственныхъ законодательныхъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Первый изъ сказанныхъ указовъ, воспослѣдовавшій 23 Декабря 1791 года, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «О предоставленіи евреямъ правъ гражданства въ Екатеринославскомъ Намѣстничествѣ и Таврической области». Судя по этому заглавію, можно заключить, что прямымъ и единственнымъ предметомъ этого законодательнаго акта было дарованіе евреямъ, обитавшимъ въ Екатеринославскомъ Намѣстничествѣ и области Таврической, правъ русскаго гражданства, подобно тому, какъ такія же права были дарованы еще прежде евреямъ, обитавшимъ въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, повелѣнію объ этомъ Императрицы предпослано въ указѣ нѣчто постороннее, къ предмету его, судя по заглавію, прямымъ образомъ не относящееся, какъ это видно изъ текста указа, начинающагося слѣдующими словами: «Разсматривая съ одной стороны поданныя Намъ прошенія отъ евреевъ, касательно незаписки ихъ въ Смоленское и Московское купечество, а съ другой представленныя намъ отъ Генерала, Главнѣйшаго командующаго въ Москвѣ и тамошней губерніи Князя Прозоровскаго обстоятельства, до сего же случая относящіяся, и *соображая все то съ законами*, находимъ, что евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутреннія Россійскіе города и порты, а

только по *указамъ Нашимъ* дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи». Послѣ такого объясненія слѣдуетъ текстъ, касающійся прямого предмета указа — повелѣнія Императрицы о дарованіи такихъ же правъ гражданства евреямъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и области Таврической; текстъ этотъ слѣдующій: «Подтверждая о точномъ наблюденіи изданныхъ о семъ постановленій (о правѣ евреевъ пользоваться гражданствомъ только въ Бѣлоруссіи), Мы признали за благо распространить такое право гражданства Евреямъ, сверхъ Бѣлорусскихъ губерній, на Екатеринославское Намѣстничество и область Таврическую и повелѣваемъ Сенату Нашему сдѣлать о семъ, кому слѣдуетъ надлежащія предписанія» (П. С. З., т. XXIII, № 17006).

Изъ приведеннаго содержанія указа видно, что не взирая на его заглавіе, онъ имѣлъ, въ сущности, своимъ предметомъ, не только дарованіе правъ гражданства евреямъ въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической, но и ограниченіе, въ то же время, правъ жительства, торговли и промысловъ, какъ этихъ евреевъ, такъ и обитавшихъ въ Бѣлоруссіи, мѣстностями, въ которыхъ они имѣли постоянное жительство. До появленія этого указа, не существовало, какъ уже извѣстно, никакого законодательнаго акта, за собственно-ручнымъ подписаніемъ Императрицы, которымъ было бы установлено такое существенное ограниченіе въ правахъ гражданства евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ. Ограниченію этому, путемъ законодательнаго акта, евреи подверглись, слѣдовательно, впервые, почему мѣра эта, по ея важности и ея послѣдствіямъ, а также несогласности своей съ прежними верховными предначертаніями Императрицы, заключавшимися именно въ томъ, чтобы между евреями и прочими подданными не допускалось никакихъ различій въ правахъ, требовала несомнѣнно, если не мотивированнаго, то во всякомъ случаѣ, такого постановленія, въ которомъ была бы выражена прямая по этому предмету законодательная воля Государыни. Между тѣмъ, изъ начальнаго текста указа видно, что такого постановленія, однако, не послѣдовало, и что сказанное ограниченіе установлено не въ смыслѣ вновь появляющагося органическаго закона, основаннаго на соображеніяхъ о его необходимости для пользы государства, но въ смыслѣ подтвержденія, по встрѣтившемуся частному случаю, какъ бы прежде существовавшихъ законодательныхъ объ этомъ распоряженій и постановленій Императрицы. Установленіе же этимъ способомъ столь

существенной мѣры, какъ лишеніе, силою закона, многолюднаго и осѣдлаго среди русскаго народонаселенія класса подданныхъ права повсемѣстнаго жительства и свободнаго занятія торговлею и промыслами, представляется образомъ дѣйствія, который едва ли можетъ, съ достовѣрностію, быть отнесенъ къ личной волѣ Великой Государыни. Это было бы равносильно предположенію о возможности сознательнаго допущенія Императрицею извращенія точнаго смысла собственныхъ ея повелѣній, съ ссылкой на такія, которыхъ, въ дѣйствительности, вовсе не существовало, въ чемъ не могло быть и никакой надобности, такъ какъ отъ державной власти Государыни зависѣло, въ случаѣ ея желанія, въ виду какой либо признававшейся ею государственной въ томъ потребности, измѣнить свои распоряженія и постановленія относительно евреевъ, принять эту мѣру, не прибѣгая къ неправильнымъ и несправедливымъ истолкованіямъ своей прежней о нихъ воли, а тѣмъ болѣе къ измышленію такихъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній, какихъ, на самомъ дѣлѣ не было. Сомнительность, чтобы Именной указъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ ограничительной его части, составлялъ вполнѣ сознательный актъ законодательной воли Императрицы, подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ содержаніи указа замѣчаются сбивчивость и неопредѣлительность, вовсе не свойственныя повелѣніямъ Государыни. Такъ, при объясненіи къ указъ, что дарованныя Бѣлорусскимъ евреямъ права гражданства распространяются и на тѣхъ, которые обитаютъ въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической, не имѣется, въ то же время, точнаго и яснаго указанія, ограничиваются ли права гражданства этихъ послѣднихъ евреевъ, равнымъ образомъ, предѣлами ихъ края и воспрещается ли имъ пользованіе такими правами въ Бѣлоруссіи, гдѣ среди ихъ единовѣрцевъ они могли имѣть и родственныя связи. Вслѣдствіе этого, появившійся указъ, по отношенію къ правамъ жительства, торговли и промысловъ обитавшихъ въ Россіи евреевъ, могъ быть истолковываемъ весьма различно. Онъ могъ быть принимаемъ въ томъ смыслѣ, что евреи эти должны распадаться на два отдѣльныхъ населенія, изъ которыхъ каждое должно было пребывать въ предѣлахъ своей мѣстности, что могло давать властямъ поводъ евреямъ въ Бѣлоруссіи не допускать къ жительству и занятіямъ торговлею и промыслами въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области, а евреевъ, жившихъ въ этихъ краяхъ—къ тому же самому въ Бѣлоруссіи; или же

указъ тотъ могъ быть истолковываемъ въ томъ смыслѣ, что содержащееся въ немъ ограниченіе правъ жительства евреевъ касается только обитающихъ въ Бѣлоруссіи, согласно съ чѣмъ, одни только эти евреи не допускались бы въ прочія части Имперіи, въ томъ числѣ и въ ея южные края; или же, наконецъ, распространение дарованныхъ Бѣлорусскимъ евреямъ правъ гражданства на ихъ единовѣрцевъ въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической могло бы быть объясняемо въ томъ даже смыслѣ, что съ появленіемъ вышесказаннаго указа эти послѣдніе евреи приобрѣтали права постоянного жительства лишь въ Бѣлоруссіи, что могло побуждать мѣстныя власти принимать мѣры къ переселенію ихъ туда и очищенію отъ нихъ южныхъ частей Имперіи. Такая неточность указа, какъ законодательнаго акта, по предмету, и въ то время, столь существенному, въ правительственномъ отношеніи, — неточность, не замѣчающаяся въ другихъ, за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы, повелѣніяхъ ея, не могла не открывать широкаго простора, для низшихъ и высшихъ властей, къ разнаго рода произвольнымъ стѣсненіямъ евреевъ въ ихъ правахъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи, въ чемъ, равнымъ образомъ, нельзя видѣть личной воли Императрицы, такъ-какъ отличительная черта ея законодательной дѣятельности заключалась не въ допущеніи, а въ устраненіи законами условій, содѣйствующихъ произволу и насиліямъ и препятствующихъ установленію между подданными возможной равномѣрности въ правахъ и выгодахъ.

Второй изъ сказанныхъ указовъ, появившійся 23 Іюня 1794 года, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «О сборѣ съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, установленныхъ податей *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій», изъ чего можно заключить, судя, по-крайней-мѣрѣ, по буквальному тексту его заглавія, что указъ этотъ имѣлъ прямымъ предметомъ не ограниченіе правъ гражданства евреевъ мѣстами ихъ осѣдлости, но одну лишь финансовую мѣру, касавшуюся ихъ податей, хотя и сопряженную съ преимущественнымъ ихъ отягощеніемъ ими, въ сравненіи съ прочими подданными. Между тѣмъ, указъ начинается слѣдующимъ образомъ: «Позволивъ евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы ихъ въ губерніяхъ: Минской, Изъяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородской-Сѣверской, Екатеринославской и въ Об-

ласти Таврической, записався по городамъ въ мѣщанство и купечество, повелѣваемъ»...., за симъ слѣдуетъ текстъ повелѣнія, касающагося обложенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей. Изъ начальнаго текста этого указа усматривается, еще осязательнѣе, несогласная съ политическими взглядами Императрицы Екатерины II правительственная цѣль ограниченія мѣста жительства евреевъ возсоединенными съ Россіею областями древней Руси и проведенія, въ этомъ отношеніи, рѣзкой черты отличія между ними и прочими частями Имперіи, въ видахъ какъ бы преимущественнаго огражденія этихъ послѣднихъ отъ евреевъ и предполагавшагося отъ нихъ вреда. При чемъ, здѣсь, какъ и въ предшествующемъ указѣ, о такомъ ограниченіи правъ жительства евреевъ говорится, какъ о постановленіи закона заранѣе уже существовавшаго, тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, до появленія указа 23 Декабря 1791 г., ничего подобнаго не существовало. Поэтому, и въ этомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы сказанное ограниченіе было установлено путемъ прямого органическаго объ этомъ закона, въ которомъ, несомнѣннымъ образомъ, выражалась бы, по этому предмету, личная воля Государыни.

Такимъ образомъ, въ обоихъ именныхъ указахъ, какъ 23 Декабря 1791 года, такъ и 23 Юня 1794 года, относительно правъ жительства евреевъ въ Россіи, содержатся, въ сущности, лишь правительственныя распоряженія, основанныя на неправильномъ истолкованіи прежнихъ повелѣній Императрицы о правахъ гражданства евреевъ въ Россіи. Такое извращеніе смысла дѣйствовавшихъ о евреяхъ узаконеній, ссылка въ указахъ не на эти узаконенія, а на такія, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, не существовало; недостаточная точность и опредѣлительность указовъ, по отношенію къ правамъ гражданскаго состоянія столь значительнаго, по числу, класса подданныхъ, какъ евреи; отсутствіе всякихъ объясненій о мотивахъ, побудившихъ Императрицу допустить въ этихъ правахъ ограниченія, измѣнявшія, кореннымъ образомъ, общее правовое у насъ положеніе евреевъ, съ невыгодами, какъ для нихъ, такъ и для различныхъ частей государства; несообразность содержанія указовъ, дававшая возможность исходить изъ мысли, что при присоединеніи Бѣлоруссіи, евреямъ, кромѣ вѣроисповѣдныхъ льготъ и преимуществъ, было предоставлено въ видѣ Монаршей милости и самое право дальнѣйшаго ихъ существованія въ предѣлахъ русскаго государства, тогда-какъ со времени присоединенія Бѣлоруссіи, по невозможности

обращаться къ поголовнымъ высылкамъ евреевъ за границу, какія практиковались въ прежнее время, пребываніе евреевъ въ Россіи, а слѣдовательно, и ихъ право пользованія извѣстнымъ состояніемъ, для возможности законнаго существованія въ государствѣ, зависѣли уже въ то время, болѣе отъ положенія вещей, чѣмъ отъ личнаго усмотрѣнія правительства; противорѣчіе содержащихся въ обоихъ указахъ ограничительныхъ постановленій съ взглядами и предначертаніями Императрицы Екатерины Великой, которыхъ она держалась въ теченіи всего своего царствованія, и, напротивъ, совершенная тождественность этихъ ограниченій съ духомъ и направленіемъ тѣхъ мѣръ, къ принятію которыхъ было склонно само правительство; наконецъ, появленіе вышесказанныхъ указовъ лишь подъ конецъ царствованія Императрицы, т. е. въ тотъ періодъ его времени, когда геній въ ней присутствовалъ, но воля и законодательная энергія могли ослабнуть, особенно въ дѣлахъ, къ которымъ примѣшивались религіозныя цѣли, обращавшіяся, нерѣдко, въ случаяхъ, касавшихся евреевъ, въ вопросы даже христіанскаго благочестія, — все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право заключать: 1) что хотя существующая нынѣ черта осѣдлости евреевъ, локализирующая ихъ населеніе въ Западномъ краѣ, возымѣла свое начало въ царствованіе Императрицы Екатерины II, но что тѣмъ не менѣе, черта эта составляетъ учрежденіе, которое, справедливымъ образомъ, не можетъ быть отнесено къ личной инициативѣ самой Императрицы и личнымъ ея взглядамъ на этотъ предметъ, и 2) что въ этомъ дѣлѣ участвовала, слѣдовательно, не столько личная воля Государыни, сколько государственныхъ дѣятелей того времени, и что включеніе въ указы толкованій и объясненій, извращавшихъ законодательныя начертанія Императрицы о евреяхъ и ихъ правахъ гражданства въ государствѣ, составляетъ, въ дѣйствительности, ничто иное, какъ искусное, въ формѣ Именныхъ указовъ, проведеніе правительственными властями, того времени, собственныхъ, по отношенію къ евреямъ, взглядовъ и мѣръ, которые съ самого вступленія въ русское подданство, шли въ разрѣзъ съ воззрѣніями и намѣреніями самой Императрицы.

Изъ всего сказаннаго усматривается, съ достаточною, кажется, ясностью, что идея локализации евреевъ въ Россіи, путемъ установленія, такъ называемой, черты ихъ осѣдлости, вводящей исключительный порядокъ вещей, по отношенію къ правамъ и выгодамъ не однихъ евреевъ, но и коренныхъ населеній различныхъ странъ и об-

властей Русской Имперіи, не есть продуктъ, ни генія Императрицы Екатерины Великой, ни духа и разума нашей историко-національной политики, ни духа и разума законодательныхъ начертаній нашихъ прежнихъ Государей, всегда стремившихся къ единству русскаго государства, безъ различія образующихъ его странъ и областей, и относившихся, въ частности, къ евреямъ, съ терпимостью, сравнительно, большею, чѣмъ Государи и правительства въ Западной Европѣ и Польшѣ. Едва ли справедливо было бы приписывать идею локализациі евреевъ духу и разуму той даже политики нетерпимости къ евреямъ, которая проявилась у насъ въ царствованіи Императрицъ: Екатерины I, Анны Іоановны и Елисаветы Петровны; такъ-какъ эта политика заключалась въ идеѣ равномѣрнаго освобожденія отъ евреевъ всѣхъ частей государства, безъ допущенія какихъ либо изъятій, которыя клонились бы къ выгодѣ однихъ изъ нихъ и ущербу для другихъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ указовъ Императрицы Елисаветы Петровны, 2 декабря 1742 и 16 Декабря 1743 года, а также Сенатскаго указа 25 января 1744 года, которыми предписывалось о высылкѣ за границу всѣхъ проживавшихъ у насъ евреевъ, не только изъ Великороссіи, но изъ Малой и Бѣлой Россіи и прочихъ завоеванныхъ городовъ (П. С. З., т. XI, №№ 8673 и 8840 и т. XII, № 8867). Поэтому, инициативу по учрежденію существующей у насъ черты осѣдлости евреевъ и самое ея установленіе, въ царствованіе Екатерины II, слѣдуетъ отнести къ взглядамъ и образу дѣйствія не самой Императрицы, но властей того времени, не усвоившихъ достаточно ея политическихъ принциповъ и не отдававшихъ себѣ вполне яснаго отчета о всей непрактичности для государства, при невозможности равномѣрнаго освобожденія отъ евреевъ всѣхъ частей Россіи, путемъ прежнихъ ихъ высылки за границу, скопленія ихъ массъ въ извѣстныхъ ея мѣстностяхъ, которое должно было повести къ преимущественному ихъ отягощенію чрезмѣрнымъ числомъ людей торговаго и промышленнаго класса. Но разъ идея сказанной черты получила свое осуществленіе путемъ законодательнаго акта, она приобрѣла въ правительственной сферѣ значеніе свершившагося факта, о которомъ не поднималось уже вопроса, какъ о фактѣ, не требовавшемъ, будто, ближайшихъ обсужденій, вслѣдствіе чего черта эта остается въ силѣ по настоящее время.

Кромѣ этой ограничительной мѣры, государственные дѣятели, временъ Императрицы Екатерины II, достигли, въ видѣ Именныхъ ея

указовъ, и нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе сомнительныхъ, по своей пользѣ, въ государственномъ отношеніи.

Въ числѣ такихъ мѣръ, особенное вниманіе обращаетъ на себя включенное правительствомъ, въ вышеупомянутый Именной указъ 23 іюня 1794 года, одновременно съ ограниченіемъ правъ жительства евреевъ, постановленіе о платежѣ ими двойнаго оклада податей, который былъ отмѣненъ, за тѣмъ, лишь въ царствованіе Императора Николая I, съ изданіемъ Положенія о евреяхъ 1835 года.

На первый взглядъ, эта мѣра можетъ представиться имѣвшею одну только финансовую цѣль. Но ближайшее ея разсмотрѣніе убѣждаетъ, что она имѣла цѣль, исключительно, репрессивнаго свойства и что въ основаніи ея лежала скрытая мысль правительства религіознаго преслѣдованія евреевъ, съ попыткою очищенія отъ нихъ русской территоріи. Это усматривается, отчасти, изъ самаго текста повелѣнія, касающагося этой мѣры. Текстъ этотъ слѣдующій: «повелѣваемъ съ «тѣхъ изъ помянутыхъ евреевъ (мѣсто жительства которыхъ ограничено поименованными въ указѣ губерніями), которые таковымъ дозволеніемъ (отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы, т. е. другими словами, жить въ Россіи) пользоваться желаютъ, собирать съ 1 числа слѣдующаго іюля установленныя подати *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій; которые же не похотятъ остаться, таковымъ дать свободу, на основаніи Положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи нашей (П. С. З., т. XXIII, № 17,224).

Объясненіе въ указѣ, что евреи подвергаются преимущественному отягощенію податями, въ сравненіи съ подданными христіанской вѣры разныхъ исповѣданій, тогда-какъ, въ сущности, евреи, въ то же время, подвергались преимущественному отягощенію, въ томъ же отношеніи, сравнительно съ людьми и нехристіанскихъ исповѣданій, уже достаточно указываетъ, что сказанная мѣра имѣла религіозную цѣль установленія различія между евреями и христіанами, въ податномъ отношеніи. Это дѣлается еще яснѣе, если принять во вниманіе, что мѣра эта вполне соотвѣтствовала тѣмъ основаніямъ, которыя содержались въ неотмѣненномъ, а слѣдовательно, имѣвшемъ въ правительственной сферѣ извѣстное значеніе, Сенатскомъ указѣ 17 октября 1776 года, по смыслу котораго, одинаковыми выгодами въ правахъ гражданскаго состоянія съ прочими подданными могли пользоваться лишь евреи,

принявшіе христіанскую вѣру. Религіозная цѣль, въ этомъ случаѣ, усматривается еще изъ того, что правительствомъ, въ слѣдующемъ году, а именно, въ Именномъ указѣ 8 іюня 1796 года, т. е. за годъ до кончины Императрицы Екатерины II, проведена мѣра, изъяснявшая отъ платежа вышесказаннаго двойнаго оклада податей обитавшихъ въ Крыму караймовъ, какъ послѣдователей іудейскаго закона, не державшихся ученія Талмуда ¹⁾, въ отличіе отъ прочихъ евреевъ, которымъ въ всеподданнѣйшемъ донесеніи, по этому предмету, екатеринославскаго, вознесенскаго и таврическаго генераль-губернатора, графа Зубова, было присвоено названіе «Раббиновъ» (П. С. З., т. XXIII, № 17,340).

Преимущественное отягощеніе податями извѣстнаго класса людей, съ религіозною цѣлію, имѣло у насъ примѣры, по отношенію не къ однимъ только евреямъ. Со временъ Петра I, какъ объяснено выше, подобному отягощенію были подвергнуты и раскольники. Но по отношенію къ нимъ, религіозная цѣль этой мѣры была вполне ясная и понятная, такъ-какъ она имѣла въ виду огражденіе отъ расколовъ нашего православнаго закона и побужденіе совратившихся раскольниковъ къ ихъ возврату въ лоно нашей Церкви. Относительно прочихъ иновѣрцевъ, религіозная въ нашемъ государствѣ мѣра, даже принудительнаго характера, могла тоже не быть вполне лишена понятной для каждаго цѣли, коль скоро эта цѣль ограничивалась интересами нашего православнаго закона, какъ господствующаго въ государствѣ, защита и оборона каковаго закона составляетъ его обязанность.

Въ этомъ отношеніи, нельзя сказать, чтобы религіозныя мѣры, принятыя противъ евреевъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, при всей ихъ строгости и несогласности съ началами вѣротерпимости и пользою государства, не имѣли надлежащей цѣлесообразности, такъ-какъ цѣль ихъ не выходила изъ предѣловъ лежащихъ на государствѣ нашемъ обязанностей, по огражденію интересовъ нашей Греко-Восточной Каѳолической церкви. Это видно изъ приведеннаго выше Именнаго ея указа 2 Декабря 1742 года, которымъ было повелѣно допускать въ Россію изъ евреевъ, въ видѣ исключенія, лишь тѣхъ, «кто изъ нихъ «захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія» (П. С. З., т. XI, № 8,673). Но власти и государствен-

¹⁾ О значеніи Талмуда, по новѣйшимъ о немъ изслѣдованіямъ, говорится ниже.

ные дѣятели, противодѣйствовавшіе предначертаніямъ Императрицы Екатерины Великой, относительно примѣненія къ евреямъ начала равенства въ правахъ съ прочими подданными, не уяснивъ себѣ, надлежащимъ образомъ, настоящей религіозной цѣли нашего государства, задались мыслію побужденія евреевъ къ переходу въ христіанство, безъ различія вѣроисповѣданій, что лишало эту цѣль надлежащаго значенія и удобообъяснимости, такъ-какъ обращеніе многочисленнаго уже тогда у насъ населенія евреевъ въ католическую, напримѣръ, вѣру не представляло бы, конечно, съ религіозно-политической стороны, выгодъ, ни для нашей церкви, ни для государства. Такое неуясненіе себѣ этого предмета тогдашними властями усматривается, какъ изъ Сенатскихъ постановленій 17 Октября 1776 года, такъ и проведеннаго въ Именномъ указѣ 23 Іюня 1794 года правительственнаго распоряженія объ обложеніи евреевъ двойнымъ окладомъ податей; ибо по смыслу этихъ правительственныхъ актовъ, каждый изъ евреевъ могъ выйти изъ невыгодъ своего неравнаго съ прочими подданными положенія, въ случаѣ принятія христіанской вѣры, не только православнаго, но и другихъ исповѣданій. Такимъ образомъ, принимавшіяся правительствомъ противъ евреевъ мѣры репрессивнаго свойства, съ религіозною цѣлью, составляли такое насиліе совѣсти, которое, для интересовъ собственно нашей Церкви не имѣло достаточнаго значенія и по отношенію къ нимъ было, такъ-сказать, безцѣльнымъ. Что касается лично Императрицы Екатерины Великой, то Государыня, по своимъ взглядамъ на свободу исповѣданія и по извѣстнымъ уже общимъ принципамъ своей политики, не могла относиться сочувственно къ мѣрамъ стѣсненія, въ дѣлѣ религіи, чьей-бы то ни было свободы совѣсти, однимъ изъ доказательствъ чему можетъ служить ознаменованіе Государынею своего царствованія, между прочимъ, тѣмъ, что за нѣсколько лѣтъ передъ воспо- слѣдовавшимъ обложеніемъ евреевъ двойною податю, отъ платежа такой же подати, Именными указами Императрицы, освобождены раскольники, не взирая на то, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ, взгляды на нихъ были всегда, сравнительно, строже, какъ на людей, отпадшихъ отъ православія и Церкви (Имен. ук. 20 Іюля и 8 Ноября 1782 г., П. С. З., т. XXI, №№ 15,473 и 15,581). Поэтому, мысль отягощенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей не могла принадлежать Императрицѣ, по одной уже религіозной ея цѣли, въ томъ смыслѣ, какъ ее разумѣли власти; ибо такая цѣль не соотвѣтство-

вала, ни понятіямъ объ отношеніяхъ русскаго государства къ господствующему въ немъ исповѣданію, ни Манифесту Императрицы о возшествіи на престолъ 28 Іюня 1762 года, въ которомъ заявлены обязанности верховной власти по защитѣ и оборонѣ одного лишь православнаго закона. Сказанную мѣру нельзя приписывать лично Государынѣ и по присвоивавшейся ей правительствомъ политической цѣли—очищенія отъ евреевъ русской территоріи. Екатерина Великая, какъ уже объяснено выше, вполне постигала, что съ момента принятія подъ свой скипетръ Бѣлоруссіи, съ еврейскимъ въ немъ населеніемъ, по его числу, уже и въ то время, весьма значительному, всѣ прежнія попытки къ освобожденію государства отъ присутствія въ немъ евреевъ были-бы тщетными и что при такихъ условіяхъ, здравая политика указывала лишь одно: совершенное примиреніе съ неизбежностію этого факта и присвоеніе евреямъ, вмѣстѣ съ принятіемъ ихъ въ русское подданство, равныхъ съ прочими подданными правъ состоянія, что, въ дѣйствительности, Императрица и желала сдѣлать, подобно тому какъ поступили позднѣе, всѣ прочія европейскія страны и государства.

Еще менѣе можно приписывать лично Императрицѣ мѣру обложенія евреевъ двойными податями, по ея финансовой цѣли; такъ-какъ Государынѣ вполне было извѣстно, изъ донесеній первыхъ правителей Бѣлорусскаго края и позднѣйшихъ тамъ властей, что все населеніе евреевъ, перешедшихъ къ намъ отъ Польши, вслѣдствіе невладѣнія ими тамъ землями, на правѣ собственности, ненахожденія ихъ въ состояніяхъ сельскихъ и отгѣсненія ихъ, вообще, еще при польскомъ владычествѣ, отъ земледѣлія, — занимается, преимущественно, городскими промыслами—мелочною торговлею, мелкою промышленностію и ремеслами, и претерпѣвая, при этомъ, разнаго рода притѣсненія, а также неся тягости по платежу, кромѣ податей, разныхъ другихъ сборовъ, не представляло условій, которыя давали бы поводъ къ предположенію, чтобы казна могла извлекать съ этого класса подданныхъ, въ податномъ отношеніи, сравнительно, болѣе выгодъ, чѣмъ съ другихъ людей податныхъ-же сословій. При этомъ, правительству и тогда не было безъизвѣстно, что еврейскія общества были обременены частными долгами, погашавшимися изъ особаго съ евреевъ сбора, получившаго названіе кружечнаго или коробочнаго (см. ниже). Нужно полагать, что это и было, между прочимъ, причиною отмѣны Императрицею установленнаго, первоначально, исключитель-

наго съ евреевъ однорублеваго поголовнаго сбора и подчиненія ихъ, Именнымъ указомъ 3 Мая 1783 г. и другими повелѣніями, платежу одинаковыхъ податей съ прочими людьми, равныхъ съ ними состояній. Поэтому, никакъ нельзя приписывать личной инициативѣ Императрицы принятіе, въ отношеніи евреевъ, такой мѣры, какъ обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ податей, которая могла-бы имѣть послѣдствіемъ лишь, болѣе или менѣе, быстрое накопленіе на еврейскомъ населеніи подлежащихъ сложенію со счетовъ безнадежныхъ недоимокъ, безъ всякой пользы для казны. Кромѣ того, легко было предвидѣть, что мѣры строгости, къ какимъ мѣстныя власти должны были-бы прибѣгнуть, для побужденія евреевъ и ихъ обществъ къ исправному взносу двойной подати, при не всегда правосудномъ отношеніи тѣхъ властей къ евреямъ, открыли-бы широкій просторъ произволу надъ ихъ личностью и имуществомъ, который послужилъ-бы къ экономическому разстройству и разоренію десятковъ тысячъ платящихъ единицъ, изъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, поселяя среди ихъ населенія бѣдность и нищету, всегда способствовавшія деморализаціи отягощеннаго чрезмѣрными платежами класса и развитію въ немъ разнаго рода порочныхъ склонностей, отчего долженъ былъ проистекать вредъ и для общихъ интересовъ государства. Легко было также отдать себѣ ясный отчетъ, что при такихъ условіяхъ, мѣра отягощенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей, въ случаѣ ея принятія, имѣла-бы характеръ одного лишь религіознаго гоненія евреевъ, безъ особой пользы для интересовъ и православной церкви, по причинамъ, изъясненнымъ выше. Изъ этого усматривается, что сказанная мѣра обложенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей не отличалась, вообще, цѣлесообразностью и ея согласностію съ практическими пользами государства, и могла объясняться лишь чувствами непріязни къ многочисленному классу подданныхъ еврейскаго исповѣданія, — непріязни, лично Императрицею Екатериною II, съ законодательной точки зрѣнія, не одобрявшейся. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что отягощеніе евреевъ двойною податю, подобно локализаци ихъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ государства, принадлежитъ, всецѣло, инициативѣ тогдашней администраціи, которою обѣ эти мѣры и были проведены въ Именныхъ указахъ, съ цѣлію присвоенія имъ законодательнаго значенія.

Такимъ образомъ, правительство, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ вліятельнѣйшихъ его дѣятелей, вслѣдствіе религіозной своей не-

пріязни къ евреямъ и ошибочныхъ на нихъ взглядовъ, какъ на народъ чужеземный, который рано или поздно, можетъ и долженъ быть выселенъ изъ Россіи, или выражаясь болѣе простонародно—выжить изъ нея, считали своею обязанностію всячески склонять Императрицу къ политикѣ прежняго времени, съ цѣлію освобожденія государства отъ евреевъ, посредствомъ понужденія ихъ къ добровольному выселенію за его предѣлы, по невозможности уже, въ то время, достиженія этой цѣли путемъ административныхъ ихъ высылкъ за границу.]

Въ ожиданіи, что стѣсненіе евреевъ въ правахъ жительства въ Россіи и выгодахъ по платежу государственныхъ податей возымѣетъ желаемое дѣйствіе, администрація продолжала принимать сама и проводить въ Именныхъ указахъ мѣры репрессивнаго свойства, которыя, по ихъ явному вреду, для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, могли объясняться только ошибочными убѣжденіями правительства, что евреи имѣютъ какъ-бы временное только пребываніе въ Россіи.

Ничто, казалось-бы, не могло быть вреднѣе, напимѣръ, для вышесказанныхъ интересовъ государства, какъ принудительное сосредоточеніе всей массы еврейскаго населенія, исключительно, въ городахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно имѣло свою осѣдлость. Изъ Сенатскаго указа 7 Мая 1786 года, объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, видно, что самъ Сенатъ отдавалъ себѣ въ этомъ довольно ясный отчетъ; такъ-какъ указомъ тѣмъ было воспрещено мѣстному начальству, между прочимъ, принуждать записавшихся въ купечество и мѣщанство евреевъ «безвременно селиться въ городахъ» и препятствовать имъ «упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ». Послѣдствія противоположнаго образа дѣйствія были очевидны. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго переполненія городовъ сказанныхъ мѣстностей массою евреевъ, составлявшихъ, исключительно, торговый и промышленный классъ людей, видимо, должны были пострадать экономическіе интересы не только евреевъ, но и всего городского тамъ населенія, такъ-какъ избытокъ силъ торговой и промышленной конкуренціи въ городахъ и истекающее отъ такого избытка неравновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности, представлялись такими условіями, которыя могли бы служить не къ процвѣтанію городовъ, но скорѣе къ ихъ упадку, съ вредомъ для экономическихъ и финансовыхъ интересовъ государства. Такія условія должны были отразиться еще вреднѣе, послѣ

отягощенія евреевъ платежомъ двойнаго оклада податей и ограниченія ихъ правъ жительства поименованными въ Именномъ указѣ 23 Іюня 1794 года мѣстностями, пространство которыхъ, въ сравненіи съ пространствомъ Имперіи, было незначительно. Незначительная же, въ тѣхъ мѣстностяхъ, сравнительно съ ихъ пространствомъ, плотность общаго народонаселенія, съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ государства, не могла оправдывать скопленія тамъ отягощенныхъ податями и сборами еврейскихъ массъ, по той причинѣ, что евреи, по условіямъ своего положенія, были, вообще, оттѣснены отъ земледѣлія и не будучи поставлены въ прямые отношенія къ производительнымъ силамъ почвы, не могли, имѣть въ ней и средствъ къ жизни, помимо усвоеннаго ими рода занятій; почему, условіе сравнительной малонаселенности мѣстностей, коими было ограничено жительство евреевъ, не могло, очевидно, поселять надежды, относительно возможности ослабленія торговой и промышленной ихъ конкуренціи въ городахъ и даже уѣздахъ.

Между тѣмъ, тогдашнее правительство, упустивъ все это изъ виду, вслѣдъ за вышесказанными ограниченіями въ правахъ евреевъ, а именно въ Именномъ указѣ 3 Мая 1795 года, состоявшемся всего за полтора года до кончины Императрицы, на имя минскаго, изяславскаго и брацлавскаго генераль-губернатора Тутолмина, провело мѣры, которыми, хотя и подтверждались право участія евреевъ въ городскомъ управленіи, на основаніи 127 ст. Городоваго Положенія, и прежнее ограниченіе судебной власти кагаловъ обрядами ихъ закона и дѣлами богослуженія, чѣмъ, кажущимся образомъ, какъ бы примѣнялось правительствомъ начало уравниенія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными; но въ то же время, указомъ тѣмъ предписано евреямъ, разсѣянныхъ по селеніямъ въ губерніяхъ, гдѣ имъ дозволено жить, вносить въ городовыя окружныхъ городовъ книги, подчинить ихъ, на основаніи Городоваго Положенія, магистратамъ и стараться *переселять ихъ въ уѣздные города*, «дабы сіи люди», сказано въ указѣ, «не скитались во вредъ обществу, но производя торги и различныя рукодѣлія и ремесла и себѣ прибыль и обществу пользу приносили» (П. С. З., т. XXIII, № 17,327).

Этою мѣрою налагалась какъ бы санкція самаго закона на типъ евреевъ, какъ мелкихъ въ городахъ торговцевъ, и окончательно закрывался для нихъ всякій доступъ въ сельскія состоянія, какъ свободныя, такъ и крѣпостныя, что естественно не могло способство-

вать къ развитію среди евреевъ склонности къ земледѣлію, тѣмъ болѣе, что по смыслу, какъ вышеизъясненныхъ, такъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, едва ли они допускались, въ то время, къ приобрѣтенію земель въ собственность и землевладѣнію, хотя прямыхъ постановленій русскаго законодательства о воспрещеніи имъ этихъ правъ, наравнѣ съ людьми одинаковыхъ съ ними состояній, а также права найма къ себѣ въ услуженіе, для работъ, людей христіанскихъ исповѣданій, въ то время еще не существовало ¹⁾).

Сосредоточеніе всей массы еврейскаго населенія въ городахъ тѣхъ мѣстностей, которыя были предназначены, тогда, для постоянной осѣдлости евреевъ, съ возложеніемъ на мѣстную администрацію, Именнымъ указомъ, обязанностей по принятію мѣръ къ выселенію ихъ въ города, изъ селъ и деревень, подготовляло самыя невыгодныя условія для экономическаго тамъ быта, какъ евреевъ, такъ и прочаго населенія, и открывало, несомнѣнно, широкій просторъ мѣстнымъ властямъ, для произвольныхъ дѣйствій надъ евреями. Такимъ образомъ, проведенная правительствомъ, въ Именномъ указѣ 3-го Мая 1795 года, вмѣстѣ съ прочими подобными же, репрессивнаго свойства, мѣрами, должна была имѣть послѣдствіемъ порожденіе, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, элементовъ къ развитію, въ близкомъ будущемъ, среди ихъ, пролетаріата и деморализаціи, вредно отражавшихся на нравственномъ и экономическомъ бытѣ всего, вообще, тамъ населенія, что на самомъ дѣлѣ и произошло, какъ мы увидимъ ниже.

При такихъ обстоятельствахъ, могучимъ средствомъ къ улучшенію общаго положенія вещей въ мѣстностяхъ, исключительно отягощенныхъ массами еврейскаго населенія, и облегченію участи и самихъ евреевъ могло бы служить, конечно, ихъ подчиненіе, наравнѣ съ прочими людьми, податныхъ же состояній, *отбыванію рекрутской повинности натурою*. Мѣра эта могла бы имѣть послѣдствіемъ нѣкоторое разрѣженіе ихъ массъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, и поднятіе ихъ нравственнаго и общественнаго значенія въ государствѣ, какъ его подданныхъ. Реформа, произведенная, въ этомъ отношеніи, въ царствованіе Императора Николая Павловича, не взирая на нѣкоторую строгость и исключительность мѣръ, которыми она сопровождалась, должна счи-

¹⁾ Законъ о воспрещеніи евреямъ найма христіанъ въ услуженіе, по вступленіи евреевъ въ подданство Россіи, появился у насъ, впервые, какъ мы увидимъ ниже, лишь въ царствованіе Императора Александра I.

таться, однако, весьма благотвительною для евреевъ; такъ-какъ привлеченіе ихъ къ натуральной воинской повинности составляло вмѣстѣ и актъ признанія русской страны отечествомъ и для ея жителей еврейскаго исповѣданія, въ чемъ явственно выражалась державная воля Монарха объ искорененіи господствующихъ, въ этомъ отношеніи, предубѣжденій и предрасудковъ, какъ вообще, такъ въ правительственной сферѣ, въ особенности.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ европейскихъ державахъ, имѣлся уже примѣръ привлеченія евреевъ къ воинской повинности, наравнѣ съ прочими гражданами, а именно, въ сосѣдней съ нами Австріи, гдѣ, въ 1781 году, Императоромъ Іосифомъ II изданъ законъ, подчинившій евреевъ общимъ постановленіямъ, по этому предмету ¹⁾. Примѣру этому, послѣдовали, вскорѣ, Пруссія и другія иностранныя державы, которыя, признавъ благоразумнымъ примириться съ фактомъ нахожденія евреевъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, въ составѣ ихъ народонаселенія, какъ фактомъ неустрашимымъ, и не задаваясь уже болѣе несбыточною мыслію о возможности освобожденія своихъ странъ отъ еврейскаго въ нихъ населенія, путемъ изгнанія евреевъ изъ ихъ предѣловъ, стали, вообще, принимать коренныя реформы къ уравниенію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, т. е. выполнять то, что Екатериною Великою было еще ранѣе предначертано, относительно своихъ подданныхъ этого же исповѣданія. Нынѣ, опытъ свидѣтельствуетъ, что это имѣло, въ европейскихъ странахъ, самыя благотворныя послѣдствія, такъ-какъ евреи оказались вполнѣ годными къ военной службѣ, даже строевой. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что по свѣдѣніямъ, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, евреи, во время бывшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи войнъ, успѣли ознаменовать себя во многихъ иностранныхъ державахъ, въ томъ числѣ и Пруссіи, военными подвигами, которые даютъ право заключать о несостоятельности господствовавшихъ, прежде, предубѣжденій противъ природнаго мужества евреевъ и ихъ способности къ тяжелымъ тру-

¹⁾ Die früheren und gegenwärtigen Verhältnisse der Juden, Людвига фонъ-Ренне и Генриха Симона, двухъ нѣмцевъ въ Пруссіи, занимавшихъ тамъ официальные должности въ государственной службѣ, первый въ чинѣ камергерихтсрата, а второй—оберландсгерихтс-ассесора, 1843 г., стр. 18.—Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, II отд., Н—N, ч. 27, стр. 279.

дамъ военнаго поприща и, вообще тѣмъ, которые обусловливаются развитіемъ физическихъ силъ ¹⁾. Если же фактъ совершенной годности евреевъ къ военной службѣ, въ странахъ, гдѣ они имѣютъ свое пребываніе, является фактомъ вполне констатированнымъ; то нѣтъ основанія къ предположенію, чтобы евреи, въ ихъ прежнихъ и нынѣшнихъ поколѣніяхъ въ Россіи, не содержали въ себѣ достаточныхъ элементовъ къ своему нравственному развитію и не могли, поэтому, при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ, снабжать государство полезными и вполне достойными гражданами.

Геній Императрицы Екатерины II предусматривалъ все это. Великою Монархинею вполне постигалось, что неравенство евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, въ какихъ-бы то ни было отношеніяхъ, не соотвѣтствуетъ практическимъ требованіямъ общаго государственнаго блага и не можетъ быть терпимо по духу новѣйшихъ временъ.

Но для тогдашнихъ органовъ правительственной власти, эти принципы представлялись особенно неудобопостижимыми, относительно правъ евреевъ на военную въ государствѣ службу. По недостатку, въ тѣ времена, другихъ руководящихъ, относительно этого предмета, началъ и основаній, кромѣ завѣщанныхъ преданіями польской рутины и общихъ, противъ евреевъ, предубѣжденій и предразсудковъ, безусловное закрытіе для нихъ доступа въ военную службу, не представлялось, тогда, въ правительственной сферѣ, даже вопросомъ. «Жидъ», въ военномъ одѣяніи, съ оружіемъ въ рукахъ, былъ-бы, въ то время, необычайнымъ явленіемъ, о возможности котораго не допускалось и мысли. Вслѣдствіе этого, правительствомъ не признавалось необходимымъ испрашивать, по этой важной статьѣ государственнаго управленія, какихъ либо ближайшихъ указаній Высочайшей власти. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II, 7 Сентября 1794 г., еврейское купечество,

¹⁾ Во Франціи на примѣръ, въ дѣйствительной службѣ, въ рядахъ войскъ и, вообще, по военному вѣдомству, состояло, въ 1883 году, изъ числа французскихъ подданныхъ, исповѣдующихъ еврейскую вѣру: 109 суб-лейтенантовъ, 89 лейтенантовъ, 90 капитановъ, 4 командира артиллерійскихъ и 5 командировъ кавалерійскихъ эскадроновъ, 4 командира инженерныхъ и 12 командировъ пѣхотныхъ батальоновъ, 13 полковниковъ и подполковниковъ, 3 бригадныхъ и 2 дивизіонныхъ генерала и 4 военныхъ интенданта. Многіе изъ нихъ награждены орденомъ почетнаго легіона.

какъ объяснено выше, въ отношеніи выгодъ по отбыванію рекрутской повинности, было уравнено съ купечествомъ христіанскихъ исповѣданій, по точной силѣ Именнаго-же указа 3 Мая 1783 года, освободившаго, вообще, лицъ купческаго званія отъ натуральной рекрутской повинности, съ замѣною ея денежною, въ размѣрѣ 500 руб. за каждаго рекрута. Это не давало, конечно, правительству права, собственною властію, ни освобождать все остальное еврейское населеніе отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, ни отягощать его, въ замѣнъ такой повинности, особымъ денежнымъ сборомъ. То и другое, по важности предмета, требовало законодательнаго постановленія Высочайшей власти, по разуму основныхъ законовъ государства и того времени. Но сенатъ, истолковывая вышесказанную мѣру не льготою, дарованною купцамъ изъ евреевъ, въ равной мѣрѣ съ купцами изъ христіанъ, но какъ-бы признаніемъ верховною властію Императрицы всѣхъ, вообще, евреевъ негодными къ отбыванію рекрутской повинности натурою, указомъ, состоявшимся 21 Января 1796 года, т. е. въ годъ кончины Государыни, распространилъ, собственною властію, безъ испрошенія на то Высочайшаго ея соизволенія, денежную рекрутскую повинность, въ вышесказанномъ размѣрѣ, на евреевъ и мѣщанскаго состоянія, классъ которыхъ, съ евреями купческаго званія, составлялъ все ихъ населеніе у насъ, чѣмъ какъ-бы и узаконилось фактическое, до того, устраненіе евреевъ отъ натуральной рекрутской повинности (П. С. З., т. XXIII, № 17,432). Такимъ образомъ, мѣщанское сословіе евреевъ, обнимавшее почти всю массу ихъ населенія въ Россіи, независимо отъ платежа двойнаго оклада податей, было отягощено еще платежомъ денежной рекрутской повинности, въ размѣрѣ 500 руб. за каждаго рекрута. Между тѣмъ, такая мѣра представлялась тѣмъ менѣе справедливою, что всѣ, вообще, евреи этого состоянія принадлежали къ недостаточному классу гражданъ, что признавалось, отчасти, и самимъ закономъ—такъ-какъ по смыслу дѣйствовавшаго, въ то время, Манифеста 17 Марта 1775 года, о состояніяхъ разнаго рода свободныхъ людей, мѣщанами признавались, вообще, тѣ горожане, которые не были въ состояніи объявить капитала въ размѣрѣ именно 500 руб., для записки въ купечество (П. С. З., т. XX, № 14,275); изъ чего можно заключить, что евреи, въ этомъ случаѣ, отягощены правительственною властію, какъ-бы сознательно, непомѣрнымъ налогомъ, не представлявшимъ никакой особой пользы и для казны, какъ всякій денеж-

ный сборъ, исправнаго и бездоимочнаго платежа котораго ожидать нельзя.

Этою мѣрою заканчиваются правительственныя дѣйствія, относительно евреевъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II,— дѣйствія, въ которыхъ скрываются и главнѣйшія причины неустойчивости ея политики, по отношенію къ подданнымъ еврейскаго исповѣданія.

Въ общемъ же выводѣ, вышесказанныя мѣры и распоряженія правительства, относительно евреевъ, не отвѣчавшія законодательнымъ предначертаніямъ Великой Государыни, имѣли слѣдующія, государственными дѣятелями того времени не предвидѣнныя, послѣдствія:

1) Учрежденіе черты осѣдлости евреевъ, раздѣляющей Россію какъ-бы на двѣ части: *Россію съ евреями* и *Россію безъ евреевъ*, съ присвоеніемъ этимъ частямъ оттѣнковъ отличій въ ихъ гражданскомъ и политическомъ бытѣ, вопреки коренному началу единодержавія: о *единствѣ и нераздѣльности русскаго государства*.

2) Установленіе различій въ правахъ и выгодахъ племенъ и народностей, соединенныхъ въ одну семью, подъ скипетромъ русской Державы, вопреки кореннымъ основаніямъ нашего законодательства о равенствѣ передъ закономъ всѣхъ и cadaго, изъ подданныхъ государства, одинаковыхъ состояній, какого-бы кто происхожденія и вѣры ни былъ.

3) Установленіе основаннаго на духѣ исключительныхъ льготъ и привилегій порядка вещей, въ экономической сферѣ государства, посредствомъ допущенія господства въ ней двухъ отдѣльныхъ *монопольныхъ* какъ-бы положеній: одного въ *Россіи съ евреями*—въ пользу какъ-бы евреевъ же, преобладающихъ тамъ, по своему многочисленности, въ торговлѣ и промышленности; другаго—въ *Россіи безъ евреевъ*, въ пользу торговыхъ и промышленныхъ тамъ классовъ, но ко вреду класса потребителей, т. е. всего, вообще, тамъ населенія.

4) Проистекающее отъ этихъ условій неправильное и неравномѣрное распредѣленіе въ государствѣ торговыхъ и промышленныхъ силъ, отягощающихъ своимъ избыткомъ мѣста, въ которыхъ присутствуютъ евреи, ко вреду общаго тамъ экономическаго благосостоянія,—вреду, какой естественно сопряженъ съ преобладаніемъ предложенія надъ спросомъ.

5) Скрывающіеся въ этомъ положеніи вещей элементы невѣжественнаго состоянія, пролетаріата и деморализаціи еврейскихъ у насъ

массъ, т. е. такихъ явленій, которыя не могутъ быть безразличны для государства, какъ явленія болѣзненныя въ организмѣ его собственнаго политическаго тѣла; мысль же объ искорененіи этого зла, путемъ цѣльнаго изъятія изъ состава его народонаселенія всѣхъ у насъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, принадлежитъ къ числу тщетныхъ и несбыточныхъ, а вмѣстѣ и весьма сомнительныхъ по той пользѣ, какую можно было-бы, въ дѣйствительности, ожидать, для торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ государства, при допущеніи даже предположенія объ осуществимости подобной мѣры ¹⁾.

6) Постоянную ошибочность, при сложности изъясненныхъ условий, во взглядахъ, относительно самихъ причинъ истекающаго отъ евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, нравственнаго и экономическаго вреда, — ошибочность, дающая поводы къ постоянному обвиненію въ немъ, исключительно, евреевъ-же и ставящая правительственную власть на путь, преимущественно, репрессивныхъ противъ нихъ мѣръ.

7) Образованіе, вслѣдствіе этого, исключительнаго о евреяхъ законодательства, усложняющаго чрезмѣрно наши законы и функціи нашихъ государственныхъ и административныхъ органовъ, обращая ихъ часто къ мѣрамъ, которыми, безъ достиженія прямой ихъ цѣли — искорененія зла — нарушаются, въ то же время, коренныя законоположенія о неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго подданнаго, до совершенія имъ преступленія, влекущаго за собою ограниченіе этихъ правъ, въ видѣ правомѣрной кары, на основаніи понятій объ уголовной вмѣняемости.

8) Поддержаніе въ правительственной сферѣ, путемъ такихъ мѣръ, общественной обособленности евреевъ, что даетъ имъ, нѣкоторымъ образомъ, законный поводъ смотрѣть на себя, какъ на особый въ странѣ народъ, имѣющій права на національность и отдѣльный внутренній бытъ.

9) Нарушеніе коренныхъ у насъ, со временъ Императрицы Екатерины II, ею же установленныхъ законовъ о свободѣ вѣроисповѣданій,

¹⁾ Исторія Испаніи, на примѣръ, свидѣтельствуетъ, что одною изъ главныхъ причинъ совершеннаго, въ этой странѣ, упадка торговли были принятыя, въ XVI столѣтіи, Филиппомъ II, подъ вліяніемъ инквизиціоннаго духа, мѣры къ изгнанію наиболѣе промышленныхъ жителей: *евреевъ* и *морисковъ*. Учебникъ „Новой Исторіи“ Иловайскаго, для старш. возраста.

которая формально, хотя дарована евреямъ, но вмѣстѣ, существенно, и стѣсняется не отмѣненнымъ и дѣйствующимъ, по настоящее время, положеніемъ о возможности выхода для каждаго еврея изъ подѣ дѣйствія ограничительныхъ о его единовѣрцахъ узаконеній, лишь подѣ условіемъ принятія имъ христіанства; чѣмъ всему исключительному законодательству о евреяхъ придается смыслъ какъ-бы религіознаго ихъ гоненія въ Россіи, и притомъ, въ интересахъ не одной лишь Православной Церкви, но всѣхъ вообще, христіанскихъ вѣроисповѣданій, вслѣдствіе чего, религіозная цѣль, кромѣ ея, вѣковымъ опытомъ доказанной, бесполезности, утрачиваетъ свой внутренній смыслъ и значеніе, сообразное съ понятіями объ отношеніяхъ русскаго государства къ господствующему въ немъ Греко-Восточному Каѳолическому исповѣданію.

Начало же такому неестественному порядку вещей, по отношенію къ евреямъ, положено мѣстными властями, временъ Екатерины II, и тогдашнимъ Сенатомъ, преимущественно, подѣ вліяніемъ религіозныхъ идей, безусловное устраненіе которыхъ, представлялось вопросомъ какъ-бы христіанскаго благочестія, для многихъ имѣвшихъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, вліятельное значеніе въ сферѣ верховнаго управленія государства.

Такимъ образомъ, этою Великою Государынею, подѣ конецъ ея царствованія, какъ-бы не вполне сознательно, были допущены мѣры, на которыхъ настаивало правительство, и которыя, не оправдываясь, въ сущности, ни ощущавшеюся потребностію въ огражденіи Православной Церкви отъ какой либо угрожавшей ей отъ евреевъ опасности, ни другими общими пользами и нуждами государства, послужили главнымъ источникомъ тѣхъ затрудненій, изъ которыхъ возникъ у насъ, такъ-называемый, «еврейскій вопросъ».

II.

(Періодъ отъ Императора Павла I до Императора Николая I, съ царствованія котораго начинается нынѣ дѣйствующее о евреяхъ законодательство).

По кончинѣ Императрицы Екатерины II, гражданскій бытъ евреевъ, какъ поселившихся въ Россіи въ ея царствованіе, такъ и жившихъ, издревле, въ мѣстахъ, присоединенныхъ отъ Польши, явился въ совершенно исключительномъ положеніи, на основаніи правительственныхъ распоряженій и постановленій, изъ коихъ нѣкоторыя, въ формѣ Именныхъ указовъ, приобрѣли силу и значеніе законодательныхъ актовъ, выражавшихъ какъ-бы волю самой Императрицы. Особенности гражданского быта евреевъ, вошедшихъ въ составъ общаго народонаселенія, выражались, рѣзкими чертами, въ *различіяхъ правъ*, установившихся, какъ путемъ ихъ ограниченій, такъ и вслѣдствіе дарованія еврейскимъ обществамъ нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, изъ убѣжденія правительства, что ими обусловливается свобода еврейскаго исповѣданія, сообразно съ закономъ вѣры, обычаями и нравами евреевъ.

Эти ограниченія, съ одной стороны, льготы и преимущества съ другой, совмѣстно съ густотою еврейскаго населенія, во многихъ мѣстахъ, гдѣ оно было замкнуто правительствомъ, служили главнѣйшими факторами общественной обособленности евреевъ, содѣйствовавшими, въ тоже время, могучимъ образомъ, ихъ племенной и религіозной сплоченности.

При восшествіи на престолъ Императора Павла I, установившіяся различія въ правахъ евреевъ представлялись, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ: 1) евреи не имѣли права повсемѣстнаго жительства въ Имперіи, которое было предоставлено имъ, исключительно, въ нѣкоторыхъ только, въ точности опредѣленныхъ, мѣстахъ, безъ права временныхъ отлучекъ изъ нихъ во внутреннія губерніи и столицы, даже въ порядкѣ, существовавшемъ для лицъ свободныхъ податныхъ состояній всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій; 2) по правамъ ихъ состоянія, они признавались, исключительно, городскими обывателями, съ правомъ приписки только въ мѣщанство и купечество, и не иначе, какъ въ составѣ ихъ обществъ, *отдѣльно* отъ прочихъ жителей; при

чемъ, по дѣламъ религіознымъ, а также по раскладкѣ податей и общественныхъ сборовъ, еврейскія общества были подчинены уѣзднымъ и губернскимъ кагаламъ, а по дѣламъ гражданскимъ и суднымъ—мѣстнымъ магистратамъ, ратушамъ и градскимъ думамъ; 3) торговлею, промыслами и ремеслами они имѣли право заниматься, исключительно, въ мѣстахъ, гдѣ имъ было дозволено постоянное жительство, съ правомъ для купцовъ, на основаніи Городоваго Положенія, свободнаго тамъ передвиженія и даже переселенія изъ города въ городъ и изъ одной губерніи въ другую, безъ воспрещенія, въ тоже время, всѣмъ, вообще, приписаннымъ къ городамъ евреямъ проживать и въ селеніяхъ, по уѣздамъ, для занятія торговлею, арендаторствомъ и другими дозволенными промыслами, въ томъ числѣ и продажею питей, но не иначе, какъ съ вѣдома ихъ обществъ, въ видѣ временныхъ отлучекъ, по паспортамъ, и безъ права приписки къ сельскимъ обществамъ, какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ сельскихъ состояній; 4) земледѣліе и сельская промышленность, какъ равно пріобрѣтеніе для этой цѣли, внѣ городовъ, частныхъ и казенныхъ земель, хотя и не были закономъ воспрещены евреямъ, но по неразрѣшенію имъ права записываться въ сельскія общества, ни образовывать изъ себя, въ то время, отдѣльныя сельскія общества, евреи, не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, въ видѣ *природныхъ сельскихъ обывателей*, тѣмъ болѣе, что по недостатку въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ свободныхъ земель и господствовавшей среди евреевъ бѣдности, мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность пріобрѣтать земельную собственность; къ тому же, они, вообще, стѣснялись въ правѣ землевладѣнія, какъ и въ наймѣ рабочихъ изъ христіанъ, на основаніи прежнихъ польскихъ статутовъ, которыхъ мѣстныя власти еще придерживались, хотя, болѣею частію, совершенно произвольно; 5) гражданская и военная служба была для евреевъ совершенно закрыта, за исключеніемъ права службы, по выборамъ, въ городскихъ должностяхъ, къ коимъ они допускались на основаніи Городоваго же Положенія; 6) евреи не пользовались одинаковыми выгодами съ прочими подданными по платежу государственныхъ податей, которыя было положено взыскивать съ нихъ *вдвое* противъ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона различныхъ исповѣданій, съ предоставленіемъ имъ платежа этихъ податей, по общественнымъ между собою раскладкамъ, отдѣльно отъ прочихъ горожанъ, и 7) рекрутскую повинность они отбывали не натурою, а деньгами, для

чего было положено взыскивать съ евреевъ, какъ купческаго званія, такъ и мѣщанъ, по 500 рублей за каждаго рекрута.

Вникая-же ближе въ существо тогдашнихъ постановленій, относительно правъ состоянія евреевъ въ Россіи, нельзя не усмотрѣть, что эти права были въ весьма шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи.

Изъ указа Императрицы Екатерины II, 23 Іюня 1794 года, лежавшаго, въ числѣ прочихъ, состоявшихся въ концѣ ея царствованія, постановленій, въ основаніи ограниченій правъ евреевъ, ясно видно, что право занятія мѣщанскими и купческими промыслами, даже въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности, даровано имъ, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, уже какъ-бы *условно*, т. е. въ смыслѣ какъ-бы *временной льготы*, за пользованіе которою было признано справедливымъ обложить ихъ двойною податю. По недоступности же, въ то время, для евреевъ, вообще, земледѣлія и сельской промышленности, мѣщанскіе и купческіе промыслы, арендаторство и продажа питей, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, должны были представлять, для всей ихъ массы, единственные средства къ жизни. Очевидно, поэтому, что при такихъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта, самое право существованія ихъ въ Россіи, даже въ мѣстахъ, гдѣ они имѣли древнюю осѣдность, приобрѣтало значеніе также какъ-бы *временной льготы*, срочность которой, ставилась какъ бы въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія правительства, вопреки самому факту неизбѣжности нахожденія евреевъ въ составѣ русскаго народонаселенія.

Такой принципіальный взглядъ на положеніе евреевъ, по правамъ ихъ жительства и существованія въ предѣлахъ русскаго государства, самъ собою, устанавливалъ въ политической сферѣ понятіе о евреяхъ, какъ о населеніи инородческомъ, случайно втиснутомъ въ составъ русскаго кореннаго населенія и съ нимъ, по враждебности своихъ религіозно-національныхъ элементовъ, не сливающимся и не долженствующемъ сливаться, а слѣдовательно, неимѣющемъ и немогущемъ имѣть въ русской странѣ и прочной осѣдности. Непризнаніе евреевъ, въ принципѣ, осѣдлою частію русскаго народонаселенія усматривается осязательно изъ содержавшагося въ томъ же Именномъ указѣ и дѣйствовавшаго, въ то время, постановленія, предоставлявшаго тѣмъ изъ евреевъ, которые не пожелали-бы подчиниться платежу двойныхъ податей, *свобода выѣзда изъ Россіи*, и при томъ не иначе какъ подъ условіемъ предварительной уплаты ими *трехлѣтней двойной подати*.

Изъ этого слѣдуетъ, что со времени введенія въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ законодательную область, правительственныхъ взглядовъ на еврейскую часть народонаселенія и ея положеніе въ государствѣ, евреи, населявшіе Россію, какъ-бы не стали уже, въ сущности, признаваться даже русскими подданными, могущими пользоваться правами гражданства, по праву туземныхъ обывателей страны; но признавались людьми, имѣющими лишь случайное въ ней пребываніе, изъ коихъ огражденіемъ закона, въ личныхъ и имущественныхъ правахъ, могли пользоваться только тѣ, которые платили бы въ казну двойныя подати.

По тяжести - же такихъ податей, особенно въ виду платежа, кромѣ ихъ, еще денежной рекрутской повинности и разныхъ обязательныхъ общественныхъ сборовъ, на евреяхъ не замедлили, конечно, накапливаться значительныя суммы казенныхъ и общественныхъ недоимокъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе не меньшей тяжести условія, подъ которымъ имъ было разрѣшено право выѣзда изъ Россіи, мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность воспользоваться такимъ правомъ, тѣмъ болѣе, что со стороны сосѣднихъ державъ, имѣвшихъ, въ составѣ своего народонаселенія, тоже не малое число евреевъ, не могло не встрѣчаться препятствій къ принятію ихъ въ свои владѣнія, особенно цѣлыми толпами. Естественнымъ же послѣдствіемъ этого было весьма скорое образованіе въ Россіи массы евреевъ, не платившихъ исправно двойной подати и, въ то же время, невыселившихся добровольно изъ Россіи, которые, имѣя видъ неподчинившихся платежу податей, становились въ положеніе, какъ-бы *бѣглыхъ* или *бродячихъ чужеземцевъ*, лишенныхъ уже, не только правъ на русское подданство, но и на всякое покровительство законовъ. Поэтому, большинство евреевъ у насъ въ этомъ качествѣ, т. е. бѣглыхъ или бродячихъ чужеземцевъ, подпало подъ расправу мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ властей, завися вполнѣ отъ ихъ личнаго произвола. Легко себѣ представить, какой широкій просторъ открывался этимъ, для всякаго рода злоупотребленій, со стороны тѣхъ властей, надъ личностію и имуществомъ евреевъ и, какъ вредно это должно было дѣйствовать на нравственность должностныхъ лицъ, окружавшаго евреевъ населенія и самихъ евреевъ, которымъ, для избѣженія притѣсненій, не оставалось, конечно, другаго средства, какъ прибѣгать къ разнаго рода ухищреніямъ, для обхода законовъ разными путями. Въ этомъ отношеніи, ихъ положеніе сдѣлалось у насъ, сравнительно, хуже, чѣмъ оно было въ періодъ времени, когда они не состояли

еще въ русскомъ подданствѣ. Въ то время, евреи признавались у насъ людьми, прїѣзжавшими къ намъ изъ чужихъ странъ, вслѣдствіе чего, они пользовались охраною законовъ, наравнѣ съ иностранными гостями, права которыхъ, какъ извѣстно, были у насъ въ большомъ уваженіи. Но со времени принятія ихъ въ русское подданство, евреи пріобрѣли значеніе своихъ людей, съ которыми можно было обращаться, какъ угодно, особенно съ тою ихъ массою, которая не была въ состояніи платить двойнаго оклада податей и, въ тоже время, внести трехлѣтній окладъ, для права выѣзда изъ Россіи. Такимъ образомъ, не смотря на то, что евреи, на самомъ дѣлѣ, были у насъ не кочующимъ, но осѣдлымъ населеніемъ, взгляды на нихъ, какъ на людей бѣглыхъ и бродячихъ инороднаго происхожденія, все болѣе и болѣе укоренялся, и впослѣдствіи, формально какъ-бы узаконенъ, такъ-какъ при кодификаціи нашихъ законовъ, вослѣдовавшей въ царствованіе Императора Николая I, всѣ вообще евреи, отнесены у насъ къ состоянію инородцевъ, права жительства которыхъ, въ тоже время, было признано правильнымъ и соотвѣтствующимъ точному смыслу законоположеній о нихъ опредѣлить въ Уставѣ о паспортахъ и бѣглыхъ. Такая разрядная, по правамъ состоянія, классификація еврейскаго у насъ населенія осталась въ законахъ по настоящее время, не взирая на то, что Государемъ Николаемъ Павловичемъ, была твердо выражена державная воля объ искорененіи въ правительственной сферѣ предразсудка о невозможности сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, къ чему, какъ мы увидимъ ниже, по Высочайшимъ его повелѣніямъ, были приняты и энергическія мѣры.

Спрашивается, что же оставалось евреямъ, при вышесказанныхъ прежнихъ правительственныхъ взглядахъ на ихъ гражданскій бытъ, какъ не сосредоточиваться въ религіозныхъ созерцаніяхъ своего племени и искать нравственной и матеріальной поддержки среди себя самихъ, въ людяхъ, которые были заправилами ихъ обществъ и составляли ихъ кагалы. Гнетъ, которому евреи подвергались со стороны своихъ собственныхъ обществъ и ихъ кагаловъ, былъ для нихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не менѣе тяжелъ, но по ихъ тѣсной съ ними, племенной и религіозной, связи, избѣжать его для евреевъ не было никакой возможности.

Правительство, не отдавая себѣ, конечно, яснаго отчета о настоящемъ положеніи вещей среди евреевъ и предполагая собственную ихъ потребность въ отдѣльныхъ обществахъ, съ отдѣльными для

нихъ органами, въ лицѣ кагаловъ, не поколебалось, какъ уже извѣстно, тотчасъ-же, по присоединеніи къ Россіи польскихъ провинцій, даровать имъ прерогативу такой общественной организаціи, тѣмъ болѣе, что соединеніе ихъ въ одни общества съ христіанами представлялось, въ то время, несогласнымъ съ религіозными взглядами на евреевъ. Вслѣдствіе этого, само правительство способствовало образованію сказанныхъ обществъ и учрежденію ихъ кагальныхъ управленій, съ предоставленіемъ имъ широкихъ правъ, по управленію и завѣдыванію общественными дѣлами ихъ единовѣрцевъ.

Первое время, какъ уже объяснено выше, къ обязанностямъ уѣздныхъ и губернскихъ кагаловъ, независимо отъ завѣдыванія обрядами ихъ закона и дѣлами богослуженія, были отнесены многіе предметы чисто административнаго свойства, а именно: 1) приписка евреевъ, въ составѣ ихъ обществъ, къ городскимъ состояніямъ, 2) выдача имъ паспортовъ, 3) надзоръ за ихъ мѣстопробываніемъ и родомъ занятій и 4) платежъ государственныхъ податей, по ихъ общественнымъ между собою раскладкамъ.

Хотя съ изданіемъ Городоваго Положенія, общественныя дѣла евреевъ подчинены магистратамъ, ратушамъ и городскимъ думамъ, причемъ обязанности кагаловъ ограничены обрядами закона и дѣлами богослуженія; но это мало чѣмъ уменьшило ихъ значеніе и степень ихъ власти надъ ихъ единовѣрцами.

Каждое отдѣльное вѣроисповѣдываніе, какого-бы оно закона ни было, имѣетъ, какъ извѣстно, свои внѣшнія проявленія, въ рядѣ отдѣльныхъ учрежденій религіознаго характера. По отсутствію же, въ то время, точнаго разграниченія между предметами, касавшимися и не касавшимися законовъ еврейской вѣры, а также всякаго сознанія въ правительствѣ потребности, для общихъ интересовъ государства, въ какомъ либо попеченіи объ образованіи еврейскаго юношества, въ непосредственномъ вѣдомствѣ кагаловъ, какъ религіозно-общественныхъ органовъ еврейскаго народа, остались, согласно съ ихъ собственными на то притязаніями, не только синагоги, но больницы, богадѣльни и другія общественныя и благотворительныя заведенія, погребальныя братства, кладбища, общественныя еврейскія бани, метрика,¹⁾ брачныя дѣла и даже еврейскія школы. Нужды и потребности еврейскаго

¹⁾ Метрическая часть среди евреевъ получила устройство лишь въ новѣйшее время,—не прежде 40-хъ годовъ этого столѣтія, на основаніи Положенія о евреяхъ 1835 года.

вѣроисповѣданія, въ такой ихъ широтѣ, не могли не обнимать множества предметовъ общественнаго и даже государственнаго интереса, не касавшихся, въ сущности, одной религіи.

Между тѣмъ, все это, не исключая, какъ сказано, образованія еврейскаго юношества, было предоставлено отдѣльному управленію и завѣдыванію самихъ еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ, которые распоряжались, какъ вышесказанными учрежденіями и всѣми дѣлами, до нихъ касавшимися, такъ и всякаго рода общественными сборами на нужды и потребности ихъ вѣроисповѣданія, вполне самостоятельно, безъ вмѣшательства и контроля со стороны общихъ административныхъ властей. Къ числу такихъ общественныхъ еврейскихъ сборовъ, не смотря на свой, преимущественно, гражданскій характеръ, былъ отнесенъ, между прочимъ, и особый съ евреевъ денежный сборъ въ кружку или коробку, отчего онъ получилъ названіе *кружечнаго*, или *коробочнаго сбора*.

Этотъ сборъ имѣлъ и имѣетъ еще, нынѣ, въ мѣстахъ постоянной осѣлости евреевъ, прямое отношеніе къ экономическимъ условіямъ общественной жизни, не только евреевъ, но и прочихъ тамъ жителей ¹⁾. Поэтому, необходимо нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ, чтобы составить себѣ о немъ сколь возможно ясное и правильнѣйшее понятіе.

Изъ имѣющихся объ этомъ сборѣ официальныхъ свѣдѣній, видно, что онъ учрежденъ среди евреевъ, въ половинѣ XVII столѣтія, еще при польскомъ правительствѣ, съ цѣлію уплаты предъявленныхъ

¹⁾ Хотя, нынѣ, коробочный сборъ съ евреевъ изъятъ изъ вѣдѣнія Казенныхъ Палатъ и подчиненъ городскимъ общественнымъ управленіямъ; но нельзя не признать за нимъ и финансоваго значенія, какъ потому, что онъ отнесенъ закономъ къ числу государственныхъ податей, такъ и потому, что изъ его суммъ удовлетворяются и разныя казенныя потребности (т. V, Уст. о Подат., изд. 1856 г., ст. 281 и прилож. къ ней). Изъ имѣющихся официальныхъ свѣдѣній объ этомъ сборѣ, суммы его весьма значительны и далеко превышаютъ религіозно-общественныя потребности самихъ евреевъ. А какъ при этомъ, они не изъяты отъ платежа и общихъ государственныхъ податей и денежныхъ повинностей, то изъ этого слѣдуетъ, что еврейское у насъ населеніе продолжаетъ, въ сущности, нести двойную тягость по ихъ платежу, въ сравненіе съ прочими жителями. При платежѣ же, въ прежнее время, двойнаго оклада податей, такая преимущественная тягость представлялась, на самомъ дѣлѣ, еще въ значительнѣйшихъ размѣрахъ.

въ еврейскимъ обществамъ долговъ, для возмѣщенія которыхъ они оказались несостоятельными. Долги эти были раздѣлены на четыре разряда: 1) эдукаціонно-фундушевой комисіи, вѣдавшей дѣла народнаго просвѣщенія, 2) ліокаціонный—римско-католическому духовенству, не только Литовско-Польскому, но Прусскому и Австрійскому, 3) частнымъ духовнымъ лицамъ и 4) частнымъ свѣтскимъ лицамъ. Одни изъ этихъ долговъ были разсрочены уплатою на неопредѣленное время, другіе же оставлены за еврейскими обществами на вѣчныя времена, съ тѣмъ, что бы на нихъ уплачивались только проценты.

На основаніи же изданнаго, въ то время, Скарбовою Коммисіею, инструктора, обложенію коробочнымъ сборомъ, по усмотрѣнію кагаловъ, могли подлежать слѣдующіе предметы: убой скота и рѣзь птицъ, продажа коширнаго и трѣфнаго мяса, продажа соли, крупы, пшеничная и ржаная мука, рыба, льняное и конопляное масло, смола, деготь, дрова, сѣно, выдѣланныя и невыдѣланныя кожи, листовой табакъ, зажигаемая въ шабашные дни свѣчи и употребляемая евреями въ праздникъ «Пейсахъ» (пасхи) мука, бани, мѣста, кладбищами и школами занимаемая, привозимые на рынокъ иногородными евреями съѣстные припасы, виноградное вино, пиво, портеръ, аракъ, французская водка, сиропъ, вареный и невареный медъ, плоды, овощи, сельди, разнаго рода хлѣбъ, сало, анисъ, мыло, уксусъ, горчица, каждая выторгованная мѣстными и иногородными евреями сотня злотыхъ, каждый злотъ, выработанный ремесленникомъ, винокурномъ, извощикомъ, продаваемое на толкучемъ рынкѣ готовое платье, прогоняемый на ярмаркѣ крупный скотъ, райскія яблоки и пасхальные барашки, право на рѣзь скота и птицъ, право лавочниковъ на мелочную продажу товаровъ, на наемъ домовъ, амбаровъ и лавокъ, доходы съ билліардовъ, право содержанія шинковъ, и проч.

Изъ этого перечня предметовъ обложенія коробочнымъ сборомъ, видно, что онъ, въ сущности, былъ и есть, ни что иное, какъ косвенный налогъ на евреевъ, существовавшій прежде и существующій еще и теперь, независимо отъ установленныхъ для всѣхъ подданныхъ, въ томъ числѣ и для евреевъ, общихъ государственныхъ податей и повинностей.

Падая на жизненные предметы первой потребности, возвышая тѣмъ цѣны на нихъ, въ ущербъ интересовъ потребителей всѣхъ классовъ, въ мѣстахъ осѣлости евреевъ, находясь, въ то время, въ безконтрольномъ распоряженіи самихъ еврейскихъ обществъ и ихъ ка-

гальныхъ управленій и, стѣсняя, съ самаго начала своего учрежденія, права евреевъ по ихъ занятіямъ мелочною торговлею и разнаго рода промыслами и ремеслами, помимо правительственныхъ ограниченій, какимъ подвергались эти же ихъ права, сперва въ Польшѣ, а потомъ и въ Россіи, — коробочный сборъ явился налогомъ, который ложился тяжелымъ бременемъ на евреевъ, особенно когда они несли тягость по платежу двойныхъ, противъ другихъ подданныхъ, государственныхъ податей, отражаясь, самымъ неблагопріятнымъ образомъ, на экономическомъ бытѣ, не только ихъ самихъ, но и прочихъ жителей. Онъ оставался, въ этомъ видѣ, весьма продолжительное время и послѣ Екатерины II, такъ-какъ вопросы о немъ, въ правительственныхъ сферахъ, были возбуждены, впервые, лишь въ 1807 г., т. е. уже при Императорѣ Александрѣ I.

Безконтрольное распоряженіе и завѣдываніе коробочнымъ сборомъ и его суммами кагальными управленіями еврейскихъ обществъ, отъ которыхъ зависѣли, не только способы его взиманія, но самое установленіе и размѣры его, въ томъ или другомъ центрѣ еврейскаго населенія, и столь же безконтрольное распоряженіе и завѣдываніе всѣми прочими общественными сборами, на общественныя нужды исповѣданія, придавали могучую силу вліянію кагаловъ и ихъ старѣйшинъ на своихъ единовѣрцевъ, — вліянію, направленіе котораго могло быть, конечно, не въ пользу ослабленія ихъ племенной и религіозной обособленности и сплоченности.

Во главѣ кагальныхъ обществъ, располагавшихъ, такимъ образомъ, значительными денежными средствами, стояли, нерѣдко, своего рода фанатики изъ евреевъ, которые хотя и не обнаруживали склонностей къ прозелетизму и совращеніямъ изъ православной вѣры; но тѣмъ не менѣе, могли дѣйствовать вредно, для цѣли сліянія ихъ единовѣрцевъ съ прочимъ населеніемъ, поддерживая въ нихъ вышесказанную обособленность, чему не мало содѣйствовало, конечно, отсутствіе, среди евреевъ, общаго образованія и непринятіе еще тогда правительствомъ никакихъ мѣръ къ его распространенію въ еврейскихъ массахъ.

Пользуясь общимъ невѣжествомъ своихъ единовѣрцевъ и побуждаясь, большею частію, чувствомъ личной корысти, члены кагальнаго управленія старались объ одномъ, — это держать ихъ въ полномъ своемъ повиновеніи, истощая, въ то же время, разными сборами ихъ матеріальныя средства, преимущественно, съ цѣлію собственнаго обо-

гащенія ¹⁾. Этотъ образъ дѣйствія кагаловъ и частыя ихъ злоупотребленія, по управленію и завѣдыванію суммами коробочнаго сбора и другими, явившаяся, вслѣдствіе того, дороговизна на жизненные предметы и естественный переходъ къ евреямъ, по причинѣ крайней густоты ихъ населенія, всей почти мелочной торговли, въ мѣстахъ ихъ осѣлости, подкрѣпляли предвзятые понятія о корыстныхъ свойствахъ и стремленіяхъ всей еврейской націи къ эксплуатаціи христіанскаго населенія, раздражая и вооружая противъ евреевъ, въ большинствѣ случаевъ, мѣстныхъ жителей и власти.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и правительственныхъ стѣсненій, истощавшихъ, до-нельзя, матеріальныя средства евреевъ, ихъ населеніе, съ году на годъ, дѣлалось бѣднѣе, вслѣдствіе чего, среди нихъ появился, вскорѣ, въ широкихъ размѣрахъ, пролетаріатъ, а вмѣстѣ и всѣ сопряженные съ нимъ порочныя склонности къ разнаго рода ухищреніямъ, обманамъ, обмѣрамъ и обвѣсамъ, контрабандѣ и другимъ преступленіямъ и проступкамъ противъ частной собственности и казны. Этому способствовало и то обстоятельство, что по многочисленности евреевъ въ нѣкоторыхъ центрахъ ихъ постоянной осѣлости, какъ людей, исключительно, торговаго и промышленнаго класса, не замедлило проявиться преобладаніе предложенія надъ спросомъ, вслѣдствіе чего, евреями стали оттѣсняться отъ занятій законными промыслами, не только христіане, но масса и самихъ евреевъ, остававшихся, такимъ образомъ, безъ опредѣленныхъ средствъ къ своему существованію.

Все это было естественнымъ послѣдствіемъ порядка вещей, установленнаго или допущеннаго, въ отношеніи евреевъ, самимъ правительствомъ. Но мѣстныя и высшія власти того времени, подъ вліяніемъ застарѣлыхъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ нихъ, принимали эти явленія, исключительно, ихъ племеннымъ свойствамъ и дурнымъ качествамъ ихъ вѣроученія, въ особенности же талмуду.

Ошибочность такихъ мнѣній есть фактъ, который находитъ, нынѣ, полное подтвержденіе не только въ заграничныхъ евреяхъ, но и среди евреевъ у насъ, въ Россіи, о чемъ будетъ сказано ниже. Во

¹⁾ Значеніе кагаловъ и ихъ полновластіе, въ то время, надъ евреями замѣчены еще Державинымъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ, командированнымъ въ царствованіе Императора Павла I, въ Бѣлорусскій край, для изученія экономическаго положенія тамошнихъ крестьянъ („Арх. истор. и прак. свѣд. о Россіи.“ Калачева, за 1830 г., кн. 4).

времена же Екатерины II и послѣ того, когда образованіе еврейскаго юношества не входило еще у насъ въ кругъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, когда образованіе то, вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ прерогативъ еврейскихъ обществъ, было предоставлено всецѣло ихъ кагалнымъ управленіямъ и когда оно не находило никакихъ поощреній со стороны служебной, нельзя удивляться, если евреи обучались, преимущественно, своему закону, простонародно, съ примѣсью извращенныхъ толкованій талмуда, носившихъ отпечатокъ религіознаго настроенія, не вполне пріязненнаго быть можетъ, для страны, гдѣ естественнѣйшія ихъ права подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ.

Понятія о евреяхъ были, въ то время, столь своеобразны и исключительны, что подъ вліяніемъ ихъ явилось предположеніе о совершенной ихъ негодности, будто, къ работамъ, требующимъ пособія физическихъ силъ, какъ то: земледѣлію, чернорабочимъ занятіямъ и военной службѣ; почему правительствомъ была установлена еще какъ бы особая для ихъ націи прерогатива, въ силу которой они были все поголовно освобождены отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, которая, какъ сказано выше, была замѣнена повинностію денежною.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ особенности же присвоеніе правительствомъ значенія евреямъ какъ бы бродячаго въ государствѣ инородческаго населенія, давала имъ вполне законный поводъ смотрѣть на себя, какъ на народъ совершенно чуждый въ русской странѣ, отвергнутый и обществомъ и государствомъ, который не могъ доставлять ему истинныхъ сыновъ отечества, а слѣдовательно, и имѣть когда либо сліяніе въ правахъ и общественномъ своемъ бытѣ съ прочимъ народонаселеніемъ Россіи.

Между тѣмъ, при отсутствіи предвзятыхъ о нихъ понятій, правительство могло бы легко быть наведено на мысль, что по совершенной невозможности выселенія изъ Россіи массы осѣдлыхъ евреевъ, ни достиженія, путемъ принудительныхъ мѣръ, ихъ превращенія въ христіанъ, всего благоразумнѣе было бы, подобно тому, какъ это сдѣлано въ другихъ европейскихъ государствахъ, разъ на всегда примириться съ фактомъ ихъ постояннаго пребыванія въ государствѣ, какъ фактомъ неизбѣжнымъ, ничѣмъ неотразимымъ, зависящимъ не отъ воли народовъ, но отъ предопредѣленій высшихъ ихъ судебъ. Еслибъ правительство однажды остановилось на этой мысли и съ ея

высоты окинуло бы взглядомъ общіе интересы нашей обширной страны, то, конечно, оно, не задаваясь болѣе такими цѣлями, какъ очищеніе отъ евреевъ русской территоріи, пресѣченіе ихъ торговой и промышленной конкуренціи, или обращеніе, путемъ репрессивныхъ мѣръ, всего ихъ населенія въ христіанскую вѣру, не стало-бы прибѣгать къ такимъ мѣрамъ стѣсненія, какія представляли собою двойныя подати и цѣлый рядъ ограниченій ихъ различныхъ правъ, личныхъ, имущественныхъ и по состоянію; но озаботилось бы, исключительно, о совершенно иномъ, болѣе согласномъ съ началами здоровой политики, о полезномъ для государства употребленіи сосредоточивающихся въ евреяхъ экономическихъ силъ, посредствомъ устраненія препятствій къ возможно правильнѣйшему и равномѣрнѣйшему ихъ распредѣленію въ государствѣ, естественнымъ теченіемъ вещей¹⁾. Этой экономической цѣли не могло, конечно способствовать, замкнутое и сгущенное состояніе еврейскихъ массъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Россіи. Уравненіе евреевъ съ прочими подданными, въ правѣ повсемѣстнаго жительства въ ней, съ предоставленіемъ свободнаго отправленія, повсемѣстно же, торговъ и промысловъ, могло-бы слѣдовательно, предупредить сказанное неудобство, какъ равно возникновеніе препятствій къ устраненію столь вредной для интересовъ государства гражданской и, отчасти, политической обособленности евреевъ²⁾.

1) Произшедшая вслѣдствіе локализациі евреевъ крайняя неравномѣрность ихъ распредѣленія по государству признана, въ новѣйшее время, какъ мы увидимъ ниже, самимъ правительствомъ весьма вреднымъ условіемъ, въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи.

2) Если несомнѣнно, что еврейскій народъ есть народъ древній, имѣющій, не только племенную и религіозную связь, но и историко-національныя преданія; если не можетъ подлежать также сомнѣнію, что евреи, въ странахъ, гдѣ строго воспрещаются смѣшанные съ ними браки, могутъ еще долго сохранять въ себѣ расовыя отличія, по своему наружному даже типу; то во всякомъ случаѣ нельзя отвергать, однако, что ихъ племя, не обладаетъ, въ настоящее время, тѣми національными факторами, которые присвоивали бы ихъ населенію въ извѣстной странѣ оттъѣнки политическіе и препятствовали ассимиляциі евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Въ то время, какъ многія другія народности, въ самой, напримѣръ, Россіи, по языку и литературѣ, а также своей національной связи съ территоріей, въ которой обитаютъ,—каковы изъ христіанъ нѣмцы Остзейскаго края, поляки, литовцы, финны и друг., а въ Азіатской Россіи—степные и кочующіе инородцы нехристіанскихъ исповѣданій, какъ-то: калмыки, башкиры, буряты, и т. п.,—имѣютъ или могутъ имѣть притязанія

Екатерина II, какъ мы видѣли, имѣла проблескъ этой мысли, но не могла устоять въ своей политикѣ, единственно, вслѣдствіе крайне тѣсныхъ взглядовъ на этотъ предметъ государственной администраціи.

Сбившись, однажды, съ надлежащаго пути и замкнувъ евреевъ въ извѣстной части Имперіи, съ присвоеніемъ ихъ гражданскому быту положенія, подрывавшаго всякую увѣренность въ нихъ, что они въ дѣйствительности русскіе подданные и что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами государства, правительство не рѣшалось уже, однако, отступать отъ началъ такой политики. Вслѣдствіе этого, оно и послѣ Екатерины II продолжало идти, въ отношеніи евреевъ, по пути исключительныхъ мѣръ, несостоятельность которыхъ могла усматриваться изъ одной уже затруднительности, какая ощущалась, относительно ихъ выбора и ихъ примѣненія. Не взирая на появленіе въ послѣдующія царствованія болѣе подробныхъ регламентацій, съ цѣлію предупрежденія замѣчавшихся колебаній въ этихъ мѣрахъ и установленія болѣе твердыхъ основаній въ политикѣ, относительно

на нѣкоторую политическую обособленность по своему устройству и правамъ,—еврей, напротивъ, не употребляя уже древне-еврейскаго языка, обратившагося въ языкъ мертвый, доступный лишь ученому міру, но ведя между собою рѣчь на особомъ жаргонѣ, польско-нѣмецкомъ, съ примѣсью еврейскихъ словъ,—жаргонѣ, лишенномъ литературы, а слѣдовательно и правъ на какую либо гражданственность,—и сохраняя о палестинскихъ земляхъ одни лишь воспоминанія, чисто религіозно-созерцательнаго характера, относящіяся къ области вѣрованій, не содержатъ въ себѣ никакихъ реальныхъ причинъ для мечты о вышесказанной обособленности въ странахъ, гдѣ они обитаютъ. Поэтому, мы видимъ, что тамъ, гдѣ не имѣется воспрещеній о смѣшанныхъ бракахъ съ евреями, гдѣ они уравниены въ правахъ съ туземными жителями, еврей, держась твердо своихъ религіозныхъ вѣрованій и продолжая составлять особые религіозныя общества и конгрегаціи, съ отдѣльными религіозными школами, тѣмъ не менѣе на столько ассимилировались съ туземными жителями, по языку, нравамъ и обычаямъ, что начинаютъ утрачивать свои расовыя отличія по наружному даже виду. Во Франціи, они говорятъ по французски, въ Англіи, по англійски, въ Голландіи, по голландски, въ Германіи—по нѣмецки, признавая въ каждой странѣ языкъ кореннаго въ ней населенія за свой природный, а себя—природными французами, англичанами, голландцами, нѣмцами, и т. д., какъ они признаются тамъ и самими законами. По изысканіямъ профессора Бершадскаго, Г. Гаркави и другихъ ученыхъ, то же самое явленіе съ евреями было нѣкогда и у насъ, въ древней нашей Руси и „Литвѣ“, о чемъ было сказано уже выше.

евреевъ, принимавшіяся правительствомъ мѣры, тѣмъ не менѣе, не измѣнялись, въ своемъ характерѣ, заключааясь, по прежнему, то въ ограниченіяхъ, то въ расширеніяхъ ихъ правъ, и не содержа прямыхъ и рѣшительныхъ шаговъ къ какимъ либо кореннымъ въ нихъ преобразованіямъ. Причемъ, какъ это будетъ видно ниже, правительство задалось, въ послѣдствіи, новою мыслию—предпосланиемъ такимъ преобразованіямъ нравственно-религіозной реформы евреевъ, въ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, полагая, что это можетъ быть достигнуто и безъ уравнинія ихъ въ правахъ съ прочими подданными.

Посмотримъ на сколько польза такого образа дѣйствія оправдывалась на самомъ дѣлѣ.

При Императорѣ Павлѣ I, по кратковременности его царствованія, не было издано никакихъ общихъ Положеній о евреяхъ, но были принимаемы одни лишь частныя мѣры, которыя носятъ на себѣ довольно разнообразный характеръ.

Однѣ изъ нихъ имѣютъ характеръ умѣреннаго образа дѣйствій, съ проблескомъ нѣкоторой справедливости, относительно евреевъ, другія же, вытекаая изъ взглядовъ на не платившихъ исправно двойныя подати, какъ на бѣглыхъ и бродячихъ чужеземцевъ, отличаются крайнею суровостью.

Изъ двухъ указовъ того времени, одного сенатскаго, вослѣдовавшаго 3 декабря 1796 года, а другаго Именнаго, вослѣдовавшаго 8 сентября 1797 года, видно, что мѣстными властями, въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ, были приняты нѣкоторыя мѣры, стѣснявшія ихъ право свободного переселенія, въ той чертѣ, изъ одной губерніи въ другую. Такъ, губернское начальство бывшей Новгородско-Сѣверской губерніи, усмотрѣвъ, что нѣкоторые евреи изъ купцовъ и мѣщанъ переселились въ нее на жительство изъ Могилевской губерніи, гдѣ они были первоначально приписаны, сдѣлало распоряженіе о высылкѣ ихъ туда обратно. Такое же распоряженіе сдѣлано другимъ губернскимъ начальствомъ, относительно евреевъ, переселившихся изъ другихъ губерній въ Каменецъ-Подольскъ.

Но оба эти распоряженія, по жалобамъ евреевъ, были отмѣнены. Первое изъ нихъ было отмѣнено Сенатомъ, въ отношеніи евреевъ—купцовъ, на томъ основаніи, что въ законахъ не существовало для евреевъ никакихъ исключеній изъ общихъ правилъ Городоваго Положенія, позволявшаго всѣмъ вообще людямъ купческаго сословія

свободно переселяться изъ одной губерніи въ другую; въ отношеніи же евреевъ-мѣщанъ—въ видѣ особаго для тѣхъ евреевъ изъятія изъ существовавшаго, въ то время, общаго правила, воспрещавшаго подобныя переселенія мѣщанамъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, какъ записанныхъ въ подушный окладъ, приче́мъ, въ основаніе такого изъятія, Сенатомъ было принято то, что сказанные мѣщане переселились изъ Могилевской губерніи въ Новгородско-Сѣверскую по увольнительнымъ свидѣтельствамъ, что они записаны въ ревизію уже на новыхъ мѣстахъ ихъ жительства и что высылкою ихъ оттуда могло-бы быть причинено имъ разореніе.

Второе распоряженіе—о высылкѣ евреевъ изъ Каменецъ-Подольска, отмѣнено лично Императоромъ Павломъ I, Именнымъ его указомъ, даннымъ Генералу отъ Инфантеріи Беклешову, слѣдующаго содержания: «По содержанію рапорта Вашего отъ 29 минувшаго Августа, въ резолюцію предлагаю, евреевъ изъ Каменецъ-Подольскаго не высылать, а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ» (П. С. З., т. XXIV, №№ 17,605 и 18,132).

Но почти одновременно съ этими мѣрами, сдержаннаго и умѣреннаго направленія, были приняты, при Императорѣ Павлѣ I, нѣкоторыя другія мѣры, въ отношеніи евреевъ, весьма стѣснительнаго и суроваго характера.

Такъ, изъ воспослѣдовавшаго 29 декабря 1796 года сенатскаго указа видно, что въ одинъ и тотъ же день съ состоявшимся, при Императрицѣ Екатеринѣ II, Именнымъ указомъ объ обложеніи евреевъ двойною податью, а именно 23 іюня 1794 года, состоялся другой такой же указъ, которымъ повелѣно, «въ пособіе необходимо нужнымъ государственнымъ издержкамъ, съ купечества, въ гильдіи записаннаго, собрать въ казну, единовременно, по объявленнымъ ими до сего по совѣсти капиталамъ, по одному со ста». Но какъ двойной окладъ, которому были подвергнуты евреи касался лишь постоянно взимавшихся текущихъ податей, то мѣстное начальство, затруднилось, вѣроятно, взыскивать съ евреевъ купческаго званія, въ двойномъ размѣрѣ, выше-сказанный единовременный сборъ. Сенатъ, признавая самъ, что въ повелѣніи о немъ не содержалось исключительнаго отягощенія для евреевъ, примѣнилъ, однако, къ этому сбору, собственною властію, повелѣніе о взиманіи съ евреевъ двойнаго оклада податей и, въ то же время, распространилъ силу этого узаконенія, касавшагося соб-

ственно государственныхъ податей, на общественную повинность по платежу взимавагося тогда сбора за содержаніе почтъ, а также на установленный послѣднимъ изъ вышесказанныхъ Именныхъ указовъ единовременный же сборъ съ каждаго изъ состоявшихъ въ купеческомъ званіи, за полученіе наслѣдства, при вступленіи во владѣніе имъ; тогда какъ по силѣ и тогдашнихъ государственныхъ постановленій, отягощеніе кого-бы то ни было государственными и общественными сборами могло зависѣть, только отъ Высочайшей власти. Такимъ образомъ, Сенатъ, въ вышесказанномъ указѣ своемъ 29 декабря 1796 года, истолковавъ силу существовавшихъ постановленій о податяхъ и сборахъ съ евреевъ, въ стѣснительномъ для нихъ смыслѣ, предписалъ единовременные съ купеческихъ капиталовъ и получаемыхъ наслѣдствъ сборы собирать съ евреевъ *вдвое* противъ христіанъ, а именно, въ размѣрѣ 2% и взимать съ нихъ *вдвое* же положенныя съ мѣщанъ подушныя подати, а именно, по 4 рубля съ каждой души, съ накладными по 4 копѣйки на рубль, а на содержаніе почтъ, вмѣсто прежнихъ 12, по 24 коп. съ каждой души (П. С. З., т. XXIV, № 17,694). Мы увидимъ ниже, что этотъ образъ дѣйствія не былъ признанъ, впослѣдствіи, исполнѣ законнымъ и справедливымъ самимъ же Сенатомъ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе вышеизъясненнаго чрезмѣрнаго отягощенія евреевъ податями и сборами и невозможности успѣшнаго ихъ взысканія, со стороны мѣстнаго начальства, нужно полагать, встрѣчались значительныя затрудненія и допускались послабленія. Это можно заключать изъ того, что въ слѣдующемъ, за тѣмъ, 1797 году, правительствомъ, не желавшимъ, не взирая ни на что, отступать отъ мѣръ строгости въ отношеніи евреевъ, признано нужнымъ подтвердить, отъ лица Высочайшей власти, обязательность для нихъ платежа вдвое, въ сравненіи съ христіанами, всѣхъ существовавшихъ податей и сборовъ. Вслѣдствіе этого, 23 іюня 1797 года состоялся по этому предмету Именной указъ Императора Павла I, хотя въ немъ содержится только буквальное повтореніе повелѣнія о двойной съ евреевъ подати, имѣющагося въ Именномъ указѣ Императрицы Екатерины II, 23 іюня 1794 г., безъ упоминанія о новыхъ статьяхъ, какія обложены Сенатомъ двойнымъ же сборомъ, по своему собственному усмотрѣнію (П. С. З., т. XXIV, № 18,015). Строгость, съ какою Сенатъ признавалъ, въ то время, необходимымъ отягощать евреевъ податями и сборами, усматривается, между прочимъ, еще изъ слѣдующаго случая.

Жалованною городу Кіеву грамотою Царя Алексія Михайловича 7162 г. (1654 г.), въ числѣ прочихъ правъ и привилегій, дарована

тамошнимъ мѣщанамъ льгота, освобождавшая ихъ отъ военной службы, о чемъ въ грамотѣ, буквально, сказано такъ: «Кіевскіе мѣщане отъ службы ратной уволены, и въ воинское время Кіевскимъ мѣщанамъ въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать». Но какъ по силѣ Именнаго указа Императрицы Екатерины II, 3 мая 1783 г., всѣ вообще мѣщане были положены въ подушный окладъ, т. е. отнесены къ податнымъ состояніямъ, на которыхъ, лежала, тогда, исключительно, рекрутская повинность, то съ кіевскихъ мѣщанъ были взяты рекруты, при общемъ рекрутскомъ наборѣ, что побудило кіевскихъ горожанъ обратиться съ просьбою объ освобожденіи ихъ отъ этой повинности, на основаніи прежнихъ привилегій. Просьба эта была Сенатомъ уважена, вслѣдствіе чего, имъ было, въ 1796 г., предписано указомъ, «дабы съ упоминаемыхъ Кіевскихъ мѣщанъ впредь рекрутъ собираемо не было». Между тѣмъ, мѣстною Казенною Палатою, въ виду того, что въ вышеприведенной грамотѣ Царя Алексія Михайловича говорилось только о мѣщанахъ, но не о купцахъ, которые въ царствованіе Екатерины II были подвергнуты денежной рекрутской повинности, въ замѣнъ натуральной, затруднилась какъ поступить относительно купцовъ, а также кіевскихъ мѣщанъ еврейскаго закона и иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и разнаго званія людей, желавшихъ приписаться къ г. Кіеву. Вслѣдствіе этого, Сенатъ вошелъ съ всеподданѣйшимъ докладомъ, въ которомъ признавалъ справедливымъ освободить отъ рекрутской повинности, какъ натуральной, такъ и денежной, лишь кіевскихъ старожилъ, не распространяя этого на мѣщанъ еврейскаго закона, а также иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и другаго званія людей, при чемъ въ отношеніи, жившихъ въ г. Кіевѣ, евреевъ, не сдѣлалъ никакого различія, принадлежали ли они къ числу иногородныхъ людей, или-же, по своему давнему пребыванію тамъ, къ числу то же его старожилъ. На докладѣ Сената положена Императоромъ Павломъ I слѣдующая резолюція: «Въ слѣдствіе указа Нашего въ 16 день 1797 года, коимъ возобновили и утвердили Мы прежнія права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ, сбора съ купцовъ складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекрутъ не чинить, съ того числа, каковое оныхъ было въ 7162 году, когда жалованною Государемъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою отъ службы ратной они уволены» (П. С. З., т. XXV, № 18,336). Хотя въ этомъ повелѣніи, ничего о евреяхъ, прямымъ

образомъ, не сказано, но какъ оно было основано на грамотѣ Царя Алексія Михайловича, при которомъ, какъ извѣстно, евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ и не пользовались правами гражданства, то очевидно, что воспослѣдовавшій, 23 января 1798 года, согласно съ Высочайшею резолюціею, Именной по этому предмету, указъ, подъ заглавіемъ: «объ освобожденіи кіевскихъ купцовъ отъ рекрутскихъ складочныхъ денегъ, а мѣщанъ отъ поставки рекрутъ натурою,» былъ истолковываемъ въ ограничительномъ смыслѣ для евреевъ, вслѣдствіе чего, купцы и мѣщане еврейскаго закона, жившіе въ г. Кіевѣ и къ нему причисленные, продолжали, такимъ образомъ, нести тягость денежной рекрутской повинности, при платежѣ двойныхъ податей и сборовъ, что составляло, въ сущности, монопольное преимущество, въ пользу торговаго и промышленнаго класса кіевскихъ горожанъ христіанскихъ исповѣданій, — преимущество, которое не могло, конечно, имѣть благотворныхъ послѣдствій, для экономическихъ нуждъ и потребностей жителей г. Кіева. Именнымъ же указомъ, Императора Павла I, состоявшимся 1 мая 1800 года съ евреями, не платившими исправно двойныя подати и не выѣхавшими добровольно изъ Россіи, по невозможности для нихъ заплатить трехгодичную двойную подать, повелѣно, не высылая за границу, какъ это было предположено по особому постановленію о евреяхъ въ Курляндской губерніи, о которомъ говорится ниже, поступать какъ съ *бродягами иностранной націи*, т. е. ссылатъ на казенные рудопромышленныя заводы, или другими словами, въ каторжныя работы, и притомъ безъ суда, въ административномъ порядкѣ. (П. С. З., т. XXVI, № 19409).

Вышеупомянутое, предшествовавшее этому указу, постановленіе о евреяхъ въ Курляндской губерніи, образовавшейся изъ присоединенныхъ къ Россіи 18 Апрѣля 1795 г., при Императрицѣ Екатеринѣ II, княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и Пильшенскаго округа, представляетъ довольно характеристическія черты образа дѣйствія Сената, который къ тамошнимъ евреямъ отнесся нѣсколько снисходительнѣе и справедливѣе, чѣмъ какъ онъ относился, вообще, къ евреямъ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ Высочайше утвержденнаго, 11-го Марта 1799 года, доклада Сената, содержащаго это постановленіе, видно, что поводомъ къ нему послужило представленіе курляндскаго гражданскаго губернатора Ламздорфа о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ, въ этой гу-

берніи, по рекрутскому набору съ евреевъ. Причины этихъ затрудненій, по объясненію губернатора, заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что при отбываніи тамошними евреями рекрутской повинности, не натурою, а деньгами, на общемъ положеніи съ прочими въ Россіи евреями, въ Курляндіи, не существовало еврейскихъ обществъ, къ которымъ евреи были бы приписаны, для надзора за правильнымъ поступленіемъ съ нихъ рекрутскихъ денегъ. Поэтому, за исключеніемъ записанныхъ въ купечество, всѣ прочіе евреи не имѣли опредѣленнаго мѣстопребыванія и, не обладая нигдѣ недвижимою собственностью, переходили изъ одного мѣста въ другое и даже въ другія губерніи, вслѣдствіе чего, сборъ съ нихъ рекрутскихъ денегъ не обеспечивался никакою круговою порукою, а переходъ ихъ съ мѣста на мѣсто не могло быть воспрещено, какъ «по мѣстному положенію губерніи, объяснялъ губернаторъ, такъ и по пронырству и привычкѣ уже къ тому сего народа».

По этому представленію, Сенатомъ были потребованы свѣдѣнія отъ Курляндскаго губернскаго правленія, которое донесло, что по древнимъ постановленіямъ въ Курляндіи о евреяхъ, они тамъ никогда не были терпимы и не имѣли правъ гражданства, за исключеніемъ въ Пильшенскомъ округѣ и городѣ Газенпотѣ, что хотя они здѣсь и пользуются этими правами, но всегда признавались за «вкравшихся», почему ихъ нельзя и записывать ни въ какой родъ жизни, что при перепискѣ, ихъ оказалось 4581 душа мужескаго пола, что всѣ они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ г. Митавѣ, живутъ бѣдно, не образуютъ обществъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, и что съ нихъ, кромѣ рекрутскихъ, никакихъ денегъ не взыскивается, за исключеніемъ тѣхъ, которые записаны въ гильдіи въ г. Газенпотѣ.

Сенатъ, съ своей стороны, нашелъ мнѣніе Курляндскаго губернскаго правленія, что евреи въ Курляндіи никогда, будто, законнымъ образомъ терпимы не были и признавались за «вкравшихся» туда, неправильнымъ и не соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей, потому что людей, живущихъ въ мѣстности болѣе 200 лѣтъ, вкравшимися считать нельзя, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ російскихъ губерніяхъ евреямъ пребываніе не запрещается, почему предписалъ тому правленію представить свои соображенія объ устройствѣ тамъ евреевъ, какъ для пользы общей, такъ и для ихъ собственной, съ присовокупленіемъ свѣдѣнія, сколько съ нихъ поступило въ казну денегъ, со времени присоединенія Курляндіи къ Русской Державѣ.

На это губернское правленіе донесло, что изъ 4581 еврея, только 896 живутъ въ городахъ, прочіе же разсѣяны по мызамъ, что изъ городовъ выбыло болѣе 100 душъ, а изъ мызъ еще большее число, изъ чего правленіе заключало, что евреи не имѣютъ въ Курляндіи постояннаго жительства и что большая ихъ часть пришельцы изъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ симъ, отзываясь о евреяхъ въ Курляндіи, какъ людяхъ, имѣющихъ природное отвращеніе къ труду и по своей бѣдности и нетрудолюбію, отягощающихъ мѣстное населеніе, правленіе, въ то же время, объяснило, что евреи существуютъ тамъ мелочною торговлею, продажею старыхъ вещей и «непозволеннымъ маклерствомъ», безъ объясненія, впрочемъ, какимъ именно непозволеннымъ маклерствомъ; что живущіе изъ нихъ на мызахъ занимаются винокурениемъ, содержаніемъ корчемъ, а нѣкоторые и ремеслами, что торгующіе изъ нихъ мелочными товарами на ярмаркахъ дѣлаютъ большой подрывъ купцамъ, платящимъ подати, что рекрутскія деньги, хотя и взысканы съ нихъ сполна, но не съ нихъ лично, а съ городовъ и помѣщиковъ, у которыхъ они оказались при переписи, а какъ нѣтъ въ виду объ этомъ закона, то возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли взысканныя, такимъ образомъ, рекрутскія деньги оставить въ казнѣ или нѣтъ. Поэтому, правленіе полагало всѣхъ въ Курляндіи и Пильшенскомъ округѣ евреевъ, *имѣющихъ недвижимое имѣніе*, соединить въ одно общество, для круговой поруки за исправное отправленіе податей, съ припискою ихъ, въ составъ такого общества, къ г. Газенпоту, гдѣ они пользуются гражданскими правами; *въ другихъ же городахъ запретить имъ всякое гражданское ремесло*, съ высылкою изъ Курляндіи всѣхъ евреевъ, вышедшихъ туда изъ другихъ мѣстъ. Къ сему правленіе присовокупило свѣдѣніе, что со времени присоединенія Курляндіи къ Русской Державѣ, съ евреевъ, записанныхъ въ купечество въ Газенпотѣ и Якобштатѣ, поступило въ казну 10,094 р. 50 к., а рекрутскихъ денегъ, какъ съ самихъ евреевъ, такъ съ городовъ и помѣщиковъ 15,743 рубля.

Со времени присоединенія къ Россіи Княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и Пильшенскаго округа не прошло, тогда, еще и четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ, какъ видно, въ доходъ русской казны, съ однихъ евреевъ, записанныхъ въ купечество, число которыхъ, по объясненію самаго мѣстнаго начальства, было незначительно, поступила сумма, въ количествѣ 10,094 р. Казна имѣла, слѣдовательно, тамъ значительную съ евреевъ прибыль, не считая даже рекрутскихъ

денегъ, почему, нельзя было, справедливымъ образомъ, отрицать всякую для государства пользу отъ жившихъ тамъ евреевъ. Между тѣмъ, губернское правленіе, не взирая на это и на несомнѣнный фактъ ихъ древней, въ Курляндіи и Пильшенскомъ округѣ, осѣдлости, подъ вліяніемъ ли личныхъ своихъ взглядовъ или же интригъ, со стороны мелкаго мѣстнаго купечества, домогалось, ни болѣе, ни меньше, какъ лишенія ихъ всѣхъ правъ жительства въ томъ краѣ, допуская исключеніе изъ этого только для ихъ ничтожнаго числа, а именно, для имѣвшихъ недвижимую собственность, изъ которыхъ оно предполагало образовать одно общество, возложивъ на него, за круговою порукою его членовъ, отвѣтственность за исправное отбываніе евреями государственныхъ податей и рекрутской денежной повинности.

Всѣ бумаги по этому дѣлу были переданы Сенатомъ на заключеніе состоявшей при немъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства ¹⁾, которая, принявъ въ уваженіе, что евреи обитаютъ въ Курляндіи болѣе 200 лѣтъ, нашла, что ихъ можно оставить тамъ на жительствѣ, а для того, чтобы ихъ населеніе было обращено въ пользу казны и общества, полагала: 1) позволить имъ отправленіе мѣщанскихъ и купеческихъ промысловъ, записываясь въ городахъ, на основаніи Городоваго положенія; 2) подати собирать съ нихъ *вдвое* противъ купцовъ и мѣщанъ христіанскаго закона, на основаніи Именнаго указа 23 Іюня 1794 года; 3) живущимъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ велѣть явиться въ городъ, для записки въ общество; 4) разрѣшить городовымъ магистратамъ, ратушѣ или другимъ гражданскимъ судамъ выдавать имъ годовые паспорта, по взысканіи съ нихъ, предварительно, податей за годъ; 5) полиціи предписать безпаспортныхъ евреевъ розыскивать и представлять къ суду; 6) помѣщикамъ, крестьянамъ и всѣмъ вообще жителямъ предписать безпаспортныхъ евреевъ не держать, но представлять земской полиціи; 7) въ отношеніи гражданскихъ должностей (вѣроятно въ городахъ), соображаться съ общими зако-

¹⁾ Экспедиція эта учреждена при Императорѣ Павлѣ I, въ 1797 году. Въ 1802 году, при учрежденіи Министерствъ, она, въ главныхъ своихъ частяхъ, подчинена Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1803 году, съ нѣкоторыми другими учрежденіями, вошла въ общій составъ управленія Департамента Внутреннихъ Дѣлъ, подъ названіемъ экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

неніями, не разбирая ни рода, ни званія; въ дѣлахъ же судебныхъ вѣдаться евреямъ въ магистратахъ, ратушахъ и другихъ по принадлежности судахъ; 8) разрѣшить евреямъ устройство синагогъ и покупку для нихъ мѣстъ, а также кладбищъ и боень и 9) согласно съ просьбою самихъ евреевъ, воспретить закрѣплять ихъ за кѣмъ либо, а потому взысканныя за нихъ съ помѣщиковъ рекрутскія деньги въ казну не обращать.

При этомъ, руководствуясь, относительно двойного оклада податей съ евреевъ, Именнымъ указомъ 23 Іюня 1794 года, и не отдавая себѣ отчета, что, въ то время, не могли уже практиковаться высылки ихъ за-границу, вышесказанная Экспедиція, въ числѣ изъясненныхъ мѣръ, предложила высылать за-границу тѣхъ евреевъ, которые, отказавшись отъ платежа двойныхъ податей и не будучи, въ то же время, въ состояніи уплатить трехгодичной подати, не выѣхали бы добровольно изъ Имперіи.

Эти мѣры, одобренныя Сенатомъ, на основаніи его всеподданнѣйшаго о нихъ доклада, утверждены Императоромъ Павломъ I, 11 Марта 1799 года. Но какъ изъ нихъ, высылка евреевъ за-границу не могла уже въ то время имѣть примѣненіе, то вышеприведеннымъ Именнымъ указомъ 1 Мая 1800 года, мѣра эта замѣнена административною ссылкой сказанныхъ евреевъ, въ работу на казенные рудопромышленныя заводы (П. С. З., т. XXV, № 1889).

Изъ вышесказаннаго постановленія о евреяхъ въ Курляндской губерніи усматривается, что они были подчинены тамъ одному и тому же положенію съ прочими евреями въ Россіи и что ихъ обществамъ дано тоже самое устройство, т. е. *кагалъное*.

Между тѣмъ, чисто фискальныя даже цѣли, вызвавшія въ Курляндіи установленіе извѣстнаго порядка, для приписки евреевъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ, не могли, въ сущности, оправдывать этой послѣдней мѣры, такъ-какъ цѣли тѣ могли бы быть достигнуты и безъ учрежденія для евреевъ отдѣльныхъ отъ прочихъ горожанъ обществъ, съ отдѣльнымъ для такихъ обществъ управленіемъ. Конечно, трудно было требовать, чтобы органы мѣстной администраціи, того времени, могли имѣть иные взгляды на этотъ предметъ, чѣмъ высшее правительство, которое не смотрѣло на евреевъ иначе какъ на народъ, нуждавшійся въ своихъ особыхъ, какъ бы національныхъ, формахъ гражданской и общественной организаціи.

Но въ данномъ случаѣ, обращаетъ на себя вниманіе, въ особен-

ности, то, что правительствомъ, согласно съ заключеніемъ вышеупомянутой Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и въ противоположность мнѣнія Курляндскаго губернскаго правленія, право евреевъ на спокойное и безпрепятственное существованіе въ Остзейскомъ краѣ, а слѣдовательно, и ихъ права гражданства и жительства въ немъ, признаны на основаніи *факта ихъ давней тамъ осѣдлости*.

Если же борьба съ этимъ фактомъ не признавалась правительствомъ, въ принципѣ, ни справедливою, ни практически возможною, въ отношеніи горсти евреевъ, жившихъ въ Остзейскомъ краѣ, то нельзя было допустить возможныхъ и справедливыхъ основаній къ борьбѣ съ такимъ же фактомъ, по отношенію къ несравненно значительнѣйшему населенію евреевъ въ другихъ частяхъ государства, гдѣ они имѣли еще древнѣйшую осѣдлость. Поэтому, созданіе порядка вещей, въ силу котораго все ихъ населеніе въ Россіи должно было, являться, какъ бы населеніемъ бродячимъ, лишеннымъ права постоянного жительства въ Россіи, было, въ сущности, одною лишь юридическою фикціею, шедшею въ разрѣзъ съ дѣйствительностію и едва ли когда либо оправдывавшеюся съ точки зрѣнія торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ интересовъ государства, а также интересовъ религіозныхъ нашей Православной церкви.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, законодательные и административные органы государственнаго управленія, какъ извѣстно, получили существенныя улучшенія, вслѣдствіе учрежденія, въ 1802 году, министерствъ и образованія, въ 1810 году, Государственнаго Совѣта.

Изъ Манифеста 12 Марта 1801 года о восшествіи на престолъ Императора Александра I, видно, что мыслью Государя было управлять народомъ «по законамъ и сердцу» Екатерины II, а изъ Манифестовъ 6 Сентября 1802 года, объ учрежденіи Министерствъ, и 1 Января 1810 года, объ образованіи Государственнаго Совѣта, что главнѣйшею цѣлію этихъ высшихъ государственныхъ установленій было сообразное съ пространствомъ и величіемъ Имперіи объединеніе началъ и основаній, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, для на правленія мѣръ, согласно съ общими интересами государства и народнаго въ немъ благосостоянія (П. С. З., т. XXVI, № 19779, т. XXVII, № 20406, т. XXXI, № 24064).

Соотвѣтственно съ этимъ, правительственный кругозоръ долженъ былъ естественно расшириться и обнять собою мѣстные и общіе

интересы государства, въ ихъ тѣсной и неразрывной между собою связи, а всѣ части государственнаго управленія, какъ сказано въ манифестахъ, получить бѣольшую «стройность, твердость и совершенство».

Такая реформа должна была, конечно, имѣть послѣдствіемъ установленіе болѣе правильныхъ точекъ зрѣнія на отношеніе многообразныхъ предметовъ внѣшней и внутренней политики государства къ общимъ его интересамъ и обнаружить недостатки во многихъ образахъ и формахъ его внутренняго строя, требовавшихъ, болѣе или менѣе, неотложныхъ исправленій и улучшеній.

Къ числу такихъ недостатковъ, ощутившихся на первыхъ же порахъ, относилась, между прочимъ, и неудовлетворительность гражданскаго положенія евреевъ, составлявшихъ, по ихъ числу, со времени присоединенія польскихъ провинцій, существенную часть общаго у насъ народонаселенія, особенно въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности.

По поводу дошедшихъ, въ то время, до высшаго правительства, жалобъ на приписывавшіяся евреямъ злоупотребленія и безпорядки въ сказанныхъ мѣстностяхъ, ко вреду земледѣлія и промышленности, даннымъ Сенату, 9 Ноября 1802 г., Именнымъ указомъ было Высочайше повелѣно о составленіи особаго Комитета, для разсмотрѣнія дѣлъ, къ этому предмету относящихся, и избранія средствъ къ исправленію положенія евреевъ.

Этому Комитету, составленному, подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Министромъ Юстиціи, извѣстнаго нашего поэта Державина, изъ трехъ членовъ: Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Чарторыйскаго и графа Северина-Потоцкаго, предлежало, поѣтому, раскрыть настоящія причины неблагопріятныхъ явленій среди еврейскаго населенія, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, и изыскать дѣйствительнѣйшіе и надежнѣйшіе способы и средства къ ихъ устраненію.

Вслѣдствіе этого, Комитетомъ этимъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій, поднесенъ въ 1804 г., т. е. до образованія еще Государственнаго Совѣта, а слѣдовательно, еще въ прежнемъ порядкѣ верховнаго управленія, на Высочайшее воззрѣніе выработанный Комитетомъ проектъ Положенія о евреяхъ, который 9 Декабря 1804 года удостоился Высочайшаго утвержденія и тогда же, при Именномъ указѣ, препровожденъ въ Правительствующій Сенатъ, для приведенія въ точное исполненіе содержащихся въ немъ распоряженій и постановленій.

Въ этомъ Именномъ указѣ объяснено, между прочимъ, что начала, принятыя Комитетомъ, признаются «весьма справедливыми», а

всѣ статьи Положенія «сообразными, сколько умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ евреевъ, столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется» (П. С. З., т. XXXVIII, № 21547).

Изъ этой оцѣнки внутренняго достоинства Положенія, появившагося въ третій годъ царствованія Императора Александра I, видно, что она принадлежитъ самимъ его составителямъ и основана, исключительно, на соображеніяхъ о предполагаемой пользѣ огражденія мѣстнаго населенія отъ евреевъ, путемъ стѣсненія и ограниченія ихъ правъ. Но какъ мѣстные интересы государства, сами по себѣ, имѣютъ тѣсную и неразрывную связь съ его интересами общими, то вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ положеніе 1804 г. о евреяхъ соотвѣтствовало тѣмъ и другимъ, въ ихъ взаимной между собою связи, можетъ быть выясненъ лишь путемъ ближайшаго и всесторонняго разсмотрѣнія, какъ существа содержащихся въ немъ мѣръ и постановленій, такъ и послѣдствій, какія они имѣли для нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія государства и его народонаселенія.

Съ этою цѣлію, необходимо, предварительно, ознакомиться, въ главныхъ чертахъ, съ содержаніемъ этихъ постановленій, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ самомъ Положеніи.

Положеніе это состоитъ изъ шести отдѣловъ и содержитъ 54 отдѣльныхъ статьи.

Первый отдѣлъ, подъ рубрикою: «о просвѣщеніи», касается правъ евреевъ по части народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи, на первый взглядъ, тогдашнимъ правительствомъ сдѣланы какъ бы серьезные шаги по пути коренныхъ преобразованій въ правахъ евреевъ, на основаніи началъ ихъ равенства съ прочими подданными. Евреямъ открытъ, формально, доступъ къ обученію ихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ, а также въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, съ правомъ награжденія въ университетахъ учеными степенями, наравнѣ съ прочими подданными (ст. 1, 4 и 5); причемъ, воспрещено отвращать учащихся евреевъ отъ ихъ религіи, ни принуждать ихъ учиться тому, что ей противно или съ нею несогласно (ст. 2), въ чемъ выражается, между прочимъ, примѣненіе какъ бы правительствомъ началъ полной терпимости къ ихъ вѣрѣ. Нежелающимъ изъ евреевъ обучать своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, разрѣшено обучать ихъ въ особыхъ еврейскихъ школахъ, подѣ условіемъ,

чтобы онѣ были учреждаемы на ихъ собственный счетъ и чтобы въ нихъ преподавался одинъ изъ языковъ: русскій, польскій или нѣмецкій (ст. 6), изъ чего видно, что знаніе русскаго языка, для еврея не было сдѣлано обязательнымъ, какъ бы въ предположеніи, что еврей никогда не можетъ сдѣлаться настоящимъ русскимъ, или иначе говоря, обрусѣть, и что все его племя въ Россіи должно навсегда остаться отдѣленнымъ отъ прочаго народонаселенія. Исходя изъ этой точки зрѣнія и въ предположеніи, что ихъ польско-нѣмецкій жаргонъ есть, въ дѣйствительности, еврейскій языкъ, — языкъ ихъ націи, — евреямъ разрѣшено продолжать его употребленіе, за исключеніемъ, въ бухгалтерскихъ книгахъ и вообще въ купеческихъ всякаго рода тетрадахъ и запискахъ, а также въ публичныхъ актахъ, которые, для ихъ дѣйствительности въ судахъ, должны были, начиная съ 1 Января 1807 г., излагаться евреями, исключительно, на одномъ изъ вышесказанныхъ языковъ: русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ (ст. 7 и 8). Знаніе одного изъ этихъ языковъ было поставлено также необходимымъ условіемъ для права евреевъ на избраніе въ члены магистрата, а съ 1812 года, въ члены кагала или раввины (ст. 9 и 10). Свобода выбора одного изъ этихъ языковъ, безъ содѣланія знанія русскаго языка обязательнымъ, ясно указываетъ на мысль правительства, что евреямъ какъ бы никогда не было суждено сдѣлаться природными русскими гражданами и выйти изъ предѣловъ возсоединенныхъ съ Россіею краевъ и областей. Вмѣстѣ съ этимъ, въ отдѣлѣ о *просвѣщеніи* евреевъ, обращено еще особое вниманіе на ихъ *одежду*, въ смыслѣ необходимости оставленія за евреями права на нее, какъ на одну изъ принадлежностей ихъ націи. Вслѣдствіе этого, въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, ихъ дѣтямъ было разрѣшено носить еврейское платье, въ прочихъ же учебныхъ заведеніяхъ, «для единообразія и благопристойности» — нѣмецкое или польское, за исключеніемъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, гдѣ они должны были носить одно только нѣмецкое платье, какъ равно «въ губерніяхъ російскихъ, гдѣ имъ жить позволено», въ случаѣ ихъ избранія тамъ въ члены магистрата; въ губерніяхъ же, собственно отъ Польши присоединенныхъ, евреямъ внѣ этой должности разрѣшено носить, кромѣ нѣмецкаго, или польскаго, также еврейское (ст. 3, 4 и 9), изъ каковыхъ постановленій выводится прямое заключеніе, что правительство, допуская ношеніе евреями ихъ національной одежды, признавало ее, въ тоже время, не

вполнѣ благопристойною или приличною; допуская же, по платю евреевъ, нѣкоторое различіе между губерніями, отъ Польши присоединенными, и прочими частями Имперіи, и даже другими губерніями въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, правительство какъ-бы разумѣло, что они только въ первыхъ изъ этихъ губерній, т. е. отъ Польши присоединенныхъ, могли быть какъ у себя дома, а что въ другихъ мѣстахъ государства они только чужеземные люди, не имѣющіе полного права на домашній очагъ. Относительно порядка учрежденія и завѣдыванія еврейскими школами, въ Положеніи не содержится никакихъ другихъ постановленій, кромѣ того, что такія школы должны быть учреждаемы на счетъ самихъ евреевъ, съ которыхъ постановлено установить, на этотъ предметъ, по усмотрѣнію правительства, особую подать, т. е. новый денежный сборъ, помимо тѣхъ, которые уже существовали, съ крайнимъ, слѣдовательно, отягощеніемъ всего еврейскаго населенія, безъ подчиненія, въ тоже время, сказанныхъ школъ и, вообще, образованія еврейскаго юношества какому либо надзору или контролю, со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія. Изъ этого можно заключать, что въ этомъ отношеніи, Положеніемъ 1804 г. оставленъ прежній порядокъ, т. е. что еврейскія школы должны были, по прежнему, состоять въ вѣдѣніи еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ и что евреямъ, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, была предоставлена, какъ и прежде, широкая прерогатива отдѣльнаго управленія и завѣдыванія этою частію, безъ вмѣшательства со стороны правительства и безъ всякихъ, притомъ, обязательныхъ требованій, относительно знанія русскаго языка.

Во второмъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: *«о разныхъ состояніяхъ и промыслахъ евреевъ и преимуществахъ»*, всѣ евреи раздѣлены на четыре слѣдующіе класса или разряда: А, *земледѣльцевъ*, Б, *фабрикантовъ*, В, *купцовъ* и Г, *мѣщанъ*. Каждому изъ этихъ классовъ присвоены особыя права, въ видѣ преимуществъ, съ цѣлію поощренія евреевъ къ занятіямъ, свойственнымъ ихъ классу. Такимъ образомъ, подъ рубрикою: А, *преимущества земледѣльцевъ*», подтверждено существовавшее, въ то время, общее о евреяхъ постановленіе, что они принадлежатъ къ лицамъ свободнаго состоянія, которые ни за кѣмъ укрѣпляемы быть не могутъ (ст. 12). За симъ, съ цѣлію поощренія евреевъ всѣхъ четырехъ вышеозначенныхъ классовъ къ земледѣлію, предоставлены имъ, подъ тою-же рубрикою, слѣдующія права: 1) право приобрѣтенія незаселенныхъ земель и

владѣніе ими, на правѣ полной собственности, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ была уже прежде дозволена постоянная осѣдность, а именно, въ губерніяхъ Литовскихъ (Виленской и Гродненской), Бѣлорусскихъ (Витебской и Могилевской), Малороссійскихъ (Черниговской и Полтавской), Кіевской, Минской, Волынской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, такъ еще въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской; непоименованіе, въ числѣ этихъ мѣстностей, губерній Остзейскаго края доказываетъ, что Положеніе его не касалось и что тамъ продолжали дѣйствовать постановленія о евреяхъ, содержавшіяся въ указѣ Сената 14 Марта 1799, вослѣдовавшемъ по Высочайше утвержденному докладу его Императоромъ Павломъ I; 2) право обработки вышесказанныхъ земель, посредствомъ наемныхъ рабочихъ, безъ различія вѣроисповѣданій, на основаніи условій и контрактовъ непосредственно съ самими рабочими; ¹⁾ 3) право пивной продажи, для тѣхъ, которые водворились бы на пріобрѣтенной землѣ особымъ поселкомъ, въ числѣ не менѣе 30 домовъ или семействъ наемныхъ работниковъ, если только въ той мѣстности, по общему положенію губерніи, продажа пива въ прочихъ селеніяхъ не была воспрещена; 4) право найма у помѣщиковъ земли въ арендное содержаніе, по формальнымъ съ ними условіямъ, которыя должны были, сказано въ Положеніи, сохраняться свято и ненарушимо; причемъ, евреямъ, которые поселились-бы на такихъ земляхъ особыми поселками, предоставлено, кромѣ того, пятилѣтняя льгота отъ платежа всѣхъ вообще казенныхъ податей; 5) для евреевъ, которые не были бы въ состояніи, ни пріобрѣсти на собственные средства земель, ни нанять ихъ у помѣщиковъ—право безвозмезднаго поселенія на казенныхъ земляхъ, во всѣхъ поименованныхъ выше губерніяхъ, за исключеніемъ губерній Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и Кіевской, для каковой цѣли, въ тѣхъ губерніяхъ предназначено отвести изъ казенныхъ земель 30 т. десятинъ; вмѣстѣ съ симъ, воспрещены всякіе виды насильственнаго принужденія ихъ къ переселенію на эти земли, но тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно туда переселились-бы, предоставлена дѣсятилѣтняя льгота отъ платежа податей, за исключеніемъ земскихъ сборовъ; равнымъ образомъ, такимъ евреямъ предоставля-

¹⁾ Изъ этого видно, что русское правительство, первоначально, не имѣло намѣренія строго держаться польскихъ постановленій, стѣснявшихъ евреевъ и христіанъ, относительно договоровъ по личному найму.

лось право полученія на обзаведеніе заимообразныхъ ссудъ, на основаніи тогдашнихъ правилъ о ссудахъ иностраннымъ колонистамъ, что явно свидѣтельствовало, что правительство продолжало смотрѣть на евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ и пользовавшихся правами русскаго гражданства, какъ на людей, не утратившихъ значеніе чужеземныхъ жителей; 6) для тѣхъ евреевъ, которые занялись бы хлѣбопашествомъ, было предоставлено право пользованія одинаковыми съ прочими подданными выгодами по платежу государственныхъ податей, т. е., другими словами, преимущество, предъ прочими евреями, платить въ казну не двойную, а обыкновенную подать (ст. 13—19). Подъ рубрикою: Б. *«преимущества фабрикантовъ и ремесленниковъ»*, всѣмъ вообще евреямъ предоставлено право заниматься фабричною промышленностію и заводить фабрики на всемъ пространствѣ, гдѣ имъ жить позволено, на томъ же основаніи и съ тою же свободою, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ (ст. 20). При чемъ, для евреевъ, которые завели-бы суконныя, полотняныя, кожевенныя и другія такого-же рода фабрики, установлены слѣдующія поощренія: 1) въ каждой изъ присоединенныхъ отъ Польши губерній постановлено учредить особый капиталъ, въ 20 т. руб., съ правомъ для тѣхъ евреевъ пользоваться изъ него денежными ссудами, которые должны были выдаваться, по усмотрѣнію начальниковъ губерній и по испрошеніи на то, каждый разъ, разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; евреямъ-же, которые пожелали-бы завести нужнѣйшія фабрики, предоставлено выдавать такія ссуды, безъ залоговъ, за поручительствомъ только другихъ благонадежныхъ евреевъ; 2) всѣ же вообще евреи, которые, сказано въ Положеніи, «въ фабричныхъ работахъ обращаться будутъ», освобождались отъ платежа въ казну двойныхъ податей и уравнивались, въ этомъ отношеніи, съ прочими подданными, тотчасъ по собраніи о нихъ точныхъ свѣдѣній, и 3) всѣмъ евреямъ предоставлено право заводить фабрики и на помѣщичьихъ земляхъ, по добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, которымъ обѣщаны тоже, въ этихъ случаяхъ, поощренія, безъ означенія, впрочемъ, какія именно (ст. 21—23). Вмѣстѣ съ этимъ, всѣмъ ремесленникамъ изъ евреевъ позволено заниматься ремеслами, законами не воспрещенными, въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, съ воспрещеніемъ ремесленнымъ или цеховымъ управамъ дѣлать имъ какія либо въ томъ препятствія. При чемъ, всѣмъ такимъ ремесленникамъ дозволено свободно [записываться въ цехи, если только это

не было противно привилегіямъ, особенно нѣкоторымъ городамъ присвоеннымъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что Положеніемъ какъ бы возобновлялась, для тамошнихъ городовъ, сила древнихъ польскихъ привилегій, между прочимъ, и въ отношеніи содержавшагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преимущества, заключавашагося въ правѣ городского общества на изгнаніе евреевъ изъ городской черты; въ видахъ же поощренія евреевъ къ ремесламъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые ими занимались, освобождались, на однихъ основаніяхъ съ фабрикантами, отъ платежа двойныхъ податей; въ случаѣ же недостатка для нихъ въ работахъ, въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, имъ дозволено, съ разрѣшенія начальника губерніи и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, переселяться, «для основанія съ выгодною своей промышленностію», въ губерніи, менѣе населенныя, а именно въ Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Астраханскую и Казанскую, съ предоставленіемъ имъ для этого нужныхъ способовъ, а какъ Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губерніи принадлежали къ числу тѣхъ, гдѣ евреямъ и безъ того было позволено имѣть постоянную осѣдность, то поименованіе этихъ губерній, въ настоящемъ случаѣ, даетъ право заключать, что ремесленная дѣятельность евреевъ, въ строгомъ смыслѣ, была ограничена Положеніемъ только губерніями, присоединенными отъ Польши (ст. 23—25). Подъ рубрикою: В и Г. «*преимущества купечества и мѣщанства*», евреямъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдности, дозволена всякаго рода торговля, внѣшняя и внутренняя, на точномъ основаніи Городоваго Положенія и послѣдующихъ узаконеній, включая сюда всякаго рода промыслы и мелочную продажу, а также винную, какъ оптомъ, такъ и въ розницу, съ ограниченіями, относительно винной торговли, постановленными ниже въ III отдѣлѣ Положенія (ст. 40). При семъ, фабрикантамъ, ремесленникамъ, художникамъ и купцамъ изъ евреевъ, «по дѣламъ ихъ коммерческимъ, для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства», разрѣшено временно пріѣзжать въ внутреннія губерніи и даже столицы, но не иначе, какъ по паспортамъ отъ губернаторовъ, которымъ вмѣнено въ обязанность о такихъ евреяхъ представлять *ежемесячныя вѣдомости* Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Пріѣздъ ихъ туда обусловленъ строго ношеніемъ нѣмецкаго платья, при появленіи же ихъ тамъ въ своей одеждѣ, они не могли быть терпимы, и полиція была обязана немедленно высылать ихъ отсюда. Къ этому присовокуплено общее для всѣхъ евреевъ поощреніе,

что когда они «въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, правительство приметъ тогда мѣры уравнивать ихъ подати со всѣми другими подданными» (ст. 27—29).

Въ третьемъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «о обязанностяхъ евреевъ по вышеозначеннымъ ихъ состояніямъ», постановлены слѣдующія общія правила: 1) что никто изъ евреевъ терпимъ въ Россіи быть не можетъ, если не будетъ приписанъ къ одному изъ установленныхъ для нихъ состояній и что съ каждымъ изъ евреевъ, кто не предъявитъ письменнаго въ томъ вида, закономъ установленнаго, будетъ поступаемо, какъ съ бродягами, по всей строгости законовъ; срокъ для приписки евреевъ къ тѣмъ состояніямъ положенъ двухлѣтній, со дня изданія Положенія; для сего предписано произвести имъ перепись въ мѣстахъ, гдѣ имъ позволено постоянное жительство (ст. 30 и 31); 2) для лучшаго устройства ихъ гражданскаго состоянія, удобнѣйшаго огражденія ихъ имущества и разбора ихъ тяжбныхъ дѣлъ, вмѣнено имъ въ обязанность принять извѣстную наслѣдственную свою фамилію, или прозваніе, которое съ того времени и должно быть сохраняемо во всѣхъ актахъ и записяхъ, безъ всякой перемѣны, съ присовокупленіемъ имени, даннаго по ихъ вѣрѣ, или при рожденіи (ст. 32); 3) переходъ изъ одного податнаго состоянія въ другое дозволенъ имъ съ вѣдома мѣстнаго начальства и на основаніи общихъ узаконеній (ст. 33); 4) жительство въ деревняхъ и селахъ и содержаніе тамъ арендъ, шинковъ, кабаковъ, постоялыхъ дворовъ и продажа вина, а также содержаніе шинковъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ заведеній на большихъ дорогахъ, кому они ни принадлежали бы, частнымъ лицамъ или обществамъ, строго воспрещено, въ губерніяхъ Астраханской, Кавказской, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ съ 1 Января 1807 года, а въ прочихъ—съ 1 Января 1808 года, по истеченіи каковыхъ сроковъ, всѣ контракты и условія на продажу вина признаются недѣйствительными, а долги поселянъ и другаго рода людей въ шинкахъ, содержимыхъ евреями, ничтожными, почему евреи лишались и права взысканія по нимъ (ст. 34, 37 и 38); 5) за нарушеніе этихъ правилъ, по истеченіи означенныхъ сроковъ, установлены строгія взысканія, какъ для евреевъ, такъ и для помѣщиковъ, арендныхъ поссесоровъ и даже мѣстныхъ губернскихъ и полицейскихъ властей, заключавшіяся въ слѣдующемъ: помѣщики, дозволившіе еврею содержать какую либо арен-

ду, кабакъ, шпнокъ или другое заведеніе, для продажи вина, по доносу о томъ и изслѣдованію нижняго земскаго суда, должны были, по приговору повѣтоваго или уѣзднаго суда, подвергаться денежнымъ штрафамъ, въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія и доносителя, по поламъ, въ первый разъ, по пяти рублей съ cadaго дома въ деревнѣ, во второй разъ, вдвое, въ третій разъ, имѣніе помѣщика должно было подвергнуться опека, срокомъ на 10 лѣтъ; арендные же поссессоры лишались вовсе права управлять имѣніемъ и объявлялись неспособными къ тому во всѣхъ вѣдомостяхъ; евреи, уличенные въ продажѣ вина, подвергались денежнымъ штрафамъ, въ первый разъ 100 р., во второй—200 р., а въ третій—ссылались въ Сибирь на поселеніе; при несостоятельности еврея къ уплатѣ денежнаго штрафа, съ нимъ поступалось какъ съ несостоятельнымъ должникомъ; въ казенныхъ селеніяхъ, за недонесеніе о подобныхъ нарушеніяхъ, подвергались взысканіямъ исправники, за первые два раза, такому же денежному штрафу, какъ и евреи, а за третій разъ—отрѣшенію отъ занимаемаго мѣста, съ лишеніемъ права поступать впредь въ какія либо должности; за злоупотребленіе казенныхъ палатъ, сказанному штрафу подвергались вице-губернаторы и члены палатъ; въ старостинскихъ же или арендныхъ имѣніяхъ, штрафу подвергались владѣльцы, и за третій разъ, староства отъ нихъ отбирались (ст. 35, 36 и 39); 6) «при семъ строгомъ и необходимомъ, сказано въ Положеніи, воспрещеніи евреямъ продажи вина и всякихъ контрактовъ, къ тому относящихся, въ селахъ и деревняхъ», имъ было дозволено заниматься этимъ промысломъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, на основаніи общихъ объ этой части положеній; право продажи вина и заключенія, по этому предмету, контрактовъ было дозволено евреямъ и въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ, но при этомъ, подъ страхомъ вышеозначенныхъ штрафовъ и взысканій, строго воспрещено присвоивать селамъ и деревнямъ права мѣстечекъ или же учреждать новыя мѣстечки, безъ вѣдома высшаго начальства; вообще же это правило о мѣстечкахъ ограничено губерніями, отъ Польши присоединенными, 7) отпускъ въ городахъ и мѣстечкахъ вина поселянамъ въ долгъ строго воспрещенъ, подъ опасеніемъ, для евреевъ, что долги эти будутъ признаны ничтожными и не подлежащими удовлетворенію, а въ отношеніи чиновниковъ и мѣстъ, которыми были бы допущены вчинаніе и принятіе исковъ по нимъ, было объяснено, что они сами подвергнутся суду и взысканіямъ (ст. 40 и 41).

Въ четвертомъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «*о гражданскомъ устройствѣ евреевъ*», постановлены слѣдующія общія правила объ ихъ правахъ состоянія въ государствѣ: 1) что всѣ евреи, въ Россіи обитающіе, вновь поселяющіеся, или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе, суть свободны и состоятъ подѣ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ со всѣми другими російскими подданными, изъ чего ясно усматривается, что евреи, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ, какъ бы отождествлялись правительствомъ, по правамъ состоянія, съ евреями чужеземными, 2) что евреи, вообще, свои или иностранные, отличившіеся знаніями или важными государству заслугами, будутъ соразмѣрно тому отличаемы и награждаемы, 3) что собственность и личность ихъ признаются закономъ неприкосновенными, почему никто не имѣетъ права присвоивать ихъ собственность, располагать ихъ трудомъ, а тѣмъ менѣе укрѣплять ихъ за собою лично; равнымъ образомъ, никто не имѣетъ права притѣснять и беспокоить ихъ въ отправленіи вѣры и общей гражданской жизни, ни словомъ, ни дѣломъ, почему жалобы ихъ на всякаго рода обиды должны приниматься и подлежать удовлетворенію, по всей строгости законовъ, для всѣхъ подданныхъ Россіи установленныхъ; причѣмъ повторено, что всѣ законные и дозволенные контракты ихъ съ помѣщиками должны быть сохраняемы свято и ненарушимо, изъ чего прямо слѣдуетъ, что всѣ изъясненныя права дарованы евреямъ, состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ, не въ силу дѣйствовавшихъ, тогда, общихъ о правахъ всѣхъ другихъ подданныхъ законовъ, но въ видѣ какъ бы особыхъ льготъ или преимуществъ, въ одинаковомъ смыслѣ и одинаковой мѣрѣ съ евреями иностранныхъ державъ, 4) что при переходѣ съ одного мѣста на другое, евреи должны представлять въ земскіе суды свидѣтельства отъ помѣщиковъ, что ими выполнены всѣ обязанности въ отношеніи ихъ, а также свидѣтельства ихъ кагаловъ объ уплатѣ всѣхъ подлежащихъ податей, по каковымъ свидѣтельствамъ судами тѣми выдавались переселявшимся евреямъ паспорта до того мѣста, куда они переселялись; безпаспортныхъ же вмѣнено полиціи въ обязанность отсылать въ *степныя* мѣста, которыя, сказано въ Положеніи, въ свое время назначены будутъ, изъ чего видно, что евреи, по правамъ ихъ жительства, передвиженія въ мѣстахъ ихъ осѣдлости и занятій торговлею и промыслами, а также по платежу податей, были поставлены въ тѣсную зависимость отъ ихъ кагаловъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, 5) что

дѣла евреевъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, по контрактамъ съ ихъ владѣльцами, подсудны земской полиціи, чѣмъ евреи, съ одной стороны, по дѣламъ этого рода, лишались какъ бы права судебной защиты, а съ другой—ставились закономъ, и въ этомъ отношеніи, въ зависимость отъ личнаго произвола полицейскихъ властей и даже самихъ владѣльцевъ, имѣвшихъ въ тѣхъ мѣстахъ большую, конечно, въ этихъ властяхъ поддержку, чѣмъ евреи, находившіеся, вообще, въ притѣсненномъ и крайне бѣдномъ состояніи¹⁾, 6) что въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ, евреи состоятъ въ вѣдомствѣ городскихъ полицій, и «особенно, сказано въ Положеніи, городничаго и магистрата», 7) что по дѣламъ тяжбымъ, вексельнымъ и уголовнымъ, они подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, почему право суда надъ евреями воспрещено помѣщикамъ²⁾, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, причемъ евреямъ разрѣшено разбираться и третейскимъ судомъ, на общемъ основаніи, 8) что въ городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, они могутъ избирать одного раввина и нѣсколькихъ членовъ кагала, или такъ называвшихся «кагальныхъ», которые должны были вступать въ должность, не иначе, какъ по утвержденіи ихъ въ ней Губернскимъ Правленіемъ, съ тѣмъ, чтобы они избирались только на три года, по прошествіи которыхъ тѣже лица могли, впрочемъ, опять быть избранными въ сказанныя должности; равнымъ образомъ, дозволено евреямъ выбирать раввиновъ и кагальныхъ и въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ, причемъ воспрещено помѣщикамъ устанавливать какіе либо сборы за должность раввиновъ (ст. 42—50), изъ каковыхъ постановленій усматривается, что беззащитность евреевъ простиралась до того, что вла-

¹⁾ Бѣдственное и угнетенное состояніе евреевъ, послѣ отягощенія ихъ двойною податью и другихъ ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, видно между прочимъ, изъ того обстоятельства, что въ извѣстной запискѣ Державина объ экономическомъ положеніи Бѣлоруссіи, которую онъ обозрѣвалъ въ началѣ царствованія Императора Павла I, констатированъ уже фактъ общей бѣдности евреевъ и ихъ загнаннаго положенія. По этому предмету, въ запискѣ сказано, что евреи находятся „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть“ (Арх. ист. и пр. ев. въ Рос. Калачова, за 1830 г., кн. 4).

²⁾ Изъ этого можно заключить, что до изданія Положенія 1804 г., помѣщики пользовались правомъ самосуда по своимъ дѣламъ съ евреями, арендовавшими у нихъ земли и строенія.

дѣльцы, въ имѣніяхъ которыхъ они проживали, имѣли возможность облагать ихъ произвольными денежными сборами, даже за право свободного исповѣданія религіи, по закону и обрядамъ своей вѣры.

Въ пятомъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «о *должностяхъ раввиновъ*», кругъ обязанностей этихъ лицъ ограниченъ надзоромъ за обрядами вѣры и разрѣшеніемъ споровъ, касающихся религіи; приче́мъ въ рѣшеніяхъ имъ не позволено употреблять другихъ способовъ, кромѣ увѣщанія и убѣжденія, а также другихъ наказаній, кромѣ обличеній и выговоровъ не публично, а внутри синагогъ; наложеніе же публичныхъ наказаній, какъ-то: пеней, запрещенія употребленія пасхальнаго брашна и мяса (кошеръ), особенно же проклинаній и изверженій, было строго воспрещено; за употребленіе такихъ мѣръ, раввины и «другіе духовные начальники» евреевъ, кромѣ взысканія убытковъ, какіе могли бы произойти отъ заклинаній, подвергались денежнымъ взысканіямъ, въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія, въ первый разъ, въ размѣрѣ 50 рублей, во второй—100 руб., а въ третій разъ подвергались ссылкѣ въ Сибирь, на поселеніе,—клятвы же и запрещенія ихъ должны были быть признаваемы неимѣющими никакого дѣйствія. Раввинамъ, какъ занимающимъ должность почетную, а не дохода, воспрещено налагать на ихъ единовѣрцевъ какіе либо поборы и требовать себѣ возмездія, но вмѣнено имъ въ обязанность довольствоваться жалованьемъ, какое будетъ определено имъ обществомъ. При возникновеніи среди евреевъ раздѣленія сектъ, если расколъ такой дойдетъ до того, что одинъ толкъ не пожелаетъ съ другими быть въ одной синагогѣ, то дозволялось одному изъ нихъ построить свою отдѣльную синагогу, съ правомъ выбора и особаго раввина, но при этомъ объяснено, что, во всякомъ городѣ, кагалъ долженъ быть одинъ (ст. 51—53). Изъ содержащихся въ Положеніи ограниченій власти раввиновъ видно, какое сильное вліяніе старѣйшины еврейскіе могли имѣть, въ то время, на своихъ единовѣрцевъ, особенно при крайне невѣжественномъ тогда состояніи ихъ массъ.

Въ шестомъ и послѣднемъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «о *должностяхъ кагаловъ*», определены обязанности этихъ учреждений, постановленіемъ, что они должны заключаться: 1) въ наблюденіи чтобы казенные сборы, пока они пребудутъ въ томъ положеніи, въ какомъ они тогда существовали, поступали исправно и бездоимочно;

2) въ распоряженіи ввѣряемыми кагаламъ обществами суммами, съ тѣмъ, чтобы кагалы давали отчетъ въ ихъ употребленіи обществамъ и представляли такой же отчетъ, на русскомъ или польскомъ языкѣ, въ городахъ—городничимъ, въ казенныхъ селеніяхъ—исправникамъ, а въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ—помѣщикамъ, и строго соблюдали согласность этихъ отчетовъ съ отчетами, даваемыми обществу, подѣ страхомъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственности, не только личной, но и имущественной (ст. 54), изъ чего видно значеніе, какимъ кагалы пользовались среди евреевъ, въ прежнее время и какое присвоивалось имъ самимъ правительствомъ, признавшимъ необходимымъ, при изданіи Положенія, принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, съ цѣлію предупрежденія встрѣчавшихся, со стороны кагаловъ, злоупотребленій, по завѣдыванію и распоряженію общественными суммами евреевъ.

Вникая ближе въ Положеніе 1804 г. и содержащіяся въ немъ постановленія, нельзя не усмотрѣть, что они носятъ на себѣ отпечатокъ той же *исключительности*, по отношенію къ евреямъ, какою правительство, вопреки законодательнымъ о нихъ предначертаніямъ Императрицы Екатерины II, руководствовалось, съ самаго начала вступленія евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей воссоединенной съ Россіею Бѣлоруссіи. Комитетъ, составлявшій Положеніе, дѣйствовалъ, какъ уже сказано выше, подѣ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Министромъ Юстиціи Державина, который имѣлъ случай лично ознакомиться съ положеніемъ евреевъ въ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе своей командировки туда, въ началѣ царствованія Императора Павла I. Быть евреямъ, въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, не могъ не быть хорошо извѣстнымъ и для двухъ другихъ членовъ Комитета: князя Чарторыйскаго и графа Северина-Потоцкаго, какъ польскихъ магнатовъ. Не взирая на это, нельзя сказать, чтобы самъ Державинъ и прочіе члены Комитета, подѣ вліяніемъ господствовавшихъ тогда общихъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ, составили себѣ вполнѣ правильное и безпристрастное сужденіе о предметахъ, ихъ касавшихся, которое давало бы имъ возможность различать въ понятіяхъ слѣдствія отъ самихъ причинъ. Обнаружившіяся, позднѣе, въ царствованіе же Императора Александра I, какъ мы увидимъ ниже, безуспѣшность и бесполезность многихъ изъ содержащихся въ Положеніи мѣръ, могутъ служить доказательствомъ этому. Оставленіе Положеніемъ въ силѣ прежнихъ мѣръ реп-

рессивнаго свойства и принятіе новыхъ даютъ право заключать, что многія явленія, объяснявшіяся, въ дѣйствительности, естественнымъ положеніемъ вещей, относились членами Комитета, по прежнему, преимущественно, къ племеннымъ свойствамъ евреевъ и предполагавшемуся въ нихъ, по ихъ вѣрованіямъ, враждебному настроенію къ окружавшему ихъ населенію христіанъ. Съ этой точки зрѣнія, замѣчавшійся фактъ преобладанія евреевъ въ мѣстной торговлѣ и ихъ конкуренціи, объяснялись составителями Положенія, какъ и прежде, захватомъ евреями торговли въ свои руки, съ преднамѣренной цѣлію оттѣсненія отъ нея христіанъ и ихъ эксплуатаціи; родъ занятій евреевъ, преимущественно посредническаго характера—естественнымъ отвращеніемъ ихъ отъ воздѣлыванія земли и вообще отъ всякаго труда, требовавшаго приложенія физическихъ силъ; развившееся въ Бѣлоруссіи среди простаго класса людей пьянство—близкими ихъ соотношеніями съ евреями, вслѣдствіе прожизнательства этихъ послѣднихъ въ селахъ и деревняхъ и содержанія ими тамъ арендъ, корчемъ и шинковъ, и т. п.

Поэтому, составители Положенія, при выполненіи ихъ прямой задачи—изысканія способовъ и средствъ къ огражденію кореннаго населенія отъ злоупотребленій со стороны евреевъ, не озаботились вникнуть ближе въ соотвѣтственность или несоотвѣтственность, съ мѣстными и общими интересами государства, правоваго въ немъ положенія евреевъ, оставивъ безъ всякаго обсужденія допущенную правительствомъ исключительность по отношенію къ нимъ, совпадавшую, какъ нужно полагать, съ собственными на евреевъ взглядами тѣхъ членовъ Комитета, какъ на народъ чужеземный и не принадлежащій къ числу коренныхъ обывателей страны. Поэтому, въ нихъ явилась мысль, не нарушая формально свободы еврейскаго вѣроисповѣданія и его прерогативы существованія въ государствѣ, въ лицѣ отдѣльных еврейскихъ обществъ, съ правомъ ихъ кагальной организаціи, и не лишая евреевъ возможности пользоваться даже внѣшними признаками отдѣльной національности, по языку и одеждѣ, принять рѣшительныя и, по мнѣнію тѣхъ лицъ, вполне цѣлесообразныя мѣры въ возможно скорѣйшему очищенію отъ евреевъ селъ и деревень, а слѣдовательно, къ сосредоточенію ихъ массъ, исключительно, въ городахъ губерній, гдѣ имъ было дозволено жить, съ одновременнымъ привлеченіемъ евреевъ къ общему образованію и направленіемъ ихъ дѣятельности къ земледѣлію и фабричному производству,

путемъ разнаго рода поощреній, которыя, по ихъ взгляду, могли расположить евреевъ, какъ къ просвѣщенію себя, такъ и къ болѣе производительному роду занятій. Средствомъ для достиженія первой изъ вышесказанныхъ цѣлей—очищенія отъ евреевъ сель и деревень—Комитетомъ было избрано принудительное ихъ выселеніе отсюда въ города, съ назначеніемъ для этого извѣстнаго срока; причемъ, для побужденія мѣстныхъ властей и самихъ помѣщиковъ къ строгому приведенію этой мѣры въ исполненіе, безъ всякихъ послабленій, а евреевъ—къ неуклонному подчиненію себя ей, Комитетомъ признано полезнымъ и справедливымъ установить мѣры взысканій, заключавшіяся, по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, въ денежныхъ штрафахъ и отрѣшеніи отъ должностей, а по отношенію къ помѣщикамъ и самимъ евреямъ, кромѣ штрафовъ, въ лишеніяхъ выгодъ, сопряженныхъ съ неприкосновенностью правъ частной собственности и личной свободы, въ видѣ учрежденія опеки надъ владѣльцами населенныхъ имѣній, уничтоженія обязательной силы контрактовъ и договоровъ, вывода евреевъ изъ ихъ жилищъ, ихъ ссылки въ Сибирь на поселеніе, и т. п. Что касается второй цѣли—привлеченія евреевъ къ общему образованію, а относительно рода занятій, къ земледѣлію и фабричному производству, Комитетомъ признано возможнымъ ея достиженіе путемъ поощрительныхъ мѣръ, такихъ, какъ открытіе для евреевъ общихъ учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и даже нѣкоторыхъ высшихъ, въ черту ихъ постоянной осѣдлости, съ правомъ полученія, въ этихъ послѣднихъ, ученыхъ степеней, безъ всякихъ правъ на военную и гражданскую службу, а по отношенію къ тѣмъ евреямъ, которые пожелали бы заняться земледѣліемъ и фабричнымъ производствомъ, посредствомъ мѣръ поощренія такого рода, какъ денежные пособія, надѣленіе казенными землями и дарованіе сказаннымъ евреямъ, въ видѣ исключительныхъ льготъ, особыхъ отъ прочихъ ихъ единовѣрцевъ правъ и преимуществъ, по правамъ жительства въ Россіи и выгодамъ въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей.

Причины, почему такія мѣры, по видимому, поощрительнаго характера не имѣли и не могли имѣть успѣха, будетъ видно изъ данныхъ, которыя приводятся ниже. Здѣсь же необходимо, предварительно, обратить вниманіе, на условія, въ какихъ всѣ вообще евреи въ Россіи, по своимъ правамъ состоянія, остались и послѣ изданія, въ 1804 году, Положенія о нихъ.

По точному смыслу всѣхъ приведенныхъ выше и содержащихся въ Положеніи постановленій, установленными въ нихъ льготами и преимуществами, расширявшими, въ извѣстной степени, гражданскія права евреевъ, могли воспользоваться лишь тѣ изъ нихъ, которые стали бы помѣщать своихъ дѣтей въ существовавшія тогда общія учебныя заведенія, окончили бы въ нихъ курсъ, или обратились бы къ земледѣлію и фабричному производству, или, наконецъ, которые по дѣламъ коммерческимъ, «для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства», были бы допущены къ временному пріѣзду въ внутреннія губерніи Россіи и столицы. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что права состоянія общей массы евреевъ, такими расширеніями правъ, въ сущности, ни въ чемъ не измѣнялись и что, слѣдовательно, правовое положеніе евреевъ въ государствѣ осталось, на самомъ дѣлѣ, въ прежнемъ видѣ.

Оно являлось съ тѣмъ же характеромъ различій въ правахъ, который присвоивался этимъ различіямъ, съ одной стороны, ограниченіями въ правахъ, а съ другой—прерогативою существованія евреевъ въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ, имѣвшихъ свою особую организацію, которая, въ общественномъ отношеніи, разъединяла ихъ съ прочими подданными.

Хотя въ постановленіяхъ Положенія замѣчалась какъ бы особая заботливость, относительно формальнаго обезпеченія за евреями свободы вѣроисповѣданія, но если принять въ соображеніе, что возможность для нихъ совершеннаго выхода изъ подѣйствія исключительныхъ о нихъ узаконеній обуславливалась, по прежнему, принятіемъ ими христіанской вѣры, относительно чего, какъ мы увидимъ ниже, правительствомъ принимались и особыя поощрительныя мѣры; то нельзя не прійти къ заключенію, что въ основаніи исключительнаго положенія, въ какое были поставлены евреи, продолжала лежать скрытая мысль ихъ побужденія, невыгодами такого положенія, къ измѣненію закона своей вѣры.

Одновременно съ этимъ скрытымъ поводомъ дѣйствія, остался въ силѣ другой, созерцательнаго же характера, поводъ дѣйствія, обнаружившійся болѣе явственнымъ образомъ, вслѣдствіе его выраженія, тогда, въ самихъ правительственныхъ мотивахъ,—это взглядъ на евреевъ, какъ на особую націю, для членовъ которой Россія не есть и не можетъ быть отечествомъ. Этотъ взглядъ, въ смыслѣ внесеннаго въ правительственную сферу мотива, усматривается осязательнымъ обра-

зомъ, какъ изъ 42 ст. Положенія, въ которой, при объясненіи о правѣ евреевъ на покровительство русскихъ законовъ, не сдѣлано никакого различія между евреями чужестранными и обитающими въ Россіи, въ качествѣ ея подданныхъ, такъ и изъ тѣхъ постановленій этого же Положенія, въ которыхъ замѣчается особая правительственная заботливость о сохраненіи за евреями, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, правъ на усвоенные ими языкъ и одежду, въ предположеніи, что они составляютъ необходимые атрибуты ихъ національнаго быта ¹⁾). Равнымъ образомъ, сказанный взглядъ усматривается и изъ встрѣчающагося въ государственныхъ актахъ и оффиціальныхъ бумагахъ, того времени, формальнаго наименованія живущихъ въ Россіи евреевъ «особымъ народомъ», въ смыслѣ такого, который къ числу коренныхъ обывателей не принадлежитъ, требуя особаго устройства и управленія. Это видно, между прочимъ, и изъ Именнаго Указа 9 декабря 1804 г., при которомъ вышесказанное Положеніе препровождено въ Сенатъ, для его распубликованія и приведенія въ исполненіе (П. С. З. т. XXVIII, № 21547). Наконецъ, явственный признакъ взгляда на евреевъ, какъ на особый народъ, имѣется еще въ специальномъ учрежденіи, въ 1817 году, посредствующихъ между нимъ и правительствомъ органовъ, по дѣламъ, не только религіознымъ, но и гражданскимъ, въ лицѣ «Еврейскихъ Депутатовъ», утверждавшихся въ ихъ званіи Высочайшею властію (П. С. З., т. XXXIV, № 27106, § 5, В, и § 151).

Укоренившійся у насъ, въ правительственной сферѣ, обычай не присвоивать евреямъ значенія коренныхъ обывателей страны, не взирая на древнюю ихъ осѣдлость въ мѣстахъ и областяхъ, составляющихъ съ прочими частями государства нашу единую и нераздѣльную Русь, поддерживается вѣрованіями, совпадающими съ вѣрованіями о себѣ и самихъ евреевъ, что всѣ они, какъ выходцы изъ Палестины, должны, рано или поздно, возвратиться туда, что тамъ же, въ Пале-

¹⁾ Въ среднія времена имѣлись примѣры, что отъ евреевъ требовалось ношеніе особой одежды, или особыхъ на ней знаковъ, на основаніи повелѣній и распоряженій верховной власти; вслѣдствіе чего этотъ обычай могъ и укорениться среди евреевъ. Что касается усвоеннаго ими нарѣчія, представляющаго смѣсь еврейскихъ словъ, съ нѣмецкими и польскими, то оно не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ еврейскимъ языкомъ, обратившимся въ мертвый и доступный, нынѣ, лишь ученымъ, занимающимся еврейскою литературою.

стинѣ, рано или поздно, должно возстановиться ихъ царство, и что, поэтому, въ русской странѣ, какъ и другихъ христіанскихъ, они суть только пришельцы, имѣющіе лишь временное, здѣсь или тамъ, пребываніе, хотя оно и продолжается уже многіе вѣка.

Понятія и взгляды этого рода, какъ чисто созерцательные, относящіеся къ области духовно-религіозныхъ воззрѣній, какъ евреевъ, такъ и самихъ христіанъ, казалось бы, не должны были имѣть значеніе государственныхъ мотивовъ къ принятію того или другаго образа дѣйствія, относительно евреевъ, особенно со времени признанія ихъ подданными государства. Предлогомъ къ этому менѣе всего могло служить предположеніе, что евреи, по ихъ вѣрованіямъ, сами не желаютъ признавать себя гражданами страны; такъ-какъ религіозный взглядъ на себя иновѣрной народности, вошедшей въ составъ общаго народонаселенія и не принадлежащей къ числу *степенныхъ* или *кочующихъ*, не можетъ служить основаніемъ къ изъятію ея изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ, согласно съ предполагающимися собственными ея понятіями и взглядами на себя. Придавать подобнымъ взглядамъ и понятіямъ какое либо значеніе въ гражданской области—это значитъ упускать изъ вида, что хотя между созерцательными взглядами народныхъ вѣрованій и внѣшними проявленіями жизни могутъ быть нѣкоторыя соотношенія, но что вліяніе первыхъ на вторыя всегда имѣютъ, однако, свои границы. Пища, кровъ, одежда и достиженіе, для удовлетворенія этихъ насущныхъ потребностей, извѣстнаго матеріальнаго достатка низводятъ cadaго, весьма быстро, изъ области созерцаній въ область земныхъ фактовъ и ставятъ его съ ними лицомъ къ лицу, особенно человека, преданнаго своему дѣлу и интересу, каковымъ является почти каждый еврей. Это соображеніе, а также опытъ иностранныхъ державъ, гдѣ среди евреевъ, уравненныхъ въ правахъ съ прочими подданными, не замѣчается никакихъ стремленій къ общественной и гражданской отчужденности среди прочаго населенія, даютъ право заключать, что правительственныя убѣжденія о необходимости общественнаго разъединенія евреевъ съ прочими подданными, вслѣдствіе исключительныхъ взглядовъ евреевъ на себя духовно-религіознаго характера, не имѣли прежде, не имѣютъ и теперь никакого практическаго значенія. Между тѣмъ, стремленіе, въ правительственной сферѣ, къ возведенію такого рода понятій и взглядовъ на степень государственныхъ мотивовъ, не только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но и въ настоящее даже время, есть фактъ,

который подтверждается множеством данныхъ, содержащихся въ официальныхъ документахъ ¹⁾).

Но если введеніе въ законодательную область вышесказанныхъ созерцательныхъ воззрѣній на евреевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, какъ на чужеземный народъ, не находитъ достаточныхъ основаній, то едва ли, съ другой стороны, было бы справедливымъ ставить въ укоръ евреямъ, если среди ихъ, до вослѣдованія, въ царствованіе Императора Николая Павловича, нѣсколько болѣе существенныхъ преобразованій въ ихъ гражданскомъ бытѣ, проявлялось нѣкоторое, быть можетъ, упорство, относительно исключительныхъ взглядовъ на себя. Явленіе это находило естественную поддержку въ порядкѣ, какому они были тогда подчинены.

Законодательнымъ актомъ 1804 года, подъ вліяніемъ вышесказанныхъ взглядовъ, общее положеніе евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, было скорѣе ухудшено, чѣмъ улучшено.

Хотя въ 42 ст. Положенія о нихъ было объяснено, что евреи, въ Россіи обитающіе, вновь поселяющіеся, или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ съ другими подданными; но самый смыслъ этого постановленія и его характеръ исключительной льготы, ясно указываетъ, что правительство, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ взглядовъ, присвоивало имъ, по прежнему, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, значеніе какихъ-то иноземныхъ людей, къ коренному населенію какъ бы не принадлежащихъ, людей, за которыми не признавалось, слѣдовательно, никакихъ природныхъ правъ вполнѣ натурализованнаго класса гражданъ. Это подтверждается и тѣмъ, что всѣ предоставленныя имъ Положеніемъ права, не смотря на ихъ тѣсный объемъ и принадлежность многихъ изъ нихъ къ числу естественнѣйшихъ для каждаго гражданина, дарованы имъ, равнымъ образомъ, не иначе, какъ въ видѣ исключительныхъ какъ бы льготъ,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи, обращаетъ на себя особое вниманіе одна официальная записка „по вопросу объ отношеніяхъ правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ“. Въ этой запискѣ, хотя и содержатся весьма правильные выводы и заключенія, относительно принципа невмѣшательства, со стороны правительства, въ религіозныя дѣла евреевъ; но вмѣстѣ проводится идея о невозможности подчиненія евреевъ дѣйствию общихъ законовъ, между прочимъ, именно по поводу ихъ религіозно-національных взглядовъ на себя.

названныхъ въ самомъ Положеніи «преимуществами». Люди же, которые, живя въ государствѣ, могли существовать въ немъ, образовывать себя и отыскивать себѣ средства къ пропитанію, не на основаніи общихъ о томъ узаконеній, а по особымъ правамъ, дарованнымъ имъ въ смыслѣ исключительныхъ какихъ-то льготъ и преимуществъ, съ которыми сопряжено, въ то же время, понятіе какъ бы объ ихъ временности или срочности, не могли, очевидно, и признавать себя природными или коренными обывателями страны. Къ тому же, прежнія узаконенія, ставившія всѣхъ, вообще, евреевъ, которые не были въ состояніи платить въ казну двойнаго оклада податей, въ положеніе бродячихъ чужеземцевъ, вновь изданнымъ Положеніемъ, прямымъ образомъ, отмѣнены не были, а потому оставались въ полной ихъ силѣ, со всѣми невыгодными для евреевъ послѣдствіями, относительно ихъ спокойнаго существованія въ государствѣ. Къ усугубленію какъ бы всей тяжести такого положенія евреевъ, законъ 1804 года, какъ это видно изъ 48 его статьи, подчинилъ всѣхъ ихъ, вообще, непосредственной власти городской полиціи и тогдашнихъ городничихъ, открывъ, такимъ образомъ, мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ еще большій, сравнительно съ прежнимъ временемъ, просторъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ надъ личностію и имуществомъ каждаго еврея. При этомъ, всѣхъ безпаспортныхъ евреевъ, какъ это видно изъ предыдущей 46 ст. Положенія, было предоставлено полиціи отсылать административнымъ порядкомъ, по своему усмотрѣнію, въ *степныя* мѣста, которыя имѣли быть для того назначенными. Наконецъ, содержащіеся въ Положеніи постановленія о мѣрахъ принудительнаго выселенія евреевъ изъ ихъ жилищъ въ деревняхъ и селахъ уничтожали, въ самомъ основаніи, силу и дѣйствительность имѣвшихся въ томъ же Положеніи постановленій о неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ.

Изъ этихъ условій гражданскаго быта евреевъ, достаточно усматривается, въ какомъ тяжкомъ и удрученномъ состояніи они должны были находиться въ началѣ настоящаго столѣтія.

Хотя же Положеніемъ 1804 года права ихъ нѣсколько какъ-бы расширены, дарованіемъ имъ права образованія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, права награжденія ихъ учеными степенями, права пріобрѣтенія въ собственность земель и поселенія на казенныхъ земляхъ, для занятія земледѣліемъ, какъ въ чертѣ ихъ осѣдлости,

такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и внѣ оной (въ губерніи астраханской и тогдашней кавказской), права производить земледѣльческія работы посредствомъ найма рабочихъ изъ христіанъ, права освобожденія всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые занимались бы земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, фабричною промышленностію и ремеслами, отъ платежа двойныхъ податей, права пользованія нѣкоторыми изъ ихъ фабрикантовъ денежными ссудами и права, въ извѣстныхъ случаяхъ, временнаго пріѣзда, для ихъ купцовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, въ внутреннія губерніи и столицы; но всѣ эти права, дарованныя евреямъ въ видѣ льготъ, съ цѣлію ихъ поощренія къ образованію и полезнымъ занятіямъ, остались, большею частію, безъ пользы для нихъ и для государства. Причемъ, многія изъ такихъ льготъ не носили, въ сущности, справедливаго характера, такъ-какъ, для предположенія, что они, дѣйствительно представляютъ для евреевъ, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности, расширеніе ихъ гражданскихъ правъ, необходимо было предположить, что, по дарованіи евреямъ, при вступленіи ихъ въ русское подданство, правъ гражданства, соотвѣтствующія тѣмъ льготамъ права были подвергнуты и тамъ ограниченіямъ, на основаніи законодательныхъ о томъ постановленій Высочайшей власти. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было, однако, на самомъ дѣлѣ, по появленіи ограничительныхъ даже узаконеній о правахъ жительства евреевъ въ Россіи, по отношенію, напримѣръ, къ ихъ праву, въ мѣстахъ ихъ осѣдности, обученія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, праву пріобрѣтенія земель, праву занятія на нихъ земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, праву фабричнаго производства, праву найма рабочихъ людей, безъ различія вѣроисповѣданій, и т. п. Причиною же безуспѣшности вышесказанныхъ поощрительныхъ мѣръ, прежде всего, была крайняя нищета всѣхъ почти евреевъ. Отягощенные платежемъ двойныхъ податей, отправленіемъ рекрутской повинности, исключительно, денежнымъ образомъ, произвольными сборами, устанавливавшимися ихъ кагалами на нужды вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ, въ особенности, упомянутымъ выше коробочнымъ сборомъ, евреи находились, кромѣ того, въ весьма тяжелыхъ денежныхъ отношеніяхъ съ крупными и мелкими чиншевыми владѣльцами, преимущественно, изъ польской шляхты, которая, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго 30 іюня 1808 года доклада Министра Внутреннихъ Дѣлъ (Графа Кочубея), въ свою очередь, находилась въ ра-

зоренномъ состояніи ¹⁾ и старалась, поэтому, вымогать послѣднее отъ евреевъ, составлявшихъ, на земляхъ шляхты, какъ-бы экономическую для нея статью дохода. Это допускалось мѣстными властями и самимъ правительствомъ не на основаніи постановленій русскаго законодательства, но въ смыслѣ обычнаго права, установившагося на основаніи прежнихъ польскихъ статутонъ. Всѣ чиншевыя владѣльцы, еще до воссоединенія польскихъ провинцій съ Россіею, имѣли право, въ принадлежавшихъ имъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ еврейское населеніе, преимущественно, было сосредоточено, облагать евреевъ, въ свою пользу, разными сборами, подобными коробочному. Такъ, чиншевому сбору, въ чертѣ частныхъ владѣній, подвергались: право питейной продажи, дома, лавки и склады, убой скота, каждая нагруженная товаромъ лошадь, вступающая въ черту города или мѣстечка, заводы, мельницы и другія промышленныя заведенія, каждая штука скота, приводимая на продажу и т. п. Въ однѣхъ юго-западныхъ частяхъ пространства, находившагося подъ владычествомъ Польши, насчитывалось чиншевыхъ городскихъ поселеній около 350; поэтому, «можно себѣ представить, говоритъ Журавскій въ своемъ статистическомъ описаніи кievской губерніи, какъ великъ былъ, вообще, сборъ съ евреевъ всего Западнаго края въ пользу чиншевыхъ владѣльцевъ. Въ одномъ Бердичевѣ сборъ этотъ приносилъ доходу чиншевому владѣльцу до 70,000 р. въ годъ». Обычное право чиншевыхъ сборовъ съ евреевъ не было, въ то время, отмѣнено, въ законодательномъ порядкѣ; при изданіи же Положенія 1804 г. о евреяхъ, какъ это видно изъ 50 его ст., оно ограничено, въ смыслѣ законодательнаго воспрещенія, лишь по отношенію къ сбору за право «раввинства».

Изъясненныя обстоятельства не могли, конечно, не повлечь за собою развитія среди евреевъ крайняго изнуренія, нищеты и пролетаріата, съ самаго почти начала принятія ихъ въ русское подданство, что подтверждается, между прочимъ, вышеприведеннымъ удостовѣреніемъ этого факта Державинымъ, обозрѣвавшимъ бѣлорусскій край, въ началѣ царствованія Императора Павла I.

Поддержаніе среди евреевъ нищеты и пролетаріата, съ экономи-

¹⁾ Въ докладѣ этомъ сказано, между прочимъ: „сей классъ людей (чиншевая шляхта) весьма многочисленъ. Всѣ почти они въ такой бѣдности, что знатная часть ихъ живутъ отъ одного, можно сказать, подаенія“...

ческой и финансовой точки зрѣнія, не могло, казалось, быть полезнымъ, ни для государства, ни для мѣстностей, гдѣ евреи имѣли постоянную осѣдлость, не могло, поэтому, и представлять вѣрное и надежное средство къ направленію сосредоточивавшихся въ евреяхъ торговыхъ и промышленныхъ силъ, съ выгодною для общихъ и мѣстныхъ интересовъ государства.

Но правительство, какъ бы не отдавая себѣ яснаго объ этомъ отчета, продолжало дѣйствовать не къ устраненію, а къ сохраненію всѣми мѣрами этого положенія евреевъ, столь же тяжкаго и бѣдственнаго для нихъ, какъ и для мѣстнаго населенія, и едва ли представлявшего какую либо пользу для повсемѣстнаго благосостоянія въ государствѣ, для котораго, по началамъ здоровой политики, не можетъ, конечно, быть расчета имѣть въ составѣ своего народонаселенія массу людей, съ организаціей, ее деморализующею и истощающею, въ матеріальномъ отношеніи.

Между тѣмъ, всѣ усилія правительства были направлены какъ бы именно къ этому.

При сказанной бѣдности евреевъ, бѣднѣйшіе изъ нихъ, по своей скученности въ городахъ и мѣстечкахъ, стали, естественно, искать себѣ средствъ къ пропитанію въ деревняхъ и селахъ.

Помѣщики, преимущественно, изъ польской шляхты, не имѣя возможности съ успѣхомъ лично заниматься своимъ хозяйствомъ и другихъ способовъ къ увеличенію доходности своихъ имѣній какъ посредствомъ винокуренія и отдачи въ арендное содержаніе своихъ земель, винокуренныхъ заводовъ, корчемъ, шинковъ и постоянныхъ дворовъ, съ правомъ продажи въ нихъ питей, воспользовались такими евреями, какъ людьми вообще смысленными и оборотливыми. Это значительно облегчало, относительно средствъ къ жизни въ городахъ, какъ евреевъ, такъ и горожанъ другихъ исповѣданій, освобождая эти центры отъ вреднаго, въ экономическомъ отношеніи, избытка въ нихъ торговой и промышленной конкуренціи. Сначала, когда русскимъ правительствомъ не было воспрещено евреямъ пребываніе въ деревняхъ и селахъ, то при сказанныхъ условіяхъ, евреи, хотя и бѣдно, но все-таки кое-какъ могли еще существовать.

Между тѣмъ, вышеупомянутый Комитетъ, начертавшій Положеніе 1804 года, приписывая причину развитія въ простомъ народѣ пьянства, исключительно, евреямъ, призналъ необходимымъ постановить мѣру принудительнаго ихъ выселенія, съ помощію мѣстныхъ вла-

стей, изъ деревень и селъ, въ города и мѣстечки, безъ указанія, въ то же время, денежныхъ средствъ, для приведенія такой мѣры въ дѣйствіе, но съ строгими требованіями, относительно этого, и назначеніемъ для выселенія евреевъ извѣстнаго срока, а именно, для губерній: астраханской, кавказской, малороссійскихъ и новороссійскихъ, трехлѣтняго, а для прочихъ губерній—четерехлѣтняго, со дня изданія Положенія. Принятіе такой крутой мѣры, до крайности стѣснительной, какъ для евреевъ, такъ и для владѣльцевъ имѣній, не только, какъ мы увидимъ ниже, безъ всякой существенной пользы, по отношенію къ цѣли искорененія въ простомъ народѣ пьянства, но съ нѣкоторымъ даже вредомъ, для общихъ успѣховъ тамъ земледѣлія и сельской промышленности, нельзя не отнести къ неудовлетворительному изученію Комитетомъ настоящаго положенія вещей въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, а быть можетъ и къ чувствамъ даже личной неприязни, кромѣ евреевъ, и къ владѣльцамъ населенныхъ имѣній и земельной собственности, изъ мелкаго польскаго дворянства или шляхты.

Всѣмъ членамъ, образовавшимъ Комитетъ, и изъ нихъ въ особенности такимъ польскимъ магнатамъ, какими были князь Чарторыйскій и графъ Потоцкій, хорошо было извѣстно, что предложенная ими мѣра принудительнаго выселенія евреевъ изъ помѣщичьихъ селъ и деревень, падая тяжелымъ гнетомъ на все вообще еврейское населеніе, въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, должна была, въ то же время, нанести сильный ударъ хозяйствамъ польской шляхты, къ общему разстройству экономическаго благостоянія тамъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и самихъ крестьянъ. Имъ хорошо было также извѣстно, что евреи и помѣщики не пожелаютъ добровольно подчиниться этой мѣрѣ и станутъ прибѣгать къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ, съ цѣлію склоненія на свою сторону мѣстныхъ властей къ разнаго рода послабленіямъ. Это доказывается самою строгостью взысканій, постановленныхъ въ Положеніи, какъ для евреевъ, такъ и для помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, и заключающихся въ тяжелыхъ денежныхъ штрафахъ и другихъ мѣрахъ наказанія, такого рода, какъ взятіе имѣній въ опеку, устраненіе арендныхъ посессоровъ отъ управленія имѣніемъ, отрѣшеніе служащихъ отъ должности, съ воспрещеніемъ впредь имъ права поступленія на службу, и ссылка, наконецъ, евреевъ даже въ Сибирь на поселеніе.

Такимъ образомъ, съ изданіемъ положенія 1804 г. о евреяхъ, не только имъ, но и значительному числу городовъ и мѣстечекъ, куда

они должны были быть выселены, угрожали, въ близкомъ будущемъ, общее разореніе и пролетаріатъ.

Спрашивается, могъ ли подобный образъ дѣйствія быть вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ и водворенію, вообще, въ краѣ тишины, спокойствія и благосостоянія?

Между тѣмъ, лица, составлявшія Положеніе 1804 года, одни, съ упущеніемъ изъ вида экономическихъ и политическихъ интересовъ государства, другія—не безъ преднамѣренія причинить вредъ евреямъ и польской шляхтѣ, успѣли убѣдить правительство въ мысли, что начала, ими принятыя, слѣдуетъ признать, какъ сказано въ Именномъ указѣ 9 декабря того же года, «весьма справедливыми», а всѣ статьи Положенія «сообразными сколько умѣренности и попеченію объ истинномъ благѣ евреевъ, столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется» ¹⁾.

Чрезмѣрный, въ то время, экономическій вредъ мѣры поголовнаго выселенія евреевъ въ города и мѣстечки, изъ деревень и селъ, гдѣ они издавна основали свое жительство, и самая неудобоисполнимость ея были очевидны, для вышесказанныхъ лицъ, бывшихъ близко знакомыми съ краемъ. Но высшее правительство, увѣренное ими, что все это устроится само собою, къ общему благу, твердо настаивало на приведеніи 34 ст. Положенія къ точному исполненію.

По мѣрѣ приближенія назначеннаго для этого срока, положеніе, не только евреевъ и владѣльцевъ имѣній, но и самой мѣстной администраціи, становилось, часъ отъ часу, все болѣе и болѣе затруднительнымъ и тяжелымъ.

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что все Положеніе 1804 г. о евреяхъ, въ составленіи котораго принимали участіе два польскихъ магната, по искусной въ немъ, вводящей въ заблужденіе, замаскировкѣ, рубриками „о правахъ и преимуществахъ“ евреевъ, постановленій и мѣръ, отъ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, не только нельзя было ожидать пользы, но которыя должны были причинить всѣмъ классамъ мѣстнаго населенія, во многихъ отношеніяхъ, существенный вредъ,—представляетъ живой примѣръ извѣстной тактики іезуитскихъ орденовъ, говоря о которыхъ, въ своемъ наказѣ генераламъ Каховскому и Кречетникову, Императрица Екатерина II повелѣла: „наипаче недреманно смотрѣть за ними, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ“. Крайняя неудовлетворительность этого Положенія признана, нѣсколько позднѣе, какъ мы увидимъ ниже, и самимъ правительствомъ.

Сами евреи и владѣльцы имѣній не имѣли, ни способовъ, ни, весьма понятно, желанія къ осуществленію сказаннаго переселенія въ такихъ громадныхъ размѣрахъ.¹⁾ Поэтому, для строгаго выполненія этой мѣры къ назначенному сроку, предвидѣлась скорая надобность въ содѣйствіи властей, безъ всякихъ снисхожденій къ просьбамъ евреевъ и ихъ семействъ.

Въ виду насилій, какими выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень необходимо должно было сопровождаться, съ имущественными для нихъ ущербами и потерями, къ вознагражденію которыхъ правительствомъ не было указано источниковъ и средствъ, а также крайней сомнительности въ пользѣ такой мѣры, не только для городовъ и мѣстечекъ, но и для самихъ селеній, при неудобствахъ, какія она, въ то же время, представляла, по случаю тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, побудили мѣстныя губернскія начальства войти съ ходатайствами, если не объ отмѣнѣ ея, то, по крайней мѣрѣ, объ ея отсрочкѣ на болѣе продолжительное время. Съ такими же ходатайствами обратились и нѣкоторыя еврейскія общества.

Вслѣдствіе этого, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о собраніи въ губерніяхъ, гдѣ евреямъ жить дозволено, депутатовъ, какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны помѣщиковъ, для истребованія отъ нихъ объясненій о способахъ приведенія, сколь возможно успѣшнѣе, Положенія о евреяхъ въ точное исполненіе.

Въ объясненіяхъ тѣхъ депутатовъ, представленныхъ на Высочайшее воззрѣніе военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска Эссеномъ, было изложено, что помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты, въ то время, по случаю войны, отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію жившихъ у нихъ евреевъ, въ назначенный срокъ, и что сами евреи, по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и по крайней бѣдности болѣе ихъ части, при платежѣ ими двойныхъ податей, возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ и другіе жизненные предметы, а также вслѣдствіе отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, не могли принять достаточныхъ мѣръ къ пріисканію себѣ земель, къ заведенію фабрикъ и къ переселенію изъ селъ и деревень. Почему,

¹⁾ По имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, число евреевъ, подлежащихъ вышеказанному выселенію, простиралось до 60,000 душъ.

сказанные депутаты и, согласно съ ихъ мнѣніемъ, мѣстныя начальства, какъ и прежде, ходатайствовали объ отсрочкѣ переселенія евреевъ на нѣсколько лѣтъ и о совершенной даже отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Положенія 1804 года.

По поводу этого, 19-го октября 1807 года воспослѣдовалъ, на имя военнаго губернатора Эссена, Именной указъ, въ которомъ сказано, что хотя «обстоятельства, съ войною сопряженныя, могли дѣйствительно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ затруднить и пріостановить переселеніе евреевъ въ теченіи срока, въ Положеніи предложеннаго, но затрудненія сіи могутъ быть на будущее время отвращены мѣрами постепенности и удобнѣйшаго въ переселеніи распорядка, безъ отмѣны общаго Положенія, коего дѣйствіе, для *благосостоянія обывателей тѣхъ губерній и для собственнаго благоустройства «еврейскаго народа»*, признано необходимымъ.

На этомъ основаніи, этимъ же Именнымъ указомъ, переселеніе евреевъ отсрочено на три года, начиная съ 1 января 1808 года и установленъ особый распорядокъ, съ тѣмъ, чтобы согласно съ нимъ переселеніе евреевъ было произведено безъ малѣйшаго отлагательства и послабленія. Распорядокъ заключался въ томъ, чтобы подъ особымъ надзоромъ и попеченіемъ военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, переселялась въ города третья часть евреевъ, живущихъ въ деревняхъ и селахъ, такъ, чтобы, по истеченіи трехъ лѣтъ, никого изъ нихъ тамъ не оставалось. Распредѣленіе евреевъ на партіи, для ежегоднаго ихъ выселенія, должно было производиться лично начальниками губерній, съ помощію губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ, по переписи евреевъ, предполагавшейся уже оконченною, на основаніи 30 и 31 ст. Положенія, съ тѣмъ, чтобы предназначеніе партій евреевъ къ выселенію было изготовляемо въ теченіи двухъ первыхъ мѣсяцевъ наступающаго года, а списки евреевъ, каждой изъ такихъ партій, сообщаемы, въ исходѣ февраля, министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ порядкѣ назначенія партій было предписано, чтобы къ выселенію прежде всего назначались евреи, имѣющіе въ городахъ и мѣстечкахъ свои дома, за тѣмъ евреи, въ мѣстахъ, гдѣ они содержали наибольшее число шинковъ и корчемъ, такъ чтобы ежегодно третья ихъ часть освобождалась отъ нихъ, а по истеченіи трехъ лѣтъ и всѣ они были освобождены отъ евреевъ; въ имѣніяхъ же, гдѣ содержалась евреемъ одна корчма, было предоставлено выводить его

на второй или на третій годъ срока, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства; если же въ имѣніи было нѣсколько корчемъ и шинковъ, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ, то предписано наблюдать, чтобы изъ нихъ всѣ евреи выселялись разомъ, въ предупрежденіе преимущественнаго въ торговлѣ подрыва однимъ помѣщикамъ передъ другими. Съ начала 1808 года было запрещено этимъ послѣднимъ принимать къ себѣ вновь евреевъ или возвращать уже высланныхъ, но разрѣшено корчмы и шинки отдавать въ содержаніе другимъ лицамъ, изъ чего можно заключить, что въ то время, за польскими помѣщиками какъ бы не признавалось на ихъ корчмы и шинки права полной собственности, съ которымъ нераздѣльно право свободного распоряженія своимъ имуществомъ. Кромѣ всего сказаннаго, помѣщикамъ и мѣстному начальству, подѣ страхомъ штрафовъ и взысканій, опредѣленныхъ 38 и послѣдующими статьями Положенія, было строго вмѣнено въ обязанность, чтобы назначенные къ переселенію евреи, въ срочный годъ, ни подѣ какимъ уже видомъ, въ селахъ и деревняхъ, откуда выселялись, терпимы не были. Для того же, чтобы открыть и обнадѣжить еще болѣе способы къ переселенію евреевъ, повелѣно учредить, подѣ предсѣдательствомъ губернаторовъ, особые комитеты, которымъ вмѣнено въ обязанность принимать всѣ мѣры, чтобы переселеніе это производилось безъ малѣйшаго послабленія и остановки. Въ должность членовъ комитета было повелѣно назначить лицъ изъ дворянъ, особое довѣріе заслуживающихъ, и не иначе, какъ съ утвержденія Высочайшей власти. Гражданскимъ губернаторамъ предписано о партіяхъ евреевъ, назначенныхъ къ переселенію, вносить въ тѣ комитеты списки, съ приложеніемъ особыхъ списковъ о тѣхъ евреяхъ, которые, по ихъ бѣдности, не были бы въ состояніи своими средствами размѣститься по городамъ и мѣстечкамъ. Въ видахъ ближайшаго облегченія способовъ переселенія, Комитеты были обязаны предлагать *каваламъ дѣлатъ денежныя складки*, для пособія переселенцамъ, поощрять помѣщиковъ, чтобы они, руководствуясь правилами Положенія, основывали на своихъ земляхъ колоніи изъ евреевъ и заводили фабрики, входить съ представленіями о пособіяхъ, какія отъ правительства нужны будутъ, поощрять также и евреевъ, имѣющихъ капиталы, къ учрежденію фабрикъ, наконецъ, представлять заблаговременно объ отводѣ казенныхъ земель, въ губерніяхъ новороссійскихъ, астраханской и кавказской, и о заимообразныхъ для этого ссудахъ евреямъ, для которыхъ не нашлось бы удобнаго

помѣщенія въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, на основаніи 17 ст. Положенія, всѣ прочія постановленія котораго повелѣно строго соблюдать, безъ всякаго послабленія (П. С. З., т. XXIX, № 22,651).

Такая сложная операція, по переселенію евреевъ, затруднилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что переписи евреямъ, на основаніи Положенія о нихъ, какъ видно изъ сенатскаго указа 24 февраля 1808 г., въ то время, не было еще произведено, такъ точно, какъ не было установлено надлежащаго еще порядка, относительно видовъ евреевъ, съ точнымъ обозначеніемъ въ нихъ ихъ званія, фамиліи и имени (П. С. З., т. XXX, № 22,837).

Въ тотъ самый годъ, когда, по вышеизложенному распорядку, должно было начаться выселеніе евреевъ, воспослѣдовала мѣра, которая угрожала евреямъ меньшей опасностью для ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, съ цѣлію умноженія и усиленія въ Западномъ краѣ выдѣлки суконъ, потребныхъ для снабженія ими арміи и войска, объяснилъ, между прочимъ, что по недостатку средствъ, и у правительства и у евреевъ, вслѣдствіе господствующей среди ихъ общей нищеты, для осуществленія предписанныхъ мѣръ къ ихъ переселенію, изъ деревень и селъ, въ города и мѣстечки, а также въ виду затрудненій, какія встрѣчаются на фабрикахъ, гдѣ выдѣлываются простыя солдатскія сукна, въ приисканіи достаточнаго числа рабочихъ, было бы весьма полезнымъ обратить туда евреевъ, предназначенныхъ къ переселенію, съ припискою ихъ къ фабрикамъ, въ родѣ крѣпостныхъ людей, гдѣ они, по мнѣнію министра, нашли бы для себя тотчасъ же жилища и вѣрное пропитаніе; въ случаѣ же неизъявленія ими на то добровольнаго желанія, *побудить ихъ къ тому, чрезъ мѣстное начальство*, т. е., другими словами, водворять ихъ на фабрикахъ насильственнымъ образомъ, не принимая даже въ расчетъ согласія или не согласія на то самихъ владѣльцевъ фабрикъ. Точно такимъ же образомъ, онъ, министръ, предполагалъ распорядиться и съ чиншевою польскою шляхтою, въ виду тоже крайней ея бѣдности. Изъ вѣдомости же, представленной имъ при своемъ докладѣ о суконныхъ фабрикахъ, существовавшихъ, въ то время, въ губерніяхъ: волынской, литовско-гроденской, минской, подольской, витебской и кіевской, усматривалось, что во всѣхъ этихъ губерніяхъ такихъ фабрикъ было числомъ всего 26, изъ которыхъ 6 принадлежали евреямъ.

Для умноженія числа такихъ фабрикъ въ Россіи, министръ предполагалъ учредить ихъ, посредствомъ евреевъ же, въ губерніяхъ малороссійскихъ, новороссійскихъ, астраханской и кавказской, съ выдачею имъ для того денежныхъ пособій; причемъ, въ всеподданнѣйшемъ докладѣ не было приведено соображеній, будетъ ли, по условіямъ сбыта сукна, учрежденіе тамъ сказанныхъ фабрикъ представлять какія либо выгоды для учредителей, которые воспользовались бы заимообразною ссудою отъ казны. Вмѣстѣ съ симъ, предполагалось также, для выработки суровья и снабженія ими суконныхъ фабрикъ, учредить центральныя правительственныя фабрики, одну въ черниговской, а другую въ пензенской губерніи, съ употребленіемъ на нихъ въ работы тоже приписныхъ евреевъ. Наконецъ, для облегченія и поощренія развитія суконнаго производства, предлагалось разрѣшить купцамъ, фабрикантамъ и всѣмъ вообще желавшимъ заводить суконныя фабрики право покупки крестьянъ, съ припискою ихъ также къ фабрикамъ, на извѣстное число лѣтъ, съ нѣкоторыми для такихъ крестьянъ льготами, относительно рекрутской повинности. Докладъ этотъ Высочайше утвержденъ, во всѣхъ его частяхъ, 30 Іюня 1808 г. (П. С. З., т. XXX, № 23,132).

Такимъ образомъ, мѣры, предложенныя въ этомъ докладѣ и правительствомъ принятыя, заключались, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ закрѣпощеніи, для пользы фабричнаго производства, части еврейскаго населенія, и въ распространеніи, съ этою же цѣлію, правъ крѣпостнаго владѣнія на состоянія, которыя, не принадлежали къ числу привилегированныхъ, тогда-какъ рабство и крѣпостное право начали, и въ то время, являться, въ понятіяхъ, формами, неудовлетворявшими уже чувствамъ справедливости и потребностямъ времени.

Имѣли ли предложенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ мѣры успѣхъ, на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ—неизвѣстно; но вскорѣ послѣ этого, а именно 23 Декабря того же 1808 г., другимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, княземъ Куракинымъ, всеподданнѣйше поднесена Государю особая записка, въ которой была изложена сущность всѣхъ донесеній мѣстныхъ начальствъ о затрудненіяхъ, какія встрѣчались по приведенію въ исполненіе установленной Положеніемъ о евреяхъ мѣры ихъ выселенія изъ селъ и деревень. Въ запискѣ этой, по поводу причинъ, препятствовавшихъ приведенію въ дѣйствіе 34 ст. Положенія о евреяхъ, сказано, между прочимъ, слѣдующее: «многія мѣстечки относятся къ городскимъ поселеніямъ лишь по имени и

переселенные туда евреи не могли бы найти рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни, по отсутствію въ нихъ промысловъ. Казенныхъ фабрикъ нѣтъ, частныхъ тоже мало. Казенныхъ земель, для поселенія на нихъ евреевъ, крайне недостаточно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣдніе живутъ: въ Гродненской губерніи, напримѣръ, есть всего 200 десятинъ земли, а въ первый же годъ, тамъ изъявили желаніе заняться земледѣліемъ нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ. Вообще, выселеніе это потребовало бы значительныхъ расходовъ и не можетъ быть произведено скоро, чему препятствуетъ сильная дороговизна во многихъ мѣстахъ и платежъ евреями двойныхъ податей, чрезмѣрно обременяющій ихъ».

Это и было причиною, что черезъ шесть дней послѣ доклада княземъ Куракинымъ вышесказанной записки, а именно 29 Декабря 1808 г., состоялся Именной указъ, данный литовскому военному губернатору, объ остановленіи дѣйствія, какъ 34 ст. Положенія о евреяхъ, такъ и вышеупомянутаго Именнаго указа 19 Октября 1807 г. о порядкѣ приведенія ея въ исполненіе, вслѣдствіе чего, евреи, впредь до дальнѣйшихъ о нихъ распоряженій, оставлены на ихъ жительство, по прежнему (П. С. З., т. XXX, № 23,424).

Между тѣмъ, черезъ семнадцать дней послѣ этого, а именно 5 Января 1809 года, Именнымъ же указомъ, даннымъ на имя Дѣйствительнаго тайнаго Совѣтника Попова, Высочайше повелѣно, вновь, о пріостановленіи переселенія евреевъ и объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ Попова, особаго Комитета, для изысканія мѣръ, посредствомъ которыхъ это переселеніе могло бы быть приведено въ дѣйствіе, съ назначеніемъ въ этотъ Комитетъ членами: Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Алексѣева, Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлева, Тайнаго Совѣтника, Сенатора, графа Потоцкаго и Статскаго Совѣтника Дружинина.

Въ вышеозначенномъ Именномъ указѣ, въ объясненіе мотивовъ и цѣли учрежденія того Комитета, сказано, между прочимъ, что со стороны губернскихъ начальствъ встрѣтились новыя препятствія къ выселенію евреевъ изъ селъ, деревень, постоянныхъ дворовъ и шинковъ, представляющія не только затрудненія, но и самую *невозможность* этой мѣры, и что во вниманіе къ тому стѣсненію, какому по донесеніямъ губернскихъ начальствъ «народъ сей» неминуемо долженъ подвергнуться, признается за *благо* дѣйствіе 34 ст. Положенія о евреяхъ, равно какъ и указа 19 Октября о постепенности ихъ переселенія,

приостановить впредь до новыхъ распоряженій; что намѣренія правительства заключаются въ томъ, чтобы всѣ, вообще, препятствія и затрудненія, встрѣтившіяся къ переселенію евреевъ, были въ совокупности разсмотрѣны, съ цѣлію принятія положительныхъ, въ этомъ отношеніи, мѣръ, на основаніи окончательныхъ, по этому предмету, соображеній; что невозможность осуществленія переселенія евреевъ, по мнѣнію правительства, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка денежныхъ къ тому средствъ, такъ-какъ сами евреи, по ихъ нищетѣ, не имѣютъ способовъ, по оставленіи настоящихъ ихъ жилищъ, устроиться и обзавестись необходимымъ въ новыхъ состояніяхъ, которыя они должны избрать, а «правительство, равнымъ образомъ, не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ»; что, поѣтому, предлежитъ изыскать мѣры, посредствомъ которыхъ, евреи, будучи устранены отъ единственного ихъ промысла, въ то время, въ селахъ и деревняхъ—продажи вина, по постояннымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы отыскивать себѣ пропитаніе работою (П. С. З., т. XXX, № 23,435).

Этимъ, для Комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Попова, была начертана краткая программа дѣйствія, изъ которой усматривается, что мѣра переселенія евреевъ, въ принципѣ, продолжала признаваться правительствомъ полезною въ государственномъ отношеніи, и что общій на этотъ предметъ взглядъ заключался въ томъ, что евреи, занимаясь по деревнямъ и селамъ, исключительно, продажею вина, живутъ тамъ только для развитія въ народѣ пьянства, безъ всякаго производительнаго труда. Изъ этого можно заключить, что правительствомъ какъ бы игнорировалось то обстоятельство, что евреи, кромѣ продажи питей, содержали тамъ въ арендѣ винокуренные заводы, земли и множество другихъ хозяйственныхъ построекъ, для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, а слѣдовательно, имѣли хозяйственный кругъ дѣятельности, которая сопряжена съ трудами, не заключавшимися въ одной продажѣ питей и не лишенными производительнаго характера.

Вышесказанный Комитетъ, посвятивъ три года, для разработки данныхъ, относящихся къ этому предмету, представилъ 17 февраля 1812 г. обширную о немъ записку.

Въ этой запискѣ, ея составители, отрѣшившись, на этотъ разъ, отъ исключительныхъ взглядовъ на евреевъ, внесли, впервые, въ правительственную сферу практическій элементъ по вопросу о евреяхъ,

и, подвергнувъ всестороннему, безпристрастному, обсужденію вопросъ объ ихъ выселеніи изъ селъ и деревень, въ связи съ дѣйствительными условіями жизни, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, представили данныя, изъ которыхъ ясно усматривалась вся непрактичность и бесполезность сказанной мѣры, для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, не говоря уже о ея негуманности, вообще. Въ соображеніяхъ Комитета, вполне выяснены взаимныя отношенія владѣльцевъ имѣній и евреевъ, положеніе тѣхъ и другихъ въ краѣ и настоящія причины развитія среди простаго народа пьянства, искорененіе котораго служило главнымъ предлогомъ, для принятія правительствомъ мѣръ, которыя предписывались 34 ст. Положенія 1804 г. Изъ фактовъ, Комитетомъ представленныхъ, обнаруживалось, что причиною пьянства были не столько евреи, сколько то обстоятельство, что винокурение, составляя, издавна, привилегію помѣщиковъ и необходимую принадлежность ихъ хозяйствъ, являлось главнымъ и самымъ вѣрнымъ источникомъ ихъ доходовъ. Съ удаленіемъ евреевъ отъ содержанія корчемъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, по мнѣнію Комитета, продавцами вина, въ качествѣ цѣловальниковъ, сдѣлались бы крестьяне, послѣдствіемъ чего было бы уменьшеніе не пьянства, но только числа земледѣльцевъ. Крестьянинъ, имѣвшій, въ то время, возможность продавать свой хлѣбъ еврею на мѣстѣ, долженъ былъ бы тогда отправляться для этого въ городъ, дѣлать лишнія на это затраты, а вырученныя, деньги могъ бы, точно такимъ же образомъ, какъ и прежде, пропивать у евреевъ въ городѣ, или у своихъ же крестьянъ въ деревнѣ. Еврей, торговавшій въ корчмахъ, шинкахъ и постоялыхъ дворахъ, не однимъ виномъ, но и чернымъ товаромъ, какъ-то: солью, желѣзомъ и т. п., давалъ возможность крестьянину запасаться всѣмъ этимъ на мѣстѣ; при удаленіи же евреевъ изъ селъ и деревень, такая мелочная торговля или совсѣмъ въ деревняхъ и селахъ извелась бы, или же попала бы въ неумѣлыя руки крестьянъ, въ ущербъ земледѣлія и ихъ собственныхъ выгодъ, такъ-какъ имъ пришлось бы, для закупки сказанныхъ предметовъ, ѣздить въ городъ и обращаться тамъ за этимъ тоже къ евреямъ. Это имѣло бы, конечно, вліяніе на значительное вздорожаніе предметовъ, первой потребности для нихъ, особенно въ виду меньшей ихъ оборотливости въ дѣлахъ, какую имѣютъ евреи. Бѣдность крестьянъ въ Бѣлоруссіи, по мнѣнію Комитета, происходила, равнымъ образомъ, не отъ евреевъ, въ подтвержденіе чего, Комитетъ привелъ

то обстоятельство, что въ Юго-Западномъ краѣ, хотя есть тоже значительное число евреевъ, но это нисколько не препятствуетъ крестьянамъ находиться въ несравненно лучшемъ положеніи. Пока бѣлорусскіе помѣщики будутъ поставлены въ необходимость придерживаться своей системы хозяйства, покровительствующей пьянству, зло это, по мнѣнію Комитета, возрастало бы совершенно независимо отъ того, кто будетъ шинкаремъ—*еврей или крестьянинъ*. Въ доказательство этого, Комитетомъ приведены, въ примѣръ, губерніи: петербургская, лифляндская и эстляндская, гдѣ евреевъ совсѣмъ нѣтъ, а между тѣмъ пьянство тамъ очень велико. Поэтому, по мнѣнію Комитета, на ослабленіе пьянства могли бы подѣйствовать измѣненія тѣхъ условій, въ какихъ, вообще, находилась тамъ торговля виномъ, — условій, дѣлавшихъ эту торговлю самою выгодною статьею дохода въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а это зависѣло, преимущественно, отъ самаго правительства. Устраненіе же евреевъ отъ нея имѣло бы только послѣдствіемъ замѣну ихъ крестьянами, которые, для извлеченія наивозможно большаго дохода отъ этого промысла, были бы поставлены въ необходимость дѣлать тоже, что и евреи. При этомъ, Комитетомъ приведены еще данныя, которыя подтверждали тотъ фактъ, что евреи, при всей ихъ способности и привычкѣ къ торговлѣ виномъ, никогда не обогащались ею, но только кое-какъ перебывались этимъ средствомъ. Обратитъ всѣхъ евреевъ въ купцовъ и ремесленниковъ, съ ограниченіемъ ихъ дѣятельности одними городами и мѣстечками въ губерніяхъ, гдѣ они имѣютъ постоянное жительство, по мнѣнію Комитета, равнымъ образомъ, было бы невозможнымъ, по той простой причинѣ, что тамъ нѣтъ спроса на такую массу торговаго и ремесленного труда. Такимъ образомъ, Комитетъ пришелъ къ заключенію, что невозможность переселенія евреевъ въ города зависитъ не отъ ихъ упорства и не отъ послабленія начальства, но отъ естественнаго положенія вещей, въ тѣхъ губерніяхъ; почему Комитетъ полагалъ необходимымъ совсѣмъ отмѣнить 34 ст. Положенія о евреяхъ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ Комитетомъ данныхъ ясно усматривалось,

¹⁾ Достойно замѣчанія, что въ настоящее время, т. е. спустя 70 лѣтъ послѣ заключеній вышесказаннаго Комитета, въ этомъ же смыслѣ, высказались многія официальные лица, въ мѣстахъ осѣлости евреевъ, по поводу предполагавшихся подобныхъ же мѣръ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень.

что выселеніе евреевъ, изъ селъ и деревень, въ города и мѣстечки, гдѣ тогда численность евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, по отношенію къ общему тамъ населенію, была уже велика, составляла мѣру, равносильную какъ бы обреченію значительной ихъ части на голодную смерть. Въ виду этого, правительство признало болѣе полезнымъ пріостановиться съ сказаною мѣрою и на ней болѣе не настаивать. Хотя, вслѣдствіе этого, до 1823 г., т. е. до самого почти конца царствованія Императора Александра I, не встрѣчалось уже попытокъ къ повсемѣстному въ Западномъ краѣ выселенію евреевъ изъ селъ и деревень; но 34 ст. Положенія, въ законодательномъ порядкѣ, отмѣнена не была и продолжала, поэтому, до изданія, въ 1835 году, новаго Положенія о евреяхъ, имѣть силу и значеніе дѣйствующаго закона.

Такимъ образомъ, постоянная, тогда, возможность примѣненія этого закона вися надъ головами евреевъ, какъ мечъ Дамокла, подрывала, въ принципѣ, къ вреду главнымъ основамъ общаго благосостоянія, коренныя узаконенія о правѣ частной собственности и силѣ договоровъ, основанныхъ на свободномъ соглашеніи сторонъ, не только по отношенію къ евреямъ, но и другимъ подданнымъ.

Это повлекло за собою явныя отступленія отъ началъ гражданскаго правосудія со стороны и высшихъ правительственныхъ органовъ. Живой примѣръ этого представляетъ, между прочимъ, сенатскій указъ 21 декабря 1805 года, объ уничтоженіи контрактовъ, заключенныхъ съ евреями на отданныя имъ въ содержаніе казенныя оброчныя статьи.

Изъ указа этого видно, что многія изъ казенныхъ оброчныхъ статей, въ черниговской губерніи, предоставленныхъ мірскимъ обществамъ въ пользованіе на казенныхъ земляхъ, съ правомъ отдачи ихъ въ содержаніе постороннимъ лицамъ, такія, какъ рыбныя ловли, ярмарочныя мѣста и мельницы, были отданы тѣми обществами, еще до изданія Положенія о евреяхъ, въ содержаніе этимъ послѣднимъ, по формальнымъ съ ними контрактамъ; причемъ, изъ мельницъ, многія были предоставлены имъ, по этимъ контрактамъ, на выстройку. Сроки большей части такихъ контрактовъ продолжались далѣе срока винныхъ откуповъ, совпадавшаго, въ то время, съ срокомъ, опредѣленнымъ 34 ст. того Положенія, для выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, въ малороссійскихъ губерніяхъ, т. е. съ 1 числомъ января 1807 г. Постановленія, содержавшіяся въ 37 и 38 ст. того же

Положенія, о прекращеніи обязательной силы контрактовъ и договоровъ съ евреями, къ данному случаю не могли, въ сущности, имѣть никакого примѣненія, такъ-какъ въ нихъ разумѣлись лишь контракты и долговыя обязательства, по предмету продажи вина, съ которой вышесказанныя оброчныя статьи не имѣли ничего общаго, потому-что они отдавались въ содержаніе совершенно отдѣльно отъ виннаго откупа, т. е. безъ права продажи вина, которая на рыбныхъ ловляхъ, ярмарочныхъ мѣстахъ и мельницахъ не могла имѣть и мѣста. По этой же причинѣ, къ содержанію этихъ оброчныхъ статей не могли имѣть примѣненія правила и по питейному откупу. Не взирая на это, казенная палата вошла съ представленіемъ въ министерство финансовъ, въ которомъ, не объясняя никакихъ злоупотребленій со стороны евреевъ, относительно тайной или явной ими продажи вина, при ихъ занятіяхъ по содержанію тѣхъ оброчныхъ статей, находила, что контракты, по ихъ содержанію, слѣдовало бы уничтожить, «примѣняясь» къ контрактамъ съ казною по виннымъ откупамъ, въ которыхъ было включено условіе о правѣ казны рассчитывать съ откупщикомъ, во всякое время, безъ его на то согласія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, палата сослалась еще на то обстоятельство, что отдача изъясненныхъ оброчныхъ статей въ содержаніе именовалась въ законѣ и распоряженіяхъ правительства тоже откупомъ. По поводу этого, тогдашній Товарищъ Министра Финансовъ Гурьевъ входилъ съ представленіемъ въ Сенатъ, въ которомъ, соглашаясь съ мнѣніемъ палаты, что изъ сказанныхъ контрактовъ мірскихъ обществъ съ евреями, тѣ, которые продолжаются далѣе срока, опредѣленнаго для высылки евреевъ изъ селъ и деревень, въ Малороссійскихъ губерніяхъ, т. е. далѣе 1 января 1807 года, не могутъ оставаться въ силѣ и подлежатъ уничтоженію, затруднился только, относительно мельницъ, которыя были отданы евреямъ на выстройку, такъ-какъ на этотъ предметъ ими могли быть сдѣланы денежные затраты, а слѣдовательно, при уничтоженіи силы контрактовъ, они могли бы понести убытки. Справедливость требовала, конечно, въ виду явнаго нарушенія предполагавшеюся казенною палатою мѣрою коренныхъ узаконеній о частной собственности и силѣ договоровъ, не допускать подобной мѣры, какъ несправедливой и сопряженной съ явными убытками, не только для евреевъ, но и для мірскихъ обществъ, что было бы вполне согласно и съ точнымъ смысломъ 37 и 38 ст. Положенія 1804 года,—или, по крайней мѣрѣ, повергнуть

это обстоятельство на Высочайшее воззрѣніе. Но Сенатъ, потому только, что дѣло шло о евреяхъ, предпочелъ отступить отъ общихъ началъ гражданскаго правосудія и согласиться съ доводами казенной палаты, разъяснивъ указомъ, путемъ истолкованій, что всѣ вообще ихъ контракты, какъ съ казною, такъ и съ крестьянскими обществами, съ наступленіемъ 1807 года, силы имѣть уже не могутъ, не установивъ, при этомъ, никакого порядка, относительно вознагражденія крестьянъ и евреевъ, которые потерпѣли бы отъ этого убытки (П. С. З., т. XXVIII, № 21967).

Изъ всего вышесказаннаго видно, что законъ 1804 года, не улучшивъ, ни въ чемъ, гражданскаго положенія евреевъ, ставилъ ихъ въ полную зависимость отъ произвола судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ властей, черезъ что лишалъ ихъ, въ сущности, даже того покровительства законовъ, которое имъ обѣщано 42 ст. того закона, въ числѣ евреевъ, «по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающихъ».

Съ другой стороны, вслѣдствіе принятаго правительствомъ общаго взгляда на нихъ, какъ на народъ пришлый, чужеземный, съ которымъ оно не можетъ имѣть дѣла иначе, какъ въ лицѣ ихъ отдѣльныхъ обществъ, прерогатива ихъ самоуправленія, Положеніемъ 1804 г., не только не ограничена, но нѣкоторымъ образомъ даже расширена, присвоеніемъ ихъ кагаламъ, силою закона, административной надъ ихъ единовѣрцами власти, по многимъ предметамъ общественнаго и даже государственнаго порядка.

Изъ 54 ст. Положенія о евреяхъ видно, что еврейскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ кагаловъ, предоставлено, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, отдѣльное податное управленіе, съ правомъ завѣдыванія и распоряженія всѣми общественными сборами и особою по нимъ отчетностію. При этомъ, за еврейскими обществами и ихъ кагалами оставлены всѣ права по управленію и завѣдыванію дѣлами ихъ вѣры, къ предметамъ которыхъ относились и еврейскія школы.

Такимъ образомъ, къ кругу правъ и обязанностей кагаловъ, уѣздныхъ и губернскихъ, относились слѣдующіе предметы: приписка евреевъ къ ихъ обществамъ, метрика, ревизскія сказки, участіе въ производствѣ переписей, паспорта и виды, выдаваемые евреямъ, общественныя раскладки, для взиманія государственныхъ податей и сборовъ, рекрутская повинность, продолжавшаяся отбываться ими деньгами, общественные сборы, въ томъ числѣ и ко-

робочный, всѣ учрежденія ихъ вѣры, общественное призрѣніе дряхлыхъ и убогихъ евреевъ и безпріютныхъ ихъ дѣтей, благотворительныя заведенія и, можно сказать, народное образованіе среди ихъ единовѣрцевъ, такъ-какъ оно ограничивалось, въ то время, одними еврейскими школами, состоявшими, по прежнему, въ исключительномъ вѣдѣніи самихъ евреевъ, безъ всякаго контроля со стороны правительства.

Административное значеніе кагаловъ усиливалось еще и самыми отношеніями къ нимъ правительственной власти. Такъ, изъ приведеннаго выше Именнаго указа 19 Октября 1807 г. видно, напри-мѣръ, что правительство относилось къ нимъ, какъ самостоятельнымъ органамъ еврейскаго общественнаго управленія, по дѣламъ, касавшимся выселенія евреевъ изъ селъ и деревень. Изъ другаго сенатскаго указа, вослѣдовавшаго 28 февраля 1819 года, усматривается, что по встрѣтившемуся вопросу о мѣрахъ общественнаго призрѣнія, вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ кагаловъ въ подольской губерніи отъ приписки къ своимъ обществамъ многихъ старыхъ, дряхлыхъ и убогихъ евреевъ обоего пола, а также безпріютныхъ дѣтей разнаго возраста, было потребовано заключеніе тамошняго губернскаго кагала, которое принято Сенатомъ въ основаніе его опредѣленія, состоявшагося по этому дѣлу (П. С. З., т. XXXVI, № 27700).

Такое значеніе кагаловъ дало даже поводъ къ возбужденію вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли ихъ, нѣкоторымъ образомъ, уравнивать съ органами правительственной власти, чрезъ освобожденіе ихъ отъ платежа вѣсовыхъ денегъ, за пересылку пакетовъ въ присутственныя мѣста. Хотя Сенатомъ, до котораго доходило дѣло, по подобному вопросу, онъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. отказомъ кагаламъ въ освобожденіи ихъ отъ платежа тѣхъ денегъ; но изъ сенатскаго указа, состоявшагося, по этому предмету, 20 января 1807 года, видно, что этимъ учрежденіямъ, по взглядамъ на нихъ правительства, было присвоено значеніе *отдѣльныхъ въ государство сословныхъ органовъ еврейскаго народа*, что составляло для этого послѣдняго очевидное преимущество или прерогативу передъ подданными всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, такъ-какъ ни для одного изъ сословій, по различію законовъ вѣры, подобнаго органа не существовало (П. С. З., т. XXIX, № 22432).

Вслѣдствіе этой прерогативы и другихъ, присвоивавшихся еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ, широкихъ правъ по управле-

нію, независимо отъ религіозныхъ дѣлъ, еще многими другими дѣлами, касающимися лица и имущества ихъ единоувѣрцевъ, самовластію кагаловъ не было почти предѣловъ. Это было замѣчено, какъ уже сказано выше еще Державинымъ, но, нужно полагать, судя по содержащимся въ Положеніи 1804 г. постановленіямъ, безъ достаточнаго себѣ уясненія, какъ имъ, такъ и прочими членами Комитета, составившаго это Положеніе, что главная причина сказаннаго самовластія скрывается въ присвоенной евреямъ вѣроисповѣдной, и вмѣстѣ какъ бы національной, прерогативѣ существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльно устроенныхъ еврейскихъ обществъ.

Подчиненность евреевъ кагаламъ, какъ религіозно-административнымъ органамъ ихъ обществъ, при такихъ условіяхъ, была почти рабскою, и этому содѣйствовала, преимущественно, тѣсная зависимость, въ какую они были поставлены отъ ихъ власти самимъ закономъ, по платежу податей, денежной рекрутской повинности и множества различныхъ общественныхъ сборовъ, въ томъ числѣ и корбочнаго, по отношенію къ которымъ, кагалы, на основаніи Положенія о евреяхъ, не имѣли никакого другаго надъ собою контроля, кромѣ контроля: въ городахъ—городничихъ, въ казенныхъ селеніяхъ—исправниковъ, а въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ—помѣщиковъ.

Хотя по поводу возникшаго по гродненской губерніи одного частнаго дѣла, корбочный сборъ, указанными Сенатомъ правилами, былъ приведенъ въ нѣкоторый порядокъ, но лишь по вышесказанной губерніи; въ прочихъ же мѣстахъ постоянной осѣдности евреевъ, сборъ этотъ оставался въ прежнемъ видѣ, завися вполне отъ кагаловъ.

Униженное, деградированное положеніе, какое евреи занимали въ составѣ общаго народонаселенія, по установившимся на нихъ, съ самаго начала, взглядамъ правительства, и ни въ чемъ кореннымъ образомъ не измѣнившимся, и тѣсная, впоследствии, ихъ зависимость отъ произвола, съ одной стороны, ихъ кагалныхъ управленій, а съ другой—мѣстныхъ полицейскихъ властей, а также чрезмѣрное, въ тоже время, отягощеніе ихъ государственными и общественными сборами, не могли, конечно, повести ни къ чему иному, какъ къ матеріальному ихъ истощенію и общему упадку ихъ нравовъ. Такимъ образомъ, вся масса еврейскаго населенія приводилась въ нищету и деморализировалась, путемъ исключительныхъ мѣръ, самимъ правительствомъ, деморализируя собою, въ тоже время, мѣстныя власти и, отчасти, самихъ жителей, съ которыми вся эта масса приходила въ

ежедневныя столкновѣнія. Очевидно, поэтому, что съ одной этой уже стороны, законъ 1804 г. представлялся совершенно несогласованнымъ съ нравственными и матеріальными интересами государства.

При такомъ порядкѣ вещей, отъ евреевъ не зависѣвшемъ, замѣчавшаяся въ нихъ, издавна, склонность, подъ вліяніемъ подобныхъ условій, къ племенной и религіозной сосредоточенности, не могла, конечно, ослабнуть, но по естественнымъ законамъ о взаимномъ противодѣйствіи силъ, должна была получить еще большую энергію, поддержанію которой содѣйствовало не мало воспрещеніе, подъ страхомъ строгихъ наказаній, брачныхъ съ евреями союзовъ христіанъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій.

Одни эти доводы достаточно, кажется, убѣждаютъ, что приписывать причину религіозно-племенной, въ то время, отчасти и теперь, сосредоточенности у насъ евреевъ, съ непріязненными, быть можетъ, оттѣнками къ странѣ и окружающему ихъ христіанскому населенію, а также общаго упадка нравовъ евреевъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, особенно въ районахъ, граничащихъ съ сосѣдними державами, исключительно, самимъ евреямъ и ихъ религіозно-созерцательнымъ взглядамъ на себя, значило бы, изъ тѣхъ или другихъ личныхъ своихъ видовъ, закрывать глаза себѣ и другимъ, съ цѣлью упорнаго преслѣдованія тенденціозныхъ о нихъ взглядовъ и понятій. Не нужно быть защитникомъ евреевъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, что съ государственной точки зрѣнія, организація, истощающая, приносящая и деморализующая многочисленный классъ людей, неустрашимыхъ изъ состава общаго народонаселенія и имѣющихъ для государства значеніе платящихъ подати единицъ, не можетъ быть терпима. Какъ ни смотрѣть на евреевъ, но нельзя, однако, отвергать тотъ несомнѣнный фактъ, что они люди, имѣющіе, какъ и всѣ, свои личные и семейныя привязанности, свои печали и радости, свои нужды и потребности, — люди, которые подобно всѣмъ, одарены свойствами ума и сердца, направленіе которыхъ, въ дурную или хорошую сторону, зависѣло и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ народнаго воспитанія и условій гражданскаго быта, среди которыхъ они живутъ. Но при томъ общественномъ положеніи, въ какомъ находились, въ то время, евреи, каждый изъ нихъ, можно сказать, съ колыбели усвоивалъ себѣ понятія о непріязненныхъ къ нему и его единовѣрцамъ отношеніяхъ закона и властей страны, въ которой ему пришлось родиться, приходилось и умирать. Подростая, онъ видѣлъ

и начиналъ понимать всю удручающую тягость жизненныхъ условій, въ какія, вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами, онъ былъ поставленъ законами государства и его администраціей, единственно потому, что онъ еврей. Онъ съ самаго ранняго возраста могъ вполнѣ сознавать свою и его единовѣрцевъ зависимость отъ личнаго произвола городничаго и другихъ полицейскихъ чиновъ, безпрестанно нарушавшихъ священныя права ихъ домашняго очага, безцеремоннымъ вторженіемъ въ ихъ дома и семейства, являясь тамъ то друзьями, то врагами, смотря по ихъ денежнымъ средствамъ къ откупу отъ разныхъ законныхъ и незаконныхъ ихъ требованій и притязаній къ нимъ. Возмужавъ, каждый еврей ощущалъ и испытывалъ, на самомъ себѣ, всю нравственную и матеріальную невыгоду различій въ его правахъ отъ прочихъ гражданъ. Въ то время, какъ эти послѣдніе свободно пользовались всѣми прирожденными человѣку правами, онъ чувствовалъ себя, сравнительно съ людьми, равныхъ съ нимъ состояній, несравненно болѣе связаннымъ на всѣхъ поприщахъ своей частной и общественной дѣятельности. Для прочихъ людей, такихъ же податныхъ состояній, какъ и онъ самъ, былъ открытъ закономъ, въ извѣстномъ порядкѣ, свободный доступъ къ избранію мѣста жительства и рода занятій на всемъ пространствѣ государства и во всѣхъ сферахъ гражданской и политической жизни, съ возможностью выбытія даже изъ податнаго состоянія; для еврея же, въ противоположность этому, гражданская и политическая его дѣятельность была ограничена исключительно правами податнаго состоянія, въ которомъ, съ прочими своими единовѣрцами, онъ былъ замкнутъ какъ бы на вѣчныя времена, подобно тому, какъ, по отношенію къ правамъ жительства, онъ былъ замкнутъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ извѣстной мѣстности государства. На торговую и промышленную конкуренцію съ его стороны, при такомъ даже тѣсномъ кругѣ его занятій, смотрѣлось какъ на эксплуатацію мѣстныхъ жителей, какъ на преступленіе противъ частныхъ правъ гражданъ и самаго государства. Онъ чувствовалъ, что отъ него требовалось, въ сущности, то, чего не требовалось, и не могло требоваться, ни отъ кого изъ торговыхъ и промышленныхъ людей, а именно, чтобы, во избѣжаніе подрыва имъ, онъ добровольно отказывался отъ конкуренціи съ ними, т. е. другими словами, чтобы онъ пересталъ снискивать себѣ пропитаніе торговлею, промыслами и ремеслами, или чтобы при такихъ занятіяхъ не понижалъ рыночныхъ цѣнъ на товаръ и издѣлія, дабы дать хри-

стіанамъ купческаго и промышленнаго класса возможность успѣшнѣ сбывать предметы потребленія. Между тѣмъ такого рода требованіями, въ интересахъ торговыхъ и промышленныхъ классовъ, христіанскихъ и даже нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, приносились какъ бы въ жертву, неизвѣстно зачѣмъ и почему, интересы самаго многочисленнаго класса людей—класса потребителей. Возмужавшій еврейскій юноша вполне понималъ также, что хотя, съ одной стороны, правительство поощряетъ его къ земледѣлію и хлѣбопашеству, но, съ другой стороны, онъ ставитъ этотъ родъ занятій въ условія, которыя дѣлаютъ ихъ для него почти недоступными, вслѣдствіе стѣсненія, въ то же время, свободы его дѣятельности по избранію выгодныхъ для того мѣстностей и по сбыту сельскихъ произведеній. Онъ не могъ не отдавать себѣ отчета, что все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ одной и той же причины—отъ того, что низшія и высшія власти смотрятъ на все еврейское населеніе, какъ на совершенно особый въ государствѣ народъ, имѣющій какъ бы временное въ немъ пребываніе, даже въ мѣстахъ, гдѣ оно освящено, такъ сказать, вѣками,—на народъ, слѣдовательно, совершенно чуждый странѣ и при томъ отверженный, отдѣльныя личности котораго, потому только, что они евреи, недостойны пользоваться одинаковыми съ прочими подданными законами, ни въ отношеніи ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, ни въ отношеніи свободы труда, ни въ отношеніи даже примѣненія къ нимъ общественною властію точныхъ началъ гражданскаго правосудія и справедливости. Наконецъ, на возрѣніе каждаго еврея о непріязненныхъ къ нему и его единовѣрцамъ отношеніяхъ закона и власти, не могли не подѣйствовать пагубно и появившіяся мѣропріятія правительства, носившія на себѣ характеръ средневѣковыхъ гоненій и насилій, заключааясь въ лишеніи ихъ издавна основаннаго ими для себя крова, въ деревняхъ и селахъ, безъ обеспеченія, въ то же время, такого же для нихъ крова и средствъ къ жизни въ городахъ и мѣстечкахъ, въ чемъ каждый изъ евреевъ имѣлъ, конечно, право видѣть, какъ бы преднамѣреніе правительства къ обреченію значительной массы его единовѣрцевъ, почти что сразу, на безпомощное положеніе, безъ всякихъ признаковъ попеченія о дальнѣйшей ихъ участи.

При тяготѣвшемъ надъ евреями общемъ гнетѣ ихъ исключительнаго положенія, соединеннаго съ подобными мѣрами насилія, можно сказать, что они всѣ, почти, находились, въ то время, въ стражду-

щемъ положеніи, подвергаясь произвольнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ, со стороны мѣстныхъ властей, какъ въ деревняхъ и селахъ, такъ и въ городахъ и мѣстечкахъ.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что мѣры, какія стали приниматься противъ евреевъ, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, относительно евреевъ, были своего рода *воспитательною* для нихъ *школою*, которая, по ея духу и направленію, никакъ не могла содѣйствовать ослабленію племенной и религіозной ихъ обособленности, ни обнаруживать благопріятнаго вліянія на распространеніе среди нихъ добрыхъ и хорошихъ нравовъ. Не слѣдуетъ, упускать изъ вида, что, при этомъ неблагопріятное вліяніе на нравы евреевъ необходимо обнаруживали еще два обстоятельства, правительствомъ достаточно непринятые, въ то время, во вниманіе: 1) невѣжественное состояніе общей массы евреевъ, хотя общее образованіе въ принципѣ, было признано для нихъ необходимымъ и 2) появленіе среди евреевъ массы людей, остававшихся безъ опредѣленныхъ занятій, вслѣдствіе избытка торговой и промышленной конкуренціи, незамедлившаго проявиться въ многочисленныхъ центрахъ еврейскаго населенія. Чѣмъ болѣе, при такихъ условіяхъ, принималось мѣръ къ стѣсненію правъ евреевъ и разнаго рода насиліямъ надъ ними, тѣмъ большую склонность обнаруживали они къ отчужденности отъ прочаго населенія, тѣмъ строже держались они своихъ вѣрованій и внѣшнихъ формъ своего закона, ей содѣйствовавшихъ. Это было столь же естественно, какъ естественна тѣсная и неразрывная связь между причиною и ея слѣдствіемъ.

Не взирая на всю очевидность этого, причина отчужденнаго состоянія евреевъ, въ то время приписывалась, однако, ихъ талмуду и черпавшемуся ими оттуда нравоученію.

Поэтому въ правительствѣ проявилась склонность къ отклоненію евреевъ отъ талмуда, тогда-какъ цѣль эта, на самомъ дѣлѣ, путемъ правительственныхъ мѣръ, была недостижима и не вызывалась къ тому же, и дѣйствительною въ ней потребностью, потому-что не въ талмудѣ, исключительно, скрывалась причина нежелавшихся среди евреевъ явленій.

Выше было уже замѣчено, что передъ свѣтомъ общаго образованія, извращенныя толкованія Талмуда исчезаютъ какъ туманъ передъ лучами солнца, и что самыя вѣрованія евреевъ въ непреложность всего что сказано въ Талмудѣ значительно ослабѣваютъ. Это

явленіе подтверждается, въ наше время, несомнѣнными доказательствами. Подъ вліяніемъ просвѣщенія и философскихъ школъ VIII столѣтія, появилась, въ Западныхъ державахъ, среди евреевъ религіозная реформа, починъ которой принадлежитъ извѣстному философу того времени Мендельсону. Вслѣдствіе такого новаго направленія еврейскаго вѣроученія, масса евреевъ отпала отъ еврейской ортодоксіи, слѣпо державшейся талмуда и древнихъ обрядовъ еврейской вѣры. Эта религіозная реформа въ нѣдрахъ еврейства весьма сходственна съ отпаденіемъ нѣмецкаго протестантизма отъ ортодоксіи римско-католическаго вѣроисповѣданія. Нынѣ, въ кругу евреевъ, принадлежащихъ, тамъ, къ ихъ религіозной партіи, извѣстной подъ названіемъ партіи евреевъ—прогрессистовъ или новой еврейской школы (*Neue Schule* ¹⁾), талмудъ не имѣетъ инаго значенія, какъ религіозно-историческаго памятника о прошлыхъ судьбахъ еврейскаго народа,—памятника, изученію котораго предаются въ томъ кругѣ лишь немногіе изъ лицъ ученыхъ, по части древне-еврейской литературы и семитическихъ наукъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о положеніи евреевъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, видно, что еще въ то время, правительствомъ проведено рѣзкое различіе въ правахъ между евреями, слѣдующими талмуду, и караимами, ему не слѣдующими, изъ чего можно заключить, что начиная съ того царствованія, въ правительствѣ составилось уже нѣкоторое невыгодное понятіе о талмудѣ, какъ о такомъ религіозномъ источникѣ, въ которомъ содержатся вредные элементы для общественныхъ нравовъ евреевъ, препятствующие какъ бы ихъ уравнинію въ правахъ съ прочими подданными.

¹⁾ Въ 1850-хъ годахъ появилась и крайняя партія этой школы, главнымъ двигателемъ которой, признается весьма просвѣщенный и общеуважаемый въ Германіи еврей Гольдгеймъ. Подъ вліяніемъ общаго просвѣщенія, среди евреевъ, совершается, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ сближенія еврейскаго вѣроученія съ христіанскими исповѣданіями, такъ называемыхъ, свободныхъ толковъ или сектъ. Каждая изъ сказанныхъ еврейскихъ партій имѣетъ отдѣльныя религіозныя учрежденія и синагоги, изъ которыхъ, въ нѣкоторыхъ, богослуженіе происходитъ не по субботамъ, а по воскреснымъ днямъ, для избѣжанія всякихъ отличій отъ прочихъ жителей и помѣшательствъ въ отпращиваніяхъ общественной съ ними жизни. Ближайшія свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ въ религіозномъ бытѣ заграничныхъ евреевъ имѣются, между прочимъ, въ запискѣ автора настоящаго труда, командированнаго, въ 1858 году, за границу съ разрѣшенія бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, для изученія религіознаго быта тамошнихъ евреевъ.

Но при всемъ неблагопріятнымъ взглядѣ правительства на талмудъ, вслѣдствіе малой, въ то время, степени участія вѣдомства народнаго просвѣщенія въ народномъ образованіи евреевъ, взглядъ этотъ не имѣлъ тогда иныхъ послѣдствій, кромѣ укорененія въ правительственной сферѣ скрытаго религіознаго мотива къ стѣсненію и ограниченію гражданскихъ правъ евреевъ. Относительно талмуда, какъ и другихъ еврейскихъ книгъ религіознаго содержанія, не было принимаемо, въ то время, никакихъ особенно строгихъ мѣръ. Напротивъ, изъ Именнаго указа Императрицы Екатерины II, 22 іюня 1790 года, видно, что хотя евреямъ и былъ воспрещенъ привозъ, изъ Польши, духовныхъ еврейскихъ книгъ, но что этимъ же указомъ разрѣшено, «по знатному числу въ Бѣлоруссіи еврейскаго народа», учредить для нихъ особую типографію». На основаніи же Именнаго указа 5 октября 1797 г. и Высочайше утвержденнаго 11 декабря того же года доклада Сената, воспослѣдовавшихъ въ царствованіе Императора Павла I, въ Рижскую цензуру были опредѣлены два еврея, для разсмотрѣнія ввозимыхъ въ Россію книгъ на еврейскомъ языкѣ, съ назначеніемъ имъ опредѣленнаго содержанія (П. С. З., т. XXIII, № 16,877 и т. XXIV № 18,186 и 18,265).

При Императорѣ Александрѣ I, евреи, сравнительно, какъ выше объяснено, пользовались еще большею свободою, относительно обученія законамъ ихъ вѣры, по ихъ религіознымъ источникамъ. Талмудъ представлялъ, поэтому, въ то время, обширное поле для упражненій въ немъ евреевъ и ихъ вѣроучителей.

Въ виду этого, не лишне, теперь же, предпослать нѣкоторыя данныя и соображенія, по поводу взглядовъ на талмудъ и его отношенія къ религіозно-общественному быту евреевъ,—взглядовъ, вызвавшихъ въ царствованіе Императора Николая I, болѣе дѣятельныя мѣры къ общему образованію подданныхъ еврейскаго исповѣданія.

Возникшее однажды, со временъ Екатерины II, предубѣжденіе противъ талмуда, оно, какъ и всякое другое, основанное на свѣдѣніяхъ, достаточно не провѣренныхъ, съ теченіемъ времени, окрѣпло, укоренилось въ понятіяхъ и стало служить однимъ изъ мотивовъ правительственнаго образа дѣйствія, относительно его послѣдователей, къ которымъ, за исключеніемъ караимовъ, принадлежало все вообще ихъ населеніе, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи.

Для многихъ, не усвоившихъ себѣ настоящихъ причинъ явленій, относящихся къ этому предмету, талмудъ, по прежнимъ о немъ

понятіямъ, отчасти и настоящимъ, составляетъ такой источникъ религіознаго ученія, который вызываетъ потребность въ строгихъ мѣрахъ къ воспрепятствованію свободнаго его обращенія среди евреевъ. Съ точки зрѣнія такихъ лицъ, пока талмудъ не будетъ изъятъ изъ ихъ обращенія, путемъ принудительныхъ мѣръ, или пока евреи добровольно не отрѣшатся отъ своего взгляда на него, какъ на священный источникъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, не можетъ быть и рѣчи объ окончательномъ уравнианіи ихъ въ правахъ съ прочими подданными ¹⁾).

Но подобный взглядъ едва-ли имѣетъ, въ сущности, какія либо справедливыя основанія.

Чтобы отдать себѣ объ этомъ вполне ясный отчетъ, необходимо вникнуть, нѣсколько ближе, что такое талмудъ.

Сперва, въ официальной нашей сферѣ, не имѣлось никакихъ положительныхъ свѣдѣній о талмудѣ. Только въ новѣйшее время, не ранѣе царствованія Императора Николая I, правительствомъ признано нужнымъ ознакомиться ближе съ этимъ источникомъ религіознаго вѣроученія евреевъ. По незнанію призванными къ этому дѣлу должностными лицами древне-еврейскаго языка и другихъ семитическихъ языковъ, являвшихся необходимымъ пособіемъ для изученія талмуда,

¹⁾ Мнѣніе, высказанное въ этомъ смыслѣ, имѣется, между прочимъ въ одной официальной запискѣ, носящей заглавіе „докладъ по вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ“. По взгляду составителя ея, все еврейское вѣроученіе, основанное на талмудѣ, по своимъ противообщественнымъ и противогосударственнымъ началамъ, могло-бы быть подведено даже, сказано въ запискѣ, подъ рубрику упоминаемыхъ въ Уложеніи о Наказаніяхъ сектъ, враждебныхъ христіанству и православію. Но, въ этомъ отношеніи, составитель записки впадаетъ какъ - бы въ противорѣчіе съ самимъ собою; такъ-какъ, въ этой же запискѣ, имъ сознается въ одномъ мѣстѣ, что „фоліанты Талмуда, нараставшіе вѣками, заключаютъ въ себѣ много и нравственныхъ предписаній“, а въ другомъ мѣстѣ, что существующія въ Россіи двѣ религіозныя партіи евреевъ: *хассидовъ* и *миснаидовъ*, подъ вышесказанную рубрику сектъ подводить нельзя и не слѣдуетъ; тогда какъ объ эти партіи, будучи у насъ единственными и обнимая собою, слѣдовательно, все еврейское населеніе, держатся одинаково строго еврейскаго правовѣрія, основаннаго на талмудѣ, составляя, въ этомъ отношеніи, только части одного цѣлаго и различаясь между собою лишь по способу истолкованія духовнаго смысла содержащагося въ талмудѣ текста, а также по своимъ духовнымъ взглядамъ на его происхожденіе.

ознакомленіе съ нимъ было возможнымъ только посредствомъ немногихъ монографій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Между тѣмъ, авторы такихъ монографій, преимущественно изъ числа католиковъ или выкрестовъ изъ евреевъ, отчасти, по личной неприязни къ нимъ и ихъ вѣрѣ, отчасти, по расчетамъ личныхъ для себя выгодъ, не относились къ этому предмету съ надлежащимъ безпристрастіемъ, извращая, иной разъ, умысленно все что касалось еврейскаго вѣроученія. Вслѣдствіе этого, въ правительственной сферѣ составились весьма неточныя и сбивчивыя понятія о значеніи талмуда и его содержаніи, — понятія, изображавшія въ весьма невыгодномъ для евреевъ свѣтѣ самыя основы ихъ вѣроученія. По официальнымъ объясненіямъ о талмудѣ, сдѣланнымъ на основаніи вышесказанныхъ, весьма невѣрныхъ и ошибочныхъ, данныхъ, этотъ религіозно-историческій памятникъ состоитъ изъ двухъ частей: «Мишны», составленной въ 180 году по Р. Х., и «Гемары» — въ концѣ V вѣка; «Мишна» составляетъ комментарий къ Ветхому Завету, а «Гемара» — къ Мишнѣ. При семъ объясняется также, что, начиная съ V-го же вѣка, талмудъ продолжалъ имѣть и дальнѣйшіе комментарии, со стороны раввиновъ, пользовавшихся у евреевъ авторитетомъ, и что фоліанты, образующіе талмудъ, представляются, хранилищемъ правилъ жизни, вся сувокупность которыхъ выражается въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: 1, враждебное отношеніе ко всѣмъ другимъ народностямъ, въ особенности же къ *христіанамъ*, 2, уклоненіе отъ соблюденія законовъ страны и отъ исполненія общихъ прочимъ гражданамъ обязанностей и 3, преслѣдованіе евреями, въ ихъ соприкосновеніяхъ съ нееврейскимъ міромъ, исключительно, *вещественныхъ выгодъ*, какъ людьми, не связанными съ христіанами солидарностью, ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія все еврейское вѣроученіе, основанное на талмудѣ, получало значеніе нѣчто чудовищнаго, по своему противонравственному и противогосударственному направленію. Появлявшіяся, одновременно, сочиненія такихъ авторовъ, какъ Эйзенменгеръ, Лютостанскій, Серафимовичъ, Брафманъ и другіе, содѣйствовали укорененію въ общественной и правительственной сферахъ подобныхъ убѣжденій, акредитовавшихъ въ глазахъ властей и ходившую молву о существованіи, будто, между евреями кроваваго обычая умерщвленія христіанскихъ дѣтей, для употребленія ихъ крови съ религіозными цѣлями, — молву, которой многіе изъ вышесказанныхъ авторовъ старались

придать значеніе вполне достовѣрнаго факта. Отсюда возникали огульныя обвиненія евреевъ, оправдывавшія и оправдывающія, отчасти, до сихъ-поръ, справедливость предпринимающихся, относительно ихъ, различныхъ ограничительныхъ мѣръ, какъ противъ зла, которому не слѣдуетъ давать распространяться по Россіи.

По новѣйшимъ же изслѣдованіямъ ученыхъ оріенталистовъ, къ которымъ нельзя не относиться съ полнымъ довѣріемъ, какъ знатокамъ древне-еврейскаго языка и литературы, и другихъ семитическихъ языковъ, талмудъ и основанное на немъ еврейское вѣроученіе вовсе не является такимъ, какимъ его изображали многія, несравненно менѣе компетентныя лица. Къ тому же, въ настоящее время, вслѣдствіе получившагося у насъ въ Россіи значительнаго развитія основательныхъ знаній по части древне-еврейскаго языка и литературы, особенно среди нашего духовенства, имѣющаго высшее духовное образованіе, справедливость мнѣній вышесказанныхъ оріенталистовъ можетъ, весьма легко, подлежать и провѣркѣ. Поэтому, нѣтъ и не можетъ быть основанія къ заподозрѣнію въ чемъ либо несправедливомъ выводѣ и заключеніи о талмудѣ, его значеніи и содержаніи, такого, напримѣръ, оріенталиста, какаго мы имѣемъ у насъ въ Россіи, въ лицѣ профессора С.-Петербургскаго университета Д. А. Хвольсона, преподававшаго многіе года еврейскій языкъ и въ С.-Петербургской Духовной Академіи ¹⁾).

¹⁾ Заслуженный профессор Д. А. Хвольсонъ, хотя происходитъ изъ евреевъ, но давно уже принялъ христіанство. Онъ занимаетъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ уже долгіе года кафедру еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго языковъ и литературы, и въ теченіи многихъ лѣтъ занималъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи кафедру еврейскаго языка и библейской археологіи. Пользуясь, по своимъ ученымъ работамъ, европейскою извѣстностію, г. Хвольсонъ состоитъ, вмѣстѣ, членомъ—корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, въ дипломѣ которой, выданномъ ему на это званіе, сказано: *Virum doctissimum rerum Semiticarum indigatorem sagacissimum* (мужу ученѣйшему изслѣдователю, остроумнѣйшему, по части семитическихъ наукъ). О глубокихъ его знаніяхъ, по этой части, имѣется самый лестный отзывъ одной изъ звѣздъ въ области науки—члена Французской Академіи, Катрмэра (*Quatremère*). Заслуживъ общее довѣріе и среди высшаго нашего духовенства, г. Хвольсонъ удостоился диплома, за подписью Высокопреосвященнаго Митрополита Исидора и всѣхъ членовъ совѣта Духовной Академіи, на званіе почетнаго ея члена; при чемъ, въ дипломѣ объяснено, что званіе это предоставляется ему, „въ уваженіе неутомимыхъ трудовъ, и высокихъ ученыхъ заслугъ въ области еврейской филологіи и библейскихъ и вообще семитическихъ древностей“.

Между тѣмъ, въ его сочиненіи: «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ», С.-Петербургъ, 1880 г., имѣются совершенно иныя объясненія, о талмудѣ, чѣмъ тѣ, которыя приведены выше. По объясненіямъ г. Хвольсона, вышеупомянутая «Мишна» вовсе не есть талмудъ, но представляетъ собраніе еврейскихъ религіозныхъ законовъ, составленное въ Іерусалимѣ во II вѣкѣ по Р. Х. Талмудомъ же именуется сборникъ, образовавшійся окончательно въ V столѣтіи по Р. Х., въ Вавилоніи, изъ поясненій и толкованій на Мишну, происходившихъ, равнымъ образомъ, въ Вавилоніи, гдѣ въ то время, какъ объясняется Г. Хвольсономъ, «было весьма мало христіанъ, и даже эти немногіе были, преимущественно, *несторіане*, *монофизиты*, *аріане* и т. п. еретики, изгнанные изъ Византійской имперіи. Составители талмуда имѣли, поэтому, мало случаевъ знакомиться съ христіанствомъ и христіанами, и такъ-какъ послѣдніе, притомъ, жили въ Персіи, какъ секта угнетенная, то евреи вовсе не обращали на нихъ вниманія». Вслѣдствіе этого, говоритъ г. Хвольсонъ, «въ Талмудѣ, какъ и Мишнѣ, не встрѣчается ни одного законоположенія или правила, которое было бы вызвано прямо христіанствомъ». Кромѣ Вавилонскаго Талмуда, есть еще, по его же объясненію, Талмудъ Іерусалимскій, составленный въ концѣ IV столѣтія по Р. Х., въ Палестинѣ, и содержащій тоже нѣчто въ родѣ комментаріевъ на Мишну. Но этотъ Талмудъ не пользуется у евреевъ такимъ авторитетомъ, какъ Талмудъ Вавилонскій, и даже весьма мало распространенъ между ними, такъ-что онъ имѣлъ, по настоящее время, всего 5 или 6 изданій, тогда-какъ число, болѣе или менѣе, полныхъ изданій Талмуда Вавилонскаго доходитъ до 63. По отношенію къ обязательной силѣ содержащихся въ Талмудѣ религіозныхъ правилъ, слѣдуетъ, по имѣющемуся въ сказанномъ сочиненіи Г. Хвольсона объясненію, различать «галаху» отъ «агады». «Первая—«галаха»,—сказано тамъ, занимается религіозными постановленіями и обрядами еврейскими, и евреи считаютъ извлеченные изъ галахическихъ преній результаты обязательными для себя. Вторая же—«агада»—имѣетъ экзегетически—легендарный и назидательный характеръ, и заключающіяся въ ней изреченія и мнѣнія считаются большею частію еврейскихъ авторитетовъ необязательными. Въ самомъ Талмудѣ можно найти мѣста, гдѣ важные раввинскіе авторитеты высказывались объ агадѣ пренебрежительно. Въ этой агадѣ находятся, въ самомъ дѣлѣ, возвышенныя философскія воззрѣнія ря-

домъ съ дѣтскими и нелѣпыми мнѣніями и легендами. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что многое изъ того, что находится въ агадѣ, встрѣчается также у нѣкоторыхъ древнихъ отцовъ церкви, какъ, напримѣръ, у *Иустина мученика*, *Ефрема Сирина*, *Иеронима* и др., которыхъ толкованіе Ветхаго Завѣта имѣетъ большое сходство съ агадическимъ толкованіемъ». Относительно сущности тѣхъ содержащихся въ Талмудѣ обязательныхъ для евреевъ постановленій древнихъ раввиновъ, которыя касаются иновѣрцевъ, Г. Хвольсонъ объясняетъ, что этими постановленіями признается, «что только израильтяне, какъ потомки Авраама, Исаака, и Іакова, съ которыми Богъ вступилъ въ Завѣтъ, обязаны исполнять законъ Моисея, а всѣ прочіе народы, напротивъ, обязаны соблюдать только семь заповѣдей Ноевыхъ, а именно: 1) не служить идоламъ, 2) не хулить Бога, 3) не убивать, 4) не грабить и не красть, 5) не совершать блудодѣяній или насилія, 6) не вкушать куска мяса, или члена, оторваннаго отъ живаго животнаго и 7) жить въ законносправедливомъ состояніи, т. е. имѣть судей и судилища, наказывать преступленія (какъ-то: воровство, грабежъ и смертоубійство), по мѣстнымъ законамъ, и проч. тѣ иновѣрцы, которые соблюдали упомянутыя семь заповѣдей Ноевыхъ назывались *гере-тошабъ* (т. е. прозелиты воротъ), черезъ принятіе этихъ заповѣдей пріобрѣтали право жительства въ Палестинѣ и должны быть, по раввинскимъ законамъ, во всѣхъ отношеніяхъ поставлены на ряду съ евреями» Уже во многихъ мѣстахъ Талмуда высказывается, что *нанъшине* (т. е. V вѣка) *народы не суть идолопоклонники*. Затѣмъ, не отвергая, что въ талмудѣ есть мѣста, которыя, будучи взяты отрывочно, могутъ давать поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ, Г. Хвольсонъ, въ доказательство, что коренное еврейское вѣроученіе основано на началахъ общественной нравственности, особенно по дѣламъ торговымъ и денежнымъ, между прочимъ, и при сношеніяхъ съ *христіанами*, приводитъ въ вышесказанномъ своемъ сочиненіи множество цитатъ изъ разъясненій и положеній самыхъ авторитетныхъ раввиновъ, жившихъ въ послѣ-талмудическое время, въ европейскихъ странахъ, среди христіанъ и строго, въ тоже время, державшихся талмуда. За симъ, въ противоположность имѣющимся мнѣніямъ о талмудѣ приходитъ къ слѣдующимъ, общимъ о немъ выводамъ: 1) «что древнѣйшая раввинская литература почти вовсе не знаетъ настоящаго христіанства, 2) что происхожденіе, распространеніе и

развитіе Талмуда, большая часть ученія котораго такъ сильно вліяла и отчасти вліяетъ еще и теперь на религіозную жизнь евреевъ, имѣли мѣсто въ *нехристіанскихъ* земляхъ, 3) что евреи, соотвѣтственно талмудическому ученію, обязаны смотрѣть на христіанъ, какъ на своихъ братьевъ, и исполнять, относительно ихъ, всѣ требованія гуманности, 4) что величайшіе еврейскіе авторитеты всѣхъ временъ и странъ положительно объявили, что христіане не могутъ быть сравниваемы съ идолопоклонниками, 5) что вслѣдствіе этого, различныя постановленія древнѣйшихъ раввиновъ, относительно язычниковъ не имѣютъ силы въ христіанскихъ земляхъ, 6) что многіе раввины не знали, какъ превознести благочестіе, добродѣтели и ученость христіанъ, 7) что нетерпимость къ другимъ религіямъ и иновѣрцамъ совершенно не въ духѣ раввинизма, и наконецъ 8) что противныя сказанному увѣренія враговъ евреевъ обязаны своимъ происхожденіемъ, частію недоразумѣніямъ, частію злонамѣренной враждѣ къ евреямъ» (стр. 59 и другія).

При такихъ условіяхъ содержанія талмуда и его связи съ религіозными преданіями евреевъ, ихъ вѣрованія въ него не могутъ быть поставлены имъ въ вину, а тѣмъ менѣе служить поводомъ къ ограниченіямъ ихъ гражданскихъ правъ. Для правительства можетъ быть важнымъ только то, что этотъ религіозно-историческій памятникъ, появившійся въ прежнія времена существованія еврейской націи, по разнохарактерности содержащихся въ немъ правилъ жизни и нравоученій, выработавшихся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ времени и мѣста, въ особенности же, по его многотомности и языку, требующему спеціальныхъ знаній, представлялъ прежде, представляетъ и теперь, весьма мало удобствъ для народнаго его изученія среди евреевъ, тѣмъ болѣе, что, теперь, мало кто изъ нихъ основательно знакомъ съ древнееврейскимъ языкомъ и его литературою. Вслѣдствіе этого, съ того времени, какъ еврейская нація утратила свою самобытность, а евреи разсѣялись по разнымъ странамъ свѣта и стали жить среди иновѣрныхъ для нихъ народностей, въ томъ числѣ, среди христіанъ, талмудъ сдѣлался доступнымъ общей массѣ евреевъ не иначе, какъ только при посредствѣ ихъ раввиновъ или еврейскихъ учителей, не имѣющихъ этого званія, но пріобрѣвшихъ у евреевъ, подъ именемъ меламдовъ, право на домашнее и школьное обученіе еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры. Малая доступность талмуда, для общей массы евреевъ, не только не отрицается, но

вполнѣ признается въ оффиціальныхъ объясненіяхъ о немъ, гдѣ, относительно этого, между прочимъ, сказано, что «кодексъ еврейскаго вѣроученія представляетъ такую массу текста, и столь же разнообразныхъ, сколь разнорѣчивыхъ предписаній, которую могутъ усвоить лишь весьма немногіе еврейскіе ученые». Но чѣмъ таинственнѣе талмудъ для народной массы евреевъ, тѣмъ, конечно, фанатичнѣе и упорнѣе ихъ вѣрованія въ него, какъ священную книгу своей вѣры, тѣмъ сильнѣе и вліяніе на массу еврейской черни еврейскихъ учителей. Изъятіе талмуда изъ обращенія среди евреевъ невысказано, по неудобоисполнимости такой мѣры; ограниченіе же ихъ правъ изъ за талмуда не политично, такъ—какъ это повело бы только къ усиленію фанатической преданности ему евреевъ, подобно тому, на примѣръ, какъ прежнія преслѣдованія нашихъ раскольниковъ нисколько не ослабляли упорства въ ихъ вѣрованіи древнимъ церковнымъ книгамъ и двуперстному кресту. Отсюда слѣдуетъ, что желаемое ослабленіе вѣрованій евреевъ въ талмудъ можетъ быть достигнуто только путемъ образованія, какъ еврейскихъ массъ, такъ, въ особенности, еврейскихъ вѣроучителей, что равнымъ образомъ не отрицается и въ имѣющихся оффиціальныхъ объясненіяхъ о талмудѣ, ибо въ нихъ, между прочимъ, сказано, что «степень упорности этого настроенія»—т. е., настроенія въ евреяхъ, основаннаго на предполагающихся въ талмудѣ противообщественныхъ и противогосударственныхъ началахъ,—«зависитъ, конечно, отъ условій мѣста и времени».

Понятно, какой широкій просторъ, для превратныхъ толкованій талмуда, долженъ былъ существовать въ то время, когда правительство не вмѣшивалось почти въ общее образованіе евреевъ, когда еврейскія школы были въ непосредственномъ завѣдываніи кагаловъ и когда еврейскіе вѣроучители были сами, большею частію, весьма невѣжественны и фанатичны, по своему религіозному настроенію. Они, въ большинствѣ случаевъ, могли ограничиваться и, по всей вѣроятности, ограничивались толкованіями содержащихся въ талмудѣ и неправильно ими усвоенныхъ афоризмовъ и изреченій и, такимъ образомъ, имѣли возможность проводить въ массу своихъ единовѣрцевъ совершенно произвольные взгляды на религіозно-нравственныя правила еврейскаго вѣроученія.

Толкованіе же отрывочныхъ мѣстъ, имѣющихся въ религіозныхъ книгахъ различныхъ народовъ, при обыкновенной неудовлетворительности самой редакціи ихъ текста, представляли всегда

весьма скользкій путь, на которомъ выводъ о смыслѣ того или другаго изреченія или афоризма зависѣли, преимущественно, отъ степени развитости истолкователя, его субъективныхъ воззрѣній и направленія его мыслей,—направленія, которое у людей мало образованныхъ бываетъ, обыкновенно, не столько просвѣщенно-религіознымъ, сколько суевѣрнымъ и даже изувѣрнымъ.

Кому неизвѣстно, что въ такой даже, священной, книгѣ, какъ наше Евангеліе, имѣются мѣста, текстъ которыхъ, будучи взятъ отдѣльно и истолкованъ буквально, безъ внутренней связи съ истинными началами христіанскаго ученія, служилъ поводомъ къ появленію въ народѣ весьма вредныхъ толковъ, сектъ и ересей, живой примѣръ которыхъ представляетъ намъ такая, напримѣръ, секта, какъ скопцы. Поэтому, неудивительно, что и объемистый талмудъ, въ рукахъ невѣжественныхъ его истолкователей, могъ также легко быть средствомъ къ сѣянію въ его послѣдователяхъ вредныхъ сѣмянъ.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, что не въ талмудѣ нужно искать главную причину нежелаемыхъ въ нравахъ и обычаяхъ евреевъ явленій, признающихъ препятствіями къ ихъ сліянію въ правахъ съ прочими подданными; но въ невѣжественномъ состояніи евреевъ и ихъ вѣроучителей.

Въ царствованіи Александра I, неправильныя толкованія талмуда, ко вреду нравственнаго воспитанія евреевъ, находили весьма благоприятную почву въ условіяхъ, въ какія ихъ общее образованіе было поставлено самимъ правительствомъ.

Хотя положеніемъ 1804 года евреямъ и было предоставлено право свободнаго обученія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая высшихъ, гдѣ они могли, награждаться и учеными степенями, наравнѣ съ прочими подданными; но мѣры эти не имѣли и не могли имѣть, однако,желаемаго успѣха.

Ограниченное, въ то время, число народныхъ школъ, само собою, закрывало евреямъ доступъ въ нихъ, а слѣдовательно, и доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія. Но и помимо этого въ евреяхъ не могло проявиться стремленіе къ образованію въ нихъ, по той причинѣ, что, одновременно съ правомъ обученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и полученія ученыхъ степеней, имъ не было предоставлено тогда никакихъ поощреній, какъ въ отношеніи государственной службы, такъ и вообще, по правамъ состоянія. Гражданская и военная служба была, въ то время, безу-

словно для нихъ закрыта, даже для тѣхъ изъ нихъ, которые въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ получили бы ученые степени. Кромѣ городской службы, евреи ни къ какой другой службѣ не допускались, вслѣдствіе чего, по окончаніи курса наукъ, они должны были возвращаться въ мѣста своей осѣдлости, безъ всякихъ улучшеній въ своемъ общественномъ положеніи. Наконецъ, самымъ главнымъ и существеннымъ препятствіемъ къ образованію евреевъ, въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, служила вышесказанная общая среди ихъ нищета, лишавшая ихъ всякой возможности, сверхъ сборовъ, взимавшихся съ нихъ ихъ кагалами, на еврейскія, гласныя и негласныя, школы, входить еще въ какія либо другія денежныя затраты на свое образованіе, особенно при платежѣ обществу многихъ другихъ сборовъ, а государству двойныхъ податей и денежной рекрутской повинности.

Эти обстоятельства и предоставленное евреямъ, Положеніемъ о нихъ, право свободного выбора между общими учебными заведеніями и своими, еврейскими, имѣли, естественно, своимъ послѣдствіемъ то, что они остались исключительно при этихъ послѣднихъ.

Еврейскія же школы и способы обученія въ нихъ были, по прежнему, предоставлены правительствомъ всецѣло собственной автономіи еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ, безъ всякаго контроля со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія. Хотя же въ царствованіи Императора Александра I, общества тѣ, не только, въ религіозномъ, но и гражданскомъ отношеніи, были уже подчинены, сперва, Главному Управленію Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (П. С. З., т. XXXIV, № 26624), а затѣмъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (П. С. З., т. XXXIV, № 27106, §§ 5, 7, 18, 19 и 151); но не взирая на это, кромѣ мѣръ, содержащихся въ Положеніи 1804 года, правительствомъ ничего другаго не было предпринято къ успѣшному распространенію, среди евреевъ, общаго образованія.

Признавая въ принципѣ, такое образованіе необходимымъ и для евреевъ, правительство, тѣмъ не менѣе, не озаботилось, ни предоставленіемъ имъ особыхъ, для того средствъ, ни учрежденіемъ въ этомъ отношеніи, какого либо контроля надъ еврейскими школами. Безконтрольное же ихъ положеніе, при условіи необязательности даже, для евреевъ, изученія въ нихъ русскаго языка, не могло, конечно, обнаружить благопріятнаго вліянія на нравственное и общественное развитіе еврейской массы. Она продолжала, поэтому, подъ вліяніемъ грубаго фанатизма кагалныхъ вожаковъ, коснѣть въ крайнемъ невѣжествѣ, съ настроеніемъ,

имѣвшимъ оттѣнки вышеупомянутой непріязненной племенной и религіозной въ ней сосредоточенности.

Легко себѣ представить, какія, при такихъ условіяхъ, открывались удобства для истолкователей талмуда, для ихъ хедеровъ, талмудторовъ, меламдовъ, цадиговъ, раввиновъ и фанатическихъ представителей кагаловъ, къ распространенію въ еврейскомъ населеніи ложныхъ нравственныхъ началъ, взглядовъ и понятій и пользоваться ими, для поддержанія въ евреяхъ племенной и религіозной обособленности. Гоненія, воздвигавшіяся на нихъ, въ видѣ насильственныхъ выселеній и переселеній, служили, какъ нельзя лучше, видамъ и цѣлямъ ихъ невѣжественныхъ руководителей.

Въ городахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ правительство стремилось сосредоточить всѣ торговыя и промышленныя силы евреевъ, развивались, среди ихъ, разные нравственные и матеріальные недуги.

Вслѣдствіе этого, всѣ поощрительныя мѣры, принимавшіяся правительствомъ, въ видѣ извѣстныхъ уже намъ «преимуществъ» еврейскаго народа, къ развитію въ евреяхъ земледѣлія, торговли, фабричной и ремесленной промышленности и «особливыхъ искусствъ», остались, весьма понятно, безъ всякаго успѣха. Существеннымъ препятствіемъ къ этому служили еще различные виды стѣсненій и ограниченій свободы ихъ труда, при отсутствіи которой не могло быть и свободы его выбора, сообразно съ его пользою, по времени и мѣсту. Съ ослабленіемъ же или уничтоженіемъ, въ дѣлѣ производительнаго труда, главнаго его двигателя—интереса, такой трудъ, весьма понятно, могъ мало кого привлекать къ себѣ изъ евреевъ, даже при условіяхъ денежныхъ и матеріальныхъ имъ пособій, со стороны правительства. Стѣсненіе свободы труда и ограниченіе, для евреевъ, его сферы представляло множество затрудненій къ избранію ими исполнѣ законныхъ средствъ къ своему существованію, что, при ихъ бѣдности и невѣжественномъ состояніи, въ большинствѣ случаевъ, могло легко мирить каждаго еврея съ моралью, извращавшеюся столь же невѣжественными ихъ вѣроучителями. Отсюда, естественно, произошло распространеніе среди евреевъ склонности къ занятіямъ, несопряженнымъ съ производительнымъ трудомъ и заключавшимся, большею частію, въ личныхъ услугахъ и посреднической дѣятельности, такихъ, какъ мелочная торговля, мелкіе займы денегъ, факторство и т. п., которые сопровождались продажей товара дурнаго качества, обмѣрами, обвѣсами и обманами всякаго рода. Въ этомъ,

именно, скрывалась главная причина избранія евреями и преступнаго рода дѣятельности, такого, какъ контрабанда, практиковавшаяся ими въ пограничныхъ губерніяхъ, поддѣлка фальшивой монеты, продажа поддѣльныхъ издѣлій и всякаго рода другія ремесла и занятія, къ которымъ они прибѣгали, большею частію, изъ крайней нужды.

Изъ этого видно, что если въ евреяхъ и обнаруживалось неблагопріятное направленіе ихъ экономической и общественной дѣятельности, то причина этого заключалась, конечно, не столько въ талмудѣ, сколько въ внѣшнихъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта, — въ той *школѣ жизни*, которую они проходили, при разнаго рода стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ ихъ правъ и свободы труда, — стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, въ которыхъ, въ то-же время, выражалось недоброжелательство къ нимъ, какъ народу чужеземному и отверженному.

Но какъ ни пагубно дѣйствовала такая школа на нравы евреевъ, какъ ни тяжело было ихъ положеніе въ государствѣ, въ нихъ проявлялись, однако, черты жизни, которыя, при отсутствіи предвзятыхъ понятій, при болѣе внимательномъ отношеніи къ этой части народонаселенія могли бы убѣдить правительство, что и въ ней присутствуютъ элементы, благопріятные для развитія въ евреяхъ, не только добрыхъ и хорошихъ нравовъ, но и чувствъ патріотизма, облагораживающихъ и возвышающихъ духъ человѣка и образъ его мыслей.

Это весьма осязательно подтверждается тѣмъ фактомъ, что нѣтъ ни одного государственнаго акта, на основаніи котораго можно было бы обвинить евреевъ, чтобы они въ трудныя, для государства и правительства, минуты, во время бывшихъ въ началѣ этого столѣтія войнъ, не исключая и отечественной войны 1812 года, обнаруживали склонность къ измѣнѣ Россіи и предательскимъ, въ отношеніи ея, дѣйствіямъ, которыя выражались бы въ видѣ лазутничества и шпионства, или перехода на сторону непріятеля. Напротивъ, есть данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что въ ту самую минуту, когда противъ евреевъ принимались правительствомъ столь тяжкія для нихъ мѣры, какъ выселеніе цѣлыхъ ихъ массъ изъ ихъ жилищъ, въ селахъ и деревняхъ, когда они, при платежѣ двойныхъ государственныхъ податей, были чрезмѣрно отягощены и другими временными и необычайными, по случаю войны, повинностями, они не навлекли на себя, однако, никакихъ со стороны мѣстныхъ властей нареканій, вслѣдствіе измѣническаго, съ ихъ стороны, образа дѣйствія. Это видно, между прочимъ, изъ приведеннаго выше Именнаго указа 19 Ок-

тября 1807 года, въ которомъ подробно изложены обстоятельства, касавшіяся затрудненій, встрѣченныхъ, по случаю войны, къ сказанному ихъ выселенію, но безъ малѣйшихъ, въ тоже время, наметокъ, чтобы, въ числѣ такихъ затрудненій, были случаи, которые доказывали бы ихъ политическую неблагонадежность. Нѣтъ слѣдовъ какой либо измѣны евреями русскому правительству въ трудныя времена нашей отечественной войны; но, есть свидѣтельства полнѣйшей ихъ тогда намъ преданности. Они имѣются въ правдивыхъ разказахъ извѣстнаго намъ партизана - писателя Давыдова, который въ своихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, говоритъ, что «духъ польскихъ жителей Гродно былъ для насъ весьма неблагопріятенъ, напротивъ, всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить непріятелю, въ качествѣ лазутчиковъ, а весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ» (Сочиненія Давыдова, т. 1, стр. 128). Въ «Дневникѣ свитскаго офицера за 1813 годъ говорится о евреяхъ, между прочимъ, слѣдующее: «Пришли мы въ Роски (на прусской границѣ), жидаы приняли насъ съ большою радостію; пришли въ Краснополь, жидаы вышли съ ковчегомъ на встрѣчу Императору и были намъ очень рады; пріѣхали въ Коло, жидаы устроили великолѣпный балдахинъ для Императора и многіе поѣхали къ нему навстрѣчу въ богатыхъ одеждахъ» (Русскій Арх., 1869 г., стр. 222, 226 ¹⁾). Еслибъ евреи, какъ полагаютъ предубѣжденные противъ нихъ лица, были склонны, по закону своей вѣры, не признавать страны, въ которой они живутъ, своимъ отечествомъ, то въ теченіи, болѣе, чѣмъ столѣтнаго пребыванія подъ владычествомъ Россіи, при неоднократныхъ случаяхъ политическихъ усложненій, вслѣдствіе войнъ и укрощенія польскихъ мятежей, евреи могли бы легко быть уличены въ свой политической неблагона-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что названіе евреевъ, въ вышесказанномъ дневникѣ свитскаго офицера, „жидами“, одновременно съ изображеніемъ ихъ дѣйствій, какъ достойныхъ всякаго уваженія, свидѣтельствуешь, что подмѣченный свитскимъ офицеромъ въ евреяхъ патріотическія чувства служили для него предметомъ, какъ-бы удивленія и что къ евреямъ относились тогда, въ высшемъ обществѣ, изъ за ихъ племени и вѣры, еще съ большимъ пренебреженіемъ, напоминавшимъ то время, когда Мавра Егоровна Шувалова, пріѣхавъ въ г. Нѣжинъ, писала къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ:....„жидовъ множество, и видѣла ихъ собакъ“. (Арх. Кн. Воронцова, т. I, стр. 84).

дежности. Между тѣмъ, и въ государственныхъ актахъ новѣйшаго времени имѣются свидѣтельства лишь въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, во время польскаго мятежа, бывшаго въ царствованіе Императора Николая I, могли бы обнаружиться среди евреевъ случаи измѣны. Ничего подобнаго, однако, не случилось, а напротивъ, изъ воспослѣдовавшаго, 7 Февраля 1831 года, Высочайшаго повелѣнія, объ отсрочкѣ, на три года, выселенія евреевъ изъ г. Кіева, видно, что однимъ изъ поводовъ къ испрошенію тогдашнимъ шефомъ корпуса жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, этого повелѣнія послужилъ сообщенный кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, по соглашенію съ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ, отзывъ, что евреи, въ виду бывшихъ въ то время политическихъ затрудненій, по усмиренію Польши, оказываются не вредными, но полезными дѣятелями (П. С. З., т. VI, № 4332).

Укоренившіеся противъ евреевъ предразсудки и предубѣжденія, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, были, однако, еще весьма сильны, не взирая на явные признаки присутствія въ нихъ элементовъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы быть обращены на общую пользу государства.

Чувства нерасположенія къ евреямъ, нужно замѣтить, замѣчались, преимущественно, въ высшихъ слояхъ общества, не приходившихъ въ бытовыя отношенія съ евреями, гдѣ, вслѣдствіе этого, продолжали преобладать еще религіозно-созерцательныя на нихъ взгляды. Что же касается простаго народа и кружковъ мѣстныхъ владѣльцевъ, приходившихъ въ бытовыя, жизненныя, отношенія съ евреями, то тамъ взгляды на нихъ были совершенно иные: евреи являлись въ понятіяхъ людьми, болѣе или менѣе, полезными, и каждый простолюдинъ, изъ христіанъ, входилъ охотно съ ними въ сношеніе, какъ съ равными себѣ, всегда отличая хорошаго еврея отъ дурнаго. Объ удовлетворительныхъ, въ то время, отношеніяхъ простаго класса людей къ евреямъ, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, можно заключать, между прочимъ, изъ того, что при всей численности тамъ евреевъ и угнетенномъ ихъ положеніи, открывавшемъ широкій просторъ къ самоуправствамъ надъ ними, не замѣчалось, однако, въ селахъ и деревняхъ, не только никакихъ непріязненныхъ движеній противъ евреевъ, которыя могли бы наводить на мысль о существованіи въ народѣ *религіозной* или *расовой* къ нимъ вражды, но нѣтъ слѣдовъ, чтобы тогда, со стороны лицъ сельскихъ

состояній, были какія либо общія, коллективныя, жалобы на евреевъ, которыя послужили бы поводомъ къ репрессивнымъ противъ нихъ мѣрамъ, помимо собственной инициативы мѣстныхъ властей, сообразно съ взглядами, какіе имѣло на евреевъ само правительство.

Не взирая на все это, гражданское положеніе евреевъ въ Россіи нисколько не измѣнилось, и по прекращеніи отечественной войны, когда въ Европѣ водворились миръ и тишина.

Положеніе 1804 г. о евреяхъ, съ извѣстною его 34 статьею, продолжало оставаться во всей его силѣ и служить источникомъ къ исключительнымъ, по отношенію къ нимъ, мѣрамъ, самаго разнообразнаго характера и свойства, все болѣе и болѣе усложнявшимся дѣлами о евреяхъ, какъ законодательство, такъ равно судебныя и исполнительныя органы государственной власти.

Принципіально, правительство не примирилось съ мыслию о неустрашимости евреевъ изъ состава общаго народонаселенія, такъ-какъ не видно, чтобы въ прежнемъ постановленіи, содержащемся въ Именномъ указѣ 23 Іюня 1794 года и имѣвшемъ смыслъ побужденія евреевъ, платежомъ двойныхъ податей, къ эмиграціи изъ Россіи, послѣдовало какое либо измѣненіе. Правительство продолжало, слѣдовательно, смотрѣть на всѣхъ вообще евреевъ, живущихъ въ Россіи и состоявшихъ въ ея подданствѣ, какъ на людей иноземныхъ, чуждыхъ коренному населенію, для которыхъ Россія не есть и не должна была быть отечествомъ.

Такое противорѣчіе принципа съ фактомъ, въ дѣлахъ, касавшихся евреевъ, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ отсутствіе всякой системы въ образѣ дѣйствій, по отношенію къ нимъ, и крайнюю сбивчивость и непоследовательность въ принимавшихся, относительно ихъ, мѣрахъ. Правильной исходной точки отправленія вовсе не замѣчалось. Все дѣлалось, какъ бы ощупью, въ потемкахъ, преимущественно, съ цѣлію поддержанія, во что бы то ни стало, Положенія 1804 года и содержащихся въ немъ постановленій, носившихъ на себѣ характеръ репрессій и административно-полицейскихъ мѣръ.

Ближайшее разсмотрѣніе дальнѣйшаго образа дѣйствій правительства, по отношенію къ евреямъ, вполне убѣждаетъ въ этомъ.

По разнохарактерности принимавшихся, относительно евреевъ, мѣръ, и зависимости, какъ ихъ, такъ и мотивовъ, на которыхъ онѣ были основаны, не столько отъ твердо установившихся началъ и основаній, сколько отъ личныхъ взглядовъ высшихъ должностныхъ

лицъ и коллегіальныхъ установленій, отъ которыхъ онѣ исходили или испрашивались у Высочайшей власти, всякая попытка къ подведенію ихъ подъ общія начала, была бы трудомъ тщетнымъ. Каждая отдѣльная мѣра вытекала, попеременно, то изъ начала равноправности евреевъ, а слѣдовательно, изъ начала терпимости къ нимъ и идеи, что они такіе же граждане, какъ и всѣ другіе подданные, то изъ начала исключительности, по отношенію къ евреямъ, а слѣдовательно, изъ идей и основаній, совершенно противоположныхъ. Все зависѣло отъ момента принятія мѣры и личнаго усмотрѣнія органовъ правительственной власти.

Поэтому, для возможно точнаго и вѣрнаго изображенія характера сказанныхъ мѣръ, всего удобнѣе излагать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, слѣдуя за временемъ ихъ появленія, и допуская отступленія отъ этого порядка лишь въ случаяхъ, когда извѣстная группировка мѣръ представлялась бы возможною, по однородности ихъ предмета и основаній. Вся совокупность изложенныхъ, въ этомъ видѣ, мѣръ и постановленій дастъ и возможно точное и вѣрное понятіе объ образѣ дѣйствій правительства, въ отношеніи евреевъ, который предшествовалъ царствованію Императора Николая I ¹⁾.

Всѣ послѣдовавшія за изданіемъ Положенія 1804 г. мѣры о евреяхъ касались не столько общаго ихъ положенія въ государствѣ, сколько отдѣльныхъ предметовъ ихъ гражданскаго и общественнаго быта.

Такъ, вслѣдъ за изложенными уже выше мѣрами, заключавшимися, преимущественно, въ попыткахъ къ приведенію въ дѣйствіе 34 ст. Положенія, былъ возбужденъ, по иниціативѣ бѣлорускаго военнаго губернатора Михельсона, вопросъ о существовавшемъ двойномъ денежномъ сборѣ съ евреевъ на содержаніе почтъ.

Изъ предыдущаго извѣстно, что евреи еще, при Императрицѣ Екатеринѣ II, начиная съ 1794 г., были подвергнуты платежу двойныхъ государственныхъ податей и что въ 1796 году, при Императорѣ Павлѣ I, такой двойной ихъ платежъ распространенъ Сенатомъ соб-

¹⁾ Необходимо замѣтить, что въ настоящемъ трудѣ, въ числѣ узаконеній и мѣръ, исходившихъ отъ Высочайшей власти, хотя приводятся и сенатскія постановленія и распоряженія; но только тѣ, которыя помѣщены въ Полномъ Собраніи Законовъ и которымъ присвоено, слѣдовательно, по дѣламъ, касающимся евреевъ, значеніе руководящихъ и какъ бы сила самаго закона.

ственной властью на нѣкоторые другіе сборы, въ томъ числѣ и на содержаніе почтъ, находившихся въ завѣдываніи казны.

Черезъ годъ послѣ этого, на основаніи Высочайшаго указа, состоявшагося 19 Января 1797 года, слѣдовательно, еще при Императорѣ Павлѣ I, почтовый сборъ былъ изъятъ изъ казеннаго вѣдомства и отнесенъ къ общественнымъ повинностямъ, съ возложеніемъ обязанностей, по завѣдыванію имъ, на губернскія правленія, совмѣстно съ дворянскими предводителями или маршалами.

Вслѣдствіе этого, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, было составлено ими особое положеніе о почтовомъ сборѣ, на основаніи котораго было постановлено взимать его, сообразно съ существовавшимъ, прежде, почтовымъ сборомъ, а именно, съ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ христіанскаго закона, по 12 коп., а съ евреевъ—по 24 коп., съ души, т. е., по прежнему, *вдвое*.

Положеніе это, первоначально, было утверждено и Сенатомъ, по 3-му Департаменту; но вслѣдствіе представленія вышесказаннаго губернатора Михельсона объ отяготительности для евреевъ двойнаго платежа денежной общественной повинности на содержаніе почтъ, Сенатъ, по тому же Департаменту, принявъ во вниманіе, что въ Высочайшемъ указѣ 19 Января 1797 г., на основаніи котораго почтовый сборъ отнесенъ къ общественнымъ повинностямъ, не сказано, чтобы евреи были обязаны платить его въ двойномъ количествѣ противъ христіанъ, и что повинность эта возложена на всѣхъ, вообще, обывателей одинаково, *безъ всякаго различія состояній и закона вѣры*, опредѣленіемъ, состоявшимся 11 Февраля 1804 года, призналъ справедливымъ освободить евреевъ отъ такой двойной тягости, вслѣдствіе чего, предписалъ указомъ могилевскому губернскому правленію, «чтобы впредь двойной сборъ съ евреевъ на содержаніе почтъ отнюдь производимъ не былъ и излишне отъ нихъ взятое имъ возвратить», о чемъ могилевскимъ губернскимъ правленіемъ, по распоряженію бѣлорускаго военнаго губернатора, для единообразнаго исполненія, было сообщено и витебскому губернскому правленію.

Спустя годъ послѣ этого, а именно 10 Февраля 1805 года, Министромъ Юстиціи Лопухинымъ было предложено на рассмотрѣніе Сената, по 1-му Департаменту, куда переданы тогда дѣла этого рода, сообщенныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ представленія губернскихъ маршаловъ обѣихъ бѣлорусскихъ губерній: Витебской—графа Борха и могилевской—графа Толстаго, въ которыхъ они

изъяснили разныя затрудненія, какія встрѣчались къ отмѣнѣ взимавашагося съ евреевъ двойнаго обора на содержаніе почтъ, особенно же къ возврату евреямъ, согласно съ распоряженіемъ Сената, излишне уплаченнаго ими по этому сбору, такъ-какъ это могло бы быть приведено въ исполненіе не иначе, какъ посредствомъ новаго налога на помѣщиковъ; почему, вышепоименованные маршалы ходатайствовали объ оставленіи въ силѣ прежняго положенія о нихъ дворянскихъ маршаловъ, утвержденнаго, порвоначально, и Сенатомъ. Но Сенатъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе и нашелъ, что нѣтъ никакихъ законныхъ основаній устанавливать какое либо различіе между евреями и другими подданными, равныхъ съ ними состояній, по отправленію общественныхъ повинностей, въ томъ числѣ и по платежу сбора на содержаніе почтъ. Руководствуясь этими соображеніями и принимая во вниманіе, что состоявшееся 21 Февраля 1804 года опредѣленіе его, которымъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ отмѣненъ вышесказанный двойной сборъ съ евреевъ, оставалось въ силѣ, Сенатъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о распространеніи этого сенатскаго распоряженія и на прочія губерніи, гдѣ евреи имѣютъ постоянное жительство, съ тѣмъ, чтобы они, вообще, кромѣ государственныхъ податей, всѣ прочія общественныя повинности *несли наравнѣ со всѣми другими обывателями*. Что касается возврата евреямъ сказаннаго сбора за прежнее время, то относительно этого, въ виду изъясненныхъ маршалами затрудненій, Сенатъ полагалъ евреямъ въ такомъ возвратѣ отказать, ограничившись освобожденіемъ ихъ только отъ уплаты накопившихся на нихъ недоимокъ, по платежу сказаннаго сбора въ двойномъ количествѣ; для сложенія же со счетовъ недоимокъ, какъ равно и всѣхъ другихъ неправильно сдѣланныхъ уѣздными предводителями дворянства или маршалами начетовъ на евреяхъ, по ихъ денежнымъ общественнымъ повинностямъ, Сенатъ, призналъ нужнымъ немедленно назначить особыхъ отъ дворянскихъ обществъ чиновниковъ, подъ наблюденіемъ начальниковъ губерній. Этотъ докладъ 30-го Мая 1805 г. удостоился, во всѣхъ его частяхъ, Высочайшаго утвержденія (П. С. З., т. XXVIII, № 21766).

Такимъ образомъ, воспослѣдовало *уравненіе евреевъ въ общественныхъ денежныхъ повинностяхъ* съ прочими подданными; но государственныя подати, въ отличіе отъ нихъ, евреи продолжали платить по прежнему въ двойномъ количествѣ. Хотя въ этомъ слу-

чаѣ, Сенатъ, какъ видно, руководствовался справедливымъ началомъ равенства евреевъ съ прочими подданными, но не безъ нѣкотораго, однако, отступленія отъ началъ строгаго правосудія, такъ-какъ признавъ, съ одной стороны, взимавшійся съ евреевъ въ двойномъ количествѣ сборъ на общественную повинность, по содержанию почтъ, неправильнымъ и незаконнымъ, Сенатъ призналъ, въ то-же время, возможнымъ оставить ихъ безъ вознагражденія за убытки, понесенные ими вслѣдствіе неправильнаго отягощенія ихъ мѣстными властями излишними денежными сборами на почтовую повинность. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1810 году, встрѣтилось другое обстоятельство, по которому высшимъ правительствомъ были приняты въ основаніе начала болѣе справедливыя и взгляды, какъ бы уже чуждые общимъ, относительно евреевъ, предразсудкамъ и предубѣжденіямъ.

Обстоятельство это слѣдующее.

Кіевскій городской магистратъ и повѣренный его, ратсгеръ Тернавскій, вошли въ Сенатъ съ ходатайствами о переселеніи живущихъ въ г. Кіевѣ евреевъ въ другіе города и о воспрещеніи имъ, впредь, селиться тамъ, какъ въ видахъ сохраненія прежнихъ польскихъ привилегій, которыми было воспрещено евреямъ записываться, жить и торговать въ г. Кіевѣ, такъ и для прекращенія происходящихъ отъ нихъ безпорядковъ и многочисленныхъ тяжбъ и ссоръ.

Это ходатайство было препровождено Сенатомъ на разсмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который входилъ, по этому поводу, съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Въ этомъ докладѣ, на воззрѣніе Государя, были повергнуты слѣдующія данныя и соображенія: 1) что въ г. Кіевѣ состояло, въ то время, евреевъ 452 души; 2) что они начали селиться въ немъ не самовольно, а на основаніи воспослѣдовавшаго въ 1794 году общаго на то для евреевъ разрѣшенія (указъ Императрицы Екатерины II 23 Іюня 1794 г.); 3) что по Высочайшему повелѣнію, объявленному, въ 1801 г., Генераль-Прокуроромъ Оболяниновымъ кіевскому военному губернатору, запрещено переселять евреевъ изъ г. Кіева и что грамотою, данною этому городу, въ томъ же году, подтверждены именно тѣ права и преимущества, которыя безъ отмѣны существуютъ и сообразны, поэтому, съ общими постановленіями и законами; 4) что терпимость евреевъ въ г. Кіевѣ, съ законнаго на то дозволенія, продолжается уже 15 лѣтъ, и выселеніе ихъ оттуда было бы сопряжено съ чрезвычайнымъ для нихъ разореніемъ, 5) что по самому Положенію о нихъ 1804 года, для

ихъ жительства назначены, преимущественно, города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны, и наконецъ, 6) что если происходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе либо безпорядки, вообще, по ихъ жительству и промысламъ, то они должны быть прекращаемы бдительностію начальства и дѣйствіемъ законовъ. Въ виду этихъ соображеній, Государю угодно было повелѣть оставить евреевъ, въ г. Кіевѣ, въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, о чемъ и состоялся объявленный Сенату, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Именной указъ 22 Января 1810 года (П. С. З., т. XXXI, № 24098).

Изъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи этой мѣры, усматривается, что, въ данный моментъ, правительство взглянуло на евреевъ какъ бы на природныхъ подданныхъ русскаго государства и признало за ними право осѣлости въ г. Кіевѣ, *по факту ихъ продолжительнаго пребыванія въ немъ*. Но взглядъ этотъ, удовлетворявшій требованіямъ законности и правосудія, былъ только ихъ мгновеннымъ проблескомъ, относительно евреевъ, не обеспечивавшимъ за ними ихъ гражданскихъ правъ и не измѣнявшимъ ихъ общаго положенія въ государствѣ. Поэтому, принятыя, въ данномъ случаѣ, основанія не могли и имѣть послѣдствіемъ прочное установленіе въ законодательной области какого либо руководящаго, въ этомъ отношеніи, начала, ни предупредить, слѣдовательно, чрезмѣрное развитіе тѣхъ исключительныхъ о евреяхъ узаконеній, которыя, постепенно размножаясь, разсѣяны, нынѣ, по всѣмъ томамъ Свода Законовъ и достигли такого числа и обширности, что составляемые изъ нихъ отдѣльные сборники, сами по себѣ, образуютъ объемистыя печатныя изданія.

При всемъ томъ, изъясненная мѣра, какъ содержащая отказъ кіевскому магистрату въ его ходатайствѣ о выселеніи евреевъ изъ Кіева, свидѣтельствуетъ: 1) что Государь Александръ I, какъ и всѣ, вообще наши, Государи, не былъ лично склоненъ вносить въ политическую сферу нетерпимость къ евреямъ, хотя, вслѣдствіе нахождения въ г. Кіевѣ русскихъ святынь, вопросъ о водвореніи въ немъ евреевъ могъ имѣть и религіозную сторону, 2) что управляя своимъ народомъ, какъ было сказано въ его Манифестѣ о восшествіи на престолъ, «по законамъ и сердцу» своей Августѣйшей Бабки, Императрицы Екатерины II, Государь лично не отвергалъ началъ уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, каждый разъ, когда объ этомъ повергалось на Высочайшее его воззрѣніе, и 3) что

въ извѣстный моментъ, личныя воззрѣнія и самаго правительства какъ бы освобождались отъ давленія общихъ противъ евреевъ предразсудковъ и предубѣжденій. Въ приведенномъ случаѣ, правительство, не подчинившись имъ, сознало всю несправедливость ходатайства выше-сказаннаго магистрата и вполнѣ постигло, что оно было вызвано, преимущественно, интригою мѣстнаго купечества, домогавшагося устраненія, тѣмъ или другимъ способомъ, конкуренціи со стороны евреевъ, для пользы, конечно, своей, но ни сколько не для пользы всѣхъ прочихъ жителей Кіева, и что обвиненіе евреевъ купечествомъ и магистратомъ, по поводу такой конкуренціи, въ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ не имѣло, ни справедливыхъ основаній, ни иного значенія, какъ только не вполнѣ разборчиваго средства къ достиженію кіевскими гражданами торговаго званія личныхъ своихъ цѣлей.

Но затѣмъ, остается все-таки несомнѣннымъ, что правительство, и въ этомъ случаѣ, недостаточно уяснило себѣ корень зла и настоящія его причины. Это видно изъ того, что при принятіи сказанной мѣры, оно не отдало себѣ вполнѣ яснаго отчета о слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) что если обвиненіе евреевъ кіевскимъ купечествомъ и тамошнимъ магистратомъ въ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, по поводу претерпѣвавшей отъ нихъ торговой конкуренціи, являлось въ сущности, обвиненіемъ несправедливымъ, то самый фактъ чрезмѣрнаго отягощенія торговыхъ классовъ такою конкуренціею могъ быть не лишень справедливыхъ основаній, такъ-какъ фактъ этотъ могъ дѣйствительно существовать и имѣть свою причину, помимо какихъ либо злоупотребленій и безпорядковъ, со стороны евреевъ, въ обстоятельствахъ отъ нихъ совершенно независѣвшихъ, а именно въ ограниченіи ихъ правъ жительства и проистекавшей отъ этого ихъ чрезмѣрной численности въ составѣ мѣстнаго городского купеческаго класса, что могло быть и въ г. Кіевѣ; 2) что подобное явленіе, со всѣми его послѣдствіями, могло имѣть мѣсто и въ другихъ городахъ, которыми ограничено жительство евреевъ и, смотря по ихъ числу тамъ, отразиться еще отяготительнѣе для мѣстнаго купечества, съ вредомъ даже и для класса потребителей, и 3) что такимъ образомъ, ходатайства, къ какимъ прибѣгли купечество и магистратъ г. Кіева, относительно выселенія оттуда евреевъ, указывали на существовавшую, въ мѣстахъ ихъ осѣлости, жизненную потребность въ возбужденіи законодательнаго вопроса о томъ, на сколько допущенное правительствомъ сгущеніе тамъ еврейскихъ массъ, путемъ ограниченія

правъ жительства евреевъ въ Россіи, можетъ представляться полезнымъ для государства, съ точки зрѣнія его торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ интересовъ.

Все это правительствомъ было, въ тотъ моментъ, какъ - бы упущено изъ виду, вслѣдствіе чего, распоряженіе его, относительно евреевъ въ г. Кіевѣ, не вышло изъ предѣловъ частной о нихъ мѣры и не послужило инициативою къ возбужденію, въ законодательной сферѣ, какого либо общаго вопроса о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи.

Вслѣдствіе этого, правительство, по прежнему, продолжало ограничиваться, въ отношеніи евреевъ и ихъ населенія, одними частными мѣрами, касавшимися отдѣльныхъ предметовъ ихъ гражданскаго быта, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности, и часто носившими на себѣ отпечатокъ не только исключительности, но и несообразности съ общимъ порядкомъ вещей, что, естественно, влекло за собою его усложненіе, невыгодное въ законодательномъ и административномъ отношеніи. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣръ отличались даже и ихъ практическою неудобопримѣнимостью.

Ближайшимъ, въ то время, примѣромъ этому могло служить, между прочимъ, появившееся въ 1811 году узаконеніе о ревизской переписи евреевъ.

По инициативѣ гродненскаго губернатора, опиравшагося на прежнія постановленія о порядкѣ отправленія евреями повинности по платежу государственныхъ податей, былъ возбужденъ, въ законодательномъ порядкѣ, весьма своеобразный, по тогдашнему даже времени, вопросъ о томъ: слѣдуетъ-ли въ литовскихъ губерніяхъ, т. е. виленской и гроденской, подвергать ревизской переписи только евреевъ мужскаго пола или же также и женскаго? Ревизская подушная перепись податныхъ сословій, какъ извѣстно, имѣла финансовую цѣль приведенія въ возможно—точную извѣстность общаго числа платящихъ подати душевыхъ единицъ, которыми, въ то время, какъ и позднѣйшее, по общепринятому порядку, являлись однѣ души мужскаго пола. Поэтому, казалось, что со стороны Государственнаго Совѣта можно было ожидать скорѣе отрицательнаго, чѣмъ утвердительнаго разрѣшенія вопроса о душахъ евреевъ женскаго пола, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ касался не всѣхъ евреевъ, вообще, а только обитавшихъ въ литовскихъ губерніяхъ и что къ отягощенію этихъ послѣднихъ платежемъ государственныхъ податей, въ размѣрѣ зна-

чительнѣйшемъ, въ сравненіи съ прочими евреями, не представлялось никакихъ прямыхъ и справедливыхъ основаній. Тѣмъ не менѣе, Государственный Совѣтъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 21 августа 1811 года, постановилъ: «произвести ревизскую перепись обитающимъ въ сихъ губерніяхъ (литовскихъ) евреямъ обоюбого пола душамъ», мотивируя это лишь тѣмъ, что установленная еще при Императрицѣ Екатеринѣ II «поголовная подать съ *еврейскаго народа*, въ обѣихъ означенныхъ губерніяхъ, происходитъ съ мужеска и женска пола, и она Высочайшимъ Манифестомъ 18 мая сего года не отмѣняется» (П. С. З., т. XXX, № 24,751).

Допущенный, такимъ образомъ, совершенно иной образъ исчисления податныхъ душевыхъ единицъ въ еврейскомъ населеніи, сравнительно съ общепринятымъ порядкомъ, и притомъ въ отношеніи только литовскихъ евреевъ, устанавливалъ, въ тоже время, необъяснимое никакими справедливыми основаніями какое-то неравенство правъ и между евреями, вслѣдствіе котораго одна ихъ часть, въ сравненіи съ другою, должна была нести значительнѣйшую тягость по платежу государственныхъ податей. Въ сущности, такія мѣры не оправдывались приведеннымъ Государственнымъ Совѣтомъ мотивомъ, и исторически, такъ — какъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, какъ извѣстно, установленная, первоначально, поголовная подать съ евреевъ была отмѣнена, за силою Именнаго указа Императрицы 3 мая 1783 года, въ которомъ буквально было сказано: «евреи, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ пребывающіе, должны обложены быть податями по состоянію, въ какое они запишутся, *безъ различія закона и народа*» (П. С. З., т. XXI, № 15,724). Хотя же, за симъ, извѣстнымъ Именнымъ указомъ Екатерины II, 23 іюня 1794 г., евреи обложены двойнымъ окладомъ податей, но при этомъ не было установлено, однако, какого либо исключительнаго порядка, относительно самихъ способовъ взиманія ихъ съ евреевъ, почему, справедливо говоря, и не было никакого повода, на основаніи законодательства Императрицы Екатерины II, присвоивать въ литовскихъ губерніяхъ лицамъ женскаго пола изъ евреевъ значеніе платящихъ единицъ и, подъ этимъ предлогомъ, подвергать ихъ ревизской переписи, вмѣстѣ съ лицами мужескаго пола. Присвоеніе сказаннымъ порядкомъ ревизской переписи значенія платящихъ единицъ лицамъ еврейскаго исповѣданія обоюбого пола, при взиманіи съ евреевъ двойнаго оклада податей, даетъ право заключать, что, они несли,

въ то время, въ сравненіи съ прочими податными состояніями, не двойную, а четверную тягость, если допустить, что среди евреевъ число женскаго населенія не превышало, а равнялось только числу мужскаго. Вышеизъясненная мѣра не имѣла, слѣдовательно, иной цѣли кромѣ чрезмѣрнаго отягощенія еврейскаго населенія государственными податями, что для доходовъ казны не могло и представлять никакой существенной пользы. Изъ этого видно, что все, вообще, населеніе евреевъ находилось въ условіяхъ столь тяжкихъ, что среди ихъ ничего нельзя было ожидать, кромѣ развитія нищеты и невѣжества и сопряженныхъ съ ними порочныхъ склонностей, къ явному вреду для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ самого государства.

Неудивительно, если, при такой принятой, въ отношеніи евреевъ, системѣ податей, встрѣчались между ними частыя нарушенія строгихъ воспрещеній о *пропискѣ ревизскихъ душъ*, путемъ ихъ сокрытія или утайки, такъ-какъ прибѣгать къ этому средству евреи вынуждались естественнымъ чувствомъ самосохраненія, для спасенія, иной разъ, себя и своихъ семействъ отъ нищеты и совершеннаго раззоренія. Поэтому, какъ мы увидимъ ниже, само правительство сознавало потребность въ допущеніи для евреевъ облегченій, относительно строгихъ мѣръ взысканій, какія были установлены за утайку и прописку ревизскихъ душъ.

Въ числѣ вопросовъ, возбуждавшихся правительствомъ относительно евреевъ, встрѣчались и такіе, которые представляли крайнія затрудненія, для ихъ разрѣшенія съ надлежащею справедливостію.

Такъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ появленіемъ закона о ревизской переписи евреевъ, былъ возбужденъ въ правительственной сферѣ вопросъ о способѣ отправленія рекрутской повинности евреями, принявшими христіанство. По малому числу такихъ прозелитовъ, особенно перешедшихъ въ православіе, вопросъ этотъ не могъ, конечно, представлять особой для государства важности; но тѣмъ не менѣе онъ подлежалъ разрѣшенію, и разрѣшенію, болѣе или менѣе правильному.

Въ то время, какъ извѣстно, всѣ вообще евреи, вслѣдствіе существовавшаго предубѣжденія о негодности ихъ къ военной службѣ ¹⁾,

¹⁾ Этому, конечно, взгляду, а также укоренившемуся, но ни на чемъ не основанному, предубѣжденію о политической неблагонадежности евреевъ, слѣдуетъ приписать встрѣчавшіяся, въ то время, строгія воспрещенія относительно допущенія евреевъ къ жительству въ укрѣпленныхъ крѣпостями городахъ, такъ, напримѣръ, въ Динабургѣ и Бобруйскѣ (П. С. З., т. XI, приложение къ т. XXXII, п. а).

пользовались свободой отъ отбыванія рекрутской повинности натурою. Собственно говоря, это было одно изъ самыхъ неблагоприятныхъ условій для гражданскаго быта евреевъ въ Россіи, такъ-какъ въ основаніи этого условія лежало законное отрицаніе за евреями права считать Россію своимъ отчествомъ. Но, во всякомъ случаѣ, по тяжести условій, въ какихъ находилась тогда натуральная рекрутская повинность, какъ по продолжительному сроку ея отбыванія, такъ и по суровости мѣръ, какими поддерживалась военная дисциплина, нельзя не признать, что освобожденіе отъ нея составляло такую льготу, которая дорого цѣнилась всѣми, вообще, людьми податныхъ состояній, въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и евреями. Извѣстно какое значительное число лицъ простаго званія христіанскихъ даже исповѣданій прибѣгало къ утайкѣ душъ при ревизіяхъ и членовредительству, для того только, чтобы избавиться какъ нибудь отъ участи рекрута. Само правительство признавало положеніе рекрута настолько тяжкимъ, что сдачу въ рекруты причисляло къ числу карательныхъ мѣръ, налагавшихся какъ по суду, такъ и въ административномъ порядкѣ. Поэтому, евреи, поголовно освобожденные отъ такой повинности, имѣли, въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, весьма значительное преимущество передъ другими подданными податныхъ сословій, христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій.

Въ виду этого, возбужденный тогда вопросъ о томъ, какъ надлежало поступить съ евреями, принявшими христіанскую вѣру: изъять ли ихъ отъ рекрутской повинности, или подчинить ихъ ей, наравнѣ съ прочими подданными христіанскихъ исповѣданій,—не могъ не представлять нѣкоторыхъ существенныхъ затрудненій. Актъ принятія евреями Св. крещенія требовалъ, по понятіямъ, конечно, не кары, а награды. Между тѣмъ, лишеніе евреевъ, принявшихъ христіанство, преимуществъ, какимъ они пользовались, относительно рекрутской повинности, будучи евреями, представляло бы собою не награду, но несомнѣнно кару, которая въ глазахъ обратившагося еврея была бы несправедливостію и могла бы скорѣе его отвратить отъ христіанства, чѣмъ привлечь къ нему. Къ тому же, для привлеченія такого еврея къ рекрутской повинности не представлялось основаній и по той естественной причинѣ, что коль скоро существовало уже, вообще, понятіе о физической и нравственной неспособности евреевъ къ военной службѣ, то нельзя было допустить мысли, чтобы выкрестившійся сегодня еврей, въ силу одного этого факта, могъ завтра, и даже впослед-

ствіи, превратиться въ человека физически годнаго къ военной службѣ. Слѣдовательно, освобожденіе евреевъ, принявшихъ христіанство, отъ отправленія рекрутской повинности натурою могло оправдываться лишь поощрительными цѣлями къ ихъ переходу въ христіанство. Но, съ другой стороны, безусловное освобожденіе его отъ рекрутской повинности представлялось тоже не вполне удобнымъ, такъ - какъ, уравнившись съ прочими подданными, по закону вѣры, онъ, въ тоже время, выдѣлялся бы отъ нихъ такимъ преимуществомъ въ правахъ, которое вселяло бы къ нему чувства неприязни со стороны новыхъ его единовѣрцевъ, и лишало бы его возможности имѣть съ ними единеніе духа и желаемое согласіе. При такихъ условіяхъ, вопросъ объ избраніи мѣры, какимъ задалось правительству, въ этомъ случаѣ, составлялъ для него задачу, разрѣшеніе которой не могло не представлять затрудненій и потребовало, по всей вѣроятности, для возможно правильнѣйшаго выхода изъ нихъ, не мало труда и времени. Но вопросъ этотъ былъ, наконецъ, разрѣшенъ тѣмъ, что евреи, принявшіе христіанство, хотя и должны, несомнѣнно, подлежать освобожденію отъ отправленія рекрутской повинности натурою, но только лично, что же касается до ихъ потомства, то «дѣти, рожденные отъ принявшихъ уже христіанскую вѣру, обязаны будутъ нести сію повинность наравнѣ съ христіанскими обществами, къ коимъ они причислены будутъ», о чемъ 21 Апрѣля 1811 года и состоялся Именной указъ, подъ заглавіемъ: «Объ освобожденіи евреевъ, принявшихъ Св. крещеніе отъ рекрутскаго набора натурою» (П. С. З., т. XXXI, № 24599).

Въ этомъ же 1811 году, разрѣшенъ вопросъ и объ одномъ экономическомъ предметѣ, касавшемся евреевъ, исповѣдавшихъ свою вѣру, а именно вопросъ объ ихъ правѣ торговать новымъ платьемъ, въ мѣстахъ ихъ осѣлости.

При существованіи различныхъ стѣсненій и ограниченій торговыхъ и промышленныхъ правъ евреевъ, какъ по всей Имперіи, такъ въ мѣстахъ ихъ осѣлости, при чрезмѣрныхъ отягощеніяхъ ихъ государственными денежными повинностями и другими сборами, при той сильной торговой и промышленной конкуренціи, какую приходилось евреямъ выдерживать среди себя самихъ, вслѣдствіе ихъ численности въ городахъ, гдѣ они жили, ихъ средства къ жизни въ нихъ, вообще, не могли быть иными, какъ весьма скудными. Вслѣдствіе этого, торговля готовымъ платьемъ, старымъ и новымъ, ихъ соб-

ственного издѣлія или привознымъ, составляла весьма существенное подспорье для ихъ существованія.

Между тѣмъ, еще въ 1805 г., по случаю свирѣпствовавшей на островѣ Малагѣ, слѣдовательно, въ весьма отдаленномъ отъ Россіи мѣстѣ, какой-то прилипчивой болѣзни, евреямъ была безусловно воспрещена торговля платьемъ, какъ старымъ, такъ и новымъ, тогда-какъ, въ тоже время, торговля этимъ послѣднимъ платьемъ не была воспрещена подданнымъ другихъ исповѣданій, не исключая армянъ, грековъ, татаръ и проч. Воспрещеніе евреямъ, по сказанному поводу, торговли старымъ платьемъ, какъ мѣра тогда общая, распространявшаяся на всѣхъ вообще торговцевъ, могла быть объяснена гигиеническими цѣлями; но безусловное, одновременно, воспрещеніе имъ торговли новымъ платьемъ, даже сшитымъ изъ русскаго сукна, не привезеннаго извнѣ, представлялось такою стѣснительною для нихъ мѣрою, которая должна была лишить значительное ихъ число одного изъ насущнѣйшихъ средствъ къ жизни и не могло ничѣмъ объясняться, какъ только, отчасти, существовавшими противъ евреевъ предубѣжденіями правительства, отчасти же интригою мѣстнаго купечества другихъ исповѣданій, непреминушаго воспользоваться удобнымъ для него случаемъ, для устраненія, по торговлѣ платьемъ, конкуренціи, со стороны евреевъ, съ цѣлію извлеченія для себя съ этой торговой статьи наивозможно большихъ выгодъ, не принимая, конечно, въ расчетъ, что отъ этого должны были, болѣе или менѣе, пострадать интересы всѣхъ прочихъ жителей, изъ числа потребителей сказаннаго платья. Уясненіе себѣ, впослѣдствіи, высшимъ правительствомъ всей несправедливости и вредности сказанной мѣры, въ экономическомъ отношеніи, и было причиною ея отмѣны, на основаніи состоявшагося по этому предмету, 26 октября 1811 г., особаго Именнаго указа (П. С. З., т. XXXI, № 24,833).

Отсутствіе твердыхъ началъ и основаній по дѣламъ, касавшимся евреевъ, и вліяніе, въ правительственной сферѣ, на эти дѣла личныхъ взглядовъ и воззрѣній, безпрестанно измѣнявшихся съ перемѣною личностей, а иной разъ, и въ нихъ самихъ, обнаруживалось на каждомъ шагѣ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, какъ справедливо отнесся Сенатъ, въ 1805 году, въ тогдашнемъ коллегіальномъ его составѣ, какъ по 3-му, такъ и по 1-му его Департаменту, къ вопросу о порядкѣ отправленія евреями общественныхъ повинностей. Чрезъ

девять лѣтъ послѣ этого, а именно, въ 1814 году, въ взглядахъ и образѣ дѣйствія того же Сената, но при иномъ, конечно, личномъ его составѣ, замѣчается уже совершенно иное направленіе. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго дѣла.

Повѣренные отъ купеческаго сословія въ г. Полоцкѣ, всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, а слѣдовательно и еврейскаго, въ виду Городоваго Положенія, разрѣшавшаго мѣщанамъ, незаписаннымъ въ гильдіи, имѣть лавки въ своихъ домахъ, для торга въ нихъ только овощами, плодами и предметами собственнаго рукодѣлія, обратились къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ жалобою, въ которой объяснили, что ихъ довѣрители, т. е. купцы г. Полоцка, съ давнихъ временъ, претерпѣваютъ подрывъ въ ихъ торговлѣ отъ тамошнихъ мѣщанъ, вслѣдствіе частыхъ нарушеній ими вышеозначеннаго постановленія, и что мѣстное начальство, въ предупрежденіе этого, ограничивается только отобраніемъ отъ нихъ подписокъ, которыя ни къ чему не ведутъ. Хотя въ жалобѣ этой и было объяснено, что нарушителями Городоваго Положенія, большею частію, бываютъ мѣщане изъ евреевъ, но прямаго обвиненія въ этомъ, исключительно ихъ однихъ, въ жалобѣ, однако, не содержалось, и къ предположенію о такомъ обвиненіи не было и повода, потому что, какъ сказано выше, она была принесена, въ числѣ прочихъ купцовъ, и евреями. Одновременно съ этою жалобою, поступила къ тому же Министру другая подобная жалоба отъ лица виленскаго купечества, но однихъ христіанскихъ уже исповѣданій, и конечно, исключительно, на евреевъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Козодавлевъ, вошелъ по этимъ жалобамъ съ рапортомъ въ Сенатъ, въ которомъ хотя и указалъ, что вышесказанныя нарушенія встрѣчаются, большею частію, въ губерніяхъ, гдѣ «низкій классъ евреевъ поселенъ во множествѣ», но, въ то же время, не ходатайствовалъ о принятіи какой либо исключительной мѣры въ отношеніи евреевъ, а просилъ только Сенатъ о подтвержденіи, кому слѣдуетъ, о наблюденіи «дабы торговля непременно производима была *всѣми вообще классами торговыми*, сообразно тому, какъ въ Городовомъ Положеніи и Высочайшемъ Манифестѣ 1807 года узаконено».

Изъ обстоятельствъ дѣла ясно усматривалось, что нарушителями торговыхъ правилъ являлись не одни евреи, но мѣщане и другихъ исповѣданій, что въ г. Полоцкѣ на евреевъ, изъ мѣщанъ, жаловались ихъ же единовѣрцы купеческаго сословія, что потребность

въ какихъ либо мѣрахъ противъ сказанныхъ нарушеній вызывалась, слѣдовательно, интересами столько же христіанскаго, сколько и еврейскаго купечества, и что, наконецъ, если нарушителями являлись большею частію мѣщане изъ евреевъ, то причина этого легко объяснялась ихъ многочисленностію въ составѣ мѣщанскаго сословія вышесказанныхъ городовъ.

Поэтому, по существу дѣла и взгляду самаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, не представлялось никакихъ прямыхъ и справедливыхъ основаній къ обвиненію въ сказанныхъ безпорядкахъ однихъ только евреевъ, а слѣдовательно, и поводовъ къ принятію, въ отношеніи ихъ, въ данномъ случаѣ, какой либо исключительной мѣры. Но Сенатъ, не взирая на это, вышелъ изъ предѣловъ ходатайства Министра Внутреннихъ Дѣлъ и призналъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе о строгомъ выполненіи мѣщанами торговыхъ постановленій, въ смыслѣ исключительной мѣры, относительно однихъ только евреевъ; вслѣдствіе чего, 17 августа 1814 года, появился помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ указъ его «о пресѣченіи злоупотребленій въ производимой мѣщанами, изъ евреевъ, торговлѣ» (П. З. С., т. XXXII, № 25,639).

Обстоятельство это, могущее, на первый взглядъ, показаться не важнымъ, изобиловало, однако, вредными послѣдствіями, для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства. Разрѣшивъ вышесказанное дѣло о нарушеніи мѣщанами торговыхъ постановленій несогласно, ни съ его обстоятельствами, ни съ ходатайствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и обвинивъ въ злоупотребленіяхъ однихъ только евреевъ, вопреки строгихъ началъ правосудія, Сенатъ тѣмъ самымъ, съ одной стороны, выставилъ, совершенно произвольно, всѣхъ вообще евреевъ въ такомъ видѣ, который поддерживалъ, въ правительствѣ, низшихъ властяхъ и самомъ народѣ, общіе о нихъ предубѣжденія и предразсудки, а съ другой стороны, водворялъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, среди горожанъ, такой порядокъ, который давалъ мѣстнымъ властямъ поводы, во первыхъ, къ несправедливымъ потворствамъ и послабленіямъ, въ отношеніи нарушителей торговыхъ постановленій изъ христіанскихъ классовъ населенія, а во вторыхъ, къ произвольнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи евреевъ, вселялъ въ классахъ христіанскаго населенія сознаніе какого-то ихъ превосходства надъ евреями, равныхъ съ ними состояній, поддерживая, такимъ образомъ, непріязненныя между христіанами и евреями отношенія, слу-

жившія къ развитію между ними ссоръ и распрей, ослаблялъ въ тѣхъ и другихъ, а также въ самихъ властяхъ, чувства законности и уваженія къ распоряженіямъ высшаго правительства, какъ не основаннымъ на надлежащей справедливости, и способствовалъ, слѣдовательно, къ общей деморализаціи, и жителей и администраціи. Отъ этого не могли не пострадать и матеріальные интересы государства, такъ-какъ еврейское населеніе, по своей численности, представляло, уже и тогда, весьма существенный элементъ торговыхъ и промышленныхъ силъ страны.

Исключительность, какая была присвоена Сенатомъ постановленію, содержащемуся въ вышеупомянутомъ его указѣ 17 Августа 1814 года, явно свидѣтельствовала, что сенаторы, обсуждавшіе очередное дѣло по жалобамъ купечества на мѣщанъ, въ городахъ, гдѣ находилось значительное число евреевъ, имѣли самые невыгодныя понятія объ ихъ гражданской доброкачественности. Но такіе взгляды не были основаны, однако, на чемъ либо положительномъ и зависѣли, единственно, отъ личныхъ и предубѣжденныхъ воззрѣній сенаторовъ, въ тогдашнемъ ихъ коллегіальномъ составѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что тотъ же Сенатъ, но въ другомъ, вѣроятно, коллегіальномъ его составѣ, выразилъ, почти одновременно, совершенно противоположное о евреяхъ убѣжденіе, по поводу возникшаго тогда вопроса о томъ: слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ допускать евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, какъ по ихъ дѣламъ съ христіанами, такъ и по дѣламъ этихъ послѣднихъ между собою. Производившееся въ Сенатѣ дѣло объ этомъ восходило до Общаго Собранія первыхъ трехъ его Департаментовъ и за тѣмъ перенесено въ Государственный Совѣтъ. Въ своемъ докладѣ, по этому предмету, вышесказанное Общее Собраніе Сената, объяснило, между прочимъ, что «поелику пребывающіе, въ предѣлахъ Россіи Евреи, по указу 1795 года мая 3 и Высочайше конфирмованному объ нихъ въ 1804 году декабря 9 дня положенію, сравнены съ другими Россійскими подданными; то за симъ, лишать ихъ довѣрія и удалять отъ свидѣтельства по дѣламъ Христіанъ и между Христіанами, на основаніи заключающагося о томъ въ Литовскомъ Статутѣ раздѣла 9, Артикулъ 14, запрещенія, было бы несоотвѣтственно съ означенными узаконеніями, а по сему и надлежитъ, чтобы Евреи по дѣламъ Христіанъ и между Христіанами во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши Губерніяхъ, принимаемы были въ свидѣтели

наравнѣ съ другими Россійскими подданными, по основанію существующихъ о свидѣтеляхъ общихъ узаконеній». Изъ этого мнѣнія Сената усматривается, что онъ, въ этомъ случаѣ, какъ бы отрѣшился отъ господствовавшихъ предубѣжденій, на основаніи которыхъ давалась, обыкновенно, вѣра огульнымъ обвиненіямъ евреевъ въ гражданской ихъ недоброкачественности и закоренѣлой враждѣ и злобѣ къ христіанамъ. Нельзя, при этомъ, не обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Сенатъ временъ Императора Александра I, мотивируя свое заключеніе, по сказанному вопросу, между прочимъ, узаконеніями Императрицы Екатерины II, не сослался, однако, на состоявшійся въ ея царствованіе извѣстный сенатскій указъ 7 мая 1786 года, «объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности», коимъ въ числѣ прочихъ мѣръ было постановлено и о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ по всѣмъ, вообще, дѣламъ, безъ «различія въ законѣ». Оставленіе Сенатомъ того указа въ данномъ случаѣ, безъ вывода на справку, а также тотъ фактъ, что мѣстными властями по предмету свидѣтельскихъ показаній евреевъ примѣнялись и послѣ того Литовскій Статутъ и польскія постановленія, подтверждаютъ имѣющіеся выше выводы, что содержащіяся въ указѣ томъ постановленія, совокупности коихъ, въ наше время, многіе приписываютъ значеніе особаго Положенія о евреяхъ, въ смыслѣ законодательнаго акта самой Екатерины II, не имѣли, въ дѣйствительности, этого значенія, по взглядамъ на нихъ самихъ правительственныхъ даже органовъ того времени, но составляли, въ сущности, лишь правительственныя распоряженія самаго Сената, изложенныя и приведенныя въ дѣйствіе собственною его властію, въ порядкѣ подчиненнаго ему управленія, безъ законодательной санкціи верховной власти Императрицы. Еслибъ это было иначе, еслибъ содержащимся въ сказанномъ сенатскомъ указѣ распоряженіямъ, въ томъ числѣ и по предмету допущенія евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, присвоивалась сила и значеніе законодательныхъ постановленій или узаконеній, то не было бы, собственно говоря, и надобности возбуждать вновь законодательный объ этомъ вопросъ. Между тѣмъ, Государственный Совѣтъ, согласно съ докладомъ Общаго Собранія Сената, разсматривалъ сказанный предметъ именно въ смыслѣ вопроса, неразрѣшеннаго еще въ законодательномъ порядкѣ и требовавшаго законодательнаго постановленія.

Такимъ образомъ, по стеченію обстоятельствъ, именно въ то время, когда Сенатомъ была принята мѣра, въ столь неблагопріятномъ смыслѣ для евреевъ и понятій объ ихъ гражданскихъ качествахъ, въ Государственномъ Совѣтѣ шли жаркія пренія, по поводу возбужденнаго, Сенатомъ же, законодательнаго вопроса о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ которыхъ они, до того времени, къ такимъ показаніямъ не допускались, на основаніи прежнихъ польскихъ постановленій, остававшихся въ этомъ отношеніи, какъ видно, фактически въ силѣ. Но нужно полагать, что личные взгляды на евреевъ тогдашнихъ членовъ Государственного Совѣта, этого высшаго органа законодательной власти, какъ равно и сенаторовъ въ коллегіальномъ составѣ вышесказаннаго Общаго Собранія Сената, значительно уже различались отъ взглядовъ сенаторовъ, принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи вышепомянутаго дѣла о нарушеніи мѣщанами Городоваго Положенія; такъ-какъ, не взирая на тѣсную связь вопроса о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ по дѣламъ христіанъ, съ тѣмъ дѣломъ, которое разрѣшено Сенатомъ такъ неблагопріятно для понятій объ ихъ гражданской доброкачественности, Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ двухъ, принадлежавшихъ членамъ, отстаивавшимъ, въ данномъ случаѣ, обязательную силу польскаго статутнаго права, постановилъ мнѣніе, въ утвердительномъ смыслѣ, т. е., о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, Государю угодно было согласиться съ мнѣніемъ большинства, вслѣдствіе чего, 21 Августа 1813 г. оно и удостоилось Высочайшаго утвержденія (П. С. З., т. XXXII, № 25,649).

Изъ этого видно, что въ одно и тоже время, появились, въ отношеніи евреевъ, двѣ правительственныя мѣры, съ совершенно противоположнымъ направленіемъ, такъ-какъ одною изъ нихъ гражданская доброкачественность евреевъ какъ-бы отвергалась, другою же она, напротивъ, признавалась, и притомъ настолько, что правительство не поколебалось присвоить акту вышесказанныхъ свидѣтельскихъ показаній евреевъ значеніе и силу судебного доказательства, не взирая на то, что при существовавшей тогда системѣ формальныхъ уликъ и доказательствъ прежнихъ процессуальныхъ порядковъ, отъ присяжнаго на судѣ показанія двухъ свидѣтелей, изъ евреевъ, могла зависѣть участь личныхъ и имущественныхъ правъ христіанина.

Нѣтъ сомнѣнія, что законъ о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, представлялъ собою торжество началъ здоровой политики надъ однимъ изъ вѣковыхъ предубѣжденій противъ лицъ еврейскаго исповѣданія, возникшихъ среди христіанъ, въ средніе вѣка, и укоренившихся, въ послѣдствіи, на весьма благопріятной для нихъ почвѣ польскаго ультрамонтизма, соединеннаго съ іезуитскимъ ученіемъ послѣдователей Лойолы, которые, какъ извѣстно, стремились вообще къ достиженію своихъ религіозно-политическихъ цѣлей, не разбирая средствъ и пользуясь всякаго рода предубѣжденіями невѣжественнаго народа.

Но нельзя, однако, не замѣтить, что при томъ деградированномъ положеніи, въ какомъ евреи находились, вслѣдствіе существовавшихъ ограниченій въ ихъ правахъ, — ограниченій, изъ коихъ многія, по своему характеру, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя, по отношенію къ другимъ подданнымъ, принимались только въ видѣ карательныхъ мѣръ и налагались на отдѣльныя личности по суду, за болѣе или менѣе важные проступки и преступленія, — мѣра по допущенію евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, носила на себѣ отпечатокъ той непослѣдовательности, которая, въ практическомъ отношеніи, приноситъ, обыкновенно, болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Нельзя оспаривать общеизвѣстный фактъ, что убѣжденіе въ совершенной правдивости свидѣтельскаго показанія, на судѣ, извѣстнаго лица поддерживается, естественно, понятіемъ о немъ, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ сознаніемъ своего долга и чувствомъ собственного достоинства. Между тѣмъ, очевидно, что въ виду общаго положенія евреевъ, отнесенныхъ къ весьма низкому классу людей, неполюбовавшихся одинаковыми правами съ прочими гражданами, даже равныхъ съ ними состояній, ни судьи, ни стороны, ни публика, до которой, по отсутствію, въ то время, гласнаго судопроизводства, доходили извѣстія о процессахъ только по слухамъ, не могли имѣть твердаго и непоколебимаго убѣжденія о достаточныхъ гражданскихъ качествахъ еврея, являвшагося въ судѣ свидѣтелемъ, а слѣдовательно, и относиться съ полнымъ довѣріемъ къ его показанію. Едва ли и самъ еврей, призванный къ свидѣтельскому показанію, при своемъ угнетенномъ и деградированномъ положеніи, могъ быть, въ дѣйствительности, проникнутъ сознаніемъ своего гражданского долга и чувствомъ собственного достоинства. Правда, что, въ то время, почти тоже самое можно было бы сказать о всѣхъ, вообще, лицахъ подат-

ныхъ состояній, такъ-какъ они также не пользовались полными правами гражданства и находились, въ болѣе или менѣе, приниженномъ положеніи, особенно, если принять во вниманіе, что ихъ чувство собственнаго достоинства подавлялось еще и тѣлесными наказаніями, которымъ они подвергались, не только по суду, но и по произволу властей и лицъ высшихъ состояній; но все таки за лицами податнаго сословія другихъ исповѣданій признавались, по крайней мѣрѣ, природныя гражданскія права, между тѣмъ, какъ евреи считались совершенно чужими людьми самимъ правительствомъ, которое, однако, самимъ евреямъ непредоставляло право считать себя открыто не русскими подданными. При такой неестественной обстановкѣ общаго положенія евреевъ, не могло, конечно, установиться, въ правительствѣ и народѣ чувство общаго довѣрія къ свидѣтельскимъ ихъ показаніямъ; тѣмъ болѣе, что безпрестанно носились слухи, часто съ умысломъ распространяемые, о случаяхъ ихъ ложнаго подѣ присягою показанія.

Вслѣдствіе этого, въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, стала встрѣчаться та несообразность, что судьи, сами недовѣрившіе свидѣтельскимъ показаніямъ евреевъ, должны были, однако, по процессуальнымъ законамъ того времени о формальныхъ уликахъ, руководствоваться ихъ показаніями и основывать на нихъ свои рѣшенія, вопреки внутреннему своему убѣжденію. Это естественно содѣйствовало къ поддержанію общихъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ и поселать въ властяхъ и народѣ чувства непріязни и даже раздраженія. Такимъ образомъ, мало по малу, укоренилось и особое предубѣжденіе противъ свидѣтельскихъ показаній евреевъ, и въ этомъ отношеніи, средневѣковая форма, въ какую облакалась еще тогда еврейская присяга, сопровождавшаяся разнаго рода обрядами, застрашивающаго свойства, какъ то: надѣваніемъ на присягавшаго смертной рубахи (кителя), его разуваніемъ, зажженіемъ свѣчей, трубленіемъ въ рогъ и т. п., не ограждало евреевъ отъ составившагося общаго недовѣрія къ ихъ свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ, тѣмъ болѣе, что они обвинялись еще, при этомъ, въ разнаго рода ухищреніяхъ, съ цѣлію содѣланія для нихъ присяги не-обязательною, и что обвиненія эти служили даже поводомъ къ принятію правительствомъ особыхъ противъ этого мѣръ.

Поэтому, можно сказать, что дѣйствія польскаго правительства, въ этомъ отношеніи, представляли несравненно большую послѣдова-

тельность. Устранивъ вовсе евреевъ отъ свидѣтельскихъ показаній, по дѣламъ христіанъ, оно тѣмъ самымъ устранило и возможность какихъ либо нареканій на нихъ, по поводу религіознаго акта присяги, вслѣдствіе чего существовало и меньше поводовъ къ раздраженію народа противъ еврейскаго населенія, — раздраженію которое, при общемъ фанатизмѣ польскихъ католиковъ, могло-бы имѣть послѣдствіемъ частые взрывы всѣхъ ужасовъ средневѣковаго времени.

Конечно, при своемъ владычествѣ, не допускавшемъ такой открытой невѣротерпимости къ евреямъ, какая существовала въ Польшѣ, гдѣ преобладалъ римско-католическій элементъ, русское правительство имѣло возможность дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, рѣшительнѣе и смѣлѣе, относительно мѣръ къ отмѣнѣ прежнихъ польскихъ постановленій, на основаніи которыхъ вошло и у насъ въ обычай не допускать евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ. Но при всемъ томъ, нельзя не сказать, что одновременное признаніе и отрицаніе доброкачественности евреевъ, — признаніе, относительно одного только акта свидѣтельскаго показанія, и отрицаніе, относительно ихъ полноправности, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — по своему внутреннему противорѣчію не могло имѣть удовлетворительныхъ послѣдствій на практикѣ.

Шествуя, и послѣ того, по пути стѣсненій и ограниченій правъ евреевъ, правительство отказывало имъ, нерѣдко, въ ходатайствахъ, удовлетвореніе которыхъ могло бы служить къ облегченію ихъ участи, единственно, подъ предлогомъ ихъ неравнаго состоянія съ прочими подданными, т. е., подъ предлогомъ существованія условій, измѣненіе которыхъ зависѣло отъ самого же правительства.

Подтвержденіемъ этого служатъ, между прочимъ, тѣ основанія, по которымъ, въ 1815 году, воспослѣдовалъ отказъ евреямъ, изъ мѣщанъ, въ ихъ ходатайствѣ о разрѣшеніи имъ производить торговлю по временнымъ свидѣтельствамъ, установленнымъ, въ то время, для крестьянъ.

Выше было уже объяснено, что поощрительныя мѣры, къ земледѣлію и фабричному производству, содержащіяся въ Положеніи о евреяхъ 1804 года, не имѣли желаемого успѣха. Что не въ евреяхъ заключалась причина этого, — это подтверждалось довольно осязательнымъ образомъ данными, содержащимися въ упомянутыхъ выше всеподданѣйшемъ докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Куракина, и запискѣ Комитета, состоявшаго

подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова, изъ коихъ усматривался, между прочимъ, тотъ фактъ, что по обнародованіи того Положенія, въ одной гродненской губерніи нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ заявили желаніе перейти въ земледѣльческое состояніе, но что это не могло быть осуществлено, по недостатку, съ одной стороны, въ гродненской губерніи, казенныхъ земель, а съ другой, способовъ и средствъ, какъ у правительства, такъ и у самихъ евреевъ, къ выселенію ихъ въ другія, болѣе или менѣе, отдаленныя губерніи, въ которыхъ были предназначены для этого казенныя земли. Изъ этого видно, что и въ прежнихъ поколѣніяхъ евреевъ, существовавшихъ въ то время, когда, по невѣжественному состоянію ихъ массъ, талмудическое ученіе ихъ раввиновъ могло обнаруживать неблагопріятное на нихъ вліяніе, не замѣчалось, однако, религіозныхъ предубѣжденій противъ воздѣлыванія земли и природнаго отвращенія къ этому роду занятій. Одно это обстоятельство могло достаточно убѣждать въ несправедливости постоянно взводившагося прежде и взводимого, отчасти, еще и теперь на евреевъ обвиненія, что между ними никогда не обнаруживалось у насъ движенія въ пользу земледѣлія и хлѣбопашества и что въ евреяхъ и ихъ Талмудъ скрывается, будто, исключительно, причина, почему тогдашнія и позднѣйшія поощрительныя къ сельской промышленности мѣры остались, относительно евреевъ, мертвою буквою закона. Ниже мы возвратимся къ этому предмету, съ цѣлью подробнѣйшаго его разъясненія. Здѣсь же укажемъ только на тотъ фактъ, что вслѣдствіе, препятствій, встрѣтившихся, тогда, къ переходу евреевъ въ земледѣльческое состояніе, вся масса евреевъ осталась въ городскихъ состояніяхъ, переполняя города своимъ многочисленіемъ, не взирая на которое, было предположено выселить туда, какъ извѣстно, и тѣхъ евреевъ, которые занимались разными промыслами въ деревняхъ и селахъ. Большинство же евреевъ въ городахъ принадлежало къ мѣщанскому состоянію, такъ-какъ по общей ихъ нищетѣ, записываться въ купеческія гильдіи, даже 3-го разряда, они не имѣли средствъ, а тѣмъ болѣе пускаться въ фабричныя предпріятія и затрачивать на это капиталы. Хотя же, въ видахъ ихъ поощренія къ фабричному производству, были установлены, Положеніемъ 1804 г., также денежныя пособія отъ правительства; но пособія эти были обставлены такими формальностями, что пользованіе ими было сопряжено, для евреевъ, съ большими затрудненіями, не представляя для нихъ никакого расчета.

Вслѣдствіе этого, все населеніе евреевъ въ городахъ осталось, большею частію, при своихъ мѣщанскихъ промыслахъ, къ числу которыхъ принадлежали и ремесленные занятія. Содержаніе въ городахъ лавокъ, на основаніи Городоваго Положенія, какъ объяснено выше, было дозволено, вообще, изъ мѣщанъ, только домовладѣльцамъ, въ своихъ собственныхъ домахъ, и то съ тѣмъ лишь, чтобы они торговали въ нихъ, исключительно, издѣліями собственнаго произведенія, или плодами и овощами. Изъ приведеннаго выше указа Сената 17 Августа 1814 г. видно съ какою строгостію правительство, въ предупрежденіе подрыва платившимъ гильдейскія пошлины купцамъ, требовало соблюденія этого общаго для мѣщанъ правила, особенно отъ евреевъ. По чрезмѣрной же скученности евреевъ въ городахъ и ихъ многолюдству тамъ, предложеніе, по предметамъ мѣщанскихъ промысловъ, очевидно, должно было, до крайности, превышать спросъ на нихъ, вслѣдствіе чего, промыслы эти доставляли евреямъ весьма скудныя и даже, можно сказать, ничтожныя средства къ существованію, особенно если припомнить тѣ тяжкіе налоги, которымъ всѣ, вообще, евреи были, тогда, подвержены.

При такихъ условіяхъ, разрѣшеніе евреямъ, изъ мѣщанъ, производить торговлю, по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, составило бы, конечно, весьма существенное для тѣхъ мѣщанъ подспорье, которое могло бы облегчить ихъ участь, не безъ пользы и для казны. Это и было, конечно, причиною, почему еврейскія мѣщанскія общества рѣшились обратиться къ правительству, съ ходатайствомъ объ этомъ.

Между тѣмъ, вопросъ, возбужденный по этому предмету, тогдашнимъ департаментомъ внѣшней торговли и рассмотрѣнный, за тѣмъ, въ общемъ присутствіи департамента разныхъ податей и сборовъ и въ совѣтѣ министерства финансовъ, разрѣшенъ, какъ этимъ министерствомъ, такъ и Сенатомъ, въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. безусловнымъ отказомъ евреямъ въ такомъ ихъ ходатайствѣ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) что «въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 9 день Декабря 1804 года, постановлено причиною изданія при ономъ *особливаго*» для евреевъ положенія то, чтобы отвратить злоупотребленія и безпорядки, происходившіе во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ; на каковой случай означенное положеніе и статьи онаго признаны сооб-

разными сколько *умпренности и попеченію о истинномъ благу евреевъ*, столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется; 2) что, поѣтому, евреи въ ихъ правахъ и обязанностяхъ, въ отношеніи не только къ промысламъ, но и самому мѣсту производства оныхъ, или жительства, должны быть ограничены предѣлами такого положенія, собственно для нихъ изданнаго, доколѣ не послѣдуетъ впредь для нихъ лично другое установленіе или не будутъ имъ присвоены всѣ права коренныхъ обывателей; 3) что въ «правилахъ, Высочайшимъ Манифестомъ Февраля 11 и Именнымъ указомъ Декабря 29-го 1812 года предначертанныхъ, для торгующихъ крестьянъ (помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ), о евреяхъ ни словомъ не упомянуто, а разумѣются только крестьяне изъ коренныхъ обывателей»; 4) что за силою 11, 13, 17, 20, 23, 26 и 27 ст. Положенія о евреяхъ, никто изъ нихъ не можетъ участвовать въ повсемѣстной торговлѣ наравнѣ съ торгующими крестьянами; 5) что евреи, пользуясь свободою приписываться въ другія состоянія, не выполняя натурою рекрутской повинности и не находясь во владѣніи помѣщиковъ, не имѣютъ *затрудненій къ переходу въ купечество*, вслѣдствіе чего, было бы не свойственно и даже излишне присоединеніе къ ихъ промысламъ торговли по временнымъ свидѣтельствамъ, установленнымъ для крестьянъ, которые къ переходу въ купечество могли бы встрѣтить затрудненіе: помѣщичьи—въ недозволеніи ихъ владѣльцами, а казенные и удѣльные—ихъ обществами и начальствами, или въ лежащей на ихъ семействахъ рекрутской очереди; 6) что хотя въ ст. 29 положенія о евреяхъ и упоминается объ ихъ уравниеніи съ прочими подданными, но эта статья относится не къ промысламъ ихъ, а къ податямъ, т. е. другими словами, къ частнымъ для нихъ облегченіямъ, но не къ общимъ правамъ ихъ состоянія, которыя, по такому взгляду, какъ бы никогда не могли подлежать уравниенію съ такими же правами прочихъ подданныхъ; 7) что статья эта, во всемъ ея пространствѣ, выражаетъ цѣль «особо изданныхъ для земледѣльцевъ изъ евреевъ правилъ и преимуществъ, изъясненныхъ въ 12—19 ст. того-же положенія, каковая цѣль есть та, чтобы ихъ побудить къ постоянному занятію промыслами, по состоянію ими избранному; 8) что предоставленіе имъ, при ихъ особенныхъ преимуществахъ, пользоваться и правами торгующихъ крестьянъ, хотя бы съ ограниченіемъ губерній, для нихъ опредѣленныхъ, было бы несоотвѣтственно этой цѣли, и значило бы тоже, что подать имъ

поводъ къ уклоненію отъ земледѣлія, или позволить ежегодно перемѣнять ихъ промыслы, скитаться изъ одной страны въ другую, безъ постоянного направленія, во вредъ собственному ихъ благостоянію, при чемъ, неминуемо, могли бы возникнуть злоупотребленія, для прекращенія коихъ издано положеніе о евреяхъ, и наконецъ, 9) что «самое наименованіе ихъ въ семъ положеніи земледѣльцами, а не крестьянами, равно и *особливый образъ устройства*, отдаляетъ уже ихъ отъ сего послѣдняго класса».

Всѣ эти доводы были приняты въ уваженіе и Сенатомъ, вслѣдствіе чего, 15 Октября 1815 года, воспослѣдовалъ его указъ «о нераспространеніи на евреевъ изданнаго для торгующихъ крестьянъ Высочайшаго положенія 11 Февраля и указа 29 Декабря 1812 года» (П. С. З., т. XXXIII, № 25965).

Изъ приведенныхъ мотивовъ, содержащіеся въ 6 и 9 п.п., служатъ явнымъ доказательствомъ, что по взгляду министерства финансовъ и Сената, ходатайство евреевъ о производствѣ торговли по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, не могло бы заслуживать уваженія и въ томъ случаѣ, еслибъ оно исходило отъ тѣхъ изъ нихъ, которые перешли бы въ земледѣльческое состояніе, и это на томъ основаніи, что и такіе евреи составляютъ въ государствѣ *особый классъ, съ совершенно отдѣльнымъ отъ прочаго населенія устройствомъ*. Мысль объ особомъ положеніи евреевъ и ихъ особыхъ преимуществахъ, какъ такихъ, которыя не требуютъ дальнѣйшихъ обсужденій, лежитъ въ основаніи и всѣхъ прочихъ приведенныхъ мотивовъ, которымъ отвергнуто вышесказанное ходатайство еврейскихъ мѣщанскихъ обществъ.

Нѣтъ слова, что съ формальной стороны, согласное съ заключеніемъ министерства финансовъ постановленіе Сената было, болѣе или менѣе, правильнымъ и соотвѣтственнымъ существовавшему о евреяхъ узаконеніямъ.

Но если принять во вниманіе: 1, что по учрежденію министерствъ, въ числѣ ихъ, Министерству Финансовъ, какъ и Сенату, принадлежало и тогда право инициативы по законодательнымъ вопросамъ, и даже, въ случаяхъ особой важности, право испрошенія по дѣламъ, отъ Высочайшей власти, непосредственно или черезъ Комитетъ Министровъ, необходимыхъ мѣръ, и внѣ законодательнаго порядка, коль скоро отъ нихъ могъ зависѣть казенный интересъ, съ существенными, въ то же время, облегченіями и улучшеніями въ бытѣ извѣстнаго класса населенія, особенно столь многолюднаго, какой представ-

ляли евреи; 2) что расширеніе круга торговой и промышленной дѣятельности евреевъ, если не въ испрашивавшемся ими видѣ, то въ какомъ либо другомъ, по общей, среди ихъ, нищетѣ и сопряженнымъ съ нею вреднымъ для казны и государства послѣдствіямъ, составлялъ, и въ то время, вопросъ первостепенной важности для экономическихъ и финансовыхъ интересовъ страны; 4) что разрѣшеніе его, въ данномъ случаѣ, лишь съ формальной стороны, не имѣло инаго значенія, какъ отказа въ справедливомъ обсужденіи, съ одной стороны, дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей существенной части подданныхъ, а съ другой и интересовъ самаго государства, тѣсно связанныхъ съ экономическимъ благосостояніемъ всего въ немъ народоселенія, и 5) что изъ примѣровъ прежняго времени, ясно усматривалось, какъ милостиво Императоръ Александръ I относился къ своимъ подданнымъ, даже изъ евреевъ, каждый разъ, когда на Высочайшее его воззрѣніе повергались достаточные къ тому поводы, — то нельзя не усомниться, чтобы допущенный, въ данномъ случаѣ, министерствомъ финансовъ и Сенатомъ образъ дѣйствія вполне соотвѣтствовалъ лежавшимъ на нихъ обязанностямъ, по выполненію воли Государя и удовлетворенію требованіямъ государственной пользы. Формальный отказъ евреямъ, въ вышеупомянутомъ ихъ ходатайствѣ, доказываетъ лишь, что лицами, принимавшими участіе въ обсужденіи этой мѣры, какъ въ министерствѣ финансовъ, такъ и въ Сенатѣ, руководила какъ бы слѣдующая общая всѣмъ имъ мысль: такъ-какъ рѣчь идетъ о евреяхъ, то предпочтительнѣе оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, не взирая на вредъ, какой ни происходилъ бы отъ этого, для нихъ и для государства, чѣмъ утруждать Высочайшую власть законодательнымъ вопросомъ о какихъ либо коренныхъ измѣненіяхъ въ правахъ лицъ еврейскаго исповѣданія, признанныхъ для страны и прочихъ въ ней обывателей народомъ совершенно чуждымъ.

Нельзя также не замѣтить, что въ данномъ случаѣ, правительствомъ, какъ бы формально признано, что Положеніе 1804 г. о евреяхъ имѣетъ, исключительно, *административно-полицейскую цѣль*, т. е. клонящуюся къ упорядоченію отношеній евреевъ къ мѣстному населенію, не столько путемъ органическихъ мѣръ, основанныхъ на понятіяхъ о равенствѣ всѣхъ подданныхъ, сколько путемъ репрессій и подчиненія евреевъ строгой дисциплинѣ административныхъ и полицейскихъ властей, для воздержанія людей еврейскаго исповѣданія

отъ предполагавшихся, съ ихъ стороны, злоупотребленій и безпорядковъ, какъ бы свойственныхъ ихъ племени и религіи.

Изъ этого видно, какъ низко стояли, тогда, евреи въ воззрѣніяхъ высшихъ административныхъ вѣдомствъ и весьма многихъ лицъ, принадлежавшихъ къ коллегіальному составу Сената, которыми въ сказанномъ случаѣ, были приняты въ основаніе взгляды и соображенія, совершенно, по ихъ существу, противоположные тѣмъ, какими незадолго, передъ симъ, руководствовались члены Государственного Совѣта, въ августовскомъ его составѣ 1814 года, а также сенаторы, признавшіе въ евреяхъ достаточную гражданскую доброкачественность, для ихъ полноправности, по выполненію религіозно-гражданскаго акта свидѣтельскаго показанія, на судѣ, по дѣламъ христіанъ.

Вскорѣ послѣ отказа еврейскимъ мѣщанскимъ обществамъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайства, относительно производства торговли по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, появилась мѣра, напоминавшая содержавшуюся въ сенатскомъ указѣ 17 Октября 1776 года, вослѣдовавшемъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, которымъ, безъ ея вѣдома и вопреки ея законодательнымъ предначертаніямъ, была проведена, впервые, рѣзкая черта различія между подданными еврейскаго происхожденія, принявшими христіанскую вѣру, и тѣми, которые оставались въ своемъ законѣ, съ цѣлію, путемъ стѣсненія и ограниченія гражданскихъ правъ этихъ послѣднихъ, побудить ихъ къ скорѣйшему переходу въ христіанство. Появившаяся вновь мѣра, не измѣняя, въ принципѣ, этого положенія, присоединяла къ нему мысль организаціи поощрительнаго установленія, заключающагося въ образованіи изъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, отдѣльнаго въ государствѣ общества, съ предоставленіемъ его членамъ, въ видѣ исключительныхъ льготъ и привилегій, правъ и даже преимуществъ, въ сравненіи не только съ евреями, но, отчасти, и съ подданными христіанскихъ исповѣданій. Эта мѣра содержалась въ Именномъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 25 Марта 1817 года, опубликованномъ имъ подъ заглавіемъ: «Объ учрежденіи Комитета для всѣхъ обращающихся въ христіанство евреевъ и о дарованіи имъ правъ и выгодъ, съ отведеніемъ къ поселенію земель *въ южныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ*, подъ наименованіемъ онаго «Обществомъ израильскихъ христіанъ» (П. С. З., т. XXXIV, № 26752). Потребность въ учрежденіи особаго попечительства надъ евреями, принявшими христіанство, въ лицѣ особаго установленія, объясня-

лась, въ указѣ, тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ какомъ обыкновенно, находятся новообращенные евреи, которые, съ одной стороны, претерпѣваютъ отъ своихъ, а съ другой, не находятъ, вскорѣ, между христіанами, какъ своими новыми братьями, готоваго пристанища. Такому попечительству присвоено наименованіе «Комитета опекунства израильскихъ христіанъ», а всѣ вообще евреи, воспріявшіе христіанскую вѣру, соединены въ одно общество, подъ названіемъ, «Общества израильскихъ христіанъ». Всѣ дѣла этого общества, за исключеніемъ уголовныхъ и тяжёбныхъ, подчинены вышеозначенному Комитету, которому предоставлено право обо всемъ, касающемся того Общества, доводить до Высочайшаго свѣдѣнія, чрезъ Главноуправлявшаго Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій, такъ-какъ ему, на основаніи § 240 общаго учрежденія Министерствъ 25 Іюня 1811 года, а также Именнаго указа 18 Января 1817 года, были подчинены тогда дѣла всѣхъ вообще еврейскихъ обществъ, не только въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи (П. С. З., т. XXXIV, № 26624). Къ сказанному указу были приложены и особыя правила о правахъ и устройствѣ Общества израильскихъ христіанъ. На основаніи этихъ правилъ Обществу были предоставлены слѣдующія права: 1) право полученія отъ правительства безденежныхъ отводовъ земель, въ вѣчное и потомственное владѣніе, для усадьбы и домашняго хозяйства, съ тѣмъ, чтобы земли эти состояли въ общественномъ владѣніи израильскихъ христіанъ, безъ права, впрочемъ, ихъ залога или отчужденія въ постороннія руки, 2) право поселенія на этихъ земляхъ, на свой собственный счетъ, и право заводить на нихъ всякаго рода селенія, мѣстечки и даже города, съ правомъ жить вмѣстѣ или отдѣльно, лишь бы такіе жители не выходили изъ связи съ обществомъ израильскихъ христіанъ, 3) право пользованія полною свободою вѣроисповѣданія, *къ какому бы христіанскому закону члены общества ни принадлежали*, съ изъятіемъ ихъ изъ подъ вѣдомства мѣстныхъ властей и подчиненіемъ одному только вышесказанному Комитету и Высочайшей власти, 4) право имѣть свое особое мѣстное управленіе, въ лицѣ особаго правленія, которому были присвоены своя печать и обязанности, по снабженію членовъ общества паспортами и видами и разбору всѣхъ дѣлъ, по несогласіямъ и спорамъ между ними, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ и тяжёбныхъ о недвижимыхъ имуществахъ, наслѣдствахъ и т. п.; сказанному правленію предоставлялось также имѣть въ селеніяхъ собственную полицію, 5) полныя права

гражданства всѣмъ членамъ общества, не только въ ихъ мѣстахъ осѣлости, но и во всемъ государствѣ, вслѣдствіе чего, членамъ общества предоставлялось заниматься свободно внѣшнею и внутреннею торговлею, всякаго рода ремеслами, художествами и промыслами, имѣть дома и лавки, заводить и содержать фабрики, мануфактуры и заводы, не записываясь ни въ гильдіи, ни въ цехи, но платя только пошлины по тарифу, за привозные товары изъ-за границы; при чемъ, постороннимъ людямъ и самой казнѣ воспрещалось заводить на земляхъ израильскихъ христіанъ корчмы, питейные дома и другія подобнаго рода строенія, 6) право пользованія сказанными членами, съ потомствомъ, свободою отъ всякаго рода службы, гражданской и военной; причемъ, членамъ тѣмъ не воспрещалось, однако, поступать въ нее по собственному желанію; вмѣстѣ съ симъ, они освобождались отъ всякаго рода земскихъ повинностей, какъ-то: постоянной, квартирной, подводной, почтовой и т. п., съ льготою и отъ платежа государственныхъ податей, срокомъ на 20 лѣтъ, по прошествіи которыхъ они должны были платить «ту самую подать, какую прочіе природные русскіе подданные, по разнымъ состояніямъ, платятъ, т. е. купцы—проценты съ объявляемаго ими капитала, а ремесленники и мастеровые—мѣщанскую подать», 7) выѣзжать изъ Россіи во всякое время, по желанію, но съ тѣмъ, чтобы каждый заплатилъ, предварительно, всѣ свои долги и внесъ въ казну трехгодичную подать, съ показаннаго ихъ начальствомъ капитала, по совѣсти. Иностраннымъ евреямъ, принявшимъ христіанство, было разрѣшено, этимъ же указомъ, вступать въ члены общества израильскихъ христіанъ, съ правомъ пользованія всѣми предоставленными имъ правами, не исключая и обратнаго выѣзда изъ Россіи, подъ вышесказанными условіями. Комитету опекунства надъ членами общества было вмѣнено въ обязанность составить подробнѣйшее положеніе о мѣстномъ управленіи общества и всемѣрно пе щ и с ь о пользахъ, благоустройствѣ и благосостояніи его, а также объ образованіи и воспитаніи въ немъ юношества въ правилахъ христіанства.*

Изъ этого видно, что правительство имѣло намѣреніе образовать изъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, какъ бы отдѣльное, привилегированное въ государствѣ, сословіе, съ присвоеніемъ лицамъ, къ нему принадлежащимъ, правъ и преимуществъ, по ихъ объему, несравненно обширнѣйшихъ, въ сравненіи даже съ тѣми, какими

пользовались лица свободныхъ состояній всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, не исключая православнаго.

Очевидно, что здѣсь преслѣдовалась религіозная цѣль, которая, отчасти, могла бы быть понятною, еслибъ такое своеобразное учрежденіе имѣло предметомъ однихъ евреевъ, принявшихъ *православное исповѣданіе*. Но въ виду того, что вышесказанныя права и преимущества распространялись, въ одинаковой мѣрѣ, на евреевъ, которые приняли бы христіанство, по законамъ другихъ исповѣданій, то цѣль эта, съ государственной точки зрѣнія, дѣлалась не вполне удобопонятною, такъ какъ забота и попеченіе объ интересахъ христіанскихъ исповѣданій, чуждыхъ Греко-Восточной православной вѣрѣ, не могли входить въ кругъ обязанностей русскаго правительства, призваннаго, какъ извѣстно и какъ объяснено уже выше, къ защитѣ и оборонѣ лишь одного православнаго закона. Поэтому, остается совершенно не разъяснимымъ, чьи именно религіозные интересы преслѣдовались учрежденіемъ общества израильскихъ христіанъ, но, во всякомъ случаѣ, можно, кажется, безошибочно сказать, что не православной церкви, такъ какъ евреи, обратившіеся въ иновѣрные христіанскія исповѣданія, и притомъ, не столько по внутреннему убѣжденію, сколько по расчетамъ матеріальныхъ выгодъ, не могли, конечно, представлять для нея, а слѣдовательно, и для русскаго государства, желаемыхъ прозелитовъ. Распространеніе же широкихъ правъ и преимуществъ вышесказаннаго общества на евреевъ чужеземныхъ, съ предоставленіемъ имъ права, не вступая въ русское подданство, возвращаться обратно въ свои страны, представляло мѣру, которая, въ политическомъ отношеніи, могла быть, въ нѣкоторой степени, даже вредною, такъ-какъ это могло привлекать въ Россію лицъ еврейскаго происхожденія, разныхъ христіанскихъ исповѣданій, изъ числа такихъ даже свободныхъ толковъ или сектъ, которые могли распространять въ народѣ вѣрованія, взгляды и воззрѣнія, несогласныя съ религіозно-политическими интересами государства. Въ этомъ отношеніи, дѣйствія правительства представлялись нѣсколько цѣлесообразнѣе, въ то даже время, когда евреи, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ подвергались изгнаніямъ изъ Россіи, ибо, одновременно съ этимъ, дѣлалось распоряженіе, чтобы тѣ изъ нихъ, которые, пожелавъ остаться въ Россіи, окрестились бы въ православную вѣру, отнюдь не были уже выпускаемы изъ государства, какъ это видно изъ Именнаго указа Императрицы Елисаветы Петровны, 2 декабря 1742 года, въ кото-

омъ было, между прочимъ, сказано: «и впредь оныхъ (жидовъ) ни подъ какимъ видомъ въ нашу Имперію ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, каковыхъ крестя въ нашей Имперіи, жить имъ позволить, *только вонъ ихъ изъ Государства уже не выпускать*», (П. С. З., т. XI, № 8673).

Вслѣдствіе этого, нельзя не прійти къ заключенію, что заботы и попеченія объ устройствѣ участи какой либо горсти лицъ изъ евреевъ, *разнородныхъ христіанскихъ исповѣданій*, и предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ гражданскому благосостоянію и развитію, среди ихъ, образованія, въ то время, какъ многочисленное населеніе остальныхъ евреевъ было лишено этихъ способовъ и обречено коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ, представлялъ такой образъ дѣйствія, который едва ли могъ оправдываться дѣйствительною пользою для государства и господствующей въ немъ Церкви.

Между тѣмъ, проведеніе вновь правительствомъ рѣзкой черты различія въ правахъ между евреями—христіанами и евреями, оставшимися вѣрными своему исповѣданію, выдвигая, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, религіозныя цѣли правительства, присвоивало всѣмъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ ихъ правъ смыслъ религіознаго ихъ гоненія и нарушенія свободы ихъ совѣсти, въ дѣлѣ религіи. Мы увидимъ ниже, что правиламъ общества израильскихъ христіанъ присвоивалось правительствомъ руководящее значеніе въ его образѣ дѣйствія, и по дѣламъ, касавшимся гражданскихъ правъ евреевъ. Это налагало на все многочисленное ихъ у насъ населеніе еще большую печать отверженія, какъ въ понятіяхъ народа и властей, такъ и въ глазахъ самихъ евреевъ, которые, вслѣдствіе этого, пріобрѣтали какъ бы новый законный поводъ къ развитію среди себя неблагопріятныхъ, для цѣли ихъ сліянія съ кореннымъ населеніемъ, религіозно-политическихъ взглядовъ на себя, какъ на народъ, для котораго Россія не есть отечество, въ совершенную противоположность взглядамъ и понятіямъ, которыя стали укореняться среди евреевъ, уже въ то время, въ иностранныхъ державахъ, особенно тѣхъ, гдѣ евреямъ были предоставлены полныя права гражданства, какъ то: во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и даже Пруссіи, изъ коихъ въ послѣдней, они, по закону 11-го марта 1812 года, были уравнены въ правахъ съ прочими подданными, отправляли уже воинскую повинность натурою и считали свою страну на столько своимъ природнымъ

отечествомъ, что, при тогдашнихъ войнахъ, принимали участіе въ его защитѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и своими подвигами обращали на себя вниманіе военнаго начальства ¹⁾).

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что несогласность и даже, въ большинствѣ случаевъ, совершенное противорѣчіе изъясненнаго образа дѣйствія правительства, съ экономическими и финансовыми интересами страны, и были, именно, главною причиною тѣхъ постоянныхъ колебаній, какія замѣчались въ принимавшихся, относительно евреевъ, исключительныхъ мѣрахъ.

Примѣромъ этого можетъ служить, между прочимъ, тогдашняя нерѣшительность правительства въ его образѣ дѣйствія, по отношенію къ правиламъ о евреяхъ по винокуренію и продажѣ питей, въ мѣстахъ, находившихся внѣ ихъ осѣдлости, т. е. въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Нѣсколько дней спустя послѣ указа о израильскихъ христіанахъ, а именно 2 апрѣля 1817 года, изданъ питейный уставъ для 29-ти великороссійскихъ губерній, гдѣ въ примѣчаніяхъ къ § 162, было постановлено, что во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, на кои распространяется сила устава о питейномъ сборѣ, евреи не должны быть допускаемы, ни къ винокуренію, ни къ дѣланію водокъ и варенію пива и меда, ни къ продажѣ означенныхъ напитковъ, въ мѣстахъ, для того установленныхъ (П. С. З., т. XXXIV, № 26764).

¹⁾ Государственный канцлеръ Пруссіи, князь Гарденбергъ, писалъ, въ то время, къ прусскому посланнику въ Гамбургѣ, между прочимъ, слѣдующее: „обстоятельства послѣдней войны (1812 г.) противъ Франціи недавно доказали, что они (евреи) выказали свою преданность государству, принявшему ихъ въ число своихъ сыновъ. Юноши изъ евреевъ были товарищами по оружію ихъ согражданъ изъ христіанъ, и мы имѣемъ, и среди ихъ, примѣры геройскаго мужества и самоотверженія, въ минуты военной опасности; прочіе изъ ихъ населенія, въ томъ числѣ и женщины, отличались, разнаго рода самопожертвованіями, наравнѣ съ христіанами“ (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, II sect., H—N, 27 Theil, стр. 297.—Закономъ 11 марта 1812 года евреи, въ Пруссіи, были подвергнуты конскрипціи только по земскому ополченію, а закономъ 3 сентября 1814 года, они подчинены тамъ и общей рекрутской повинности натурою (Die früheren und gegenw. Verhaelt. der Juden des Preussischen Staates. L. f. Rönne u. Heinrich Simon. 1843, стр. 51—53, 264). Въ Австріи, евреи еще ранѣе уравниены въ правахъ съ прочими подданными и подчинены натуральной рекрутской повинности, а именно, при импер. Іосифѣ II, закономъ 13 мая 1781 г. (Encycl., стр. 279; Rönne u. Simon, стр. 21).

Между тѣмъ, черезъ два года послѣ того, а именно 6 мая и 4 ноября 1819 года, состоялись два Высочайше утвержденныя положенія Комитета Министровъ, которыми, въ противорѣчіе съ этимъ общимъ постановленіемъ, въ виду разныхъ практическихъ соображеній, было признано возможнымъ и полезнымъ дарованіе евреямъ нѣкоторыхъ тамъ правъ, по винокурению и выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ.

Такъ, первымъ изъ этихъ положеній Комитета Министровъ, по просьбѣ самихъ русскихъ помѣщиковъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, и на основаніи отзывовъ многихъ вице-губернаторовъ, которымъ была подчинена тогда въ губерніяхъ винная часть, а также въ виду мнѣнія, высказаннаго, по этому предмету, извѣстнымъ Сперанскимъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Пензѣ, евреямъ, согласно съ заключеніемъ и самого Министра Финансовъ, разрѣшено право занятія винокурениемъ, въ качествѣ мастеровъ, въ вышеозначенныхъ губерніяхъ, а слѣдовательно, внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости.

Другимъ же изъ вышесказанныхъ положеній Комитета Министровъ, по просьбѣ еврея Левина и согласно съ представленіемъ по ней Министра Финансовъ, разрѣшено, вообще, допустить евреевъ къ выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ въ великороссійскихъ же губерніяхъ (П. С. З., т. XXXVI, №№ 27,794 и 27,963).

Такимъ образомъ, почти вслѣдъ за изданіемъ вышесказаннаго питейнаго устава, состоялись двѣ правительственныя мѣры, противорѣчившія имѣвшимъ въ немъ общимъ, въ этомъ отношеніи, постановленіямъ и содержавшимся въ самомъ Положеніи 1804 года.

Хотя же министерство финансовъ, для приданія легальнаго вида своимъ заключеніямъ, по вопросамъ о допущеніи евреевъ въ внутреннихъ губерніяхъ къ винокурению и выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ, сослалось на 28 ст. того Положенія, въ которой сказано, что фабриканты, ремесленники, художники и купцы изъ евреевъ, «по дѣламъ коммерческимъ, а также для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства», могутъ временно пріѣзжать во внутреннія губерніи; но истолкованіе этого постановленія, въ пользу вышесказанныхъ мѣръ, составляло, въ сущности, ничто иное, какъ обходъ строгихъ воспрещеній, содержавшихся въ ст. 34 и слѣдующихъ постановленіяхъ Положенія, относительно занятія евреями винною частію въ деревняхъ и селахъ; такъ-какъ изъ ихъ смысла никакъ нельзя было сдѣлать правильнаго и вполне точнаго вывода, чтобы подъ понятіе о коммерческихъ дѣлахъ, художествахъ и «особ-

ливомъ» искусствѣ могло быть подведено мастерство въ винокурении и даже выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ и чтобы Положеніе 1804 г. могло быть правильнымъ образомъ истолковано въ этотъ смыслѣ, для допущенія евреевъ къ сказаннымъ занятіямъ въ селеніяхъ, не только великорусскихъ губерній, но и въ тѣхъ, гдѣ они имѣли постоянную осѣдность. Истолкованіе, въ приведенныхъ случаяхъ, постановленій Положенія въ пользу евреевъ, было, слѣдовательно, натяжкою, свидѣтельствовавшею объ ощущавшемся противорѣчій ограничительныхъ мѣръ, относительно евреевъ, съ практическими интересами государства.

При другихъ обстоятельствахъ и иныхъ лицахъ, взгляды на этотъ предметъ могли бы быть совершенно иные, почему могло бы быть совершенно инымъ и истолкованіе смысла постановленія о коммерческомъ дѣлахъ, художествахъ и «особливомъ» искусствѣ евреевъ, какъ законнаго основанія къ расширенію ихъ правъ по питейной части. Принятое Комитетомъ Министровъ, въ данныхъ случаяхъ, истолкованіе того постановленія, въ смыслѣ министерства финансовъ, обуславливалось личными взглядами тогдашнихъ членовъ Комитета и доказываетъ, въ какой степени правительство само стѣсняло себя неестественнымъ положеніемъ евреевъ и лежавшими въ его основаніи скрытыми религіозными цѣлями и другими побужденіями, основанными на предубѣжденіяхъ и предрасудкахъ, относительно лицъ еврейскаго закона.

Измѣнчивость взглядовъ правительства на евреевъ, въ отношеніи ихъ права занятій по питейной части, и даже жительства, усматривается еще, между прочимъ, довольно характеристически, изъ состоявшихся, нѣсколько позднѣе, двухъ отдѣльныхъ его распоряженій по содержанію евреями питейныхъ домовъ (кабаковъ), въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Оба эти распоряженія заключаются въ Высочайше утвержденныхъ Положеніяхъ Комитета Министровъ 29 Ноября 1821 и 13 Мая 1822 г. (П. С. З., т. XXXVII, № 28821 и т. XXXVIII, № 29036).

Изъ перваго Положенія Комитета Министровъ видно, что военный губернаторъ черниговской губерніи, имѣвшій, вѣроятно, свои личныя воззрѣнія на евреевъ, вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ изобразилъ ихъ, съ своей точки зрѣнія, людьми положительно вредными для коренныхъ обывателей, такъ-какъ, по его объясненію, всѣ вообще евреи по виннымъ откупамъ и торговлѣ питіями являлись «перекупщиками» и «содержать въ тяжкомъ порабощеніи крестъ-

янъ и казаковъ». Этого было достаточно, для тогдашнихъ высшихъ властей, чтобы взглянуть на евреевъ такимъ же точно образомъ и принять, по черниговской губерніи, самая строгія, относительно ихъ, мѣры, не входя въ обсужденіе, что именно разумѣлось губернаторомъ подъ «перекупщиками» и «порабощеніемъ евреями крестьянъ и казаковъ», и не отдавъ себѣ достаточнаго отчета, что то и другое могло быть только естественнымъ дѣйствіемъ торговой и промышленной конкуренціи, прекращеніе которой со стороны евреевъ, посредствомъ устраненія ихъ отъ участія въ винныхъ откупахъ и содержанія питейныхъ домовъ, могло быть весьма убыточнымъ, какъ для казны, такъ и для самихъ крестьянъ, ибо конкуренція та могла легко перейти тогда въ руки другихъ такихъ же перекупщиковъ, изъ казаковъ или другихъ людей, которые держали бы крестьянъ, быть можетъ, еще въ большемъ порабощеніи, съ меньшею пользою для казны.

Такимъ образомъ, съ этихъ сторонъ, представленіе военнаго губернатора осталось безъ всякаго обсужденія, какъ въ министерствѣ финансовъ, такъ и въ Комитетѣ Министровъ, который, руководствуясь, преимущественно, одними личными взглядами губернатора и общими предубѣжденіями противъ евреевъ, призналъ нужнымъ испросить Высочайшее повелѣніе къ принятію по черниговской губерніи слѣдующихъ мѣръ: 1) составить евреямъ по всѣмъ повѣтамъ списки, съ показаніемъ въ нихъ: «гдѣ кто» изъ евреевъ «и по какой причинѣ имѣетъ жительство»; 2) оставить на ономъ только тѣхъ евреевъ, кои окажутся живущими въ деревняхъ, по предмету казенной винной продажи, законнымъ образомъ, по указу 14 Марта 1811 г., за ними состоящей, или по другимъ актамъ, законами дозволеннымъ, ограничивъ число ихъ однимъ семействомъ на каждый питейный домъ, значащійся въ откупѣ по вѣдомостямъ Казенной Палаты; 3) «всѣхъ прочихъ» евреевъ, «подъ какимъ бы предлогомъ они не водворялись въ казенныхъ селеніяхъ, яко учинившихъ то въ противность Высочайше конфирмованнаго о евреяхъ положенія и *существенно для обывателей вредныхъ*, выслать безъ замедленія въ тѣ города и мѣстечки, гдѣ кто изъ нихъ состоитъ записаннымъ по ревизіи», и 4) по окончаніи «откупа на текущее четырехлѣтіе, отдачу имъ въ содержаніе кабаковъ и *пребываніе въ Черниговской губерніи вовсе воспретитъ*».

Изъ этого усматривается, что личный взглядъ черниговскаго военнаго губернатора, въ данномъ случаѣ, былъ встрѣченъ въ пра-

вительственной сферѣ съ такимъ сочувствіемъ, что лица, облеченныя въ то время, высшею правительственною властію, не поколебались испросить для всей черниговской губерніи, не взирая на то, что по Положенію 1804 г., она принадлежала къ числу мѣстностей, гдѣ евреямъ было дозволено постоянное жительство, какъ бы особую льготу, въ ея огражденіе отъ пребыванія въ ней евреевъ, т. е. такую мѣру, какой домогалось, въ 1810 году, въ отношеніи г. Кіева, мѣстное тамъ купечество и магистратъ, но которая, по докладу Государю тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, своихъ личныхъ соображеній по этому предмету, не удостоилась, однако, Высочайшаго утвержденія.

Но видно, что вскорѣ самимъ правительствомъ была усмотрѣна несообразность мѣры, принятой по черниговской губерніи, въ отношеніи евреевъ, такъ-какъ другимъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 13 Мая 1822 года, хотя тѣ же мѣры распространены и на Полтавскую губернію, но съ разъясненіемъ, что евреямъ дозволяется имѣть жительство въ обѣихъ этихъ губерніяхъ и пользоваться правомъ питейной продажи въ городахъ и мѣстечкахъ, на точномъ основаніи изданнаго о нихъ Положенія.

При тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, какія принимались, вообще, въ отношеніи евреевъ, и тяжести податей и налоговъ, какіе они несли, положеніе ихъ, какъ уже сказано выше, не могло быть инымъ, какъ весьма бѣдственнымъ, о чемъ правительству было вполнѣ извѣстно, по свѣдѣніямъ, которыя доводились до него мѣстными губернскими начальствами.

Не взирая на это, евреи и ихъ кагалы подвергались самымъ строгимъ мѣрамъ взысканія за неисправный платежъ податей и особенно за *прописку* ревизскихъ душъ. Мѣры эти заключались, не только въ тяжкихъ денежныхъ пеняхъ и штрафахъ, но во взятіи подъ стражу и заключеніяхъ даже въ тюрьму, какъ неисправныхъ плательщиковъ, такъ и членовъ кагала, на которомъ, по принятому тогда порядку, лежала отвѣтственность за неисправный взносъ евреями податей ¹⁾).

¹⁾ Въ Пруссіи, первоначально, существовали тоже еврейскія общества, съ отдѣльнымъ гражданскимъ устройствомъ и денежною отвѣтственностью за своихъ единовѣрцевъ, по платежу податей и даже за ущербы и убытки, ими причинявшіеся; но существованіе такихъ обществъ признано вред-

Въ 1817 году, правительствомъ признано, однако, нужнымъ войти въ положеніе евреевъ и допустить для нихъ нѣкоторыя, въ этомъ отношеніи, облегченія.

Потребность въ такой мѣрѣ была повергнута даже на Высочайшее воззрѣніе, почему Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 19 Апрѣля того года, «объ учиненіи повѣрки *прописныхъ* евреевъ, по всѣмъ тѣмъ губерніямъ, гдѣ имъ жить дозволено», хотя и вмѣнено кагаламъ съ строгую обязанность къ 1 Іюля 1818 года привести въ извѣстность все количество сказанныхъ евреевъ, съ тѣмъ, чтобы за тѣмъ не оставалось въ Россіи ни одного такого еврея, а для болѣе надежныхъ изслѣдованій о *прописныхъ душахъ* евреевъ предписано командировать особыхъ чиновниковъ отъ Министерства Финансовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ *бѣдному состоянію всѣхъ вообще евреевъ*, дарована еврейскимъ обществамъ льгота отъ платежа за прописныя души, о которыхъ было бы заявлено до 1-го Іюля 1818 года, какъ недоимокъ за прежнее время, такъ и пени и штрафовъ за каждую такую душу, установленныхъ Манифестомъ о 7 ревизіи, въ размѣрахъ: первая 500 руб., а вторые—двойнаго оклада подати. Одновременно съ этимъ, повелѣно, равнымъ образомъ, освободить изъ-подъ стражи и тюремнаго заключенія всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые до того были подвергнуты этимъ мѣрамъ взысканія, подобно тому, какъ еще прежде были освобождены отъ нихъ члены кагаловъ въ г. Кіевѣ. По истеченіи же вышеозначеннаго срока, т. е. послѣ 1 Іюля 1818 года, тѣмъ же Именнымъ указомъ, было повелѣно подвергать евреевъ за прописку душъ пенямъ и штрафамъ, на основаніи Манифеста о 7 ревизіи, безъ всякихъ послабленій.

Исключенія, въ этомъ отношеніи, не было сдѣлано никакого для прописныхъ душъ даже изъ числа евреевъ старыхъ, дряхлыхъ, находящихся въ крайнемъ убожествѣ и дѣтей разнаго возраста, не только мужескаго, но и женскаго пола, не взирая на заявленіе ходатайства объ этомъ, еще въ 1808 году, со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Кочубея (П. С. З., т. XXX, № 22837 и т. XXXIV, № 26805).

нымъ, и при Королѣ Вильгельмѣ II, оно прекращено на основаніи закона 18 Іюля 1801 г. Съ тѣхъ поръ, существуютъ тамъ однѣ лишь религіозныя общины евреевъ, безъ всякихъ административныхъ или политическихъ отѣнковъ (Allg. Encyclop. der Wissensch. u. Künst., H—N, подъ словомъ: Juden, стр. 94).

Вслѣдствіе этого, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, встрѣчались, иной разъ, достойные сожалѣнія случаи. Такъ, на примѣръ, въ 1819 г., въ подольскую казенную палату, не смотря на то, что подача ревизскихъ сказокъ лежала на обязанности кагаловъ, явилась многочисленная толпа евреевъ обоого пола, по своей дряхлости и убогости, а также дѣтскому возрасту, поразившихъ начальство. На вопросъ, почему они лично подаютъ сказки, а не черезъ ихъ кагалы, послѣдоваль отвѣтъ, что они не имѣютъ никакого пристанища, по отказу со стороны кагаловъ въ припискѣ ихъ къ своимъ обществамъ.

Дѣло объ этомъ доходило до Сената, который, согласно съ мнѣніемъ Министровъ Финансовъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, а также съ истребованнымъ, предварительно, заключеніемъ подольскаго губернскаго кагала *), нашелъ справедливымъ и соответствующимъ правиламъ уравнительной раскладки податей, причислить «старыхъ, дряхлыхъ и въ крайнемъ убожествѣ находящихся евреевъ къ тѣмъ обществамъ, къ коимъ кто изъ нихъ окажется по родству и принадлежащимъ, а не имѣющихъ родственниковъ» распределить «по всѣмъ кагаламъ подольской губерніи, по соразмѣрности числа душъ», о чемъ и состоялся, 28-го Февраля 1819 года, указъ Сената, но какъ видно изъ него, безъ освобожденія обществъ отъ платежа за души тѣхъ евреевъ, какъ текущихъ платежей, такъ и недоимокъ, а также отъ пеней и штрафовъ за пропускъ срока (1 Іюля 1818 года), для подачи ревизскихъ сказокъ (П. С. З., т. XXXVI, № 27700).

Что касается до количества обнаруженныхъ, въ то время, самими кагалами прописныхъ душъ евреевъ, которые, на основаніи Именнаго указа 19 Апрѣля 1817 года, при заявленіи о нихъ, въ установленный срокъ, имѣли право воспользоваться дарованною этимъ указомъ льготою отъ платежа недоимокъ, пени и штрафовъ; то оно представлялось въ числѣ 135,000 душъ. Это видно изъ состоявшагося, 24 Іюня 1819 года, Высочайше утвержденнаго Положенія Комитета Министровъ, которымъ, согласно съ заключеніемъ Министра Финансовъ, въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о прописныхъ еврейскихъ душахъ, въ виду того обстоятельства, что командированіе особыхъ чиновниковъ въ мѣста осѣдлости евреевъ, обнимавшихъ 15 губерній,

*) Изъ этого, между прочимъ, видно, какое широкое значеніе было присвоено, въ то время, еврейскимъ кагаламъ, въ административномъ отношеніи.

потребовался бы значительный расходъ, предписано руководствоваться установленнымъ для этого общимъ порядкомъ, т. е. возложить производство такихъ изслѣдованій на обязанности военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, съ тѣмъ однако, чтобы вмѣстѣ съ ихъ чиновниками участвовали въ этомъ дѣлѣ уѣздные стряпчіе, подъ руководствомъ губернскихъ, что, конечно, въ сравненіи съ вышесказаннымъ общимъ порядкомъ, составляло, по отношенію къ евреямъ, мѣру исключительной строгости (П. С. З., т. XXXVI, № 27,853, а). Весьма понятно, что въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, евреи ничѣмъ не были ограждены отъ произвола сказанныхъ чиновниковъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, которымъ и здѣсь открывался широкій просторъ къ разнаго рода произвольнымъ дѣйствіямъ надъ личностью и имуществомъ евреевъ, не щадившихъ, конечно, своихъ послѣднихъ средствъ, для пріобрѣтенія возможности къ утайкѣ своихъ душъ, чтобы этимъ способомъ достигать нѣкоторыхъ хотя облегченій отъ тяжести по платежу лежавшихъ на нихъ податей.

Не смотря на такое, по истинѣ, бѣдственное, тогда, положеніе общей массы евреевъ, правительство не обнаруживало, однако, особыхъ заботъ къ облегченію ихъ участи, а напротивъ, какъ бы изыскивало предлоги къ возможно большому удрученію ихъ податями, при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ. Такъ, при возникшемъ въ Сенатѣ вопросѣ, какое число слѣдуетъ считать послѣднимъ срокомъ, установленнымъ Именнымъ указомъ 19 Апрѣля 1817 г., для подачи евреями заявленій о своихъ прописныхъ душахъ: 30 Іюня или 1 Іюля 1818 года, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу 30 Іюня; вслѣдствіе чего, заявленія, поданныя на другой день, т. е. 1-го Іюля, было постановлено признавать просроченными, а всѣ души, заявленія о которыхъ были помѣчены этимъ числомъ — не имѣющими уже права на льготу отъ пошлинъ, пеней и штрафовъ, о чемъ и состоялся 16-го Февраля 1822 года особый указъ Сената (П. С. З., т. XXXVIII, № 28931).

Это не повело, конечно, ни къ какимъ полезнымъ практическимъ послѣдствіямъ для казны, такъ-какъ въ результатѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія недоимокъ на евреяхъ и ихъ обществахъ, приходилось, большею частію, слагать ихъ со счетовъ, по ихъ совершенной безнадежности.

Быстрое возрастаніе на евреяхъ недоимокъ и конечный результатъ этого видны, между прочимъ, изъ обстоятельствъ, встрѣтившихся

въ подольской губерніи и вызвавшихъ Высочайшую мѣру. Обстоятельства эти слѣдующія.

Начальникъ подольской губерніи, въ 1825 году, доводя до свѣдѣнія Министра Финансовъ о крайне стѣснительномъ положеніи евреевъ въ подвѣдомственной ему губерніи, сообщилъ, между прочимъ, что вслѣдствіе дарованныхъ еврейскимъ обществамъ, на основаніи Именнаго указа 19 Апрѣля 1817 года льготъ отъ взысканій за утайку прописныхъ душъ, о которыхъ было бы сдѣлано заявленіе къ 1 Іюля 1818 года, число евреевъ, показанныхъ тамъ, въ послѣднемъ изъ двухъ означенныхъ годовъ, по ревизскимъ сказкамъ, въ количествѣ 17816 душъ, возрасло до 66015 душъ. Вслѣдствіе же зачисленія въ податной окладъ вновь объявленныхъ евреевъ, частію съ двойными, частію же съ одинакими податями ¹⁾, смотря по времени подачи о нихъ сказокъ, количество числившихся на нихъ недоимокъ внезапно умножилось и достигло цифры, простиравшейся до 1.618,745 р., къ платежу которыхъ, вмѣстѣ съ накоплавшимися непрерывно текущими податями, не смотря на шестилѣтнюю разсрочку такихъ платежей, предоставленную, съ 1820 года, ревизовавшимъ губернію сенаторомъ, еврейскія общества оказываются несостоятельными. Къ этому присоединилось еще то неблагопріятное обстоятельство, что между ними явилось много нищихъ, старыхъ и калѣкъ, которые, опасаясь лично взысканій за прописку своихъ душъ и бродяжничество, подали о себѣ и своихъ семействахъ дополнительныя сказки, въ числѣ 5838 душъ, и хотя, на основаніи вышеупомянутаго указа Сената, состоявшагося 28 Февраля 1819 года, они и были распределены по различнымъ еврейскимъ обществамъ, но тѣмъ не менѣе на нихъ начислено недоимки, въ количествѣ до 350,506 руб. Между тѣмъ, въ числѣ ихъ оказалось много такихъ, которые, до воспрещенія заграничнымъ евреямъ водворяться въ Россіи ²⁾, перешли въ По-

¹⁾ Одинаковая подать разумѣлась та, которую евреи платили въ двойномъ размѣрѣ противъ христіанъ; слѣдовательно, двойная штрафная подать, для прописныхъ еврейскихъ душъ, представлялась въ *четверномъ* размѣрѣ, въ сравненіи съ податями, какими были обложены непрописныя души изъ числа лицъ податнаго состоянія всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій.

²⁾ Воспрещеніе о которомъ здѣсь говорится, есть то, которое содержится въ Высочайше утвержденномъ, 15 Марта 1824 г., положеніи Комитета Министровъ (П. С. З. т. XXXIX, № 30004). Но еврейскія общества и кагалы изъ ихъ единовѣрцевъ признавали не своими, а чужестран-

подольскую губернію изъ Австріи и не имѣя, большею частію, ни какой собственности, привыкли къ праздной и непостоянной жизни. Почему, кагалы ходатайствовали, одни, объ освобожденіи ихъ отъ отвѣтственности въ податяхъ и недоимкахъ за людей, приписанныхъ къ ихъ обществамъ, безъ ихъ на то согласія; другіе же—о разсрочкѣ, по крайней мѣрѣ, и постепенномъ взысканіи недоимокъ, безъ пени и штрафовъ, такъ-какъ они, кагалы, не признаютъ себя виновными въ несвоевременной подачѣ тѣми евреями ревизскихъ о себѣ сказокъ. При этомъ, начальникомъ губерніи было заявлено, что всѣ, вообще, еврейскія общества находятся въ *весьма бѣдномъ положеніи*, и особенно во владѣльческихъ мѣстечкахъ, гдѣ они обложены еще другими сборами ¹⁾, и что изъ числа приписанныхъ къ кагаламъ евреевъ, большая ихъ часть, будучи совершенно разорена, по случаю бывшихъ пожаровъ, разошлась по неизвѣстнымъ мѣстамъ, откуда евреи эти въ свои общества болѣе не являлись. Вслѣдствіе этого, начальникъ губерніи ходатайствовалъ о слѣдующихъ мѣрахъ: 1) о сложеніи съ еврейскихъ обществъ начисленныхъ на нихъ казенною палатою двойныхъ податей за приписанныхъ къ нимъ, съ недоимкою, «прописныхъ стороннихъ евреевъ»; 2) о разсрочкѣ одинакихъ за нихъ податей, по крайней мѣрѣ, на три года, безъ взысканія пени и 3) о разрѣшеніи губернскому начальству, для обезпеченія взноса недоимокъ и податей за сказанныхъ евреевъ, причислять ихъ, по усмотрѣнію начальства, къ состоятельнѣйшимъ изъ еврейскихъ обществъ подольской губерніи.

ными, и тѣхъ, которые переселились въ Россію изъ Австріи и другихъ державъ, еще до воспослѣдованія вышесказаннаго Высочайшаго повелѣнія, не смотря на ихъ продолжительное уже пребываніе у насъ, изъ нежеланія приписывать ихъ къ своимъ обществамъ, отвѣчавшимъ тогда за исправный взносъ евреями податей. Обстоятельство это не говоритъ, кажется, въ пользу предполагающейся племенной и религіозной сплоченности всѣхъ евреевъ между собою.

¹⁾ Изъ Именнаго указа 18 Января 1806 г., воспослѣдовавшаго по докладу Министра Финансовъ, объ обращеніи въ казну пріобрѣтеннаго правительствомъ, покупкою, отъ графа Потоцкаго, въ Подольской губерніи, г. Могилева, на Днѣстрѣ, видно, на примѣръ, что въ этомъ городѣ числилось христіанскаго закона, изъ грековъ, сербовъ и валаховъ, купцовъ 69, мѣщанъ 512 душъ, а изъ евреевъ: купцовъ 29, а мѣщанъ 1114 душъ. Всѣ они платили владѣльцу чиншъ, съ тою разницею, что греки, сербы и валехи платили его, по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцемъ, а евреи—*обязательно*, кромѣ того, они платили еще подать съ винограднаго вина и водки.

Комитетъ Министровъ, согласно съ заключеніемъ Министра Финансовъ, принявъ во вниманіе, что въ числѣ приписанныхъ къ еврейскимъ обществамъ людей могли дѣйствительно находиться такіе евреи, которые вышли изъ Австріи, для избѣжанія отправлявшейся ими тамъ натурою рекрутской повинности, принялъ изъ мѣръ, предложенныхъ губернаторомъ, безъ измѣненія, только освобожденіе вышесказанныхъ обществъ отъ платежа за прописныхъ стороннихъ евреевъ двойныхъ податей; на отсрочку же недоимки не согласился, хотя и призналъ возможнымъ освободить общества отъ платежа по ней пени; при чемъ, причисленіе вышесказанныхъ евреевъ къ состоятельнѣйшимъ обществамъ нашелъ неудобнымъ, такъ-какъ такое распоряженіе могло открыть поводъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ и что вообще оно не содержитъ въ себѣ «справедливой мѣры уравненія», почему считалъ «совмѣстнѣе оставить въ неприкосновенной силѣ вышеупомянутый указъ Сената 28 Февраля 1819 года», а какъ изъ дѣла усматривалось, что многіе евреи, по подольской губерніи, находятся въ неизвѣстныхъ и безгласныхъ отлучкахъ, то Комитетъ призналъ нужнымъ подтвердить губернскому начальству, чтобы «самовольно отлучившіеся евреи отнюдь не были освобождаемы отъ установленныхъ для бродягъ и безпаспортныхъ взысканій», о чемъ и состоялось 11 Апрѣля 1825 года Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ (П. С. З., т. XL, № 30,318).

Изъ этого видно, что правительство, по поводу вышесказаннаго представленія начальника подольской губерніи, столь ясно обрисовавшаго бѣдственное положеніе всѣхъ вообще евреевъ, сосредоточило, преимущественно, свое вниманіе на *административно-полицейскихъ мѣрахъ* противъ самовольно отлучившихся евреевъ, число которыхъ было ничтожно, въ сравненіи съ общимъ ихъ населеніемъ, не только въ Россіи, но и въ подольской губерніи, а также на облегчительныхъ мѣрахъ, касавшихся столь же ничтожной части недоимокъ по платежу обществами податей, за прописныхъ евреевъ «стороннихъ», т. е. тѣхъ, которые, по предположенію Комитета, вышли изъ Австріи, для уклоненія отъ отправленія тамъ рекрутской повинности натурою, и личности которыхъ, во всякомъ случаѣ, представлялось затруднительнымъ привести въ точную поименную извѣстность, не обративъ, и въ данномъ случаѣ, никакого вниманія на общее положеніе евреевъ, какъ въ Подольской губерніи, такъ и въ прочихъ мѣстахъ ихъ осѣлости. Между тѣмъ, мѣры, принятыя ревизовавшимъ

сенаторомъ, на которыя ссылался губернаторъ, а также общая цифра недоимокъ (1.618,745 р.), накопившихся на еврейскихъ обществахъ, по одной подольской губерніи, ясно указывали на присутствіе, въ одномъ изъ многочисленныхъ классовъ мѣстнаго тамъ населенія, сильныхъ элементовъ къ развитію нищеты и пролетаріата, столь вредныхъ для интереса казеннаго и, вообще, для нравственного и матеріальнаго благосостоянія государства,— обстоятельство, которое, само собою, указывало на потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ исключительнаго законодательства о евреяхъ, жившихъ въ Россіи и состоявшихъ въ ея подданствѣ.

Оставляя, такимъ образомъ, постоянно, въ сторонѣ вопросы объ общихъ мѣрахъ къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ, столь настоятельно вызывавшихся, съ точки зрѣнія *общей государственной пользы*, правительство продолжало дѣйствовать, въ отношеніи евреевъ, въ духѣ исключительныхъ и своеобразныхъ мѣръ, имѣвшихъ скрытыя религіозныя цѣли и лишенныхъ достаточныхъ практическихъ основаній.

Въ этомъ отношеніи, сравнительно, представлялись болѣе удовлетворительными постановленія о евреяхъ, содержащіяся въ проектѣ устава образованія присоединенной къ Россіи, по Вѣнскому трактату, Бессарабской области, составленному генераль-лейтенантомъ Бахметевымъ и удостоившемуся 29 Апрѣля 1818 года Высочайшаго утвержденія.

Хотя, на основаніи этого проекта, все народонаселеніе Бессарабской области, согласно съ мѣстнымъ положеніемъ вещей, было раздѣлено на девять различныхъ состояній, а именно: 1) духовенство, 2) дворянство, 3) бояриношей, 4) мозыловъ, 5) руптушей, 6) купцовъ и мѣщанъ, 7) царанъ или поселянъ и землевладѣльцевъ, 8) цыганъ и 9) евреевъ; но по отношенію къ этимъ послѣднимъ, начала ихъ уравниванія въ правахъ съ жителями, равныхъ съ ними состояній, получили, съ самаго начала, значительнѣйшее примѣненіе, чѣмъ въ Бѣлоруссіи, при присоединеніи ея къ Россіи; изъ чего можно заключать, что справедливость и практичность сказанныхъ началъ были легче постигнуты и усвоены генераль-лейтенантомъ Бехметовымъ, которому было ввѣрено управленіе тѣмъ краемъ, чѣмъ первоначальными правителями Бѣлорусскаго края. Вслѣдствіе этого, на основаніи составленныхъ генераломъ Бахметевымъ постановленій, евреи тотчасъ же были распредѣлены между сословіями купцовъ, мѣщанъ и земледѣльцевъ и уравнены съ ними въ правахъ состоянія, безъ различія

происхожденія и законовъ вѣры ¹⁾); при чемъ, за евреями сохранены преимущества, какія, еще прежде, были дарованы имъ Молдавскими Господарями, хотя изъ вышеупомянутаго устава не усматривается, въ чемъ именно эти преимущества заключались. Такимъ образомъ, евреи, съ самаго начала, получили въ бессарабской области полныя права гражданства, по отношенію къ праву жительства, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, и повсемѣстному тамъ занятію всѣми отраслями и видами торговой и промышленной дѣятельности, которыя были доступны прочимъ жителямъ свободныхъ состояній. О томъ, могли-ли тамошніе евреи водворяться въ прочихъ мѣстахъ Имперіи или имѣть временный туда пріѣздъ, по торговымъ или другимъ дѣламъ, въ вышесказанномъ уставѣ ничего не сказано; изъ чего можно заключать, что по его проекту воспрещенія, въ этомъ отношеніи, не предполагалось, по крайней мѣрѣ, относительно мѣстъ постоянной осѣдности евреевъ въ Россіи. Но въ виду общаго положенія въ ней евреевъ, генераль Бахметевъ не могъ не подвергнуть права евреевъ и нѣкоторымъ ограниченіямъ, а именно относительно владѣнія, на крѣпостномъ правѣ, людьми христіанскихъ вѣроисповѣданій и, вообще населенными имѣніями, что въ бессарабской области было дозволено лицамъ всѣхъ поименованныхъ выше состояній, за исключеніемъ цыганъ, а также относительно свободного вступленія въ военную и гражданскую службу и пріобрѣтенія заслугами въ ней чиновъ и прочихъ достоинствъ. Равнымъ образомъ, ограниченіямъ подвергались права евреевъ и по содержанію населенныхъ имѣній въ временномъ пользованіи и по пріобрѣтенію, вообще, земель въ собственность, за исключеніемъ пустопорожнихъ земель казеннаго вѣдомства. Всѣ же прочія права гражданства были предоставлены евреямъ, въ Бессарабской области, въ равной мѣрѣ, съ прочими жителями. Вслѣдствіе этого, на основаніи устава объ образованіи бессарабской области, евреямъ, кромѣ правъ повсемѣстнаго въ ней жительства, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, а также свободной въ нихъ торговли и занятія всѣми видами народной промышленности, предоставлено еще имѣть въ откупномъ содержаніи питейную продажу въ имѣніяхъ казенныхъ и частныхъ, какъ равно содержаніе тамъ въ арендѣ мельницъ, вино-

¹⁾ Въ принятомъ правительствомъ проектѣ генерала Бахметева, относительно этого, буквально сказано: „Евреи раздѣлены быть имѣютъ промежду сословія купцовъ, мѣщанъ и земледѣльцевъ, сообразно способамъ къ производству занятій, свойственныхъ упомянутымъ званіямъ“.

курень, пивоварень и прочихъ подобныхъ заведеній; на приобрѣтенныхъ же въ собственность отъ казеннаго вѣдомства земляхъ, работы, по земледѣлію и хлѣбопашеству, а также на фабрикахъ, евреямъ было разрѣшено производить, посредствомъ найма всякаго рода свободныхъ людей, безъ различія закона вѣры (П. С. З., т. XXXV, № 27,357).

Одновременно съ принятіемъ правительствомъ, въ отношеніи евреевъ бессарабской области, мѣръ, основанныхъ, болѣе или менѣе, на началахъ равенства въ правахъ гражданства съ прочими классами населенія, права евреевъ въ другихъ мѣстностяхъ ихъ постоянной осѣдности въ Россіи продолжали подвергаться ограниченіямъ, коснувшимся, между прочимъ, и одного изъ существеннѣйшихъ условій экономическаго быта всѣхъ вообще жителей, какъ еврейскаго, такъ и христіанскихъ исповѣданій, а именно *права свободного заключенія договоровъ по личному найму*.

Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что по существовавшему тогда порядку, несостоятельныя лица податныхъ состояній отдавались, за долги, въ выслугу кредиторамъ, хотя-бы эти послѣдніе принадлежали къ податному же состоянію. Вслѣдствіе этого, встрѣчались случаи, что люди, изъ числа христіанъ, попадали въ выслугу, за долги, и къ евреямъ.

Хотя это было довольно грубою формою удовлетворенія долговыхъ обязательствъ, которою одни лица подчинялись, на извѣстное время, власти другихъ, *по принужденію*, т. е. несоотвѣтственно съ понятіями о свободѣ личныхъ отношеній между людьми; но ограниченіямъ личной свободы, за долги, съ заключеніемъ въ долговыя тюремныя отдѣленія, подвергались, еще не такъ давно, лица и высшихъ состояній, не только у насъ, но и въ заграничныхъ государствахъ. «Клиши» въ Парижѣ и такія же долговыя отдѣленія въ тюрьмахъ другихъ странъ извѣстны достаточно. Поэтому, отдача рабочаго человѣка, изъ простаго званія, за долги, въ выслугу его кредитору, хотя и имѣла видъ его закрѣпощенія, на нѣкоторое время, за этимъ послѣднимъ, но сравнительно съ личнымъ задержаніемъ и заключеніемъ въ долговыя отдѣленія, въ то время весьма неудовлетворительно у насъ устроенныя, представляла, по отношенію къ простолюдину, болѣе мягкій и цѣлесообразный способъ удовлетворенія лежавшихъ на немъ долговыхъ претензій. Кредиторы, изъ евреевъ, пользовались имъ, наравнѣ съ кредиторами всѣхъ другихъ состояній, и поводовъ къ обвиненію евреевъ въ частыхъ случаяхъ употребленія

ими этого во зло, путем жестокаго какого либо обращенія съ людьми, находившихся у нихъ на выслугѣ, въ виду не имѣлось. Не было жалобъ, чтобы евреи съ такими должниками, во время ихъ нахождения у нихъ въ услуженіи, обращались безчеловѣчно, употребляли бывшіе тогда въ ходу побои или какія либо другаго рода истязанія къ изнуренію ихъ силъ. Это и не могло быть въ видахъ расчетливыхъ, вообще, евреевъ, которые дорожили такими людьми, какъ полезно для нихъ рабочею силою. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что причиною возникшаго въ 1818 году, въ Сенатѣ, вопроса, по предмету отдачи должниковъ, изъ христіанъ, на выслугу ихъ кредиторамъ, изъ евреевъ, не были жалобы со стороны кого либо изъ находившихся въ такихъ выслугахъ рабочихъ людей. Это можно заключить изъ самаго сенатскаго указа, вослѣдовавшаго, по поводу сказаннаго вопроса, 22 Апрѣля 1818 года. Изъ указа этого видно, что Сенатомъ, на основаніи его опредѣленія, состоявшагося въ общемъ собраніи С.-Петербургскихъ его Департаментовъ, постановлено, чтобы «при отдачѣ христіанъ за долги въ выслугу евреямъ, послѣдніе, хотя должны употреблять ихъ къ дозволеннымъ только по Статуту занятіямъ; но по Конституціи 1690 г., евреи христіанъ въ услугахъ имѣть не должны, да и самой господствующей религіи сіе противно, то отнынѣ впредь христіанъ евреямъ ни по какому случаю въ выслугу за долги не отдавать и не допускать» (П. С. З., т. XXXV, № 27352).

Причиною этой мѣры, какъ видно, былъ выставленъ одинъ лишь чисто *религіозный* мотивъ, почерпнутый изъ прежнихъ польскихъ постановленій и примѣненный къ данному случаю, въ смыслѣ какъ бы огражденія христіанской вѣры всѣхъ, вообще, вѣроисповѣданій отъ предполагавшихся посягательствъ на нее со стороны евреевъ.

Хотя, въ данномъ случаѣ, воспрещеніе, прямымъ образомъ, касалось лишь отдачи христіанъ евреямъ, въ выслугу, за долги, т. е. нахождения у нихъ христіанъ въ услуженіи, *по принужденію*; но объясненіемъ Сената, что господствующей религіи противно, чтобы вообще христіане были въ услугахъ у евреевъ, устанавливалось, въ принципѣ, воспрещеніе личнаго найма евреями христіанъ и по *добровольнымъ* съ ними соглашеніямъ, на что, впоследствии, какъ мы увидимъ ниже, наложена санкція самаго закона. Между тѣмъ, приведенный къ тому, Сенатомъ, религіозный мотивъ могъ бы имѣть болѣе или менѣе справедливое основаніе, еслибъ изъ сенатскаго ука-

за усматривалось, въ то же время, что побудительною причиною къ такому стѣсненію евреевъ, сравнительно, съ другими торговыми и промышленными людьми, послужили случаи частыхъ совращеній евреями христіанъ въ свою вѣру или ихъ безчеловѣчнаго, изъ за вѣры, обращенія съ ними. Но ни тотъ, ни другой поводъ, въ указѣ томъ, однако, не былъ указанъ.

Доказательствомъ, что самъ Сенатъ, при постановленіи вышесказанной ограничительной мѣры, не чувствовалъ себя на вполнѣ легальной почвѣ, можетъ служить то, что для подкрѣпленія своего распоряженія, онъ не могъ подыскать другихъ законныхъ основаній, кромѣ древнихъ польскихъ постановленій, утратившихъ свою силу при дѣйствіи законовъ русскихъ. Ссылка, сдѣланная Сенатомъ, сперва на литовскій статутъ, а потомъ на древнюю польскую конституцію 1690 года, сама собою свидѣтельствуетъ, что онъ руководствовался, въ данномъ случаѣ, исключительно, представленіями мѣстнаго начальства, которыя легко могли быть вызваны меркантильными интригами со сторонѣ торговыхъ и промышленныхъ классовъ христіанскихъ исповѣданій, интересы которыхъ, очевидно, выигрывали, при установленіи такого ограниченія въ правахъ евреевъ, которое лишало ихъ возможности удовлетворять свои денежные претензіи въ общемъ порядкѣ съ прочими жителями, или пользоваться одинаковыми съ ними выгодами по личнымъ наймамъ людей, для производства необходимыхъ для себя работъ, посредствомъ ихъ труда.

Очевидно, поэтому, что такая исключительная мѣра, въ отношеніи евреевъ, устанавливала, въ тоже время, для торговыхъ и промышленныхъ классовъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, даже нехристіанскихъ, какъ бы *монопольное* преимущество пользоваться, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, *вольнонаемнымъ* трудомъ свободныхъ людей, ко вреду, какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и вообще для класса потребителей, а слѣдовательно, для интересовъ всего мѣстнаго тамъ населенія.

Такимъ образомъ, выставленный Сенатомъ, при принятіи вышесказанной мѣры, религіозный мотивъ былъ, въ сущности, только флагомъ, которымъ прикрывались администраціей, безъ всякаго участія со стороны законодательной власти, узкія стремленія мѣстнаго меркантилизма и другія побужденія, противорѣчавшія практическимъ пользамъ и интересамъ самаго государства, по ихъ тѣсной связи съ интересами мѣстными.

Воспретивъ принципиально, въ административномъ порядкѣ, нахожденіе христіанъ въ услуженіи у евреевъ, даже по *добровольнымъ* между ними соглашеніямъ, Сенатъ какъ бы не замѣчалъ, что онъ, въ тоже время, столь же произвольно, устанавливалъ ограниченіе въ правахъ, и для подданныхъ христіанскихъ исповѣданій; такъ-какъ эта мѣра лишала ихъ права свободно располагать своимъ личнымъ трудомъ, вопреки существовавшимъ, и въ то время, законамъ о личныхъ правахъ всѣхъ, вообще, людей свободныхъ состояній, т. е., не принадлежавшихъ къ состоянію крѣпостному. Съ момента появленія указа Сената 22 Апрѣля 1818 года, мѣстнымъ властямъ вмѣнялось въ обязанность воздерживать всѣхъ людей христіанскихъ исповѣданій отъ добровольныхъ соглашеній съ евреями, по предмету личного найма, и заключенія съ ними объ этомъ словесныхъ или письменныхъ договоровъ и условій, какъ бы они выгодны для нихъ не представлялись. Между тѣмъ, множество простаго званія людей, находившихся въ городахъ юго-западнаго края не въ меньшей нищетѣ, какъ и евреи, могли бы имѣть, и по всей вѣроятности имѣли, отъ найма себя къ нимъ, весьма существенное подспорье къ средствамъ жизни, особенно при наймѣ въ услуженіе къ болѣе или менѣе зажиточнымъ евреямъ, изъ числа торговыхъ и промышленныхъ людей или ремесленниковъ.

Ограничительная мѣра, о которой идетъ рѣчь, представлялась тѣмъ стѣснительнѣе, что, имѣя своимъ оффиціальнымъ мотивомъ религиозный поводъ, она должна была, въ одинаковой мѣрѣ, распространяться и на право христіанъ нанимать къ себѣ въ услуженіе кого либо изъ евреевъ. Это должно было быть естественнымъ послѣдствіемъ той мѣры, потому что если для христіанской религіи, по взгляду Сената, былъ противенъ наемъ евреями христіанъ, то не менѣе противенъ ей долженъ былъ быть и наемъ христіанами евреевъ. Очевидно, поэтому, что сказанная мѣра представлялась, въ результатѣ, крайне стѣснительною столько же для евреевъ, сколько и для самихъ христіанъ.

Не взирая на это, продолжая дѣйствовать въ этомъ самомъ духѣ и направленіи, Сенатъ изъ непріязненныхъ побужденій къ живущей въ Россіи, по его предположенію, *еврейской націи*, съ явною цѣлію причиненія преимущественно ей вреда, коснулся также свободы договорныхъ соглашеній съ ея членами и лицъ привилегированныхъ состояній, а именно помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями,

по предмету отдачи ими этихъ имѣній въ арендное содержаніе евреямъ. Это видно изъ обстоятельствъ, содержащихся въ его указѣ, вослѣдовавшемъ 27 Марта 1819 года, подъ заглавіемъ: «о прекращеніи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ работъ и услугъ, отправляемыхъ крестьянами и дворовыми людьми для евреевъ». Обстоятельства эти были слѣдующія:

Въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, хозяйство владѣльцевъ населенныхъ имѣній, какъ уже извѣстно изъ приведеннаго выше всеподданѣйшаго доклада особаго комитета для изысканія мѣръ къ выселенію евреевъ изъ деревень и селъ, было основано, главнымъ образомъ, на винокуреніи. По неумѣнію же, вообще, самими помѣщиками вести это дѣло и извлекать изъ своихъ имѣній достаточные доходы, даже съ помощію крѣпостныхъ крестьянъ, большая часть владѣльцевъ прибѣгала къ отдачѣ винокуренія и другихъ хозяйственныхъ статей въ арендное содержаніе болѣе способнымъ къ тому евреямъ. Пользуясь этимъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ достигли извѣстнаго достатка, позволявшаго имъ кредитовать своихъ владѣльцевъ деньгами. Вслѣдствіе этого, не малое число помѣщиковъ, признавая превосходство, въ этомъ отношеніи, евреевъ, охотно предоставляли имъ въ арендное содержаніе свои населенныя имѣнія, въ цѣлости, съ правомъ, конечно, пользоваться въ нихъ работами крѣпостныхъ людей. До начала нынѣшняго столѣтія, особыхъ препятствій къ этому, со стороны правительства, не дѣлалось, хотя при самомъ поступленіи Бѣлоруссіи подъ владычество Россіи, первоначальный правитель того края, графъ Чернышевъ, какъ мы видѣли, имѣлъ уже мысль ограничить право владѣльцевъ, по отдачѣ своихъ населенныхъ имѣній въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ, безъ прямого указанія, впрочемъ, на евреевъ (П. С. З., т. XIX, № 13865, док. пункт.). Начиная же съ царствованія Императора Александра I, Сенатъ, основываясь, какъ сказано въ вышеупомянутомъ его указѣ 27 Марта 1819 года, на польскихъ «конституціяхъ 1496 и 1775 годовъ», воспрещавшихъ евреямъ владѣніе и распоряженіе деревнями и помѣщичьими крестьянами, призналъ нужнымъ указами своими, вослѣдовавшими 11 Декабря 1800 г., 15 Іюня 1801 г. и 13 Декабря 1812 года, подтвердить, по этому предмету, силу тѣхъ конституцій и строго предписать мѣстнымъ губернскимъ властямъ, чтобы «евреи деревнями и помѣщичьими крестьянами ни подъ какимъ названіемъ и именованіемъ отнюдь не владѣли, не рас-

поряжали», подъ опасеніемъ, для земской полиціи и самаго губернскаго начальства, строгаго взысканія. Объ этомъ было подтверждено Сенатомъ 20 Февраля 1813 года. Но какъ, при вышесказанныхъ условіяхъ хозяйства владѣльцевъ населенныхъ имѣній, владѣльцы эти безъ евреевъ обойтись не могли, тѣмъ болѣе, что состояли въ денежныхъ съ ними отношеніяхъ, вслѣдствіе частыхъ денежныхъ затратъ евреями на ихъ же имѣнія и получавшихся отъ нихъ лично денежныхъ ссудъ; то тѣми и другими, совмѣстно, былъ придуманъ особый видъ аренднаго содержанія населенныхъ имѣній, состоявшій въ томъ, что на основаніи особыхъ договоровъ, подъ названіемъ *кресценцій*, заключавшихся не только, домашнимъ порядкомъ, но и формально, въ судахъ, помѣщики запродавали евреямъ, жившимъ, преимущественно, въ ихъ же имѣніяхъ, будущій въ нихъ урожай, съ правомъ для такихъ евреевъ скосить и убрать, въ свою пользу, хлѣбъ и сѣно, посредствомъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые были обязаны вымолотить хлѣбъ, свезти его къ винокурнямъ, находившимся въ содержаніи тѣхъ же евреевъ, и имѣть присмотръ за волами, поставленными тамъ на кормъ; при чемъ, помѣщики, обыкновенно, обязывались давать, вообще, такимъ евреямъ рабочихъ, пѣшихъ и конныхъ, съ подводами.

Договоры этого рода вызывались расчетами обоюдной пользы помѣщиковъ и евреевъ, изъ которыхъ первые находили изъясненный способъ пользованія своими имѣніями болѣе для себя выгоднымъ, чѣмъ извлеченіе изъ нихъ доходовъ непосредственно или черезъ управляющихъ, на свой собственный счетъ, особенно при частой своей нуждѣ въ деньгахъ, а евреи, ссудившіе ими помѣщиковъ, находили въ такихъ договорахъ, болѣе или менѣе, вѣрный способъ къ обеспеченію возникавшихъ изъ такихъ ссудъ денежныхъ своихъ претензій къ помѣщикамъ, имѣя въ виду получить и извѣстные барыши при хорошихъ урожаяхъ, почему охотно пособляли помѣщикамъ деньгами для произведенія разнаго рода улучшеній въ имѣніяхъ, по различнымъ статьямъ сельскаго хозяйства, особенно по части земледѣлія и скотоводства. При общемъ положеніи, въ какомъ находились тогда, и евреи и помѣщики, и тѣсной связи ихъ благосостоянія съ благосостояніемъ всего мѣстнаго населенія, такого рода взаимныя между ними дѣла и отношенія не могли, съ экономической точки зрѣнія, быть безусловно вредными, не представляя, въ сущности, ничего и противузаконнаго; такъ-какъ въ силу сказанныхъ до-

говоровъ, евреи приступали къ распоряженію сельскими работами въ имѣніяхъ лишь со времени жатвы, собственно для того, чтобы правильно и безъ убытковъ для себя воспользоваться принадлежавшимъ имъ урожаемъ извѣстнаго года; распоряженія же такія не составляли, въ дѣйствительности, того владѣнія населенными имѣніями и крѣпостными въ нихъ крестьянами, какое соединяется вообще съ понятіемъ о нахожденіи недвижимаго имѣнія, населеннаго или ненаселеннаго, въ арендномъ содержаніи посторонняго лица, съ отчужденіемъ въ его пользу, владѣльцемъ, права владѣнія и пользованія имѣніемъ по срочному акту, и какое, собственно, и разумѣлось въ выше-сказанныхъ, основанныхъ на польскихъ конституціяхъ, воспрещеніяхъ Сената, относительно отдачи евреямъ въ содержаніе населенныхъ имѣній, какъ людямъ податнаго состоянія, не пользовавшимся правами привилегированныхъ сословій. Поэтому, въ строго юридическомъ смыслѣ, договорами о кресценціяхъ такія воспрещенія правительства ни въ чемъ не нарушались, ни помѣщиками, ни евреями. Что касается самихъ крестьянъ, то при существовавшемъ тогда обязательномъ ихъ трудѣ, для нихъ, въ сущности, было, вообще, безразлично выполнять свои работы, для помѣщика или для еврея, по тѣмъ или другимъ между ними обоюднымъ соглашеніямъ. Быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ, это было даже облегченіемъ для крестьянъ, такъ-какъ помѣщики того времени, особенно изъ польской шляхты, отличались, вообще, какъ извѣстно, не вполне гуманнымъ обращеніемъ съ своими крѣпостными людьми, какого евреи, по расчету собственныхъ выгодъ, имѣть не могли. Во всякомъ случаѣ, фактъ какого либо угнетенія ими людей, занимавшихся временно у нихъ работами, какъ явленіе общее, не былъ констатированъ, а потому нельзя сказать, съ полною достовѣрностью, что воспрещенія евреямъ, какъ первоначальныя, такъ и послѣдующія, содержатъ населенныя имѣнія, въ томъ или другомъ видѣ, въ арендномъ содержаніи, были вызваны, со стороны правительства, исключительно соболѣзнованіемъ къ крѣпостнымъ людямъ, отъ которыхъ непосредственно и не поступало никакихъ жалобъ на евреевъ, по поводу договоровъ о кресценціяхъ.

Между тѣмъ, еще въ 1816 г., губернское начальство литовско-гродненской губерніи, имѣвшее, какъ и всѣ вообще подобныя начальства въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, своеобразныя понятія о евреяхъ, какъ о людяхъ чужеземныхъ и, потому только, что они евреи, недостойныхъ пользоваться одинаковыми правами съ подданными хри-

стіанскихъ исповѣданій, — понятія, находившія столь сильную поддержку и въ правительственныхъ взглядахъ, — усмотрѣло въ договорахъ о кресценціяхъ нарушеніе евреями имѣвшихся, по этому предмету, правительственныхъ распоряженій, а также умышленную утайку ими казенныхъ доходовъ, вслѣдствіе частаго совершенія тѣхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ оплаты ихъ пошлинами и гербовымъ сборомъ, вслѣдствіе чего, признало это злоупотребленіемъ, обвинивъ въ немъ, исключительно, однихъ евреевъ, и, въ этомъ видѣ, довело обо всемъ сказанномъ до свѣдѣнія Сената.

Сенатъ, не войдя въ ближайшія обсужденія справедливости или несправедливости взведенія на евреевъ такого обвиненія, поспѣшилъ указомъ 27 Октября того же 1816 года строго предписать, чтобы «всѣ владѣемые евреями, подъ названіемъ кресценцій, помѣщичьи имѣнія, заключающія въ себѣ крестьянъ, были отъ евреевъ отображены и возвращены настоящимъ ихъ помѣщикамъ, предоставивъ имъ во взаимныхъ по сему владѣнію расчетахъ разбираться особо; на будущее-же время къ владѣнію имѣніями съ крестьянами и дворовыми людьми евреевъ ни подъ какимъ видомъ и названіемъ недопускать, воспретивъ помѣщикамъ, дабы они таковыхъ имѣній въ аренду евреямъ отнюдь не отдавали и, наконецъ, возложить строгое наблюденіе за симъ на губернское начальство».

Такая мѣра не могла, конечно, не быть до крайности разорительною для евреевъ, которые не видѣли другаго способа къ выручкѣ своихъ денегъ, затраченныхъ на денежные ссуды помѣщикамъ и улучшеніе хозяйства въ ихъ имѣніяхъ, какъ посредствомъ тяжбъ, которыя, при тогдашней силѣ привилегированныхъ классовъ, а также не вполнѣ безпристрастныхъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ и дѣйствій полицейскихъ властей, были почти для тѣхъ евреевъ невыносимы.

Изъ этого видно, что вышесказанное постановленіе Сената, какъ и прежнія его воспрещенія, относительно отдачи помѣщиками своихъ имѣній въ арендное содержаніе евреямъ, составляли, въ сущности, мѣры, весьма стѣснительныя, не только по отношенію къ евреямъ, но и по отношенію къ самимъ владѣльцамъ имѣній; такъ-какъ подобными мѣрами и постановленіями устанавливалось совершенно произвольное, внѣ законодательнаго порядка, ограниченіе ихъ владѣльческихъ правъ, относительно свободнаго распоряженія своею недвижимою собственностію, а при договорахъ о кресценціяхъ — даже доходами съ нея, вопреки общимъ узаконеніямъ о правѣ частной

собственности и силъ договоровъ, основанныхъ на свободныхъ о ней соглашеніяхъ. Лишеніе же евреевъ правъ по договорамъ о кресценціяхъ, въ пользу помѣщиковъ, съ освобожденіемъ этихъ послѣднихъ отъ всякой обязанности по обеспеченію капиталовъ и денежныхъ суммъ, которые они заимствовали у евреевъ и которыми, въ дѣйствительности, воспользовались, представляло мѣру, содержащую прямое отступленіе отъ началъ гражданскаго правосудія и всякой справедливости.

Въ виду разоренія, какому вслѣдствіе этого должны были подвергнуться зажиточные евреи, которые составляли еще кой какую поддержку для еврейскаго населенія, находившагося, вообще, какъ уже извѣстно, въ крайне бѣдственномъ положеніи, депутаты отъ многихъ еврейскихъ обществъ рѣшились, въ Январѣ 1817 г., войти къ Государю, съ всеподданѣйшею просьбою объ отмѣнѣ сдѣланнаго Сенатомъ распоряженія, относительно вышесказанныхъ «кресценцій».

Императору Александру I, благоугодно было, какъ всегда, весьма милостиво отнестись къ положенію евреевъ, вслѣдствіе чего, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, «все дѣло» о сказанныхъ кресценціяхъ, «не постановляя по оному окончательнаго опредѣленія, или если оно постановлено, не приводя его въ исполненіе, препроводить, предварительно, на заключеніе Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія», которому были подчинены, въ то время, всѣ вообще, дѣла еврейскихъ обществъ и которымъ состоялъ, тогда, князь Голицынъ.

Князь Голицынъ, войдя въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, нашелъ, что, во всякомъ случаѣ, несправедливо обвинять въ немъ однихъ евреевъ, такъ-какъ истинно виновными въ немъ являются, не только евреи, но сами помѣщики, заключавшіе съ ними условія о «кресценціяхъ», а также присутственные мѣста, ихъ утверждавшія. Поэтому, Министръ полагалъ справедливымъ, во 1-хъ, чтобы, по отобраніи имѣній у евреевъ, были обеспечены, на законномъ основаніи, ихъ капиталы тѣми самыми имѣніями, коихъ кресценція была имъ отдана, возвращая имъ сіи капиталы, съ законными процентами, по мѣрѣ доходовъ, собираемыхъ съ имѣній; во 2-хъ, чтобы отъ присутственныхъ мѣстъ, утверждавшихъ такіа противныя законамъ условія, были потребованы объясненія. Въ этомъ смыслѣ, князь Голицынъ сообщилъ свое заключеніе Сенату. Послѣ этого, 20 декабря 1818 года Министръ Юстиціи увѣ-

домилъ его, что опредѣленіе Сената во всемъ согласно съ его заключеніемъ, «кромѣ предполагаемой голосомъ одного сенатора отмѣны». Но какъ мнѣніе одного сенатора, казалось, не могло перемѣнить опредѣленіе Сената, то Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія не счелъ, въ то время, нужнымъ упоминать о немъ въ первомъ своемъ отзывѣ Министру Юстиціи, прося только его дать дальнѣйшій ходъ опредѣленію Сената. Между тѣмъ, 27 марта 1819 г., былъ полученъ состоявшійся по этому дѣлу указъ Сената, изъ котораго Министромъ тѣмъ было усмотрѣно, что въ немъ не упомянуто о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ признавалъ нужными и справедливыми, а именно объ обеспеченіи еврейскихъ капиталовъ имѣніями помѣщиковъ и объ истребованіи объясненій отъ присутственныхъ мѣстъ, съ вѣдома которыхъ заключались контракты между помѣщиками и евреями. По полученіи отъ князя Голицына сообщенія, по этому поводу, Министръ Юстиціи, найдя, и съ своей стороны, предложенныя имъ мѣры «сколько справедливыми, столько необходимыми для прекращенія безчисленныхъ тяжбъ между евреями и помѣщиками», предложилъ объ этомъ Сенату. Но вслѣдствіе происшедшаго между сенаторами, разногласія въ общемъ собраніи С.-Петербургскихъ его Департаментовъ, при разсмотрѣніи этого дѣла, оно было внесено Министромъ Юстиціи въ Государственный Совѣтъ, куда князь Голицынъ внесъ записку и съ своей стороны.

Изъ этой записки усматривалось: 1) что по собраннымъ его министерствомъ свѣдѣніямъ, въ одной литовско-гродненской губерніи 46-ю евреями, пользовавшимися кресценціями, затрачено, на имѣнія помѣщиковъ 71,830 руб. на серебро и 17,840 руб. на ассигнаціи; 2) что ему, Министру, извѣстно изъ дѣлъ, что въ другихъ російско-польскихъ губерніяхъ и въ бѣлостокской области, евреями употреблены, равнымъ образомъ, на имѣнія капиталы, которые должны быть весьма значительны; 3) что, поэтому, «если не обеспечить оныя, то, по его мнѣнію, отъ сего произойдетъ вредъ не только всему *еврейскому народу*, и безъ того уже въ *крайней бѣдности* находящемуся, но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ собранію съ евреевъ податей; ибо, по законамъ еврейской вѣры и по обычаямъ сего народа, достаточные должны пешихъ о пропитаніи бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь»; 3) что съ другой стороны помѣщики, какъ виновные въ этомъ дѣлѣ, имѣютъ тѣмъ менѣе основаній къ уклоненію отъ уплаты евреямъ затраченныхъ ими

капиталовъ, что уплата эта есть только возвратъ имъ тѣхъ денегъ, которыми они воспользовались; 4) что въ виду непрочности договоровъ о «кресценціяхъ», такъ-какъ они, большею частію, заключались домашнимъ порядкомъ, на простой бумагѣ, и могли, поэтому, быть не принимаемы судебными мѣстами къ разсмотрѣнію, а также въ виду возможности для владѣльцевъ, воспользовавшихся деньгами евреевъ, отчужденія своихъ имѣній, необходимо наложить на имѣнія вышесказанныхъ помѣщиковъ запрещенія, для предупрежденія перехода ихъ въ другія руки, и въ случаѣ, если какія изъ этихъ имѣній уже проданы, то наложить запрещеніе на другія имѣнія тѣхъ же помѣщиковъ; 5) что вообще, по мнѣнію его, Министра, въ продажѣ кресценцій виновны судебныя мѣста, заключавшія незаконные контракты, помѣщики и евреи, почему несправедливо было бы «подвергать одинъ классъ виновныхъ наказанію, изъемя изъ онаго два другіе, ибо судебныя мѣста не подвергнутся взысканію, по состоявшемуся послѣ того милостивому манифесту, помѣщики ничего не теряютъ, напротивъ того, могутъ еще и выиграть, если откажутся возвращать данные имъ за кресценціи капиталы, и самую кресценцію удержать въ свою пользу, и слѣдовательно, одни только евреи будутъ наказаны за вину свою. Въ семь случаѣ, обеспечение ихъ собственности, не нарушая никакого закона, можетъ только уравнять всѣхъ сихъ виновныхъ, и добросовѣстные помѣщики ни мало отъ предполагаемой имъ мѣры не потерпятъ».

При обсужденіи этого дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, большинство его членовъ, по своимъ личнымъ тогда взглядамъ на евреевъ, не отозвалось, однако, сочувственно къ акту правосудія, котораго такъ справедливо требовалъ Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и только пять членовъ согласились съ его мнѣніемъ. Но Монаршее правосудіе удовлетворило требованіямъ справедливости, такъ какъ Государю угодно было согласиться съ *мнѣніемъ меньшинства*. Вслѣдствіе сего, 20 декабря 1820 года, состоялось, по этому дѣлу, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, на основаніи котораго, договоры о кресценціяхъ, хотя и были вновь воспрещены, но правительствомъ были приняты, однако, мѣры къ обеспеченію капиталовъ, затраченныхъ евреями на помѣщичьи имѣнія (П. С. З., т. XXXVI, № 27740, а; т. XXXVII, № 28501).

Изъ этого видно, съ какими затрудненіями, при существованіи исключительныхъ узаконеній о евреяхъ, могли быть сохраняемы въ

правительственной и судебной сферахъ правосудныя отношенія къ нимъ, даже по предметамъ, касавшимся частныхъ интересовъ и естественнаго для каждого подданнаго права на равную со всѣми прочими гражданами защиту и покровительство закона. Едва ли подобный образъ дѣйствія могъ оправдываться въ чемъ либо требованіями внутренней политики государства, такъ-какъ отъ этого проистекалъ скорѣе вредъ, чѣмъ какая либо польза, для его интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ. Достиженіе этимъ путемъ устраненія евреевъ изъ страны было, конечно, невозможнымъ, пребываніе же въ составѣ ея общаго народонаселенія массы людей, съ устройствомъ ее деморализировавшимъ и обращающимъ сосредоточивавшіяся въ ней умственныя и экономическія силы не въ хорошую, а дурную сторону, влекло, очевидно, за собою существованіе въ государственномъ организмѣ элементовъ, постоянно задерживавшихъ правильное въ немъ теченіе дѣлъ и колебавшихъ коренныя основы его общественнаго порядка.

Недостаточное уясненіе себѣ этого органами правительственной власти было, конечно, одною изъ главныхъ причинъ шаткости и неопредѣленности ихъ взглядовъ на мѣры, принимавшіяся въ отношеніи евреевъ, а также быстрой измѣнчивости этихъ взглядовъ, нерѣдко, въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, принадлежавшихъ къ кругу государственныхъ дѣятелей того времени.

Изъ дѣла о кресценціяхъ, напримѣръ, видно, какъ справедливо и гуманно отнесся тогдашній Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, князь Голицынъ, къ евреямъ, по предмету огражденія ихъ населенія отъ опасности, какая могла произойти для него, вслѣдствіе предвидѣвшейся возможности разоренія зажиточнѣйшихъ изъ нихъ, при оставленіи въ силѣ сдѣланныхъ Сенатомъ распоряженій. Между тѣмъ, направленіе этого же самаго Министра было далеко не такимъ, всего, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ; такъ какъ изъ состоявшагося 22 Апрѣля того же 1820 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, по возбужденному вопросу о правѣ евреевъ пользоваться наймомъ людей изъ числа христіанъ, видно, что княземъ Голицынымъ дано заключеніе, въ смыслѣ, весьма стѣснительномъ для евреевъ, съ упущеніемъ какъ бы изъ вида всей стѣснительности воспрещенія такихъ наймовъ, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, и для лицъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру.

Вопросъ объ этомъ предметѣ былъ возбужденъ, по поводу представленія херсонскаго губернскаго начальства, въ которомъ оно довело до свѣдѣнія Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, «что въ еврейскихъ домахъ, какъ въ Херсонской губерніи, такъ и другихъ, имѣется весьма значительное число женщинъ христіанской вѣры, которыя, служа у евреевъ, не только забываютъ и оставляютъ безъ исполненія обязанности христіанской вѣры, но принимаютъ обычаи и обряды еврейскіе, и нерѣдко по снисхожденію евреевъ (sic) впадаютъ въ развратъ» (П. С. З., т. XXXVII, № 28249).

Воспослѣдовавшая, вслѣдствіе этого, ограничительная мѣра, хотя и имѣла свой прецедентъ въ сенатскомъ указѣ 22 Апрѣля 1818 г., «о неотдачѣ должниковъ, изъ христіанъ, евреямъ для заработка долговыхъ суммъ», но вышесказаннымъ Положеніемъ Комитета Министровъ, распубликованнымъ Сенатомъ, подъ заглавіемъ: «о *недержаніи евреями въ домашнемъ услуженіи христіанъ*», подобному постановленію присвоена сила закона, лишь впервые, въ нашемъ русскомъ законодательствѣ, со времени присоединенія Бѣлоруссіи, съ еврейскимъ въ немъ населеніемъ. Въ основаніи обѣихъ этихъ правительственныхъ мѣръ лежала мысль огражденія христіанъ, не только православнаго, но всѣхъ вообще христіанскихъ вѣроисповѣданій, отъ случаевъ совращенія въ еврейскую вѣру. Изъ сего, а также изъ того обстоятельства, что мѣра воспрещенія евреямъ найма къ себѣ лицъ христіанскихъ исповѣданій, съ того времени, не утрачивала уже болѣе у насъ силы дѣйствующаго узаконенія, можно заключать, что въ нашей правительственной сферѣ господствовало, какъ бы неизгладившееся по настоящее время, убѣжденіе, съ одной стороны, о присутствіи въ евреяхъ стремленій къ распространенію своей вѣры среди христіанъ, а съ другой — о слабости и ненадежности религіозныхъ вѣрованій въ этихъ послѣднихъ. Необходимо, поэтому, не входя въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, которыми сопровождалось разрѣшеніе возбужденнаго херсонскимъ губернскимъ начальствомъ вопроса, по этому предмету, предпослать нѣкоторыя данныя, для разъясненія, какъ степени опасности, какую евреи, въ этомъ отношеніи, представляли и представляютъ вообще, для государства, такъ и правильности основаній, по которымъ сказанная мѣра была правительствомъ принята и перенесена, въ то время, въ законодательную область.

Идея душеспасенія людей присоединеніемъ ихъ къ правовѣрію, дѣйствительно, не принадлежитъ одному христіанству: она присут-

ствуется, изъ нехристiанскихъ исповѣданiй, на примѣръ, и въ магометанствѣ, гдѣ она проявлялась тоже съ оттѣнками религіознаго фанатизма, хотя съ тѣмъ существеннымъ различiемъ, что по ученiю христiанской религіи, сообразному съ евангельскими истинами, вышесказанная цѣль должна быть достигаема лишь путемъ проповѣди и убѣжденiя совѣсти, а по духу корана, не возбраняется покорять религіи сердца и силою оружія.

Что касается евреевъ, то по имѣющимся о ихъ религіозномъ направленiи даннымъ, приведеннымъ, между прочимъ, въ упомянутомъ выше сочиненiи профессора Хвольсона, *религіозная пропаганда*, ни въ одномъ изъ вышесказанныхъ видовъ, вовсе не свойственна духу еврейскаго вѣроученiя, основаннаго на талмудѣ и раввинскихъ постановленiяхъ.

Кромѣ приведенныхъ уже выше заключенiй г. Хвольсона, касавшихся, между прочимъ, и этого предмета, въ сказанномъ сочиненiи его, по поводу предположенiй о склонности евреевъ къ совращенiямъ въ свою вѣру, сказано, между прочимъ, еще слѣдующее: « . . . такъ называемый религіозный фанатизмъ у евреевъ имѣетъ характеръ совершенно отличный отъ всякаго другаго фанатизма, не исключая и христiанскаго. И это очень понятно. Христiанство не различаетъ ни отдѣльныхъ народностей, ни человѣческихъ породъ: оно обнимаетъ своею любовію все человѣчество. Христiанская религія имѣетъ призванiе завладѣть всею вселенною и, съ своими великими внутренними истинами, сознаетъ себя вправѣ называться *единою спасающею церковью*. На этомъ основанiи, во всѣ времена, случалось, что между христiанами находились благочестивые люди, не чуждавшіеся никакихъ способовъ къ распространенiю истинной вѣры между другими людьми и народами. Въ еврействѣ такой образъ дѣйствiя вовсе немыслимъ: евреи принимаютъ, что они потомки Авраама, Исаака и Іакова, съ которыми Богъ вступилъ въ непосредственный, тѣсный союзъ, что Богъ исключительно для нихъ *только* являлся на горѣ Синайской и только имъ однимъ даровалъ такъ называемый законъ Моисеевъ и что по всѣмъ этимъ причинамъ одни только они и обязаны исполнять этотъ законъ: для всякаго другаго народа законъ Моисея не имѣетъ ни малѣйшей обязательности. Это одно изъ самыхъ внутреннихъ убѣжденiй еврейства. Знаменитыя семь заповѣдей Ноевыхъ—вотъ все, въ чемъ заключаются обязанности всѣхъ остальныхъ людей въ отношенiи къ высочайшему Существу. Еврейская

религія, по самой сущности, не претендуетъ на исключительную привилегію спасительности; напротивъ, она учитъ, что участія въ будущей жизни не будетъ лишень никакой благочестивый человѣкъ изъ какого угодно народа. . . По ученію раввиновъ, евреи должны даже *отговаривать* всякаго желающаго принять еврейскую вѣру, поставляя ему на видъ всю трудность выполненія всѣхъ ея законовъ» (стр. 110, 111 и 112).

Въ подтвержденіе справедливости этого, сославшись, въ цитатахъ, на соотвѣтственныя мѣста въ талмудѣ и другихъ еврейскихъ религіозныхъ источникахъ, въ томъ числѣ и на извѣстнаго, по своему авторитету среди евреевъ, Маймонида, г. Хвольсонъ тамъ же объясняетъ, что у евреевъ религіозный фанатизмъ только *внутренній*, т. е. касающійся ихъ самихъ и заключающійся въ строгомъ соблюденіи «всѣхъ мелочныхъ религіозныхъ предписаній», но отнюдь не *внѣшній*, который стремился бы къ присоединенію иновѣрцевъ къ еврейскому правовѣрію,

Эти выводы и заключенія, относительно религіозныхъ отношеній евреевъ къ иновѣрцамъ, вполне подтверждаются, впрочемъ, и опытомъ временъ, а при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, касающихся евреевъ, живущихъ въ Россіи, и *въковой экспертизой* имѣющеюся въ собственномъ нашемъ государствѣ.

Существовавшая въ христіанскихъ странахъ совершенная и всегдашняя независимость, отъ того или другаго гражданскаго и политическаго положенія евреевъ, факта отсутствія въ нихъ склонности къ миссіонерству и пропагандѣ своей вѣры можетъ быть усмотрѣна, самымъ осязательнымъ образомъ, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что не взирая на цвѣтущее положеніе, въ какомъ евреи находились въ Польшѣ, во время царствованія династіи Пястовъ, съ X по XV столѣтіе, т. е. въ теченіи четырехъ вѣковъ, нѣтъ, однако, историческихъ слѣдовъ ихъ обвиненія, за тотъ періодъ времени, въ стремленіяхъ къ прозелетизму или въ какихъ либо противодѣйствіяхъ христіанской пропагандѣ, среди языческихъ племенъ и народовъ, только что начавшихъ тогда обращаться въ христіанство. Между тѣмъ, при присутствіи въ евреяхъ и ихъ вѣроученіи миссіонерскихъ стремленій къ склоненію въ свою вѣру, тѣ времена общаго невѣжества представляли бы самыя благопріятныя къ этому условія, особенно въ земляхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, гдѣ, при Пястахъ, религіозное вліяніе евреевъ могло бы имѣть существенное

значеніе. Дальнѣйшая исторія Польши не представляетъ также данныхъ, которыя давали бы право заключать, что евреи обнаруживали какія либо религіозныя движенія, въ смыслѣ пропаганды и совращеній христіанъ въ свою вѣру. Причиною жестокихъ гоненій, воздвигнутыхъ на евреевъ въ Польшѣ, въ XV столѣтіи, а также ограниченій, какимъ подверглись ихъ права съ вступленіемъ на престолъ династіи Ягеллоновъ, было не рвеніе евреевъ къ приобрѣтенію изъ христіанъ послѣдователей своей вѣры, но, напротивъ, рвеніе католиковъ къ ихъ обращенію въ католицизмъ или къ истребленію огнемъ и мечемъ тѣхъ евреевъ, которые упорствовали въ своихъ вѣрованіяхъ.

Въ *славяно-русскихъ земляхъ*, гдѣ, какъ уже извѣстно, народъ пришелъ въ бытовыя отношенія съ евреями еще ранѣе, равнымъ образомъ, не имѣется историческихъ слѣдовъ, чтобы они, до принятія Владиміромъ Святымъ христіанства, занимались пропагандою своей вѣры, чтобы послѣ того, препятствовали чѣмъ либо успѣшному его у насъ распространенію и чтобы распространители христіанства, въ Руси, по этому именно поводу, ощущали потребность вступать съ евреями въ какую либо открытую или затаенную религіозную борьбу. Напротивъ, изъ лѣтописныхъ разсказовъ видно, что въ «Кіевскомъ періодѣ» времени, славяно-россы, будучи уже христіанами, не отстраняли, однако, евреевъ, не только отъ жительства среди ихъ, но и отъ участія въ народныхъ ихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ отъ «ратной» даже службы въ княжескихъ дружинахъ. Если встрѣчались случаи насилій и жестокостей надъ евреями, то случаи эти въ сказанный періодъ были весьма рѣдки и не имѣли характера гоненій, изъ побужденій *расовой* или *религіозной* къ нимъ вражды,—гоненій, которыя были бы приняты за постоянное правило, принципиально установленное обычаемъ или закономъ, подобно тому, какъ это происходило въ другихъ христіанскихъ странахъ, на Западѣ. Проявленія этого рода имѣли характеръ минутныхъ вспышекъ, объяснявшихся совершенно случайными обстоятельствами. Народъ, въ подобныхъ случаяхъ, былъ только слѣпымъ орудіемъ нѣкоторыхъ лицъ, или извѣстныхъ партій, побуждавшихся вовсе не *расовою* или *религіозною неприязнею* къ евреямъ, но стремленіемъ къ ослабленію враждебной для себя партіи, которой евреи оказывали дружелюбную поддержку. Такъ, напримѣръ, изъ лѣтописныхъ разсказовъ о призваніи Владиміра Мономаха въ Кіевъ, для Княженія, послѣ Святополка, видно, что, причиною приключившагося тамъ побоища евреевъ было ихъ вмѣшательство въ родовыя распри

русскихъ князей, вслѣдствіе чего партія, которую не поддерживали евреи и которая взяла перевѣсъ, возбудила народъ къ ихъ избіенію; при чемъ, легко быть можетъ, что для разнузданія толпы и ея поощренія къ такой жестокости, евреи изображались ненавистниками христіанской вѣры—«христопродавцами». Жестокости, какимъ подвергались евреи, во времена гетманщины, въ Малороссіи и на польскихъ земляхъ, со стороны Запорожскихъ казаковъ были также послѣдствіемъ, какъ уже сказано выше, не столько укоренившагося издревле чувства религіозной непріязни къ нимъ, сколько той случайности, что всѣ вообще евреи состояли, въ то время, подъ владычествомъ Польши и были такимъ образомъ, естественно, поставлены въ необходимость поддерживать сторону поляковъ и подражать ихъ непріязненнымъ дѣйствіямъ къ православію. Въ моментъ разгара войнъ Запорожцевъ съ Поляками, при неистовствахъ и неимовѣрныхъ жестокостяхъ, какими такія войны сопровождались, евреямъ, находившимся съ поляками въ самыхъ тѣсныхъ денежныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ, не могло, конечно, быть пощады, со стороны казаковъ; причемъ, евреи могли опять изображаться народу, какъ нехристы, достойные презрѣнія и истребленія. Доказательствомъ же, что, съ минованіемъ тѣхъ войнъ, въ малороссійскомъ народѣ исчезали чувства религіозной непріязни къ евреямъ могутъ служить приведенные выше факты, а именно: ходатайства въ царствованія Петра II и Анны Іоанновны о дозволеніи евреямъ пріѣзжать въ Малороссію для торговли; упорство тамъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей въ держаніи у себя евреевъ; допускавшіяся, въ этомъ отношеніи, послабленія, со стороны мѣстныхъ начальствъ и, наконецъ, строгія мѣры, къ какимъ правительство было вынуждено прибѣгать, въ то время, для осуществленія своей цѣли очищенія отъ евреевъ русской территоріи. Такимъ образомъ, ни два, три случая жестокостей надъ евреями въ Кіевскій періодъ времени, ни подобные случаи въ Малороссіи, во времена гетманщины, ни тѣ, наконецъ, немногіе, которые встрѣчались при нашихъ Царяхъ, по образованіи Московскаго государства, на земляхъ, отвоевавшихся отъ Польши, гдѣ, подъ впечатлѣніями исключительнаго положенія евреевъ, могла проявляться религіозная раздражительность противъ нихъ и въ нашихъ державныхъ завоевателяхъ,—не могутъ давать справедливаго повода къ заключенію, что явленія этого рода вызывались искони установившеюся на Руси *религіозною* или *расовою* *борьбою* съ евреями и еврействомъ, вслѣдствіе ихъ посягательствъ

на христіанство, вообще, и Русскую Православную Церковь, въ особенности. Еслибъ такое посягательство со стороны евреевъ дѣйствительно обнаруживалось, то они съ самаго начала вселяли бы въ славяно-русскихъ племенахъ, принявшихъ христіанство, непримиримую къ себѣ бытовую неприязнь, при существованіи которой евреи не могли бы и укореняться среди ихъ, такъ-какъ племена тѣ были всегда на столько самобытны и могущественны, что во времена господства силы надъ правомъ, легко могли бы освобождаться отъ евреевъ, не только посредствомъ изгнанія ихъ изъ своихъ земель, но и путемъ совершеннѣйшаго истребленія ихъ мечемъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что при существованіи въ евреяхъ склонности къ религіозной пропагандѣ своей вѣры, у насъ, на Руси до и послѣ образованія Московскаго государства, остались бы слѣды въ законодательныхъ памятникахъ о какихъ либо мѣрахъ къ преимущественному огражденію отъ нихъ православной Церкви. Но слѣдовъ такихъ мѣръ, однако, не имѣется.

Въ Русскомъ Царствѣ, въ тотъ періодъ времени, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, мы видѣли, что не взирая на народную, въ царствованіе Іоанна III, молву о «жидовской ереси» и еврей Захаріѣ или Схаріи, какъ ея распространителѣ, а также на созванный по поводу той ереси Соборъ и обличенія Іосифа Санина, въ его «Просвѣтителѣ», Царь Алексій Михайловичъ не усматривалъ, однако, никакой опасности имѣть въ предѣлахъ своего Царства, не только отдѣльныя личности, изъ евреевъ, но и сплошное ихъ населеніе; почему и не вносилъ въ свои законодательные акты, въ томъ числѣ и въ Уложеніе 1649 года, никакихъ исключительныхъ постановленій, относительно евреевъ, съ цѣлію установленія, постояннымъ правиломъ, гоненія евреевъ или преимущественнаго стѣсненія ихъ правъ въ Россіи, въ сравненіи съ прочими иновѣрными племенами, изъ числа «бусурманъ», т. е. людей нехристіанскихъ исповѣданій; чего никакъ не могло бы быть, еслибъ, въ то время, замѣчалась въ евреяхъ особая склонность къ нарушенію спокойствія Церкви, путемъ частыхъ совращеній русскихъ людей въ свою вѣру. За тѣмъ, до обнаруженія въ 1818 г., въ царствованіе Императора Александра I, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, т. е. внѣ мѣстъ осѣлости евреевъ, секты «субботниковъ», въ государственныхъ актахъ нѣтъ другихъ слѣдовъ обвиненія евреевъ въ привлеченіи христіанъ въ свою вѣру, кромѣ разъясненнаго выше случая казни, въ царство-

ваніе Императрицы Анны Іоанновны, еврея Бороха Лейбова и флота капитанъ-лейтенанта Возницына, судебный процессъ о которыхъ, никакъ не можетъ служить образцомъ вполнѣ правосудной кары, основанной на несомнѣнныхъ фактахъ и безпристрастныхъ сентенціяхъ.

Что касается секты «субботниковъ», то изъ состоявшагося, по поводу ея, Синодскаго указа 29 іюля 1825 года (П. С. З., т. XL, № 30436, а), видно, что она обнаружена, впервые, въ 1818 году, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи, вслѣдствіе подачи самими сектаторами всеподданнѣйшей жалобы на притѣсненія, претерпѣвавшіяся ими отъ мѣстныхъ начальствъ. Объ этой сектѣ, по Высочайшему повелѣнію, было, тогда же, произведено, свѣтскими и духовными властями, строжайшее изслѣдованіе, а 4 августа 1819 г., на основаніи данныхъ, представленныхъ епархіальнымъ и губернскимъ начальствами, съ ихъ заключеніями, состоялось опредѣленіе Св. Синода; но изъ оффиціальныхъ данныхъ, которыми онъ руководствовался, не усматривалось, чтобы кто либо изъ природныхъ евреевъ былъ уличенъ въ прикосновенности къ сектѣ и подвергнутъ за это наказанію, по всей строгости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ. Поэтому, сообщенное тогда Преосвященнымъ Воронежскимъ свѣдѣніе, что сказанная секта возникла, среди православныхъ христіанъ, около 1796 года, «отъ природныхъ», будто, «жидовъ», осталось не вполнѣ достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что не было доказано, чтобы сказанные сектаторы держались обряда обрѣзанія, составляющаго, какъ извѣстно, условіе *sine qua non* дѣйствительнаго еврейства, и что самъ Преосвященный, говоря о сектѣ, выразилъ сомнѣніе, относительно чисто еврейскаго ея происхожденія, объяснивъ, что она, по своему существу и своимъ обрядамъ, не вытекаетъ прямо изъ іудейскаго ветхозавѣтнаго богослуженія. Если же принять въ соображеніе, что возникновеніе этой секты было отнесено Преосвященнымъ къ 1796 г., т. е. къ тому времени, когда въ Россію переселялось множество иностранныхъ колонистовъ, различныхъ свободныхъ христіанскихъ толковъ и сектъ, основывавшихъ свои колоніи именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ обнаружена, впервые, секта «субботниковъ»; то нельзя не прійти къ убѣжденію, что ея происхожденіе и распространеніе въ народѣ принадлежитъ, скорѣе всего, тѣмъ же колонистамъ, но отнюдь не евреямъ, которыхъ, въ то время, во внутреннихъ губерніяхъ и не было, а если, изъ нихъ, и были случайно туда заѣхавшіе, то, конечно, не съ религіозною цѣлію распространенія въ народѣ такой секты, которая

не вытекала, прямымъ образомъ, изъ ихъ ветхозавѣтнаго вѣроученія и которая, въ случаѣ обнаруженія ихъ прикосновенности къ ней, имѣла бы для нихъ послѣдствіемъ, если не казнь по Уложенію 1649 года, то ссылку въ каторжныя работы, соединявшуюся, и послѣ отмѣны пытокъ, еще продолжительное время, съ истязаніями такого рода, какъ наказаніе, черезъ палача, кнутомъ, рваніемъ ноздрей, клейменіемъ и т. п. Сами послѣдователи сказанной секты не присвоивали себѣ названія, ни «іудѣйствующихъ», ни «жидовствующихъ», и оно дано имъ, какъ это видно изъ Синодскаго указа 29 Іюля 1825 г., по распоряженію свѣтскихъ и духовныхъ властей, а послѣднее названіе «жидовствующихъ» — на основаніи внесенной тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, 23 Февраля 1823 года, въ Комитетъ Министровъ, записки, въ которой онъ, согласно съ заключеніями Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и предположеніями духовнаго начальства, не взирая на то, что никто изъ евреевъ не былъ уличенъ, по произведенному строжайшему о томъ разслѣдованію, въ прикосновенности къ сектѣ, выразилъ мнѣніе, какъ о необходимости немедленной высылки всѣхъ евреевъ, безъ исключенія, изъ уѣздовъ, въ коихъ находилась та секта, и изъ сосѣднихъ съ ними уѣздовъ, такъ и о наименованіи секты, въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ, «Жидовскою», съ оглашеніемъ, что послѣдователи ея «подлинно суть Жиды, ибо, было сказано въ запискѣ, настоящее ихъ наименованіе Субботниковъ или придерживающихся Моисееву Закону, не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ Жидовство». Эта мѣра, въ числѣ прочихъ, была принята, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го Февраля 1825 года положенія Комитета Министровъ, хотя названіе секты «жидовской», на самомъ дѣлѣ, несоотвѣтствовала, быть можетъ, собственнымъ понятіямъ о себѣ ея послѣдователей.

Лучшимъ же доказательствомъ, что евреи не имѣли и не имѣютъ въ себѣ расположенія къ совращеніямъ въ свою вѣру, въ особенности людей православнаго закона, можетъ служить то обстоятельство, что въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, какъ до, такъ и послѣ ихъ вступленія въ русское подданство, начиная съ Царя Алексія Михайловича по настоящее время, т. е. болѣе, чѣмъ за трехсотлѣтній періодъ времени, не взирая на густоту ихъ населенія въ возсоединен-

ныхъ съ Россіею краяхъ и областяхъ, со времени ограниченія ими права жительства евреевъ въ Россіи, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, а также на тѣсныя отношенія евреевъ, въ отправленіяхъ общественной жизни, съ мѣстнымъ тамъ населеніемъ, — ни въ полиціяхъ, ни въ мѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ, ни въ Сенатѣ, не встрѣчалось распоряженій и приговоровъ, изъ которыхъ усматривались бы случаи судимости евреевъ за пропаганду своего закона и которыми они были бы дѣйствительно, въ этомъ преступленіи, уличены и подвергнуты наказаніямъ, по всей строгости уголовныхъ законовъ. Кромѣ вышеупомянутой казни еврея Бороха и флота капитанъ-лейтенанта Возницына и встрѣтившагося, въ царствованіе Императора Николая I, случая обвиненія нѣкоторыхъ евреевъ въ совращеніи въ свою вѣру двухъ молодыхъ католичекъ, едва ли имѣются въ государственныхъ актахъ какіе либо другіе слѣды о понесеніи кѣмъ либо изъ евреевъ тяжелой кары, опредѣлявшейся за подобное преступленіе. Обстоятельства же послѣдняго изъ вышесказанныхъ случаевъ, встрѣтившагося въ царствованіе Императора Николая I, равнымъ образомъ, не могутъ давать повода къ признанію существованія среди евреевъ признаковъ несомнѣнной ихъ склонности къ прозелитизму. Изъ Сенатскаго указа, состоявшагося по этому дѣлу 9 Декабря 1826 года (2-е П. С. З., т. I, № 736), видно, что случай этотъ, послужившій поводомъ къ подтвержденію Сенатомъ строгаго выполненія узаконенія, воспрещавшаго евреямъ *нанимать къ себѣ въ услуженіе христіанъ*, заключался въ томъ, что по оговору нѣсколькихъ евреевъ, въ г. Видзахъ, Виленской губерніи, ихъ же единовѣрцами, евреи тѣ были привлечены къ возбужденному о нихъ уголовному дѣлу, по обвиненію въ совращеніи въ свою вѣру двухъ безпріютныхъ молодыхъ католичекъ, Савицкой и Саницкой, скитавшихся, съ малолѣтства, по домамъ евреевъ, причемъ, одна изъ нихъ вышла замужъ за одного изъ обвинявшихся евреевъ. Состоявшійся объ этихъ евреяхъ приговоръ виленскаго главнаго суда воспослѣдовалъ, въ существовавшемъ тогда порядкѣ слѣдственнаго процесса, на основаніи формальныхъ уликъ, съ принятіемъ къ руководству крайне неудовлетворительныхъ формъ уголовного судопроизводства тогдашнихъ «воинскихъ процессовъ»; почему все это дѣло не представляло благопріятныхъ условій, для исполнѣ правосуднаго его рѣшенія. Совершенная правильность состоявшагося по этому дѣлу вердикта представляется сомнительною еще и потому, что въ приговорѣ, кромѣ сбивчивости и неопредѣли-

тельности въ выводахъ и заключеніяхъ, о виновности вышесказанныхъ евреевъ, встрѣчаются соображенія такого рода: «въ чемъ они (обвиняемые евреи) не признаются, но согласными съ воинскими процессами доводами обнаружались виновными», или: «хотя никто изъ нихъ ни въ чемъ не признался, и *нѣтъ по дѣлу законныхъ противу нихъ свидѣтельствъ*; но какъ нельзя допустить, чтобы кагалные, яко начальники еврейскаго общества, могли не вѣдать о столь важномъ случаѣ, то» и проч. Обвиненные, такимъ образомъ, евреи были приговорены виленскимъ главнымъ судомъ, большею частию, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, съ предварительнымъ наказаніемъ нѣкоторыхъ плетью, другихъ кнутомъ. Мѣра этого наказанія, за силою Всемиловѣйшаго тогда манифеста 1 января 1826 г. о восшествіи на престолъ, смягчена значительно, Сенатомъ, отмѣною казни плетью и кнутомъ; но Государю Николаю Павловичу, по всеподданнѣйшему докладу этого дѣла, угодно было повелѣть, изъ приговоренныхъ евреевъ, имѣвшихъ менѣе 30 лѣтъ, опредѣленному судебными приговорами наказанію вовсе не подвергать, ограничившись отдачею только ихъ въ солдаты, съ ссылкой въ Грузію.

Нынѣ же имѣются несомнѣнныя удостовѣренія, относительно факта отсутствія въ евреяхъ всякой склонности къ совращеніямъ въ свою вѣру и совершенной, въ этомъ отношеніи, безопасности евреевъ для спокойствія Церкви и Государства. Удостоверенія эти содержатся въ имѣющихся въ наше время официальныхъ отзывахъ мѣстныхъ властей и общественныхъ дѣятелей, въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ.

Что касается, наконецъ, носившейся уже, въ царствованіе Императора Александра I, народной молвы о существованіи, будто, среди евреевъ обычая умерщвлять христіанскихъ дѣтей, съ цѣлію употребленія ихъ крови, для разныхъ своихъ изувѣрныхъ обрядовъ ¹⁾; то,

¹⁾ Легендарное значеніе народной молвы о существованіи, будто, среди евреевъ такого изувѣрнаго обычая, занесенной въ Россію изъ Западныхъ государствъ, преимущественно, католическихъ, а также совершенная несоотвѣтственность подобнаго обычая съ вѣроученіемъ евреевъ, не допускающей мысли о возможности даже возникновенія среди евреевъ чего либо подобнаго, безъ обнаруженія такихъ изувѣровъ самими же евреями, разъяснены вполне Профессоромъ Хвольсономъ, какъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи его: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“, такъ и въ его извѣстной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь“.

по произведеннымъ, и въ то время, изслѣдованіямъ, объ этомъ обстоятельстве, обвиненіе евреевъ въ существованіи между ними вышесказаннаго обычая было признано на столько несправедливымъ и неправдоподобнымъ, что по этому предмету воспослѣдовало особое Высочайшее повелѣніе Государя, строго воспрещавшее основывать судебные приговоры на подобныхъ вымыслахъ; о чемъ княземъ Голицынымъ, бывшимъ, въ то время, Главноуправляющимъ Духовными дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій, 6 марта 1818 года, сообщено начальникамъ губерній, въ циркулярномъ предложеніи, слѣдующаго содержанія: «По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто, они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно, во время польскаго правленія, были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г. Августа 9, и 1566 г. Мая 20 дня, запретилъ обвинять евреевъ, безъ всякаго основанія, въ употребленіи христіанской крови, зная изъ священнаго писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ послѣднее же время, именно въ 1763 году, Марта 21 дня, папскій нунцій, по дѣлу евреевъ, писалъ: и въ недавнее время Римскій престолъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови, для дѣланія своихъ опрѣсноковъ; но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя достаточны были бы къ подтвержденію сего предразсудка противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить ихъ виновными въ таковомъ преступленіи; и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семь основаній сужденія. По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той же надобности, Его Императорское Величество, пріемля во вниманіе, что таковыя извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями Монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе

падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако же, что они сдѣлали сіе, для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе, на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи дѣтоубійства».

Объявленное, такимъ образомъ, Высочайшее повелѣніе составляетъ одинъ изъ актовъ Монаршаго правосудія Императора Александра I, къ евреямъ, находившимся въ подданствѣ Россіи, и служить въ числѣ другихъ, приведенныхъ уже выше, подобныхъ же, актовъ, доказательствомъ о личномъ намѣреніи Государя не устанавливать, по отношенію къ евреямъ, исключительныхъ порядковъ, на основаніи господствовавшихъ противъ нихъ предубѣжденій, особенно, когда послѣдствіемъ такихъ порядковъ могло быть какое либо стѣсненіе въ правахъ, не только для евреевъ, но и для окружавшихъ ихъ жителей христіанскихъ исповѣданій.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ государственнаго управленія того времени не имѣлось никакихъ данныхъ, которые могли бы побуждать правительственную власть къ принятію исключительной мѣры, относительно евреевъ, по предмету найма ими къ себѣ въ услуженіе людей христіанскихъ исповѣданій. Скорѣе имѣлись основанія къ принятію подобной мѣры, относительно послѣдователей ислама, населеніе которыхъ было тогда тоже значительное и которые доказали многими примѣрами свою склонность къ распространенію могометанства, не только въ иноземныхъ государствахъ, гдѣ оно, съ цѣлями прозелитизма, прибѣгало, нѣкогда, къ огню и мечу, но и у насъ въ Россіи, въ весьма, сравнительно, недавнее время; какъ это видно, между прочимъ, изъ обстоятельствъ, вызвавшихъ строгія мѣры противъ магометанъ, въ царствованіе Императора Петра II, по поводу обнаружившагося, въ дѣйствительности, среди ихъ религіознаго движенія къ прозелитизму (П. С. З., т. VIII, № 5333, п 19).

Между тѣмъ, при проведеніи правительствомъ, черезъ Комитетъ Министровъ, вышеупомянутаго постановленія о строгомъ воспрещеніи евреямъ найма къ себѣ въ услуженіе лицъ христіанскихъ исповѣданій, ни одно изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, какія могли и тогда уже имѣться въ виду, не было принято, однако, въ соображеніе.

Изъ вышеупомянутаго представленія, по этому предмету, херсонскаго губернскаго начальства, усматривалось, несомнѣннымъ образомъ, только то, что множество бѣдныхъ людей изъ простолюдиновъ нахо-

дили себѣ пристанище и дневное пропитаніе въ домахъ евреевъ и, что они жили съ хозяевами въ совершенномъ согласіи, которое составляетъ одно изъ условій общественнаго спокойствія и тишины. Что касается объясненія начальства херсонской губерніи, что женщины, жившія въ домахъ евреевъ, склонялись къ еврейской вѣрѣ, то оно не могло заслуживать большаго вѣроятія, потому, во первыхъ, что оно не было основано на формальныхъ объ этомъ изслѣдованіяхъ, при депутатѣ съ духовной стороны; во вторыхъ же, потому-что начальствомъ, въ то же время, не сообщалось, какія именно обязанности христіанской вѣры не исполнялись сказанными женщинами и какіе, именно, обычаи и обряды были приняты ими отъ евреевъ. Неисполненіе всѣхъ церковныхъ правилъ, со стороны бѣдной женщины, зарабатывающей, въ потѣ лица, свое дневное пропитаніе и строго исполняющей свои обязанности по домашнему хозяйству, не могло служить еще признакомъ отпаденія ея отъ христіанства; такъ точно, какъ не могло служить такимъ же признакомъ подчиненіе себя служащей женщиною нѣкоторымъ обычаямъ хозяевъ, которые держались строго ихъ религіозныхъ вѣрованій, въ видѣ разныхъ домашнихъ обрядовъ, такъ-какъ женщины, находившіяся въ услуженіи, могли дѣлать это, во многихъ случаяхъ, изъ нежеланія стѣснять въ чемъ либо своихъ хозяевъ, относительно принятаго въ ихъ домахъ порядка. Наконецъ, въ самомъ представленіи вышесказаннаго начальства не содержалось никакихъ прямыхъ обвиненій противъ евреевъ о склоненіи ими тѣхъ женщинъ, путемъ увѣщаній или насильственно, къ обращенію въ ихъ вѣру. Объясненіе же его, что служащія въ домахъ евреевъ женщины предаются, будто, разврату, по какому-то ихъ снисхожденію къ нимъ, не составляя обвиненія въ личномъ и непосредственномъ развращеніи ими тѣхъ женщинъ или въ какихъ либо умысленныхъ поощреніяхъ ихъ къ тому, по меньшей мѣрѣ, не заслуживало на столько уваженія, чтобы придавать ему какое либо значеніе.

Такимъ образомъ, въ представленіи херсонскаго губернскаго начальства не содержалось никакихъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ, безъ особыхъ предубѣжденій противъ евреевъ, можно было бы, справедливымъ образомъ, обвинять ихъ въ склоненіи въ свою вѣру служащихъ у нихъ женщинъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и распространеніи ея, этимъ путемъ, въ народѣ, а слѣдовательно, и выводить заключеніе, что въ виду несомнѣнно угро-

жающей со стороны евреевъ опасности, для интересовъ Православной Церкви, представлялось, тогда, вполне необходимымъ принятіе какой либо неотложной мѣры, и при томъ такой, которая, не ограничиваясь личною карою евреевъ, виновныхъ или предполагавшихся виновными въ совращеніяхъ, падала своею тяжестью на все ихъ населеніе, безъ различія праваго отъ виноватаго, стѣсняя, въ то же время, и прочихъ жителей, изъ простаго званія людей, въ отправленіяхъ ихъ общественной съ евреями жизни. Между тѣмъ, Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, по поводу вышеупомянутаго представленія херсонскаго начальства, основываясь на предположеніи, достаточно неподкрѣпленномъ, что евреи прикосновенны, будто, къ сектѣ «субботниковъ», а также настоль же недостоверныхъ свѣдѣніяхъ своего министерства, что, будто, евреи, по ихъ вѣроученію «считаютъ своею обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру» и, что изъ нѣкоторыхъ въ немъ дѣлъ видно, что женщины, жившія въ ихъ домахъ, принимали еврейскую вѣру, по ихъ убѣжденію, безъ объясненія, въ то же время, былъ ли кто изъ такихъ евреевъ судимъ, по преступленію за совращеніе въ свою вѣру, и приговоренъ къ наказанію,— вошелъ, 8 января 1820 года, въ Комитетъ Министровъ, съ запискою объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія, чтобы въ виду, не только приведенныхъ выше указовъ Сената 22 апрѣля 1818 г.. о неотдачѣ христіанъ въ услуженіе евреямъ за долги, и 27 марта 1819 г., о прекращеніи договоровъ о кресценціяхъ, но и 20 гл. Уложенія Царя Алексія Михайловича, было строго подтверждено воспрещеніе принимать евреями къ себѣ въ дома, для какихъ бы-то нибыло услугъ, христіанъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и свободныхъ, и притомъ обоого пола, съ тѣмъ, чтобы за нарушеніе этого правила, обѣ стороны, т. е. евреи и христіане, были подвергаемы взысканію по суду и чтобы наблюденіе за этимъ было возложено на губернское начальство, «которому, сказано въ запискѣ, вмѣнить въ обязанность имѣть попеченіе о христіанахъ, какіе находились въ домахъ евреевъ, или будутъ открыты, и сообщать о нихъ свѣдѣнія духовному начальству, для наставленія въ правилахъ и обязанностяхъ христіанства, если, по испытаніи, они окажутся нетвердыми въ оныхъ». Къ сему въ запискѣ было присовокуплено, что вышеозначенная мѣра представлялась бы полезною и въ томъ отношеніи, что она способствовала бы открытію въ домахъ евреевъ мѣстъ, для ихъ собратій, которые, такимъ образомъ, имѣли бы средство снискивать себѣ пропитаніе. Однимъ

словомъ, правительство видимо стремилось, въ этомъ случаѣ, къ отчужденію евреевъ отъ прочаго населенія и сосредоточенію ихъ въ самихъ себѣ, т. е. къ созданію для нихъ такого образа жизни, который постоянно ставится имъ въ укоръ. Тѣмъ не менѣе, согласно съ изъясненнымъ заключеніемъ Министра Финансовъ, состоялось, 10 февраля 1820 года, Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, «о недержаніи евреями въ домашнемъ услуженіи христіанъ», при распубликованіи котораго, Сенатъ, въ своемъ указѣ, по этому предмету, состоявшемся 22-го апрѣля того же года, вывелъ на справку вышеупомянутые прежніе свои указы 12 апрѣля 1818 года и 27 марта 1819 года.

Этимъ постановленіемъ, узаконена мѣра, воздвигавшая, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, такъ сказать, каменную стѣну между евреями и христіанами и стѣснявшая, до крайности, тѣхъ и другихъ въ условіяхъ ихъ экономическаго быта. Основаніемъ же къ такой мѣрѣ, кромѣ религіозныхъ предубѣжденій, послужилъ и тотъ взглядъ на евреевъ, вслѣдствіе котораго они являлись въ понятіяхъ, какъ-бы враждебнымъ христіанству *инороднымъ*, среди кореннаго населенія, *племенемъ или націей*, которой не суждено имѣть постоянное пребываніе въ Россіи, какъ странѣ, не могущей быть ихъ отечествомъ. Что взгляда этого, въ то время, не было чуждо вѣдомство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а, быть можетъ, и самъ князь Голицынъ, при всемъ своемъ гуманномъ и правдивомъ направленіи, по отношенію къ евреямъ, могутъ служить доказательствомъ встрѣчавшіяся въ оффиціальныхъ бумагахъ, исходившихъ отъ его лица, выраженія такого рода, какъ «*еврейскій народъ*», «*законы и обычаи сего народа*», и т. п. При этомъ, нельзя не замѣтить нѣкоторую сбивчивость и неопредѣленность понятій сказаннаго вѣдомства, относительно религіозной цѣли, какой надлежало держаться русскому правительству, какъ призванному, по основнымъ законамъ государства, къ охраненію религіозныхъ интересовъ одного лишь господствующаго Греко-Восточ. исповѣданія. Каждая религіозная мѣра, выходившая изъ предѣловъ этихъ интересовъ, составляла, въ строгомъ смыслѣ, прямое нарушеніе нашихъ основныхъ законовъ. Между тѣмъ, изъ вослѣдовавшаго, 22 апрѣля 1820 года, согласно съ заключеніемъ князя Голицына, какъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденного положенія Комитета Министровъ видно, что воспрещеніе евреямъ нанимать христіанъ, а христіанамъ нани-

маться къ евреямъ, касалось не однихъ лицъ православнаго исповѣданія, но христіанъ всѣхъ, вообще, вѣроисповѣданій, не исключая, тѣхъ, которые принадлежали къ числу исповѣданій, хотя терпимыхъ но нежелаемыхъ, у насъ, какъ-то: кальвинистовъ, герингутеровъ, менонитовъ, малакановъ, и т. п., и что на губернскія начальства возложена обязанность пешихъ и заботиться о тѣхъ и другихъ, въ одинаковой мѣрѣ.

Такое широкое понятіе о религіозной цѣли государства было не согласно съ понятіями о его обязанностяхъ, по отношенію къ православной церкви, для которой отъ этого, если строго разобрать, могло, какъ уже объяснено выше, проистекать болѣе вреда, чѣмъ пользы. Изъ за такихъ, однако, сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ понятій о сказанной цѣли принесены, въ вышесказанномъ случаѣ, въ жертву многія экономическія выгоды и пользы, какихъ въ мѣстахъ осѣлости евреевъ, въ виду многочисленности ихъ населенія, можно было бы ожидать, при допущеніи свободнаго обмѣна личныхъ услугъ между ними и другими жителями. Это условіе, столь естественное среди людей, постоянно живущихъ вмѣстѣ, могло-бы, несомнѣнно, имѣть благія послѣдствія и для интересовъжелаемаго сліянія евреевъ въ нравахъ и обычаяхъ съ прочимъ населеніемъ, такъ-какъ съ помощію взаимнаго обмѣна личныхъ услугъ, который сближалъ-бы между собою евреевъ и христіанъ, евреи, подобно тому, какъ это замѣчается уже, издавна, въ заграничныхъ государствахъ, стали-бы постепенно утрачивать ту обособленность въ нравахъ, обычаяхъ и нарѣчіи, какая существуетъ еще у насъ въ Россіи, и которую, не отдавая себѣ отчета о настоящей причинѣ этого явленія, имѣютъ обыкновеніе приписывать, исключительно, винѣ самихъ евреевъ. ¹⁾

¹⁾ По всѣмъ имѣющимся и изложеннымъ выше историческимъ даннымъ о причинахъ возникновенія у насъ ограничительныхъ узаконеній о евреяхъ, въ томъ числѣ и узаконенія, стѣснившего, какъ ихъ, такъ и христіанъ, относительно свободы договоровъ о личномъ наймѣ, едва ли было бы справедливымъ оправдывать этотъ образъ дѣйствія, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые въ наше время, *стихійною борьбою расъ*. Отсутствіе въ славяно-русскихъ племенахъ всякихъ элементовъ къ ней, доказывается уже одною уживчивостью этихъ племенъ съ евреями, въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій; вслѣдствіе чего, какъ объяснено выше, случаи „жидотрепаній“, какъ выражаются нѣкоторые, встрѣчались на Руси весьма рѣдко и происходили по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, съ промежутками времени, продолжавшимися многіе вѣка. Собственно въ русскомъ государствѣ, по его образованіи, такихъ случаевъ, можно сказать, и не встрѣча-

Изясненный образъ дѣйствія имѣлъ тѣмъ менѣе справедливыя въ себѣ основанія, что съ ними соединялась какъ-бы мысль о совершенномъ безсиліи въ народѣ христіанскаго элемента, въ томъ числѣ, и среди православной паствы; тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, это не было такъ. Еслибъ, съ одной стороны, въ евреяхъ дѣйствительно существовали предполагавшіяся фанатическія стремленія къ распространенію въ народѣ своей вѣры, а съ другой стороны, среди христіанъ, дѣйствительно господствовала-бы слабость религіозныхъ вѣрованій, то въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, гдѣ такъ многочисленно ихъ населеніе, нѣсколько лѣтъ было-бы достаточно для превращенія ими христіанъ въ свою вѣру, или по крайней мѣрѣ, для значительнаго уменьшенія, путемъ совращеній, ихъ контингента въ христіанскихъ паствахъ. Въ этомъ отношеніи, не только ограниченія и стѣсненія правъ, но и мѣры тяжкаго наказанія, могли-бы оставаться недѣйствительными, для предотвращенія такого неизбежнаго, при существованіи вышесказанныхъ условій, послѣдствія. Между тѣмъ ничего подобнаго тамъ не произошло. Въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, миновало уже полвѣка, а нынѣ уже болѣе столѣтія, со времени присоединенія, съ еврейскимъ населеніемъ, бѣлорусскаго края. При всемъ

лось, до нынѣшнихъ еврейскихъ погромовъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, пострадало, преимущественно, имущество евреевъ и которые, говоря справедливо, не имѣли инаго значенія, какъ только *уличныхъ безпорядковъ*, доказывающихъ лишь, съ какою легкостью народная толпа можетъ быть возбуждаема противъ евреевъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости, которою, искусственнымъ образомъ, установлена тамъ ихъ *торговая и промышленная монополія*, естественно возбуждающая противъ нихъ простые классы людей, не отдающихъ себѣ, конечно, достаточнаго отчета о настоящихъ причинахъ торговаго и промышленнаго преобладанія тамъ евреевъ. Не можемъ не повторить сдѣланнаго уже нами выше замѣчанія, что *религіозная, бытовая и политическая терпимость* ко всѣмъ вообще иновѣрнымъ племенамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, составляла всегда отличительную, подчеркнутую и иностранными писателями, черту истиннаго православія Греко-Восточной церкви и національнаго характера славяно-русской народности, а вмѣстѣ и одно изъ самыхъ великихъ ея политическихъ достоинствъ. Изображеніе этого предмета въ превратномъ свѣтѣ—значило бы несправедливо умалять это достоинство и набрасывать тѣнь на самую свѣтлую сторону національной личности русскаго народа. Поэтому, утверждать, что ограничительное у насъ законодательство о евреяхъ вызвано, будто, какими-то *стихійными* причинами, коренящимися въ расовой враждѣ русскаго народа къ евреямъ, можно только, или при совершенномъ не-

томъ, совмѣстное жителство христіанъ съ евреями, въ чертѣ ихъ осѣдлости, непричиняло тогда, какъ не причиняетъ и теперь, никакой убыли въ прихожанахъ христіанскихъ паствъ, особенно православной. Это, само собою, служить достаточнымъ доказательствомъ, что нѣтъ стремленій въ еврействѣ къ прозелетизму, какъ въ народѣ христіанскомъ—къ переходу въ еврейскій законъ. Вѣковое пребываніе у насъ, въ предѣлахъ извѣстной части государства, значительной массы евреевъ, среди немногочисленного, относительно, христіанскаго населенія, представляетъ, слѣдовательно, полезную, въ этомъ отношеніи, экспертизу.

Нужно полагать, что еслибъ все это было извѣстно въ царствованіе Александра I, то правительство, не стало бы, быть можетъ, держаться столь стойко политики исключительныхъ мѣръ, въ отношеніи евреевъ, и евреи, какъ и христіане, не были бы подвергнуты стѣсненіямъ въ отправленіяхъ ихъ общественной жизни, между прочимъ, и по предмету личнаго найма.

Но дѣйствуя, въ то время, въ полнѣйшемъ мракѣ, относительно всего почти, что касалось евреевъ, правительство продолжало слѣдовать принятой, въ отношеніи ихъ, политикѣ исключительности, однимъ изъ невыгодныхъ послѣдствій которой было образованіе, съ

знакомствѣ съ ходомъ касающихся ихъ мѣръ и постановленій, или при компромиссѣ съ наукою, фактами и собственными убѣжденіями. Прибѣгающія къ такимъ компромиссамъ лица, за неимѣніемъ опоры въ положительныхъ данныхъ у насъ на Руси, указываютъ на антисемитическія движенія противъ евреевъ въ Германіи. Между тѣмъ, изъ имѣющихся нынѣ объ этомъ явленіи официальныхъ свѣдѣній видно, что германскій антисемитизмъ, не имѣя корня въ политическихъ тамъ сферахъ, принадлежитъ кружку агитаторовъ, образовавшихъ особую какъ бы лигу, примкнувшую къ партіи *христіанскихъ социалистовъ*, нигдѣ, вообще, нежелаемыхъ и имѣющихъ сильный отпоръ въ самой Германіи, въ партіи, напимѣръ, прогрессистовъ, во главѣ которой стоятъ столь просвѣщенные личности, какъ Вирховъ и другіе. Лучшимъ доказательствомъ, что антисемитизму не придается значенія въ политическихъ сферахъ самой Германіи можетъ служить то обстоятельство, что тамъ, не взирая на этого рода пропаганду, не замѣчается, однако, никакихъ измѣненій въ правахъ евреевъ, съ цѣлію возврата къ прежней, репрессивной, относительно ихъ, политикѣ, и что изданные, въ послѣднее время, австро-венгерскіе законы о ростовщичествѣ не носятъ никакихъ слѣдовъ какой либо исключительности по отношенію къ евреямъ, да и самое изданіе этихъ законовъ вызвано случаями ростовщичества, практиковавшагося не одними евреями, но и лицами христіанскихъ исповѣданій.

теченіемъ времени, въ законодательствѣ толстаго наслоенія отдѣльныхъ законовъ и постановленій, а въ государственномъ организмѣ— болѣзненнаго нароста деморализованной, и собою деморализующей, массы людей, съ толпою нищихъ и пролетаріевъ.

Не принимая, однако, съ своей стороны никакого почина къ возбужденію, въ законодательномъ порядкѣ, вопроса о принятіи какихъ либо общихъ мѣръ къ улучшенію этого, вреднаго для государства, положенія вещей, Сенатъ, какъ и прочіе высшіе органы государственнаго управленія, ограничивался, большею частію, относительно евреевъ, разрѣшеніемъ доходившихъ до него дѣлъ, по частнымъ случаямъ, ихъ касавшимся.

Такъ, 13 августа 1820 года, состоялся его указъ «объ исключеніи евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, изъ еврейскихъ обществъ и изъ тѣхъ окладовъ, въ какихъ они до принятія христіанской вѣры состояли».

Изъ этого указа видно, что еще 1799 году, т. е. при Императорѣ Павлѣ I, кіевскою казенною палатою былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ принявшимъ «Христіанскій Законъ» (какой не сказано) евреемъ, Петромъ Крыжановскимъ, приписаннымъ къ еврейскому обществу и платившимъ подати по окладу, для евреевъ установленному; вслѣдствіе чего, тогда же, Сенатомъ было сдѣлано распоряженіе объ исключеніи этого еврея изъ прежняго оклада, съ оставленіемъ въ мѣщанскомъ званіи, на ряду съ христіанами. Но какъ распоряженіе это воспослѣдовало только по кіевской губерніи и касалось, поэтому, лишь ея, то въ 1820 году, т. е. черезъ 21 годъ послѣ вышесказаннаго случая, по поводу представленія виленской казенной палаты о подобномъ же случаѣ, Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, признавая необходимымъ общее по этому предмету распоряженіе, входилъ объ этомъ въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ, по представленію котораго и воспослѣдовало вышесказанный указъ Сената, содержащій испрашивавшееся общее распоряженіе, относительно порядка платежа податей евреями, принявшими христіанскую вѣру (П. С. З., т. XXXVII, № 28,377).

Неустановленіе правительствомъ, въ теченіи столь продолжительнаго времени, послѣ принятія евреемъ Крыжановскимъ христіанской вѣры, общаго, относительно такихъ лицъ, порядка, есть фактъ, который, самъ собою, свидѣтельствуешь, что среди многочисленнаго населенія евреевъ, какое было уже, въ то время, въ Россіи, случаи

обращенія ихъ въ христіанскую вѣру были, вообще, единичными и весьма рѣдкими и что усложнявшія законодательную и административную дѣятельность мѣры внѣшняго принужденія евреевъ къ христіанству, выражавшіяся въ ограниченія и стѣсненія ихъ гражданскихъ правъ, не достигали своей скрытой цѣли, такъ точно, какъ не достигали ея и разнаго рода поощрительныя мѣры, въ которыхъ цѣль эта явственно уже обнаруживалась, такъ какъ этого рода мѣры заключались въ уравниніи евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, въ правахъ съ прочими подданными, съ видимымъ намѣреніемъ правительства провести рѣзкую черту различія между лицами, исповѣдующими христіанскую вѣру, и евреями.

Это имѣло послѣдствіемъ только убѣжденіе этихъ послѣднихъ въ ихъ религіозномъ преслѣдованіи въ Россіи и располагало ихъ, естественно, къ энергической защитѣ себя путемъ религіозной сосредоточенности, съ непріязненными оттѣнками къ окружавшему ихъ населенію. Существованіе же евреевъ въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ; присвоеніе этимъ обществамъ, съ самаго начала принятія евреевъ въ русское подданство, значенія самостоятельныхъ учрежденій еврейскаго народа, не только съ административными, но даже политическими оттѣнками, ясно выражавшимися въ признаніи за такими обществами и ихъ кагалами права народнаго какъ бы представительства своей націи, по дѣламъ касавшимся ея общихъ нуждъ и потребностей; подчиненіе этихъ обществъ, въ царствованіе Императора Александра I, въ этомъ именно видѣ, непосредственной власти одного изъ высшихъ государственныхъ органовъ, въ лицѣ, сперва Министра Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, а потомъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, съ предоставленіемъ, въ тоже время, евреямъ и права самостоятельнаго завѣдыванія образованіемъ своего юношества; съ другой же стороны, ограниченія и стѣсненія подданныхъ этого исповѣданія, во всѣхъ сферахъ ихъ общественной дѣятельности—все это представляло, вообще, такое смѣшеніе началъ и основаній въ образѣ дѣйствія правительства, въ которомъ трудно было разобраться. Изъ всего этого, евреи и всѣ, вообще, власти въ государствѣ могли вывести лишь одно и тоже: что они, евреи, по признанію правительства, составляютъ въ государствѣ, несомнѣнно отдѣльную націю, которая, по законамъ страны, должна вѣчно подлежать гоненіямъ, и преимущественно, изъ за ихъ вѣры.

Вслѣдствіе этого, личность еврея въ глазахъ правительства и властей, въ большинствѣ случаевъ, исчезала, являлась только ихъ *нація*, которая, собственно говоря, и была предметомъ всѣхъ вообще правительственныхъ мѣръ, касавшихся евреевъ.

Съ этой точки зрѣнія, представлялось часто справедливымъ стѣснять и гнать каждого еврея, безъ различія его личности, на томъ только основаніи, что онъ принадлежитъ къ своей націи.

Въ этомъ отношеніи, весьма характеристичны встрѣтившіеся, въ то время, на практикѣ, случаи, по поводу которыхъ состоялся указъ Сената 31 Января 1821 года, «о наблюденіи за евреями, чтобы они не присвоили себѣ права по торговлѣ, имъ недозволенной» (П. С. З., т. XXXVII, № 28537). Изъ указа этого видно, что еще въ Январѣ 1817 года, въ г. Харьковѣ, на существующую тамъ Крещенскую ярмарку, прибыло нѣсколько евреевъ, какъ заграничныхъ, такъ и живущихъ въ Россіи, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ имѣлись товары. Прибытіе ихъ туда и привозъ для ярмарочной торговли товара, съ экономической точки зрѣнія, не могли, конечно, представлять, для кого бы-то было, особаго вреда, а напротивъ, могли бы содѣйствовать къ оживленію ярмарки и доставить способъ многимъ изъ жителей города, какъ изъ купечества, такъ и другихъ классовъ, пріобрѣсти полезный для себя товаръ, котораго въ Харьковѣ не было, за болѣе или менѣе дешевую цѣну. Къ тому же, прибывшія личности изъ евреевъ могли быть людьми весьма благонадежными, пользовавшимися на ихъ родинѣ общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Но для тогдашняго слободско-украинскаго губернскаго начальства было достаточно, что они люди, принадлежащіе къ *еврейской націи*, почему, не разбирая ихъ личностей и усмотрѣвъ, что купца изъ г. Нѣжина, которому, по ихъ объясненію, были присланы привезенные ими товары, въ ту минуту въ Харьковѣ не оказалось, сказанное начальство признало нужнымъ принять строгія мѣры относительно ихъ, и не только воспретило имъ торговать тѣми товарами, но сдѣлало распоряженіе о личномъ ихъ задержаніи и немедленной высылкѣ за черту губерніи, въ Малороссію, что и было тотчасъ же приведено въ исполненіе. На это бердичевскими 2 гильдіи купцами еврейскаго закона была принесена, въ 1818 году, жалоба Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ просьбою, чтобы имъ, на основаніи 110 ст. Городоваго Положенія и журнала Государственнаго Совѣта 29 Мая 1814 г., было разрѣшено свободно торговать во всѣхъ россійскихъ городахъ

и на ярмаркахъ, на равнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ свободныхъ состояній. Но Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, управлявшій въ то время и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, оставилъ, и жалобу и просьбу этихъ евреевъ, безъ послѣдствій, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) «что хотя, 110 статьею Городоваго Положенія, и дозволена купцамъ 2 гильдіи торговля повсюду внутри государства, а журналомъ Государственнаго Совѣта 29 Мая 1814 года предоставлено также всѣмъ состояніямъ торговать на всѣхъ существующихъ въ Россіи ярмаркахъ, но сіи постановленія не могутъ относиться до купцовъ еврейскаго закона,» 2) что по Положенію 1804 года евреямъ позволено пользоваться внутреннею и внѣшнею торговлею только въ 15 губерніяхъ, гдѣ «жительствою состоятъ», и что исключеніе изъ этого общаго правила сдѣлано лишь *для евреевъ христіанъ — членовъ Израильскаго Общества* ¹⁾. Года два спустя послѣ этого, а именно, въ Августѣ 1820 года, слободско-украинскій гражданскій губернаторъ вошелъ съ представленіемъ къ Министру Финансовъ, изъ котораго усматривалось что въ г. Харьковѣ прибылъ изъ г. Нѣжина грекъ Артиновъ и еврей Унтерманъ, для распродажи привезенныхъ первымъ изъ нихъ суконъ; при чемъ, Артиновъ, которому сукна эти не принадлежали, былъ снабженъ отъ жившаго въ г. Нѣжинѣ комисіонера Бенземана довѣренностію, изъ которой было видно, что собственникомъ тѣхъ суконъ былъ города Пружанъ 1-й гильдіи купецъ Перштейнъ, выдавшій на продажу ихъ, съ своей стороны, особую довѣренность вышесказанному еврею Унтерману. При этомъ, въ довѣренности Бенземана Артинову было сказано, что такъ-какъ онъ малосвѣдущъ по части суконъ, то чтобы онъ продавалъ ихъ не иначе, какъ совмѣстно съ повѣреннымъ ихъ владѣльцу, Унтерманомъ. Хотя право этого послѣдняго, не только на продажу въ Харьковѣ суконъ, но и на самое пребываніе его въ этомъ городѣ, по существовавшимъ тогда постановленіямъ, могло, конечно, не являться вполне законнымъ и подвергнуться, вслѣдствіе этого воспрещенію со стороны мѣстнаго начальства, а самъ Унтерманъ — высылкѣ за черту губерніи; но, во всякомъ случаѣ, взаимныя по этому предмету между сказанными лицами соглашенія, выражен-

¹⁾ Изъ этого видно, какое значеніе, на практикѣ, имѣла, по отношенію къ евреямъ, поощрительная мѣра, въ видѣ попечительства надъ евреями, принявшими христіанскую вѣру.

ныя въ формальныхъ довѣренностяхъ, какъ и самыя довѣренности, не заключали въ себѣ ничего подложнаго, такъ-какъ не было, въ тоже время, обнаружено фальшивыхъ чьихъ либо на этихъ довѣренностяхъ подписей. Поэтому, послѣдствіемъ присоединенія Бенземаномъ къ греку Артинову еврея Унтермана могло бы быть только то, что съ воспрещеніемъ этому послѣднему принимать участіе въ продажѣ суконъ, первому, греку Артинову, пришлось бы продавать ихъ самому, такъ какъ воспрепятствованія ему такой продажи, какъ лицу, имѣвшему право торговли и свободного прожительства во всей Имперіи, не могло послѣдовать, на томъ только основаніи, что онъ являлся не собственникомъ товара, а только его фактическимъ владѣльцемъ и комиссіонеромъ, по неимѣнію тогда прямого въ законахъ воспрещенія на это. Но гражданскій губернаторъ усмотрѣлъ, однако, въ довѣренности Бенземана *подлогъ*, хотя къ заподозрѣнію въ подложности имѣвшейся на ней подписи собственника товара Перштейна не представлялось никакихъ основаній. Вслѣдствіе этого, взглянувъ на еврея Унтермана, какъ обладателя подложной довѣренности, губернаторъ призналъ совершенно невозможнымъ допустить его къ продажѣ въ Харьковѣ суконъ. Заподозрѣвъ, такимъ образомъ, человека въ преступленіи, потому только, что онъ принадлежалъ къ еврейской націи, губернаторъ пришелъ, однако, въ затрудненіе, какъ поступить съ грекомъ Артиновымъ, къ воспрещенію которому продажи привезеннаго имъ сукна не представлялось прямого законнаго основанія. Поэтому, онъ призналъ нужнымъ войти съ представленіемъ, по этому предмету, къ Министру Финансовъ, при чемъ возбудилъ въ немъ слѣдующій вопросъ: «что такъ какъ имѣются случаи, въ которыхъ евреи поручаютъ по комиссіямъ продажу своихъ товаровъ русскимъ купцамъ, на ярмаркахъ, то можно ли дозволить такую продажу или нѣтъ, ибо на этотъ предметъ точнаго постановленія нѣтъ».

Министръ Финансовъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, т. е. отказомъ евреямъ въ правѣ продавать внутри Россіи свои товары, чрезъ комиссіонеровъ, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) «что Россійскіе купцы, получающіе отъ *Евреевъ не Христіанъ* товары, могутъ производить оными торговлю только въ означенныхъ въ положеніи о Евреяхъ 1804 года губерніяхъ» ¹⁾ и 2) что «торговля во

¹⁾ Нельзя не замѣтить всю особенность подобнаго заключенія, такъ какъ по его смыслу, ограниченіямъ въ правахъ свободного передвиженія въ Имперіи должны были подвергнуться, не только евреи, но и ихъ товары;

всей Россіи, на правѣ російскихъ 1 и 2 гильдіи купцовъ дозволена однимъ только вступившимъ въ общество *Израильскихъ Христіанъ Евреямъ*». Вмѣстѣ съ этимъ, «въ отвращеніе того, чтобы не могло подобныхъ вышеозначенному случаевъ встрѣтиться и на другихъ въ Государствѣ ярмаркахъ, куда Евреи не Христіанскаго закона домогаются также отправлять свои товары, какъ изъ прежней просьбы ихъ видно», Министръ Финансовъ вошелъ съ рапортомъ въ Сенатъ, въ которомъ, основываясь, исключительно, на томъ соображеніи, что изъ сопоставленія 13, 26 и 28 ст. Положенія о евреяхъ съ 6 п. Высочайше конфирмованныхъ 25 Марта 1817 г. правилъ для общества *Израильскихъ Христіанъ* видно, что только членамъ этого общества даруются права гражданства, не только тамъ, гдѣ поселены будутъ, но и во всемъ государствѣ; что же касается евреевъ, въ общество это не вступившихъ, то имъ дано право пользоваться торговлею только въ 15 губерніяхъ, поименованныхъ въ вышесказанномъ Положеніи,—просилъ Сенатъ: «не благоугодно ли будетъ сдѣлать повсемѣстное подтвержденіе, дабы торговля евреевъ, какъ черезъ нихъ самихъ, такъ и черезъ ихъ коммисіонеровъ и прикащиковъ, была производима во всей точности, сообразно съ Высочайше конфирмованными въ 9 день декабря 1804 и 25 марта 1817 годовъ объ нихъ узаконеніями; ¹⁾ въ противномъ же случаѣ всякій *подлогъ* преслѣдуемъ-бы былъ по всей строгости законовъ». Въ этомъ смыслѣ состоялся и вышеупомянутый указъ Сената 31 января 1821 года.

Изъ всего этого видно: 1) что въ то время, министерство финансовъ, не признавъ возможнымъ выйти изъ понятій губернатора о существѣ и значеніи коммисіонныхъ договоровъ евреевъ съ христіанами, признало такіе договоры, согласно съ его взглядомъ, *подлогомъ*; 2) что такое же значеніе этого рода договорамъ, согласно съ мнѣніемъ мини-

въ то же время, ограниченіямъ въ правѣ мѣстопробыванія и производства торговли, должны были подвергнуться и русскіе купцы, обладавшіе еврейскимъ товаромъ. Товаръ этотъ, такимъ образомъ, какъ бы олицетворялся и дѣлался субъектомъ правъ, которому отдавалось даже преимущество передъ обладателемъ его—русскимъ купцомъ, ибо не его лицомъ, а товаромъ, находившимся въ его рукахъ, должно было опредѣляться, слѣдовательно, мѣсто его торговли такимъ товаромъ.

¹⁾ Изъ этого видно, что поощрительныя узаконенія, содержащіяся въ положеніи объ обществѣ израильскихъ христіанъ, администрація приводила въ прямое соотношеніе съ правами евреевъ, остававшихся въ своей вѣрѣ.

стерства финансовъ, присвоено и Сенатомъ, вслѣдствіе чего, и министерствомъ и Сенатомъ, установлено воспрещеніе евреямъ и русскимъ купцамъ входить въ коммисіонныя соглашенія, по предмету продажи товаровъ внутри Россіи, совершенно произвольно, такъ-какъ, въ этомъ отношеніи, какъ сказано выше, не существовало еще тогда никакихъ прямыхъ воспрещеній закона ¹⁾; къ истолкованію же въ этомъ смыслѣ существовавшихъ постановленій о евреяхъ, на основаніи которыхъ были воспрещены имъ только личный пріѣздъ во внутреннія губерніи Россіи и торговля тамъ, не представлялось никакихъ правильныхъ основаній, потому-что между личнымъ выполненіемъ торговаго дѣла и выполненіемъ его чрезъ посредство другихъ, по коммисіонному договору, имѣется существенная юридическая и обычная въ торговыхъ дѣлахъ разница; 3) что въ основаніи принятой министерствомъ финансовъ и Сенатомъ, въ данномъ случаѣ, мѣры, касавшейся торговыхъ правъ, какъ евреевъ, такъ и русскихъ купцовъ, не лежало никакихъ торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ соображеній о ея вредѣ или пользѣ для жителей и государства, а въ основаніи признанія коммисіоннаго договора подлогомъ — никакихъ правильныхъ понятій о свойствѣ этого уголовного проступка; и 4) что главнымъ основаніемъ, къ принятію вышесказанной мѣры, представлявшейся одинаково стѣснительною, въ торговомъ отношеніи, какъ для еврейскаго и русскаго купечества, такъ, вообще, и для другихъ классовъ населенія въ Имперіи, служили правила объ *обществѣ Израильскихъ Христіанъ*, проводившія рѣзкую черту различія въ правахъ между евреями, вступившими въ него и не вступившими, а слѣдовательно — цѣль чисто *религіознаго* свойства, но столь-же неопредѣленная, по отношенію къ интересамъ православной церкви, какъ и религіозная цѣль тѣхъ правилъ, которыми, какъ объяснено выше, открывалась широкая дверь въ государство лицамъ еврейскаго происхожденія всѣхъ странъ и всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскаго закона, не исключая терпимыхъ, но нежелаемыхъ.

Практическая несообразность дѣлавшагося, въ то время, примѣненія правилъ общества израильскихъ христіанъ къ дѣламъ, касавшимся евреевъ, усматривается весьма ясно, если принять въ соображеніе, что изъ-за цѣли пріобрѣтенія прозелита въ лицѣ еврея, не

¹⁾ Воспрещеніе объ этомъ, какъ мы увидимъ ниже, воспослѣдовало, нѣсколько позднѣе, и въ законодательномъ порядкѣ.

только русскаго подданнаго, но и иностраннаго, который могъ бы принадлежать къ одной изъ такихъ чуждыхъ для Православной Церкви христіанскихъ сектъ, какъ вышеупомянутыя, приносились, въ то время, закономъ и администраціей, въ жертву экономическія пользы государства, изъ числа самыхъ даже насущнѣйшихъ, какъ это, въ дѣйствительности, и произошло въ вышеприведенныхъ случаяхъ, въ коихъ невоспрещенная коммисіонная продажа еврейскихъ товаровъ могла бы служить къ оживленію торговли и удовлетворенію первѣйшихъ нуждъ и потребностей массы потребителей. При такихъ своеобразныхъ взглядахъ на евреевъ и ихъ отношенія къ прочему населенію государства, при отсутствіи, въ то же время, всякой предусмотрительности, относительно послѣдствій, какія могли имѣть для него вытекавшія изъ этихъ взглядовъ мѣры, нельзя было ожидать, конечно, скорого появленія въ правительственной сферѣ почина, относительно коренныхъ какихъ либо преобразованій въ гражданскомъ бытѣ евреевъ.

Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и Сенатъ, продолжали, поэтому, ограничиваться, по прежнему, разрѣшеніемъ дѣлъ о евреяхъ, по отдѣльнымъ случаямъ, иной разъ, въ государственномъ отношеніи, весьма малозначущимъ.

Такъ, въ 1822 г., одинъ шкловскій мѣщанинъ изъ евреевъ, нѣкій Станиславъ Фромгольдъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ и занимавшійся тамъ сѣдельнымъ мастерствомъ, перейдя въ христіанскую вѣру, *римско-католическаго вѣроисповѣданія*, пожелалъ, въ качествѣ христіанина, записаться, въ С.-Петербургѣ же, въ цехъ сѣдельнаго мастерства, съ поступленіемъ въ военную службу. Казалось-бы, что столь обыкновенный случай не могъ и не долженъ былъ бы вызывать потребности въ какихъ либо особыхъ мѣропріятіяхъ, со стороны высшаго правительства. Это и было бы такъ, еслибъ къ этому не примѣшивался религіозный вопросъ. Но какъ между податными классами евреевъ и другими такими же классами людей, равныхъ съ ними состояній, по различію законовъ вѣры, существовало и различіе въ правахъ, то скромное желаніе мастера Фромгольда, по заведенному тогда порядку, потребовало особыхъ мѣръ, если не затруднявшихъ, то, болѣе или менѣе, утруждавшихъ, и низшее и высшее начальство, излишнею перепискою. Избѣжаніе, въ данномъ случаѣ, соединенной съ официальною гласности представлялось тѣмъ желательнѣе, что мастеромъ Фромгольдомъ, при переходѣ въ христіанство, отдано предпочтеніе, передъ Церковью Православною, церквѣ Римско-Католической,

съ паствою которой, государство наше имѣло, какъ извѣстно, серьезные тогда счеты, религіозно-политическаго характера. Къ тому же, въ виду приведенныхъ уже выше спеціальныхъ правительственныхъ постановленій, относительно правъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, на военную службу и приписку къ христіанскимъ обществамъ податнаго состоянія, дѣло о мастерѣ Фромгольдѣ, собственно говоря, не возбуждало никакого вопроса и могло быть разрѣшено, въ порядкѣ управленія, ближайшими властями, на основаніи дѣйствовавшихъ постановленій.

Но какъ дѣло шло о еврей, принявшемъ христіанство и представлявшемъ, для правительства, удобный случай провести различіе между этимъ евреемъ и прежними его единовѣрцами, то С.-Петербургское губернское правленіе не преминуло войти о немъ съ представленіемъ въ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, которое, съ своей стороны, давъ ходъ этому дѣлу, на ряду съ другими дѣлами государственнаго управленія, признало нужнымъ представить его на разрѣшеніе Сената, съ своимъ заключеніемъ, на основаніи котораго просьба Фромгольда была вполнѣ, конечно, удовлетворена, какъ не представлявшая ничего несообразнаго съ законами, о чемъ, для единообразнаго руководства, въ подобныхъ случаяхъ, указомъ Сената 30 ноября 1823 года, предписано къ повсемѣстному исполненію. Вслѣдствіе чего, указъ этотъ, какъ содержавшій общее распоряженіе, нашелъ себѣ мѣсто въ Полномъ Собраніи Законовъ, гдѣ и помѣщенъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «о *приниманіи* евреевъ, воспріявшихъ христіанскую вѣру, во всякое податное состояніе» (П. С. З., т. XXXVIII, № 29,228).

Такимъ образомъ, не взирая, что повсемѣстное опубликованіе о томъ, что сѣдельный мастеръ Фромгольдъ, изъ евреевъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ, при переходѣ въ христіанство, избралъ предпочтительнѣе католическую паству передъ православной, едва ли могло удовлетворять требованіямъ политическаго такта, мастеръ Фромгольдъ вступилъ въ цехъ и военную службу, при обстановкѣ, которая, несоотвѣтствуя такому такту, представляла и ту невыгоду, что обнаруживала, въ образѣ дѣйствія правительства, по отношенію къ евреямъ, съ одной стороны, скрытую религіозную цѣль, а съ другой—какъ бы нѣкоторое равнодушіе къ интересамъ господствующаго исповѣданія.

Сходственный съ этимъ образомъ дѣйствій правительства усматривается и изъ другаго указа Сената, вослѣдовавшаго 30 ноября 1823 года.

Поводомъ къ этому указу было донесеніе бѣлостокскаго областного правленія о томъ, что одинъ изъ тамошнихъ евреевъ, по фамиліи Абрамовичъ, принялъ Св. крещеніе, по обряду римско-католическаго исповѣданія, и будучи, при крещеніи, переименованъ въ Франциска Добровольскаго, вступилъ въ монашескій орденъ францискановъ. Донося объ этомъ, вышесказанное Правленіе испрашивало разрѣшеніе двухъ вопросовъ: 1) можно ли новообращенному еврею дать дозволеніе на вступленіе въ означенный монашескій орденъ и 2) какъ поступить, относительно исключенія его изъ подушнаго оклада.

По этимъ столь несущественнымъ, съ государственной точки зрѣнія, вопросамъ, возникла, однако, переписка, кромѣ областного правленія, еще по Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ Сенатъ и у митрополита римско-католической церкви Богуша, послѣдствіемъ которой было появленіе 30 Ноября 1823 г. сказаннаго Сенатскаго указа, который, такимъ же образомъ, какъ и предыдущій, помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «о допущеніи Евреевъ, по принятіи христіанской вѣры Римско-католическаго исповѣданія, вступать въ духовное званіе и о *«выключкѣ»* ихъ потомъ изъ подушнаго оклада» (П. С. З., т. XXXVIII, № 29,662).

Такимъ образомъ, еврей, названный, по принятіи крещенія, Францискомъ Добровольскимъ, за неимѣвшій никакой, въ сущности, цѣны, для интересовъ господствующаго исповѣданія, религіозный актъ отступленія отъ своей вѣры,—актъ, который не послужилъ ни къ чему иному какъ только къ увеличенію контингента личнаго состава монашескихъ орденовъ римской куріи,—пріобрѣлъ какъ бы оффиціальное, со стороны высшаго правительства, одобреніе въ своемъ дѣйствіи, поощрявшее, конечно, и другихъ евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, къ предпочтительному переходу въ католицизмъ.

Между тѣмъ, такое отступленіе въ религіозныхъ мѣрахъ, относительно евреевъ, отъ коренной цѣли принятаго основными законами принципа господствующаго исповѣданія лишало тѣ мѣры всякаго практическаго для него значенія.

Не взирая на очевидность всего сказаннаго, правительство пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы изъ его неопредѣленныхъ религіозныхъ цѣлей дѣлать мотивъ къ стѣсненію правъ евреевъ, съ отступленіемъ отъ надлежащей, по отношенію къ нимъ, справедливости.

Примѣръ этого имѣется еще въ слѣдующемъ случаѣ.

Въ 1805 г., было предписано указомъ Сената мѣщанъ, желающихъ перейти изъ одной губерніи въ другую, перечислять не иначе, какъ съ согласія прежняго общества, съ наблюденіемъ притомъ, чтобы на нихъ никакой недоимки не оставалось и чтобы подати за нихъ, до будущей ревизіи, платились и по прежнему вѣдомству. Въ виду этого общаго правила, обеспечивавшаго исправность поступленія государственныхъ податей, съ сказанныхъ ревизскихъ душъ, отвѣтственностію за нихъ двухъ обществъ, прежняго и новаго, а съ другой стороны, установленнаго приведеннымъ выше указомъ Сената 13 Августа 1820 года совершенно иного порядка, относительно ревизскихъ душъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, одна изъ казенныхъ палатъ вошла съ представленіемъ къ Министру Финансовъ о разрѣшеніи вопроса, съ какого времени ревизскую душу еврея, обратившагося въ христіанство, слѣдуетъ, считать исключенною изъ податнаго оклада, лежавшаго на прежнемъ ея обществѣ: со времени ли ревизіи или только перехода въ христіанскую вѣру?

По обсужденіи этого вопроса, министерство финансовъ, принявъ во вниманіе, что указомъ Сената, 13 Августа 1820 года, велѣно евреямъ, принявшимъ христіанскую вѣру, исключать изъ еврейскихъ обществъ и тѣхъ окладовъ, въ коихъ они до принятія христіанской вѣры состояли записанными, нашло, что евреи, принявшіе христіанскую вѣру, по точному смыслу этого указа, подлежатъ, съ того времени, причисленію къ податнымъ обществамъ христіанскихъ исповѣданій и исключенію *вовсе* изъ окладовъ по прежнимъ мѣстамъ, о чемъ, согласно съ заключеніемъ министерства, и предписано къ повсемѣстному исполненію указомъ Сената, состоявшимся 26 Ноября 1823 года, безъ объясненія, при этомъ, освобождаются ли за симъ и еврейскія общества, со времени ревизіи, отъ обязанности очищать платежи, числившіеся на выбывшихъ изъ нихъ, безъ ихъ согласія, вышесказанныхъ евреевъ. Это давало право заключать, что такого освобожденія не послѣдовало, между тѣмъ, какъ сами vykрестившіеся евреи, изъ мѣщанъ, лично, отъ сказанной обязанности освобождались, какъ равно освобождалось отъ всякой отвѣтственности за нихъ, въ этомъ случаѣ, и то христіанское податное общество, къ которому они причислялись (П. С. З., т. XXXVIII, № 29657).

Такая льгота по платежу податей, въ пользу евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, при явномъ ущербѣ для казеннаго интереса,

составляла, въ сущности, личное и весьма широкое преимущество въ правахъ передъ ревизскими душами христіанъ мѣщанскаго званія; такъ какъ по существовавшимъ тогда постановленіямъ, эти послѣдніе мѣщане, при ихъ перечисленіи въ другія общества, были обязаны, во-первыхъ, испросить на то согласіе своихъ прежнихъ обществъ, и во вторыхъ, очистить себя передъ ними уплатою числившихся за ними недоимокъ, въ виду того, что на прежнихъ обществахъ, до слѣдующей ревизіи, оставалась отвѣтственность по платежу податей за выбывшія изъ нихъ души. Съ другой стороны, сказанное преимущество, освобождая вовсе евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, отъ платежей, по прежнимъ окладамъ, а слѣдовательно, и отъ недоимокъ по нимъ, безъ освобожденія, въ то же время, еврейскихъ обществъ, къ которымъ они были приписаны, отъ обязанности очищать такіе платежи и недоимки, представляло мѣру столь же несправедливую, сколько отяготительную для тѣхъ обществъ, ибо при изъятіи изъ нихъ, безъ ихъ на то согласія, ревизской души, они тѣмъ не менѣе должны были оставаться отвѣтственными за нее по платежу податей, до будущей ревизіи.

Такимъ образомъ, въ пользу еврея, который перешелъ бы даже не въ православную, а въ какую либо другую христіанскую вѣру, была установлена, изъ религіозной цѣли, исключительная льгота, которая, помимо ея несообразности съ общимъ порядкомъ, была сопряжена съ денежною несправедливостью, какъ въ отношеніи христіанъ, такъ и евреевъ, съ вредомъ и для казеннаго интереса. Такое отступленіе отъ общаго порядка отбыванія государственныхъ податей, требовало, во всякомъ случаѣ, по существу предмета, новаго закона. Между тѣмъ, министерство финансовъ и Сенатъ, потому только, что дѣло шло о евреяхъ, присвоили себѣ право установленія мѣры законодательнаго свойства, безъ испрошенія на то соизволенія Верховной власти, въ законодательномъ порядкѣ, вопреки 1 ст. 29, § III, дѣйствовавшаго въ то время, учрежденія Государственнаго Совѣта (П. С. З., т. XXXI, № 24,064).

Въ то самое время, какъ министерства и Сенатъ прилагали такія заботы и попеченія о ничтожномъ числѣ евреевъ, переходившихъ въ иновѣрные христіанскія вѣроисповѣданія, и притомъ, не столько, быть можетъ, по убѣжденію совѣсти, сколько по расчету матеріальныхъ выгодъ, евреи въ бѣлорусскихъ губерніяхъ: могилевской и витебской, подверглись, вновь, тяжкимъ мѣрамъ ихъ изгнанія изъ деревень и селъ.

Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ извѣстно уже, что по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Куракина, 23-го Декабря 1808 года, мѣры по выселенію евреевъ изъ деревень и селъ, установленныя 34 ст. Положенія 1804 года о евреяхъ, были приостановлены, на основаніи Именнаго о томъ указа, состоявшагося 29 Декабря 1808 года, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Неудобоисполнимость всѣхъ этихъ мѣръ и ихъ нецѣлесообразность вполне подтвердились и подробнымъ докладомъ, выработаннымъ затѣмъ, въ 1812 году, учрежденнымъ по Высочайшему повелѣнію особымъ комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Дѣйстви-тельнаго Тайнаго Совѣтника Попова.

Хотя комитетъ этотъ, по Именному о томъ указу 5 Мая 1818 г., былъ упраздненъ, а дѣла его переданы въ учрежденное тогда Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (П. С. З., т. XXXV, № 27363), но мѣры выселенія евреевъ изъ деревень и селъ, до 1823 г., уже не возобновлялись.

Изъ вышеупомянутаго доклада комитета ясно усматривалось, что причины неудовлетворительнаго состоянія крестьянъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и большого, среди ихъ, развитія пьянства, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, гдѣ число ихъ населенія было столь же значительно, скрывались не въ евреяхъ, а въ совершенно иныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, устраненіе которыхъ, по мнѣнію комитета, зависѣла, преимущественно, отъ самого правительства. Сознаніе этого самимъ правительствомъ и было, между прочимъ, какъ извѣстно, причиною восполнѣдованія Высочайшаго повелѣнія о приостановленіи приведенія въ дѣйствіе 34 ст. Положенія о евреяхъ.

Между тѣмъ, въ 1823 году, Сенаторъ Барановъ, который былъ посланъ въ Бѣлоруссію, для изслѣдованія причинъ встрѣтившихся затрудненій по продовольствію тамошнихъ обывателей, донесъ въ совершенную противоположность докладу вышеупомянутаго комитета, что главною причиною разстройства тамошнихъ крестьянъ признается пребываніе евреевъ въ селеніяхъ и ихъ занятія тамъ продажею вина. Причемъ, въ этомъ же донесеніи, сенаторомъ Барановымъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, что евреи не только не обращаются ни къ какимъ занятіямъ или трудамъ, «кои Положеніемъ 1804 года имъ, для *собственной ихъ пользы*, предоставлены, но напротивъ, уси-

ливаясь водворяться въ селеніяхъ, число ихъ еще болѣе въ оныхъ умножилось, къ сугубому разоренію хлѣбопашцевъ».

Вслѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію, были приняты по бѣлорусскимъ губерніямъ, на основаніи 34 ст. Положенія о евреяхъ, вновь мѣры къ выселенію евреевъ въ города и мѣстечки, тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, съ назначеніемъ 1-го Января 1825 года срокомъ, для приведенія этихъ мѣръ въ исполненіе. При чемъ, въ состоявшемся, по этому предмету, 11 Апрѣля 1823 года, Именномъ указѣ объяснено, между прочимъ, что поводомъ къ ихъ принятію послужили сообщенныя сенаторомъ Барановымъ вышеприведенныя свѣдѣнія и «просьбы, принесенныя отъ бѣлорусскихъ дворянствъ» (П. С. З., т. XXXVIII, № 29420).

Въ чемъ именно заключались просьбы бѣлорусскихъ дворянствъ (польской шляхты), по неимѣнію ихъ подъ рукою, въ точности сказать нельзя; но содержащіяся въ томъ же Именномъ указѣ, въ числѣ прочихъ мѣръ, распоряженія, которыми разрѣшалось, съ одной стороны, евреямъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, для занятія хлѣбопашествомъ, а съ другой стороны — помѣщикамъ входить съ ходатайствами о дозволеніи имъ такого поселенія ихъ на своихъ земляхъ, хотя и внѣ деревень и селъ, даютъ право заключать, что подобныя разрѣшенія не были допущены вопреки желанія тѣхъ же самыхъ дворянствъ, изъ чего слѣдуетъ, что и эти дворянства, въ большинствѣ, не только не желали выселенія евреевъ въ города, но вовсе не были прочь отъ продолженія своихъ имущественныхъ отношеній съ евреями, находя въ томъ для себя, конечно, пользу, а не вредъ. Если же и предположить, что нѣкоторые лица изъ выше-сказанныхъ дворянствъ дѣйствительно обратились съ просьбами, въ которыхъ выражалось ихъ желаніе о выселеніи евреевъ изъ принадлежащихъ имъ имѣній, то побудительною причиною къ этому легко могли быть корыстныя намѣренія такихъ помѣщиковъ воспользоваться деньгами евреевъ, въ надеждѣ, быть можетъ, имѣть въ томъ такую же поддержку, какую многіе изъ тѣхъ же помѣщиковъ, въ 1820 году, встрѣтили уже, однажды, по дѣламъ о «кресценціяхъ» и противъ которой такъ энергично возсталъ, въ то время, Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Князь Голицынъ.

Что касается свѣдѣній, сообщенныхъ сенаторомъ Барановымъ, то они, въ тѣхъ ихъ частяхъ, которая заключали обвиненія евреевъ, относительно ихъ уклоненія отъ земледѣлія и другихъ промысловъ

ныхъ занятій, указанныхъ для нихъ Положеніемъ 1804 года, и ихъ усиленія къ водворенію въ деревняхъ и селахъ, въ виду вышеизложенныхъ данныхъ и соображеній, не могли быть признаны основанными на истинѣ. При невозможности, въ какую евреи были поставлены, силою вещей, заняться хлѣбопашествомъ и фабричнымъ производствомъ, а съ другой стороны—имѣть, болѣе или менѣе, надежныя средства къ снисканію себѣ пропитанія въ городахъ, въ которыхъ они были чрезмѣрно скучены, продолженіе ихъ пребыванія въ деревняхъ и селахъ должно было быть естественнымъ послѣдствіемъ общаго ихъ положенія въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Въ самомъ Именномъ указѣ 11 апрѣля 1823 г., о ихъ выселеніи въ бѣлорусскомъ краѣ изъ деревень и селъ, содержатся данныя, удостовѣряющія, что правительство, понуждая евреевъ къ хлѣбопашеству, въ то же время, ставило эту промышленность въ невозможныя для нихъ условія. Это видно изъ того, что Именной тотъ указъ, разрѣшая имъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловилъ это обязанностію для такихъ евреевъ упражняться въ хлѣбопашествѣ не иначе, какъ *лично*, т. е. безъ помощи вольнонаемныхъ людей изъ лицъ христіанскихъ исповѣданій, пособіе которыхъ было для нихъ затруднено и вышеупомянутыми строгими воспрещеніями объ ихъ наймѣ, которыя, въ это же самое время, были подтверждены состоявшимся 30 іюля 1823 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственного Совѣта (П. С. З., т. XXXVIII, № 29557). При отсутствіи же такого существеннаго условія, какъ свободный наемъ рабочихъ, для всякаго промышленнаго занятія, особенно для хлѣбопашества, это послѣднее не могло, конечно, представлять евреямъ никакихъ выгодъ, тѣмъ болѣе, что ихъ поселеніе на помѣщичьихъ земляхъ зависѣло отъ добровольныхъ соглашеній съ владѣльцами, условія которыхъ могли быть для нихъ отяготительными; безъ расчета же выгодъ, отъ еврея, какъ и отъ всякаго другаго, нельзя было требовать рвенія и усердія по какой бы то ни было отрасли промышленной дѣятельности.

Относительно же другой части представленныхъ сенаторомъ Барановымъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ встрѣтившіяся въ бѣлорусскомъ краѣ затрудненія, по продовольствію крестьянъ, были приписаны, исключительно, евреямъ и ихъ занятіямъ по продажѣ вина, нельзя не замѣтить, что крайняя сомнительность полной достовѣрности такихъ свѣдѣній могла быть выведена изъ слѣдующихъ соображеній: 1) что эти свѣдѣнія были совершенно противоположны тѣмъ,

которыя содержались въ всеподданнѣйшемъ докладѣ вышеупомяну-
таго, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго
совѣтника Попова, комитета, которымъ докладъ этотъ былъ вырабо-
танъ самымъ тщательнымъ образомъ, на основаніи свѣдѣній, собран-
ныхъ на мѣстѣ же; 2) что въ то самое время, какъ евреи обвиня-
лись сенаторомъ Барановымъ, по двумъ бѣлорусскимъ губерніямъ:
могилевской и витебской, въ томъ, что они были причиною затруд-
неній въ продовольствіи крестьянъ, подобныя обвиненія не возни-
кали въ остальныхъ 13 губерніяхъ ихъ постоянной осѣдлости, изъ
которыхъ во многихъ имѣлось не меньшее число евреевъ, какъ въ
городахъ и мѣстечкахъ, такъ въ деревняхъ и селахъ, и 3) что одно-
временно съ предположеніемъ о ихъ выселеніи изъ этихъ послѣд-
нихъ въ бѣлорусскомъ краѣ, для предупрежденія развитія въ про-
стомъ народѣ пьянства, не встрѣчалось, какъ видно изъ вышеупомя-
нутаго Именнаго указа 11 апрѣля 1823 года, препятствія къ разрѣ-
шенію евреямъ, наравнѣ съ прочими поданными, одинаковыхъ съ
ними состояній, права продажи вина въ городахъ; между тѣмъ, въ
городахъ, по многочисленности тамъ евреевъ и существованію въ зна-
чительномъ количествѣ и простаго класса людей, опасность для него
отъ евреевъ могла представляться въ той же, если не въ большей
еще мѣрѣ.

Были ли предписанныя по бѣлорусскимъ губерніямъ мѣры вы-
селенія евреевъ изъ деревень и селъ приведены дѣятельно въ испол-
неніе или нѣтъ—неизвѣстно. Но можно, съ большею или меньшею
достоверностью, предполагать, что нѣтъ; такъ какъ черезъ 19 дней
послѣ воспослѣдовавшаго объ этомъ Именнаго указа 11 апрѣля 1823 г.,
а именно 1 мая того же года, состоялось Высочайше утвержденное
положеніе Комитета Министровъ *«о составленіи особаго Комитета для
устройства евреевъ»*, изъ каковаго положенія видно, что главною по-
будительною причиною къ этой общей мѣрѣ послужила записка, вне-
сенная Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по поводу именно замѣчаній,
сдѣланныхъ сенаторомъ Барановымъ о бѣлорусскомъ краѣ, и его со-
ображеній, относительно улучшенія тамъ состоянія казенныхъ и по-
мѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ этого Высочайше утвержденаго положенія Комитета Мини-
стровъ усматривается, что Комитетъ, хотя и принялъ во вниманіе
соображенія сенатора Баранова, относительно вреда, какой, по его
мнѣнію, происходитъ отъ водворенія евреевъ въ селеніяхъ, не только

по Бѣлорусскимъ, но и по другимъ присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, но призналъ, однако, «что къ отвращенію зла ими причиняемаго, одни частныя распоряженія не могутъ быть достаточны», почему, по заключенію Комитета, представлялось необходимымъ составить изъ его членовъ т. е., изъ Министровъ же, *особый Комитетъ*, «который бы, сказано въ этомъ заключеніи, занялся подробными соображеніями о всѣхъ вообще евреяхъ, въ Россіи находящихся», и который, «по разсмотрѣніи изданныхъ доселѣ постановленій объ нихъ, изложилъ мнѣніе свое, на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ въ государство, какія обязанности должны они нести въ отношеніи къ правительству, словомъ, чтобы Комитетъ начерталъ, вообще, все, что можетъ принадлежать къ *лучшему устройству гражданскаго положенія «сего народа»*. При этомъ, Комитетъ Министровъ полагалъ вмѣнить тому Комитету въ обязанность, чтобы онъ соображенія свои окончилъ и представилъ къ 1 Января 1824 года, и чтобы, согласно съ заявленіемъ Государственнаго Контролера, онъ былъ учрежденъ изъ Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Юстиціи и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ дѣла о евреяхъ относятся болѣе къ этимъ вѣдомствамъ. Такое положеніе Комитета Министровъ, 1 мая 1823 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія (П. С. З., т. XXXVIII, № 29443).

Учрежденіе особаго высшаго Комитета, не съ тѣмъ уже, чтобы ограничиться, въ отношеніи евреевъ, однѣми только *административно-полицейскими* мѣрами, составлявшими отличительную черту Положенія о нихъ 1804 года; но съ цѣлію, на этотъ разъ, обнять всѣ предметы, касавшіеся основаній общаго положенія евреевъ въ Россіи, для болѣе положительнаго выясненія, какъ сказано въ положеніи Комитета Министровъ, «на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ (евреевъ) въ государство», съ предоставленіемъ, въ тоже время, Комитету широкой программы дѣйствія,—представляло такую государственную мѣру, которая, сама собою, свидѣтельствовала о появившемся въ правительствѣ сознаніи крайней неудовлетворительности, какъ Положенія 1804 года, такъ и вообще всѣхъ принимавшихся до того, въ отношеніи евреевъ, исключительныхъ мѣръ. Но, къ сожалѣнію, имѣвшаяся въ положеніи Комитета Министровъ вставка словъ: «къ лучшему устройству положенія *сего народа*», придавала направленію этого важнаго государственнаго дѣла такіе оттѣнки, которые не могли предвозвѣщать какіе либо рѣши-

тельные шаги, со стороны правительства, къ кореннымъ измѣненіямъ въ его взглядахъ на евреевъ, а слѣдовательно, и въ самихъ мѣрахъ, по отношенію къ нимъ, что, впоследствии, и оправдалось.

Хотя, при этомъ, Комитету было вмѣнено въ обязанность представить свои соображенія къ 1 января 1824 года, но результаты его дѣятельности принадлежатъ, однако, уже царствованію Императора Николая I, такъ какъ при Императорѣ Александрѣ I, работы Комитета не были приведены къ окончанію.

Въ то время, какъ сказанный Комитетъ, приступивъ къ своимъ занятіямъ, началъ свою дѣятельность, правительство, руководствуясь своимъ прежнимъ направленіемъ, успѣло еще, въ то же царствованіе, принять не малое число исключительныхъ мѣръ, стѣснявшихъ до крайности права евреевъ и не имѣвшихъ подъ собою достаточной практической почвы.

Такъ, 11 февраля 1824 года, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта «о переписи евреевъ, поступившихъ въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ», съ цѣлію приведенія въ извѣстность числа тѣхъ изъ нихъ, которые, поступивъ въ это состояніе, дѣйствительно поселились и занимались хлѣбопашествомъ на казенныхъ, помѣщичьихъ и собственныхъ земляхъ; при чемъ, было постановлено, что только эти евреи имѣютъ право пользоваться льготами, предоставленными Положеніемъ 1804 года, но отнюдь не тѣ, которые заявивъ только желаніе воспользоваться званіемъ земледѣльцевъ, «поселенія не сдѣлали и въ хлѣбопашествѣ не упражняются», съ присовокупленіемъ къ этому постановленію правила о томъ, что по истеченіи льготныхъ лѣтъ, евреи земледѣльцы, поселившіеся особыми селеніями, на собственныхъ земляхъ, должны будутъ платить подати наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами, а евреи, поселившіеся такимъ же образомъ, т. е. особыми селеніями, на земляхъ помѣщичьихъ — подлежать запискѣ въ окладъ вольныхъ людей, занимающихся хлѣбопашествомъ въ селеніяхъ старостинскихъ, помѣщичьихъ и принадлежащихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ (П. С. З., т. XXXIX, № 29775).

Изъ этого узаконенія, какъ равно изъ Положенія 1804 года о евреяхъ и появившихся уже тогда правительственныхъ распоряженій по предмету ихъ водворенія на казенныхъ земляхъ, усматривается, что въ правительствѣ, одновременно съ постояннымъ его стремленіемъ къ сосредоточенію евреевъ въ городахъ и ограниченію ихъ правъ

жительства этими послѣдними, возникла мысль о привлеченіи евреевъ къ сельскому быту и земледѣльческому роду занятій, путемъ образованія изъ этого класса подданныхъ *отдѣльныхъ поселеній или колоній*, внѣ существовавшихъ деревень и селъ, на незаселенныхъ земляхъ, *частныхъ и казенныхъ*, а также на тѣхъ, которыя были бы приобрѣтены евреями въ ихъ *личную собственность*. Въ видахъ же ихъ поощренія къ такой колонизаціи, имъ были предоставлены разныя льготы и преимущества передъ прочими ихъ единовѣрцами и даже передъ сельскими обывателями другихъ свободныхъ состояній, по отбыванію государственныхъ податей, съ правомъ полученія даровыхъ отводовъ земель изъ числа казенныхъ, не только въ мѣстахъ постоянной осѣдности евреевъ, но также въ губерніяхъ астраханской и кавказской. Причемъ, евреямъ, которые изъявили бы желаніе образовать изъ себя земледѣльческія поселенія на казенныхъ земляхъ, было предназначено выдавать, для ихъ переселенія и водворенія въ колоніяхъ, и денежныя пособія, въ видѣ ссудъ, которыя евреи тѣ должны были возмѣщать казнѣ въ извѣстное число лѣтъ; тѣмъ же евреямъ, которые поселили бы на собственныхъ земляхъ не менѣе 30 домовъ или семействъ наемныхъ работниковъ было предоставлено—право и пивной продажи. Наконецъ, изъ цѣлей попечительныхъ, евреи поселившіеся на казенныхъ земляхъ, были подчинены существовавшему тогда опекунскому вѣдомству надъ иностранными колонистами.

Но какъ всѣ эти поощрительныя мѣры, дѣятельно принимавшіяся и въ послѣдующія царствованія, оставались безуспѣшными и евреи, не взирая на нихъ, не обнаруживали особаго влеченія къ переходу въ земледѣльческое состояніе, да и въ самихъ поселеніяхъ, какія были образованы изъ нихъ, въ весьма ограниченномъ числѣ, въ новороссійскомъ краѣ, на казенныхъ земляхъ, не замѣчалось, болѣею частію, среди евреевъ усердія и трудолюбія, по части земледѣлія и хлѣбопашества; то въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ сложилось, вскорѣ, убѣжденіе, что препятствія къ этому дѣйствительно скрываются, исключительно, въ природномъ отвращеніи и неспособности евреевъ къ земледѣльческому роду занятій и въ ихъ вѣрованіяхъ, основанныхъ на талмудическомъ ученіи.

Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ справедливости такого убѣжденія и уяснить себѣ, по возможности, настоящія причины неуспѣха правительственныхъ мѣропріятій, по части колонизаціи евре-

евъ, необходимо вникнуть, предварительно, нѣсколько ближе въ тѣ условія, въ какихъ цѣлый рядъ поколѣній евреевъ, перешедшихъ къ намъ отъ Польши, находился относительно земледѣльческаго рода занятій, послѣдовательно, въ теченіи многихъ вѣковъ, сперва подѣ владычествомъ Польши, а за тѣмъ въ Россіи, подѣ владычествомъ русскимъ, какъ до, такъ и послѣ возникновенія вышесказанной правительственной идеи объ образованіи изъ нихъ земледѣльческаго класса людей.

Успѣхъ въ развитіи земледѣлія и хлѣбопашества, среди людей сельскихъ состояній, прилагающихъ къ этому роду занятій свой *лич- ный трудъ*, зависитъ, преимущественно, отъ навыка къ нему не одного, а цѣлаго ряда поколѣній, въ потѣ лица, изъ рода въ родъ, воздѣлывающихъ землю, на которой поселены. При этомъ, навыкъ къ тяжелымъ земледѣльческимъ трудамъ, обусловливающимся разви- тіемъ необходимыхъ для нихъ физическихъ силъ, преимущественно силы мышцъ, съ выносливостью климата и погоды, во всякое время года, пріобрѣтается земледѣльческими классами, не только упражне- ніемъ въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ, но ихъ *жизельствомъ въ деревняхъ и селахъ* и постояннымъ, такимъ образомъ, вращеніемъ въ условіяхъ сельскаго быта.

Между тѣмъ, весьма многія поколѣнія евреевъ, переселившихся изъ Германіи въ Польшу, а затѣмъ, перешедшихъ въ русское подданство, въ продолженіи цѣлаго ряда столѣтій, находились, въ этомъ отноше- ніи, въ совершенно иныхъ условіяхъ. Въ католическихъ, а за тѣмъ и въ протестантскихъ странахъ Германіи, на нихъ смотрѣли, сперва, исключительно, какъ на купцовъ и торгашей деньгами, почему они не только не поощрялись къ поселеніямъ въ деревняхъ и селахъ, но подобно тому, какъ въ новѣйшее время у насъ, подверга- лись весьма частымъ изгнаніямъ изъ нихъ. Слѣды принятія, напри- мѣръ, австрійскимъ и прусскимъ правительствами мѣръ къ ограни- ченію ихъ правъ жительства, преимущественно, *одними городами*, имѣются не далѣе, какъ въ прошломъ еще столѣтіи ¹⁾.

Что касается Польши, то изъ имѣющихся оффиціальныхъ свѣ- дѣній о гражданскомъ бытѣ евреевъ въ ней видно, что со времени Ягеллоновъ, до самаго конца ея существованія, т. е. въ продолженіи

¹⁾ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, II sect., H—N. 27 Theil, подѣ словомъ Juden, изд. Гофмана. Лейпцигъ. 1850 года, стр. 94, 97

нѣсколькихъ столѣтій, польскимъ правительствомъ не принималось никакихъ мѣръ, съ цѣлю привлеченія евреевъ къ земледѣлію. Имъ было разрѣшено, впервые, селиться на земляхъ, принадлежавшихъ казнѣ и римско-католическому духовенству, для занятій этого рода дѣятельностію, лишь по постановленію намѣстника бывшаго Царства Польскаго, 4 Февраля 1823 года, т. е. при русскомъ уже владычествѣ, въ концѣ царствованія Императора Александра I. До того-же, дѣйствовалъ тамъ декретъ Короля Саксонскаго, Герцога Варшавскаго, 30 Октября 1812 года, основанный на прежнихъ польскихъ постановленіяхъ, въ силу котораго евреямъ дозволялось, вообще, селиться въ Польшѣ лишь подъ условіемъ открытія какой-либо полезной фабрики или для занятія торговлею, но отнюдь не для земледѣлія. Поэтому, а также по всегдашнему недостатку въ польскихъ провинціяхъ пустопорожнихъ земель, свободныхъ отъ частнаго владѣнія, о приобрѣтеніи евреями земли внѣ городовъ, съ цѣлю ея воздѣлыванія личнымъ своимъ трудомъ, въ качествѣ сельскихъ поселянъ, не могло быть и рѣчи, въ предѣлахъ владѣній польской короны. Образование изъ евреевъ сельскихъ классовъ населенія, вполне обеспеченныхъ правами землевладѣнія и земельною собственностью, не соотвѣтствовало бы, ни духу польскаго режима, какому были подчинены евреи, ни взглядамъ на нихъ привилегированныхъ тамъ классовъ, въ лицѣ польскихъ магнатовъ, шляхты и духовныхъ владѣльцевъ, которые, нуждаясь въ евреяхъ только, какъ въ арендаторахъ, торговцахъ товаромъ и деньгами и факторахъ, т. е., въ ихъ посредническихъ только родахъ дѣятельности, обращались съ ними, въ то же время, съ крайнимъ презрѣніемъ и высокомеріемъ. Такое направленіе относительно евреевъ исключало всякую мысль о возможности приобрѣтенія евреями, среди польскаго населенія, положенія земледѣльческихъ классовъ, въ видѣ свободныхъ сельскихъ поселянъ, надѣленныхъ землею отъ казны, или владѣвшихъ землею на правахъ собственности. Вслѣдствіе этого, ни въ селахъ и деревняхъ Польши, ни внѣ ихъ, не встрѣчалось евреевъ, упражнявшихся въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ; почему, нарождавшіяся тамъ поколѣнія евреевъ, естественно, не могли получить склонности и навыка къ этому роду занятій, даже въ томъ случаѣ, если предположить, что они имѣли бы особое расположеніе къ нему, по своимъ нравамъ, обычаямъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Если же, въ отдаленныя времена династіи Пястовъ, евреи находились въ Польшѣ, сравнительно, въ болѣе или менѣе

выгодныхъ условіяхъ, а между тѣмъ, нѣтъ историческихъ свѣдѣній, чтобы они и тогда обратились къ земледѣлію; то объяснять это, исключительно, ихъ несклонностію и неспособностію къ нему было бы, равнымъ образомъ, ошибочнымъ, такъ какъ они и тогда пользовались гражданскими правами не на основаніи общихъ законовъ, но въ видѣ особыхъ льготъ и привилегій, дававшихъ имъ чувствовать, что ихъ правовое положеніе подъ владычествомъ польской короны весьма шатко, завися отъ произвола той или другой королевской династіи и даже личнаго усмотрѣнія каждаго короля одной и той же династіи. При такихъ условіяхъ, не обеспечивавшихъ и тогда достаточно правъ существованія евреевъ на польской территоріи, нельзя было ожидать появленія и развитія въ нихъ склонности къ воздѣлыванію и обработкѣ чуждой для нихъ почвы.

Такимъ образомъ, дѣлается вполне понятнымъ, что нарождавшіяся въ Польшѣ поколѣнія евреевъ, съ самаго начала ихъ переселенія туда изъ Германіи, не имѣя вполне прочной и обеспеченной осѣдлости, ни въ деревняхъ и селахъ, ни въ городахъ, пользовавшихся, какъ извѣстно, привилегіями ихъ изгнанія изъ своей черты, пріобрѣтали навѣкъ лишь къ скитальческому образу жизни и свойственнымъ ему родамъ дѣятельности. Жившіе въ селахъ и деревняхъ евреи, на земляхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, промышляли, преимущественно, какъ тоже извѣстно, арендаторствомъ, мелочною торговлею, факторствомъ, продажею питей и сборомъ денегъ съ проѣзжихъ людей, искавшихъ пристанища въ ихъ постоянныхъ дворахъ и корчмахъ.

Въ этомъ положеніи застигло евреевъ, въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, и русское владычество. Въ то время, въ виду выраженной Императрицею Екатериною Великою державной воли объ уравниеніи ихъ въ правахъ съ другими подданными, равныхъ съ ними состояній, отъ правительства зависѣло, не различая, по отношенію къ евреямъ, частей Имперіи, не присвоивая однимъ изъ нихъ значенія мѣстностей, предназначенныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ, а другимъ такихъ, которыя должны остаться для нихъ закрытыми, предоставить евреямъ, тотчасъ же, свободу избранія рода жизни, на всемъ пространствѣ Имперіи, наравнѣ съ прочими сословіями, какія въ то время существовали, не препятствуя имъ вступать, по желанію, въ сельскія состоянія, какъ свободныя такъ и крѣпостныя, съ припискою себя въ городахъ и селахъ къ обществамъ или за помѣщиками, на общемъ основаніи, безъ образова-

нія изъ нихъ *отдѣльныхъ обществъ, исключительно городскихъ*, или, наконецъ, распредѣлить вошедшихъ въ составъ русскаго населенія евреевъ, по вышесказаннымъ состояніямъ, собственною властію, хотя бы въ томъ порядкѣ и той мѣрѣ, какъ это было сдѣлано, нѣсколько позднѣе, въ Бессарабіи, при присоединеніи ея къ Россіи, по Вѣнскому трактату. Еслибъ правительствомъ, при присоединеніи Бѣлоруссіи, согласно яснымъ и категоричнымъ начертаніямъ Екатерины II, было поступлено съ тѣми евреями однимъ изъ сказанныхъ способовъ; то въ первомъ случаѣ, т. е. при предоставленіи имъ права свободнаго избранія состояній, по роду занятій и склонности къ нимъ, было бы возможнымъ судить о степени природнаго расположенія или нерасположенія евреевъ къ земледѣльческому труду, не на основаніи однихъ только предположеній, не гадательно, но по числу евреевъ, которые тотчасъ, или впослѣдствіи, добровольно перешли бы въ сельскія состоянія, съ земледѣльческими цѣлями, а также по процентному отношенію этого числа къ общему числу ихъ населенія, приведенному тогда въ извѣстность переписью, по распоряженію главнаго начальника края, графа Чернышева; во второмъ же случаѣ, т. е. при распредѣленіи евреевъ по состояніямъ, повсемѣстно въ Имперіи, путемъ распоряженій самой правительственной власти, съ зачисленіемъ большаго или меньшаго ихъ числа въ сельскія состоянія, частію свободныя, частію крѣпостныя, судить о природной склонности или несклонности евреевъ къ земледѣлію было бы возможнымъ по другимъ признакамъ, а именно, по тому, какъ это было бы принято евреями, сопровождалось ли бы это какимъ-либо противодѣйствіемъ съ ихъ стороны, или нѣтъ, а также по болѣе или менѣе быстрому освоенію ихъ тогдашнихъ поколѣній съ земледѣльческимъ родомъ дѣятельности и сельскимъ бытомъ. Въ обоихъ сказанныхъ случаяхъ, русское государство могло бы имѣть, такимъ образомъ, свой опытъ, свою экспертизу, относительно евреевъ, на основаніи которой, еще въ царствованіи Императора Александра I, представлялась бы возможность прійти къ болѣе или менѣе правильнымъ и справедливымъ заключеніямъ по этому предмету.

Между тѣмъ, правительствомъ, какъ извѣстно изъ приведенныхъ выше данныхъ, было поступлено совершенно иначе. Руководствуясь, единственно, предвзятымъ взглядомъ на евреевъ какъ на людей несклонныхъ и неспособныхъ къ земледѣлію, правительство, не видѣло, первоначально, и необходимости въ какихъ либо

мѣрахъ для ихъ привлеченія къ дѣятельности, въ качествѣ сельскихъ поселянъ. Вслѣдствіе этого, власти, на которыхъ была возложена организація бѣлорусскаго края, стали тотчасъ же стремиться къ стѣсненію правъ жительства евреевъ въ деревняхъ и селахъ и понуждать ихъ къ переселенію въ города, не озабочиваясь о послѣдствіяхъ ихъ чрезмѣрнаго переполненія ими, какъ это ясно видно изъ Сенатскаго указа 7-го Мая 1786 года, коимъ было предписано, между прочимъ, не принуждать евреевъ къ такому переселенію, «особенно когда въ городахъ не имѣется свободныхъ мѣстъ, для построекъ домовъ и когда неизвѣстно, могутъ ли они найти себѣ тамъ средства къ пропитанію (П. С. З., т. XXII, № 16,391). Но за симъ, черезъ девять лѣтъ послѣ этого, когда существовало еще то самое поколѣніе евреевъ, которое перешло къ намъ отъ Польши и которому, справедливымъ образомъ, никакъ нельзя было вѣнчать въ вину несклонность къ земледѣльческимъ занятіямъ, состоялся, по инициативѣ правительства, извѣстный Именной указъ Императрицы Екатерины II, 3 Мая 1795 года, т. е. за годъ до ея кончины, о разрѣшеніи евреямъ пользоваться лишь купеческими и мѣщанскими промыслами, о запискѣ ихъ «въ городовыя окружныхъ городовъ книги» и о *приложеніи властями старанія къ переселенію ихъ исключительно въ города*. Такимъ образомъ, евреи, силою самаго закона, были окончательно устранены у насъ отъ сельскихъ состояній и отъ сельскаго быта, а слѣдовательно, и отъ возможности заняться земледѣльческимъ родомъ дѣятельности. При такихъ условіяхъ, евреи, не могли, конечно, образовывать изъ себя земледѣльческихъ классовъ и расположиться къ земледѣлію, которое было для нихъ закрыто самимъ закономъ. Поколѣнія ихъ нарождались, поэтому, по прежнему, не питая и не развивая въ себѣ никакихъ чувствъ къ сельскому трудолюбію, какъ нѣчто для нихъ чуждому, и продолжали упражняться въ обычныхъ своихъ занятіяхъ, не способствовавшихъ къ пріобрѣтенію къмъ либо изъ нихъ навыка и выносливости къ трудамъ по части земледѣлія и хлѣбопашества, какъ вообще къ трудамъ, требующимъ физическихъ силъ, тѣмъ болѣе, что всѣ евреи, тогда же, были освобождены, какъ извѣстно, отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, а слѣдовательно, и отъ сопряженныхъ съ военною службою упражненій, способствующихъ развитію тѣхъ силъ. Двойной же окладъ податей и другіе непомѣрные денежные сборы, какъ равно разнаго рода стѣсненія въ правахъ,

содѣйствовали быстрому распространенію въ ихъ населеніи общаго изнуренія и нищеты, при которыхъ большинство евреевъ могло дѣлаться дѣйствительно негоднымъ къ держанію плуга или оружія въ рукахъ.

Изъ такихъ - то евреевъ, въ царствованіе Императора Александра I, правительство возымѣло мысль образовать *земледѣльческій класъ людей*, посредствомъ вышеупомянутой ихъ *колонизаціи*. Нѣтъ и не можетъ, конечно, быть сомнѣнія, что правительственная цѣль привлеченія возможно-большаго числа евреевъ къ земледѣльческому роду занятій, сама по себѣ, не могла не быть полезною; такъ какъ при ея осуществленіи, города, въ чертѣ осѣдлости евреевъ, освободились бы отъ избытка торговыхъ и промышленныхъ людей, какой, и въ то время, ощущался уже въ значительной степени, нарушая надлежащее равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ на нихъ; городское тамъ населеніе, и сами евреи были бы, вслѣдствіе этого, болѣе обеспечены въ средствахъ къ жизни и, наконецъ, сельскій бытъ могъ бы содѣйствовать, конечно, распространенію среди евреевъ добрыхъ и хорошихъ нравовъ.

Но избранное правительствомъ средство для достиженія этой цѣли—*колонизація евреевъ*, по условіямъ, въ какія такая мѣра была поставлена, не могло и тогда, при ближайшемъ и внимательномъ его разсмотрѣніи, вселять надежду на какой либо успѣхъ въ этомъ дѣлѣ.

Недостатокъ, въ главнѣйшихъ центрахъ еврейскаго населенія, свободныхъ земель, для образованія изъ евреевъ сказанныхъ колоній, лишалъ возможности осуществленія этой мѣры, въ самихъ мѣстахъ ихъ пребыванія. Поэтому, мѣра ихъ колонизаціи могла быть приведена въ исполненіе, не иначе, какъ посредствомъ переселенія евреевъ, изъѣявившихъ на то желаніе, въ мѣста, болѣе или менѣе, отдаленныя отъ вышесказанныхъ центровъ. Такое же переселеніе евреевъ, особенно цѣлыми массами, для образованія изъ нихъ поселковъ или селеній, не могло не быть сопряжено съ значительными затрудненіями. Хотя положеніемъ о евреяхъ 1804 года было принято, въ принципѣ, не принуждать ихъ къ такимъ переселеніямъ и предоставить это собственной ихъ волѣ, въ надеждѣ, что поощрительныя къ тому мѣры сами расположатъ евреевъ промѣнять свой городской очагъ на сельскій; но при этомъ, правительствомъ было упущено изъ вида, что по новизнѣ для *тогдашнихъ поколѣній евреевъ* земледѣльческаго рода дѣятельности, по недостатку въ нихъ навыка и физическихъ, даже, силъ къ нему, необходимо было

обставить это дѣло такъ, чтобы они видѣли, не только возможность, но и прямой для себя расчетъ покинуть свои жилища въ городахъ и мѣстечкахъ и воспользоваться въ отдаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ даровымъ надѣломъ земли, для ея воздѣлыванія собственнымъ, хотя и непривычнымъ трудомъ. Между тѣмъ, предположенные мѣры ставили евреевъ въ условія, при существованіи которыхъ евреи сами не могли не ощущать крайней сомнительности какой либо матеріальной для нихъ выгоды отъ перехода изъ городского въ сельское состояніе.

Въ видахъ расширенія для евреевъ способовъ и средствъ къ такому переходу, Положеніемъ 1804 были открыты для нихъ, какъ извѣстно, нѣкоторыя мѣстности и внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости, а именно губерніи астраханская и кавказская. Но вскорѣ, въ царствованіе же Императора Александра I, какъ мы увидимъ ниже, было признано нужнымъ, закрыть вновь для евреевъ доступъ въ эти губерніи (П. С. З., т. XI, № 30,404). Для осуществленія правительственной идеи привлеченія евреевъ къ земледѣльческому труду, путемъ ихъ колонизаціи, оставались, слѣдовательно, однѣ только степи новороссійскаго края, въ губерніяхъ екатеринославской и херсонской, — степи, правда, обширныя, но не представлявшія никакихъ благопріятныхъ условій для вселенія въ еврейхъ увѣренности, что, подъ ихъ плугомъ, тамошняя почва станетъ давать обильные урожаи и что сельское ихъ хозяйство будетъ процвѣтать на столько, что вполне обеспечитъ ихъ средства къ существованію, особенно въ виду лежавшей на нихъ обязанности по возврату казнѣ заимообразныхъ ссудъ, выдававшихся имъ для ихъ переселенія и водворенія въ колоніяхъ. Тяжесть земледѣльческихъ работъ, къ которымъ евреи не были привычны, особая затруднительность обработки почвы, по ея дѣйствительному тогда состоянію въ сказанномъ краѣ, климатическія тамъ условія, отъ которыхъ происходили частые неурожаи хлѣба и падежи скота, — все это должно было поселять въ еврейхъ крайнюю неувѣренность въ успѣхѣ ихъ новаго рода дѣятельности, въ отдаленныхъ отъ ихъ родины степяхъ. Пуститься добровольно въ такое указываемое для нихъ правительствомъ предпріятіе, съ совершенною перемѣною рода жизни и занятій, могли только такіе евреи, которые были вынуждаемы къ тому изнуреніемъ и нищетою, въ многочисленныхъ центрахъ ихъ населенія.

Легко было предвидѣть, что такіе люди не принесутъ съ собою надлежащаго трудолюбія и рабочихъ силъ для успѣшнаго воздѣлыванія почвы, съ пользою какъ для себя, такъ и для мѣстной сельской

промышленности. Едва ли можно было сомнѣваться, что такихъ переселенцевъ постигнетъ въ степяхъ новороссійскихъ самая жалкая участь, что ихъ ожидаютъ тамъ одни лишь голодъ, болѣзни и смертность, которыя ихъ нищету на родинѣ должны будутъ превратить для нихъ въ окончательную гибель и бѣдствіе. Это не преминуло обнаружиться и на самомъ дѣлѣ, такъ-какъ изъ состоявшагося, 6 апрѣля 1810 г., Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ усматривается, что правительство встрѣтило затрудненіе по продовольствію переселившихся въ новороссійскій край 600 еврейскихъ семействъ, состоявшихъ изъ 3,640 душъ, и было вынуждено, вслѣдствіе донесенія херсонскаго военного губернатора о необычайной смертности между переселенцами, пріостановить выдачу изъ казны денежныхъ пособій, для дальнѣйшаго переселенія туда изъѣздившихъ на это желаніе другихъ 300 такихъ же семействъ. Такимъ образомъ, мѣры, принимавшіяся правительствомъ къ образованію изъ евреевъ поселеній, или колоній, въ новороссійскомъ краѣ, не могли увѣнчаться успѣхомъ, преимущественно, по причинамъ чисто физическимъ, отъ евреевъ независѣвшимъ, что было признаваемо и самимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ другаго Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, состоявшагося, по предмету колонизаціи евреевъ, 12 Января 1826 г., т. е. въ первый годъ царствованія Императора Николая I, и основаннаго на обстоятельствахъ, относившихся къ прежнему царствованію (П. С. З., т. XXXI, № 24,185 и В. П. С. З., т. I, № 52). Сказанному неуспѣху содѣйствовало и то обстоятельство, что самое водвореніе евреевъ въ мѣстахъ ихъ колонизаціи сопровождалось разнаго рода злоупотребленіями со стороны низшихъ чиновъ администраціи, которой было ввѣрено это дѣло,— злоупотребленіями, доходившими, не рѣдко, до Высочайшаго свѣдѣнія. Такъ, изъ восполѣдовавшихъ, по поводу ихъ, Высочайшихъ повелѣній и именнаго указа, даннаго на имя херсонскаго военного губернатора, Дюка-де-Ришелье, видно, что Государемъ было обращено Высочайшее вниманіе на то, что «смѣты, исчисленные на самомъ мѣстѣ водворенія поселенцевъ (евреевъ), оказались недостаточными, что приготовленія къ водворенію поселенцевъ производимы были столь поздно, что они, по прибытіи своемъ на мѣсто, оставались, по большей части, безъ надежнаго пристанища, что всѣ означенныя затрудненія нельзя не приписать отчасти недостатку въ надежныхъ чиновникахъ по опекунской конторѣ, а отчасти упущеніямъ по

счетной части, и что, наконецъ, часть государственнаго хозяйства по издержкамъ на водвореніе поселенцовъ, какъ въ расчетахъ, такъ и въ самомъ существѣ, недостигла еще первоначальной своей цѣли.»

Независимо отъ этихъ неудобствъ и затрудненій въ порядкѣ приведенія въ исполненіе мѣръ по колонизаціи евреевъ, самыя начала, на которыхъ правительство основало свою мысль о привлеченіи евреевъ къ земледѣльческому труду, не содержали въ себѣ условій, которыя могли бы располагать евреевъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе.

Возымѣвъ сказанную мысль, правительство, въ то же время, приняло въ основаніе селить евреевъ и учреждать изъ нихъ сельскія общества *отдѣльно* отъ земледѣльческихъ классовъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Идея эта укоренилась въ правительственной сферѣ въ такой степени, что начертанное объ этомъ постановленіе сохранило свою силу и дѣйствіе по настоящее время, какъ это видно изъ 833 ст., 2 ч., II т. Особ. Губ. Учр. и 979 ст. IX т. Зак. о Сост. (изд. 1876 года). При этомъ, до вослѣдовавшихъ, въ царствованіе Императора Николая I, измѣненій въ образѣ управленія и завѣдыванія дѣлами евреевъ — земледѣльцевъ, всѣ таковыя евреи на казенныхъ земляхъ были подчинены тому самому опекунскому вѣдомству, которое одновременно завѣдывало въ Новороссійскомъ краѣ дѣлами иностранныхъ колонистовъ. Это не могло не имѣть послѣдствіемъ весьма сбивчивыя и неопредѣлительныя понятія въ самомъ правительствѣ, относительно праваго положенія въ государствѣ сказанныхъ евреевъ. Доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что когда вышесказаннымъ опекунскимъ вѣдомствомъ испрашивались евреямъ-поселенцамъ льготы и пособія, по примѣру иностранныхъ колонистовъ, то правительство затруднялось въ удовлетвореніи такихъ ходатайствъ, на томъ основаніи, что «евреи отличаются отъ иностранныхъ-поселенцевъ и тѣмъ, что будучи *природные подданные Россіи*, не могутъ требовать себѣ преимуществъ болѣе тѣхъ, коими пользуются казенные крестьяне» (Высоч. ут. пол. Ком. Мин. 12 января 1826 года, В. П. С. З., т. I, № 52). Между тѣмъ, въ царствованіе Императора Александра I, встрѣчались случаи, что сказанныя ходатайства о евреяхъ удовлетворялись на однихъ основаніяхъ съ иностранными колонистами, какъ это видно, между прочимъ, изъ Высочайше утвержденного 19 Ноября 1817 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, «о продолженіи льготы Еврейскимъ поселенцамъ въ Новороссійскомъ

краѣ», на основаніи каковаго мнѣнія, евреямъ поселенцамъ было предоставлено облегченіе по платежу податей и разсрочкѣ казеннаго долга, числившагося на нихъ по водворенію, примѣняясь къ примѣру сдѣланнаго снисхожденія Данцигскимъ колонистамъ (П. С. З., т. XXXIV № 27.147).

Такой правительственный взглядъ на русскихъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, переходившихъ въ *земледѣльческое состояніе*, и учрежденіе изъ нихъ земледѣльческаго класса, съ присвоеніемъ ему такого исключительнаго характера, представляли условіе, которое, подрывая въ евреяхъ, вмѣстѣ съ прочими ограничительными мѣрами, увѣренность, что они вправѣ считать Россію своимъ отечествомъ, не могли и содѣйствовать, конечно, возбужденію въ нихъ расположенія къ земледѣльческому труду; но способствовали лишь къ усиленію въ ихъ массахъ той религіозной и племенной сосредоточенности, съ непріязненными оттѣнками къ окружающему ихъ населенію, къ которой они прибѣгали, какъ единственному средству, для защиты себя отъ внѣшнихъ противъ нихъ репрессій, и которая, обособляя и сплочивая ихъ интересы, силою вещей, помимо ихъ собственнаго на то желанія, какъ въ то время, такъ и теперь еще, ставится имъ постоянно въ упрекъ и признается однимъ изъ главныхъ препятствій къ сліянію ихъ, въ правахъ, съ прочимъ населеніемъ государства.

Поэтому, съ *политической точки зрѣнія*, образованіе изъ евреевъ земледѣльческаго класса, въ вышеизъясненномъ видѣ, представляло, по своимъ основаніямъ, ту же несообразность, какую заключало въ себѣ преслѣдованіе, по отношенію къ евреямъ, религіозной цѣли, безотносительно къ интересамъ господствующаго исповѣданія, т. е. противорѣчіе образа дѣйствія съ его цѣлями и ихъ исходными точками отправленія.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманіе на то, что хотя правительствомъ и было принято въ основаніе—предоставленіе евреямъ совершенной свободы по избранію земледѣльческаго рода занятія; тѣмъ не менѣе мѣры, принимавшіяся имъ съ цѣлію ихъ привлеченія къ нему, имѣли, нѣкоторымъ образомъ, и *принудительный характеръ*. Онъ естественно присвоивался тѣмъ мѣрамъ, въ глазахъ евреевъ, одновременнымъ стягиваніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ деревняхъ и селахъ, въ города и мѣстечки, гдѣ, отъ ихъ переполненія евреями, большая часть этихъ послѣднихъ была и безъ того уже лишена надлежащихъ средствъ къ существованію. Этотъ образъ дѣйствія, съ одной сто-

роны, и поощреніе евреевъ матеріальными выгодами къ переходу въ земледѣльческій классъ, съ другой стороны, не могли быть истолковываемы евреями иначе, какъ намѣреніемъ правительства понужденія ихъ къ такому переходу. Наконецъ, расправа, какой подвергались евреи, переселившіеся въ мѣста ихъ колонизаціи, носившая характеръ строгой дисциплины и сопровождавшаяся угрозами прикрѣпленія къ фабрикамъ тѣхъ изъ нихъ, которые не пожелали бы упражняться въ хлѣбопашествѣ, а также воспрещеніями такимъ евреямъ обратнаго перехода въ ихъ прежнее купеческое или мѣщанское состояніе, какъ это видно изъ приведеннаго выше положенія Комитета Министровъ 6 Апрѣля 1810 г. (П. С. З., т. XXXI, № 24.185),—должны были, равнымъ образомъ, внушать евреямъ мысль, что избраніе земледѣльческаго рода занятій не предоставлено вполнѣ ихъ свободной волѣ. Между тѣмъ, легко было предусмотрѣть, что понужденіе къ промышленной дѣятельности, прикрываемое поощрительными мѣрами, не можетъ содѣйствовать ея успѣху, по той естественной причинѣ, что никакая промышленная отрасль, въ томъ числѣ и земледѣльческая, не можетъ быть навязываема тому или другому классу путемъ принужденія къ ней, хотя бы и «умѣреннаго», какъ говорилось въ офиціальныхъ бумагахъ того времени, по поводу репрессій, принимавшихся относительно евреевъ-поселенцевъ, не обнаруживавшихъ склонности къ земледѣльческому труду (В. П. С. З., т. I, № 52).

Въ еврейскомъ населеніи нельзя было ожидать развитія такой склонности еще и вслѣдствіе условій, какими были обставлены ихъ земледѣльческія занятія, на мѣстахъ ихъ поселенія, и которыя, придавая тѣмъ занятіямъ характеръ *карательный*, подобный работамъ, производимся ссыльными на заводахъ и рудникахъ, въ то же время, исключали для евреевъ, въ этомъ случаѣ, всякую *коммерческую выгоду*, какая имѣется въ виду каждымъ производителемъ по сбыту своихъ произведеній и служитъ главнымъ двигателемъ во всѣхъ, вообще, промышленныхъ предпріятіяхъ, какого бы рода и свойства они не были.

Присвоеніе земледѣльческимъ занятіямъ евреевъ, въ мѣстахъ ихъ колонизаціи, всей суровости работъ *карательнаго* характера, усматривается изъ того, что евреямъ было вмѣнено въ обязанность ограничиваться тамъ своимъ *личнымъ трудомъ*, не прибѣгая къ содѣйствію вольнонаемныхъ людей изъ другихъ сельскихъ состояній, тогда какъ такіе люди, по своему навыку и опытности въ упражненіи земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ могли бы значительно облегчить евреевъ,

для которыхъ обработка и воздѣлываніе земли, особенно дѣвственной, въ степяхъ новороссійскаго края, не могли не быть сопряжены съ тяжкими, почти непомѣрными трудами. Хотя, первоначально, при изданіи Положенія 1804 года о евреяхъ, правительство не имѣло, казалось, намѣренія усугублять для нихъ этимъ способомъ тяжести сказанныхъ трудовъ, такъ какъ въ Положеніи томъ было сказано, между прочимъ, что евреи-земледѣльцы могутъ обрабатывать земли наемными работниками, по условіямъ съ ними и контрактамъ, безъ обозначенія вѣроисповѣданія такихъ работниковъ; но нужно полагать, что по появленіи, въ 1820 году, закона, воспрещавшаго евреямъ нанимать къ себѣ въ услуженіе людей христіанскихъ исповѣданій, это право было тогда же отнято у евреевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ. Это можно заключить изъ того, что послѣдующимъ Положеніемъ о евреяхъ, изданномъ въ 1835 году, въ царствованіе Императора Николая I, такое право было разрѣшено, въ видѣ изъятія, лишь евреямъ, занимавшимся земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ на ихъ *собственныхъ земляхъ* и то только при первоначальной обработкѣ ими своей земли (Полож. 1835 г. о евр., ст. 15). Хотя же состоявшимся послѣ того, особымъ Положеніемъ о евреяхъ-земледѣльцахъ, изданнымъ 26 Декабря 1884 года, разрѣшено въ помощь себѣ прибѣгать къ найму лицъ христіанскихъ исповѣданій и тѣмъ изъ вышеозначенныхъ евреевъ, которые поселялись на *казенныхъ земляхъ*, но лишь въ теченіи трехъ только первыхъ лѣтъ, со времени колонизаціи. Эти ограниченія, заключавшіяся въ предоставленіи евреямъ, въ началѣ ихъ колонизаціи, для права пользованія вольнонаемнымъ трудомъ, кратковременныхъ льготъ, съ минованіемъ срока которыхъ евреи тѣ должны были всю тяжесть по обработкѣ земли нести опять лично сами, безъ всякой посторонней помощи, тогда какъ нельзя было предполагать, чтобы въ теченіи столь краткихъ сроковъ, евреи тогдашнихъ поколѣній, только что вышедшіе изъ городскихъ сословій, могли пріобрѣсти необходимыя для земледѣльческаго труда силы и достаточно въ нихъ окрѣпнуть, чтобы выносить, надлежащимъ образомъ, свой новый бытъ,—давали евреямъ-земледѣльцамъ прямой поводъ видѣть въ режимѣ, какому они были подвергнуты, намѣреніе правительства присвоить ихъ земледѣльческому труду именно тяжесть *карательныхъ работъ*. Подобный же режимъ, естественно, долженъ былъ не располагать, но отвращать евреевъ отъ земледѣльческаго рода занятій, какъ вообще, такъ и въ самихъ колоніяхъ.

Стѣсненные, такимъ образомъ, въ средствахъ и способахъ обработки земли, въ мѣстахъ ихъ колонизаціи, и предоставленные въ этомъ трудномъ и тяжеломъ дѣлѣ своимъ собственнымъ безсильнымъ и непривычнымъ рукамъ, евреи не видѣли, въ то же время, чтобы правительство присвоивало ихъ сельскимъ занятіямъ значеніе *промышленнаго предпріятія*, съ которымъ соединяются, не только *экономическія*, но и *коммерческія цѣли*. Каждое лицо, простаго званія, хотя бы не еврейскаго происхожденія, не занимавшееся сначала, по своему первоначальному состоянію, земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, но пожелавшее обратиться къ личному упражненію въ нихъ, какъ средству къ своему существованію, можетъ рѣшиться на это лишь въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть увѣренность, въ своемъ правѣ не стѣсняться, не только въ способахъ воздѣлыванія земли, но и въ *выборѣ благопріятной для того мѣстности*, а также въ *свободномъ отправленіи торговыхъ операцій, по сбыту своихъ сельскихъ произведеній*. Необходимость этихъ послѣднихъ условій, для успѣховъ сельскаго хозяйства, даже между природными сельскими обывателями, не только свободныхъ, но и крѣпостныхъ состояній, издавна освоившихся съ земледѣльческими занятіями, вполне признавалось самимъ правительствомъ и въ царствованіе Императора Александра I, какъ это видно, между прочимъ, изъ приведенныхъ выше узаконеній 11 Февраля и 29 Декабря 1812 г., коими помѣщичьимъ, казеннымъ и удѣльнымъ крестьянамъ предоставлено право свободной въ Имперіи торговли, по особо установленнымъ для нихъ *временнымъ торговымъ свидѣтельствамъ*.

Между тѣмъ, еврей-поселяне были поставлены, и въ этомъ отношеніи, въ крайне стѣснительное положеніе. Хотя Положеніями о евреяхъ, сперва 1804 года, а затѣмъ 1835 г., имъ было предоставлено право пріобрѣтенія, съ земледѣльческими цѣлями, пустопорожныхъ участковъ изъ казенныхъ и частныхъ земель, *по своему собственному выбору*; но тѣмъ и другимъ Положеніемъ, вслѣдствіе скорого закрытія для евреевъ доступа даже въ губерніи астраханскую и кавказскую, такое право ограничено, исключительно, одною чертою ихъ постоянной осѣдлости. Между тѣмъ, въ западномъ краѣ ощущался недостатокъ въ пустопорожныхъ земляхъ, а такія земли въ новороссійскомъ краѣ, какъ объяснено выше, не представляли, по климатическимъ и другимъ причинамъ, достаточно благопріятныхъ условій, для расположенія евреевъ къ пріобрѣтенію тамъ земель въ свою частную собственность, отдѣльно или коллективно, въ составѣ своихъ

обществъ. При такихъ обстоятельствахъ, незначительному числу евреевъ, которое, силою вещей, было вынуждено обратиться къ земледѣльческому роду дѣятельности, оставалось селиться, преимущественно, на *казенныхъ земляхъ*, отводившихся имъ въ степныхъ мѣстахъ, не по собственному избранію евреевъ, но *по указаніямъ администраціи*. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что евреи были поставлены въ весьма стѣснительныя условія, по отношенію къ *свободному выбору земель*, для упражненія въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ, съ цѣлію полученія отъ нихъ *промышленныхъ для себя выгодъ*.

Въ не менѣе стѣснительныя условія были поставлены евреи и относительно торговой или коммерческой стороны ихъ земледѣльческихъ занятій, *по сбыту сельскихъ произведеній*. Успѣхъ такого сбыта, которымъ весьма существенно обусловливается развитіе и процвѣтаніе, какъ сельской, такъ и всякой другой производительной отрасли промышленности, зависитъ отъ *свободной и безпрепятственной торговли ея произведеніями* и столь же *свободныхъ и безпрепятственныхъ отлучекъ* промышленныхъ лицъ, для этой цѣли, изъ мѣстъ ихъ постоянного пребыванія. То и другое было обезпечено, въ извѣстной степени, за всѣми другими сельскими обывателями, какъ христіанскихъ, такъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, посредствомъ установленія для нихъ особыхъ *временныхъ или срочныхъ торговыхъ свидѣтельствъ*, по которымъ каждый поселянинъ или крестьянинъ получалъ право свободной торговли и другихъ промысловъ, а также отлучекъ изъ мѣста своего жительства, для ихъ производства, на всемъ пространствѣ Имперіи. Между тѣмъ, евреи, перешедшіе въ *земледѣльческое, т. е., сельское же состояніе*, были, первоначально, какъ по Положенію 1804 года о евреяхъ, такъ и по Положенію 1835 г. о нихъ, вовсе лишены права торговли и промысловъ по такимъ свидѣтельствамъ, какъ установленнымъ лишь для крестьянъ, т. е. другими словами, для *коренныхъ или природныхъ только сельскихъ поселянъ*, къ числу которыхъ евреи не относились. Вмѣстѣ съ симъ, евреи тѣ, весьма продолжительное время, именно, до изданія, въ 1835 году, послѣдняго изъ вышесказанныхъ Положеній, т. е. въ теченіи почти тридцати лѣтъ, со времени начатія образованія ихъ поселеній, были лишены права *свободныхъ отлучекъ* изъ нихъ, для продажи сельскихъ произведеній, даже на самыя близкія оттуда разстоянія, что, естественно, должно было придавать, въ глазахъ евреевъ, тѣмъ поселеніямъ, еще болѣе характеръ

какъ бы *сылочныхъ мѣстъ*, а земледѣльческимъ работамъ въ нихъ — *работъ принудительныхъ, репрессивныхъ*. О возможности для скан- занныхъ евреевъ заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ такихъ ра- ботъ, даже на земляхъ своего селенія, въ законѣ, первое время, не было ничего упомянуто. Хотя же, за симъ, въ Положеніи 1835 г. было объяснено, въ общихъ выраженіяхъ, что еврей-земледѣльцы могутъ заниматься промышленностію и ремеслами наравнѣ съ другими поселя- нами, внутри общей ихъ осѣдлости; но есть поводъ предполагать, что относительно такихъ ихъ правъ, а также права отлучекъ изъ мѣстъ поселенія, возникали недоразумѣнія, такъ какъ правительствомъ было признано нужнымъ издать, вскорѣ, а именно въ 1844 году, но- вое Положеніе собственно *о евреяхъ-земледѣльцахъ*, съ болѣе точ- нымъ опредѣленіемъ тѣхъ правъ. Нѣкоторыя улучшенія, введенныя этимъ Положеніемъ, относительно ихъ, не измѣнили, однако, вполнѣ того характера еврейскихъ поселеній и производившихся въ нихъ работъ, о которомъ сказано выше. Хотя въ виду не обнаруживав- шейся тамъ въ евреяхъ, по изъясненнымъ, весьма естественнымъ, причинамъ, особаго трудолюбія къ земледѣльческимъ работамъ, пра- вительство было вынуждено расширить нѣсколько кругъ мѣстныхъ занятій евреевъ-поселянъ; вслѣдствіе чего, Положеніемъ тѣмъ, кромѣ торговли и ремеслъ на земляхъ ихъ поселенія, разрѣшены еще нѣ- которыя другія занятія, не только въ поселеніи, но и на земляхъ уѣзда, какъ-то: содержаніе оброчныхъ статей, почтовыхъ станцій и перевозки (т. е. извозничій промыслъ); но для евреевъ-земледѣль- цевъ, не обратившихся къ этимъ занятіямъ, отлучки изъ ихъ поселеній, для продажи сельскихъ произведеній, ограничены *пер- вые три года*, по ихъ водвореніи, лишь *тридцативерстнымъ* отъ ихъ поселенія разстояніемъ, и самая продажа продуктовъ разрѣ- шена не въ селеніяхъ уѣзда, а только въ его *городъ*; изъ чего слѣдуетъ, что если такой городъ отстоялъ отъ еврейской колоніи далѣе 30-ти верстъ, то евреи, по отсутствію законнаго повода къ отлучкѣ туда изъ ихъ поселенія, были вовсе лишены этого права, а вмѣстѣ и возможности сбыта сельскихъ произведеній *вне собственной своего селенія*.. За симъ, въ виду содержавшагося въ Положеніи 1844 года общаго дозволенія евреямъ-земледѣльцамъ производить торговлю и ремесла на однихъ основаніяхъ съ крестьянами, торго- вавшими *безъ свидѣтельствъ*, евреямъ тѣмъ, по истеченіи вышеска- занныхъ трехъ лѣтъ, хотя и разрѣшены отлучки изъ мѣстъ коло-

низации и право свободного передвижения для закупки и развоза сельскихъ произведеній, рукодѣлій и издѣлій; но такое передвиженіе ограничено лишь чертою ихъ постоянной осѣдлости; изъ чего слѣдуетъ, что если бы *выгодный рынокъ* для сбыта ими сказаннаго товара существовалъ въ самомъ близкомъ отъ еврейской колоніи разстояніи и былъ даже съ нею почти смежнымъ, но находился бы за чертою общей осѣдлости евреевъ, то обстоятельство это лишало бы еврея—земледѣльца права и возможности пользоваться тѣмъ рынкомъ. При томъ, въ предѣлахъ даже сказанной черты, евреямъ-земледѣльцамъ, при ихъ передвиженіяхъ въ ней, продажа вышепоименованныхъ произведеній была разрѣшена лишь на *торгахъ и рынкахъ*, и то только съ *возовъ, судовъ и лодокъ*, что не могло не придавать всѣмъ тѣмъ евреямъ, во время ихъ разѣздовъ, въ мѣстахъ даже ихъ родины, видъ какъ бы *случайно заѣзжихъ чужеземныхъ людей*. Учрежденіе лавокъ для торговли сельскими произведеніями, и то лишь *временныхъ*, было разрѣшено евреямъ-земледѣльцамъ, тѣмъ же Положеніемъ, только въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, гдѣ были бы учреждены ярмарки; ко всѣмъ же родамъ торговли и промысловъ, какіе были дозволены крестьянамъ *по торговымъ свидѣтельствамъ*, было постановлено допускать тѣхъ евреевъ лишь по истеченіи 25-ти лѣтъ, со времени ихъ водворенія (В. П. С. З., т. XIX, № 18559).

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ достаточно усматриваются причины, почему правительственныя мѣры по *колонизации* евреевъ не достигали своей цѣли—привлеченія ихъ къ земледѣльческому труду и почему въ нихъ не проявлялось расположеніе къ нему, ни въ общихъ массахъ, ни среди евреевъ-земледѣльцевъ. При своемъ характерѣ *насильственнаго ихъ принужденія* къ этому роду дѣятельности, колонизация эта ставила переселенцевъ въ крайне стѣснительныя условія, какъ въ отношеніи свободного выбора мѣстностей и земель въ Россіи, для земледѣльческихъ занятій, такъ и въ отношеніи способовъ воздѣлыванія земли и свободного сбыта сельскихъ своихъ произведеній,—условія, при существованіи которыхъ, ни въ комъ нельзя ожидать, конечно, пробужденія къ тяжелымъ трудамъ, съ какими сопряжены земледѣліе и хлѣбопашество, живаго *экономическаго интереса*, двигающаго и направляющаго, какъ извѣстно, промышленную дѣятельность всѣхъ родовъ и видовъ. Наконецъ, доказательствомъ полной несостоятельности и нецѣлесообразности вышеизъясненной системы колонизации евреевъ, какъ средства привлеченія и пріученія

ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ, можетъ служить то, что это вполне сознано самимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего, на основаніи воспослѣдовавшаго въ прошлое царствованіе, 30 Мая 1866 года, Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, отмѣнены окончательно всѣ дѣйствовавшія постановленія о перечисленіи евреевъ въ земледѣльцы (В. П. С. З., т. ХІІ, № 43354).

Неуспѣхъ принимавшихся правительствомъ поощрительныхъ мѣръ къ обращенію евреевъ въ земледѣльцы слѣдуетъ отнести, слѣдовательно, не къ *винѣ евреевъ*, но къ причинамъ, скрывавшимся, преимущественно, въ обстоятельствахъ, отъ нихъ не зависѣвшихъ. Приписывать сказанный неуспѣхъ природнымъ свойствамъ евреевъ и правиламъ ихъ вѣры было бы тѣмъ менѣе справедливымъ, что нѣкоторыя весьма положительныя данныя, имѣвшіяся прежде, имѣющіяся и теперь, свидѣтельствуютъ о совершенно противномъ.

Нельзя, въ этомъ отношеніи, не принять въ соображеніе, что въ царствованіе императора Александра І, тотчасъ по изданіи Положенія 1804 г. о евреяхъ, когда имъ не былъ еще вполне извѣстенъ суровый режимъ, какому они подвергнутся администраціей въ ихъ поселеніяхъ, почти до 1,000 еврейскихъ семействъ изъявили желаніе перейти въ земледѣльческое состояніе. Изъ переселившихся же, для этой цѣли, на отведенныя имъ казною степныя мѣста новороссійскаго края, въ числѣ болѣе 700 семействъ, заключавшихъ 4,393 души, мужскаго и женскаго пола, нѣкоторые переселились и водворились тамъ *на собственное свое иждивеніе*. Эти переселенцы были, слѣдовательно, изъ евреевъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, которыхъ не одна крайность заставила перемѣнить городской свой бытъ на сельскій. Въ царствованіе императора Николая І, вслѣдствіе изъясненнаго правительствомъ намѣренія отвести, для той же цѣли, казенныя земли въ тобольской и омской губерніяхъ, готовность переселиться, даже въ Сибирь, для упражненія въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ, было заявлено евреями въ числѣ 1,317 душъ (В. П. С. З., т. І, № 52 и т. ХІІ, № 9843). Одни эти факты вселяютъ уже сомнѣніе, относительно полной справедливости постоянно взводящагося на евреевъ обвиненія, что они имѣютъ природное, поддерживаемое ученіемъ ихъ вѣры, отвращеніе къ земледѣльческому роду дѣятельности. Но есть цѣлый рядъ и болѣе осязательныхъ данныхъ, которые приводятъ къ убѣжденію, что сказанное обвиненіе основано болѣе на предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ евреевъ, чѣмъ на дѣй-

ствительныхъ фактахъ. Такъ, напимѣръ, въ царствованіе императора Николая I, по засвидѣтельствованію Главноуправлявшаго Грузією, Кавказскою и Закавказскими областями, барона Розена, что тамъ имѣются евреи, которые живутъ цѣлыми селеніями и *упражняются въ хлѣбопашество*, Высочайше разрѣшено оставить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, съ правомъ ихъ постоянного тамъ водворенія (В. П. С. З., т. XII, № 10255). Существованіе въ евреяхъ склонности и способности къ земледѣлію и хлѣбопашеству подтверждается и многими фактами новѣйшаго времени, которые въ Алжиріи, Малой Азіи, многихъ европейскихъ странахъ и у насъ, въ Россіи, могутъ каждымъ быть проверены собственными глазами и убѣдить, что, въ дѣйствительности, ни евреи, ни ихъ религія, не только не относятся враждебно къ земледѣльческому роду занятій, но что при извѣстныхъ условіяхъ, евреи занимаются имъ съ усердіемъ и успѣхомъ, какъ отдѣльно, такъ и въ составѣ ихъ обществъ, цѣлыми селеніями. Изъ имѣющихся у насъ официальныхъ свѣдѣній, содержащихся въ донесеніяхъ мѣстнаго начальства, усматривается, что въ Грузіи и на Кавказѣ, имѣется и въ настоящее время, болѣе или менѣе, значительное число евреевъ, которые въ своихъ селеніяхъ занимаются, по прежнему, усердно хлѣбопашествомъ, что этимъ же занимаются перешедшіе въ сельское состояніе евреи, какъ въ колоніяхъ новороссійскаго края, такъ и внѣ оныхъ, въ самыхъ центрахъ еврейскаго населенія — въ привислянскихъ мѣстахъ и западномъ краѣ, въ томъ числѣ и самой Бѣлоруссіи, что многіе изъ такихъ евреевъ получили на однихъ основаніяхъ съ тамошними крестьянами земельный надѣлъ отъ казны и что, наконецъ, тѣ, которые надѣлены землею въ достаточномъ количествѣ, занимаются прилежно земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, отбывая, вмѣстѣ, исправно и лежащія на нихъ государственныя подати и общественныя повинности.

Очевидцами земледѣльческихъ занятій евреевъ въ западномъ краѣ были нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ писателей. Такъ, напимѣръ, Словутинскій, въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Волости 1 участка», говоритъ между прочимъ: «Можетъ быть мнѣ скажутъ, что евреи положительно неспособны къ земледѣльческому труду, какъ они оказали-де на дѣлѣ въ устроенныхъ спеціально для приученія ихъ къ земледѣлію колоніяхъ. *Это рѣшительно невярно*. Я самъ видѣлъ евреевъ земледѣльцевъ въ Виленскомъ уѣздѣ, пашущихъ и обрабатывающихъ свои земли не хуже

тамошнихъ крестьянъ (Русск. Вѣст. № 8, 1879 г.). Другой русскій писатель, Шмаковъ, подтверждаетъ тоже самое («День» за 1869 г. №№ 9, 10 и 11). Если же такіе факты несомнѣнны, если несомнѣнно и то, что евреи, занимающіеся земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ не признаются черезъ это ихъ единовѣрцами, строго слѣдующими основанной на талмудѣ еврейской ортодоксіи, людьми, отъ нея отпавшими и въ чемъ либо измѣнившими своей вѣрѣ; то нѣтъ, слѣдовательно, и справедливаго основанія къ предположеніямъ, какія высказываются, обыкновенно, о евреяхъ и ихъ несклонности къ земледѣльческому труду въ предубѣжденныхъ противъ нихъ мнѣніяхъ. Замѣчаемый же, и нынѣ, у насъ малый процентъ евреевъ, прилагающихъ свой личный трудъ къ земледѣлію, сравнительно съ общимъ числомъ ихъ населенія, объясняется причинами, относящимися къ періоду времени, съ котораго начинается нынѣ дѣйствующее законодательство о евреяхъ,—причинами, которыя, равнымъ образомъ, скрываются, преимущественно, въ внѣшнихъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта и которыя будутъ изложены, при разсмотрѣніи законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, касающихся евреевъ, начиная съ царствованія Императора Николая I.

Такимъ образомъ, родившаяся въ правительствѣ, въ царствованіе Императора Александра I, мысль образованія изъ евреевъ *земледѣльческаго класса*, путемъ ихъ колонизаціи, при одновременномъ стремленіи правительства къ сосредоточенію евреевъ въ *городахъ* и ограниченію ихъ дѣятельности *купеческими и мѣщанскими* промыслами, не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя были бы основаны на вполне ясномъ отчетѣ о дѣйствительномъ положеніи вещей и отъ которыхъ правительство было бы въправѣ ожидать какихъ либо благотворныхъ послѣдствій.

Столь же мало можно было ожидать ихъ и отъ прочихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ стѣсненію евреевъ въ ихъ правахъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи.

Какъ значительно, вообще, было стѣснено, въ то время, право свободнаго передвиженія евреевъ государствѣ, даже въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности, усматривается, между прочимъ, изъ состоявшагося 16 Іюня 1825 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, о выдачѣ евреямъ *плакатныхъ паспортовъ*.

По существовавшему, тогда, общему порядку, всѣмъ лицамъ податнаго состоянія, для отлучекъ изъ мѣстъ ихъ постоянного пре-

быванія, на разстоянія, превышавшія 30 верстъ, выдавались *печатные плакатные паспорта*, по установленной формѣ. Между тѣмъ, не имѣя въ виду прямого или, лучше сказать, *исключительнаго постановленія* о такихъ плакатныхъ паспортахъ, въ отношеніи евреевъ, нѣкоторыя изъ подлежащихъ начальствъ, для свободного переѣзда евреевъ въ другія губерніи, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, ограничивались снабженіемъ ихъ письменными видами, съ которыми, не только задерживали тамъ евреевъ, но подвергали ихъ даже взятію подъ стражу, черезъ что чрезвычайно претерпѣвали ихъ торговые и промышленныя дѣла.

Въ виду этого, черниговская казенная палата вошла съ представленіемъ къ Министру Финансовъ, въ которомъ, объясняя выше-сказанныя затрудненія, встрѣчавшіяся евреями, снабженными на проѣздъ въ другія губерніи одними письменными видами, просила разрѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли допустить выдачу евреямъ плакатныхъ паспортовъ, которая, по мнѣнію палаты, Положеніемъ о евреяхъ воспрещена.

Министръ Финансовъ, признавъ нужнымъ испросить, по этому предмету, разрѣшеніе Высочайшей власти, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ особою запискою, въ которой объяснилъ, между прочимъ, что на основаніи общихъ постановленій, лицамъ податнаго состоянія письменные виды выдаются только для отлучекъ не далѣе, какъ на тридцативерстное разстояніе отъ ихъ мѣстъ постоянного пребыванія, и что въ Положеніи 1804 года не содержится постановленія о выдачѣ евреямъ, отлучающимся на дальнѣйшее разстояніе, вмѣсто печатныхъ, письменныхъ видовъ, почему приписывая возбужденный черниговскою казенною палатою вопросъ объ этомъ, единственно, ея недоразумѣнію, полагалъ разрѣшить *выдачу евреямъ печатныхъ плакатныхъ паспортовъ*; но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ каждый разъ было приписываемо: «сей паспортъ имѣетъ силу только въ городахъ и селеніяхъ, для жительства евреевъ дозволенныхъ». Комитетъ Министровъ, рассмотрѣвъ это мнѣніе, испросилъ на это Высочайшее соизволеніе, вслѣдствіе чего, и состоялось, 16 Іюня 1825 г., Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, по этому предмету (П. С. З., т. XL, № 30386).

Такимъ образомъ, вопросъ о весьма малозначущей полицейской мѣрѣ, разрѣшавшейся, по мнѣнію самого Министра Финансовъ, точнымъ смысломъ существовавшихъ постановленій, послужилъ поводомъ къ утружденію одного изъ высшихъ органовъ государственнаго управ-

ленія — Комитета Министровъ и даже Высочайшей власти; тогда какъ, незадолго передъ тѣмъ, болѣе серьезный и существенный вопросъ, касавшійся предмета, на который не существовало прямого закона, а именно вопросъ о дарованіи евреямъ, принявшимъ христіанство, льготы по платежу податей, которая падала тяжелымъ бременемъ на еврейскія общества, тѣмъ же министерствомъ и Сенатомъ было признано возможнымъ разрѣшить, въ порядкѣ управленія, не подвергая дѣла на Высочайшее воззрѣніе.

Въ этомъ же самомъ 1825 году, права жительства евреевъ подверглись новымъ ограниченіямъ, по отношенію къ полосамъ Россіи, граничащимъ съ иностранными державами. Обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, слѣдующія.

Еще въ 1812 году, при проѣздѣ Императора Александра I, черезъ волынскую губернію, по всеподданнѣйшему докладу тамошняго гражданскаго губернатора, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе объ удаленіи евреевъ, живущихъ близъ границы, въ помѣщичьихъ селеніяхъ «и особенныхъ домахъ пограничныхъ повѣтовъ», въ тѣ мѣстечки и кагалы, гдѣ они по ревизіи записаны.

Мѣра эта, воспослѣдовавшая, какъ видно, во время отечественной войны, имѣла административно-полицейскій характеръ и касалась только тѣхъ изъ жившихъ близъ границы евреевъ, которые имѣли временное тамъ пребываніе, числясь, по ревизіи, жителями другихъ мѣстъ. Поэтому, принятіе тогда, въ отношеніе ихъ жительства въ пограничныхъ полосахъ, сказанной мѣры, хотя, быть можетъ, и могло вызываться военными, въ то время, обстоятельствами; но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключать, что побудительною къ тому причиною могла служить собственно *политическая неблагонадежность евреевъ*, въ смыслѣ шпионства, лазутничества, измѣны и перехода на непріятельскую сторону. Нужно предполагать скорѣе, что удаленіе евреевъ отъ границъ, въ мѣста ихъ приписки было ничто иное, какъ требованіе точнаго, въ то время, соблюденія существовавшаго общаго порядка, относительно жительства каждаго лица податнаго состоянія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ числился по ревизіи, съ цѣлію предупрежденія скопленія по границамъ, при военныхъ обстоятельствахъ, людей разнаго званія, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, въ числѣ которыхъ могло быть много евреевъ, оттѣсненныхъ, въ внутреннихъ центрахъ ихъ населенія, отъ законныхъ промысловъ торговою и промышленною конкурен-

цією ихъ собственныхъ единовѣрцевъ. При этомъ, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду и предупрежденіе частыхъ случаевъ контрабанды, развитію которой могло, конечно, способствовать скопленіе тамъ сказанныхъ людей, особенно въ военное время. Между тѣмъ, черезъ четыре года послѣ этого, а именно въ 1816 году, когда время отечественной войны давно уже миновало, не только не оставивъ никакихъ слѣдовъ, относительно случаевъ, которые могли бы служить поводомъ къ обвиненію евреевъ въ политической неблагонадежности, но сохранивъ, напротивъ, какъ уже объяснено выше, многія достовѣрныя свидѣтельства объ ихъ полнѣйшей преданности русскому правительству,—ревизовавшій волынскую губернію сенаторъ Сиверсъ, во время пребыванія своего въ Радзивилловѣ, призналъ нужнымъ весьма строго взглянуть на то обстоятельство, что по самой границѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, евреи содержали корчмы и производили торговлю, отчего, по мнѣнію того сенатора, происходили «величайшія злоупотребленія». Въ чемъ именно заключались эти злоупотребленія, въ точности неизвѣстно, но нужно полагать, что подъ ними разумѣлась, преимущественно, *контрабанда*. Вслѣдствіе этого, сенаторомъ Сиверсомъ, собственною властію, было сдѣлано распоряженіе, чтобы кромѣ евреевъ, которые по ревизіи тамъ не числились, были удалены оттуда всѣ вообще жившіе тамъ евреи, на разстояніе отъ границы, не ближе 50 верстъ, и чтобы, на будущее время, имъ ни подъ какимъ предлогомъ не дозволялось приближаться къ границѣ на разстояніе меньшее, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшаго съ виновныхъ взысканія. На основаніи этого распоряженія, далеко, нужно замѣтить, выходившаго за предѣлы Высочайшаго повелѣнія, воспослѣдовавшаго, по этому предмету, въ 1812 году, началось переселеніе евреевъ отъ границы за черту пятидесятиверстнаго разстоянія отъ нея, которое продолжалось до 1821 г., безъ всякаго различія, относительно личности тѣхъ евреевъ. Въ это же самое время, нѣкоторые начальники пограничныхъ западныхъ таможенныхъ округовъ донесли Министру Финансовъ объ ихъ *подозрѣніи* на евреевъ, проживавшихъ близъ границы, что они, подъ видомъ содержанія тамъ корчемъ, занимаются незаконною торговлею, а наслѣдникъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ препроводилъ къ тому же Министру жалобу помѣщика, по фамиліи Хамца, на губернское начальство за допущеніе евреевъ жить близъ границы, въ противность Высочайшаго повелѣнія и послѣдующихъ распоряженій.

Министръ Финансовъ вошелъ, по этому предмету, съ запискою въ Комитетъ Министровъ, въ которой объяснилъ, что онъ удостовѣрился изъ многихъ дѣлъ, что евреи имѣютъ склонность къ тайному провозу товаровъ и *способствованію въ томъ другимъ*, и что, для этой именно цѣли, они стараются поселяться при границѣ, къ чему употребляютъ разные извороты, нанимая у пограничныхъ владѣльцевъ имѣнія, дома, мельницы и корчмы, за которые платятъ значительныя арендныя деньги, тогда-какъ статьи эти, по ихъ положенію, на самомъ дѣлѣ, не приносятъ никакихъ доходовъ, что, по мнѣнію министерства, само собою, служило яснымъ доказательствомъ, «что они (евреи), находясь при границѣ, занимаются только противозаконнымъ промысломъ тайнаго ввоза товаровъ и укрывательства оныхъ въ нанимаемыхъ ими мѣстахъ, а также и вывоза нашей монеты, чѣмъ сильно вредятъ, какъ ходу правильной торговли, такъ и успѣхамъ отечественныхъ мануфактуръ и фабричныхъ заведеній и наносятъ ущербъ пошлинному доходу». Основываясь на этихъ соображеніяхъ, министерство финансовъ полагало, привести вышеозначенныя распоряженія сенатора Сиверса, объ удаленіи евреевъ отъ границы на 50 верстъ, въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы евреи могли жить на этомъ пространствѣ только въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ есть кагалы, и такое постановленіе распространить, кромѣ волынской, на всѣ прочія пограничныя губерніи. Ко всему этому министерствомъ присовокуплено, что хотя разсмотрѣніе всѣхъ, вообще, дѣлъ о евреяхъ возложено на особый Комитетъ, но что испрашиваемая мѣра не терпитъ отлагательства и что немедленное приведеніе ея въ исполненіе не могло бы представлять особыхъ стѣсненій для самихъ евреевъ, такъ-какъ число ихъ тамъ «не можетъ быть очень велико, а удаленные отъ границъ евреи легко могутъ себѣ снискать пропитаніе».

Комитетъ Министровъ повергъ представленіе Министра Финансовъ на Высочайшее воззрѣніе, но Государь Императоръ, неудовлетворившись приведенными Комитетомъ и министерствомъ доводами, соизволилъ повелѣть испросить, предварительно, по этому предмету, мнѣніе Наслѣдника Цесаревича.

Великій Князь Константинъ Павловичъ, отнесясь къ этому дѣлу болѣе справедливымъ образомъ, замѣтилъ, съ своей стороны, «что не видно, сдѣлано ли, въ семъ случаѣ, какое различіе между евреями, содержащими дома, корчмы, мельницы и тому подобное по найму, отъ тѣхъ, которые имѣютъ ихъ или другія какія недвижимыя

заведенія, въ собственность имъ принадлежащія; ибо если таковыя сыщутся, то *лишитъ ихъ собственности было бы несправедливо*». Согласно съ этимъ замѣчаніемъ, Комитетъ Министровъ дополнилъ предполагавшуюся мѣру объясненіемъ, «что она относится, только къ тѣмъ евреямъ, на 50 верстномъ разстояніи отъ границы, которые содержатъ дома, корчмы, мельницы и тому подобное по найму, а на евреевъ, имѣющихъ таковыя заведенія собственные, они не распространяются». Государю Императору угодно было согласиться на такое дополненіе предположенной мѣры, съ тѣмъ, чтобы въ ней было присовокуплено правило, чтобы евреи, имѣющіе тамъ собственные дома и заведенія «владѣли оными только сами и ни подъ какимъ предлогомъ не передавали такихъ заведеній своихъ другимъ евреямъ; въ случаѣ же надобности могутъ уступать оныя, по взаимному соглашенію, прочимъ жителямъ изъ христіанъ, но отнюдь не евреямъ». Высочайшее повелѣніе о такой стѣснительной мѣрѣ, для владѣльческаго тамъ класса евреевъ, воспослѣдовало, какъ нужно полагать, вслѣдствіе доклада Государю объ убѣжденіи низшихъ и высшихъ властей, относительно преимущественной, въ сравненіи съ прочими пограничными жителями, склонности евреевъ къ контрабандному промыслу. Былъ ли такой докладъ основанъ на точныхъ и положительныхъ свѣдѣніяхъ уголовной статистики — неизвѣстно; тѣмъ не менѣе, 11 Апрѣля 1825 г., состоялось по этому дѣлу, въ изъясненномъ смыслѣ, Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, опубликованное 30 іюня того же года указомъ Сената, подъ заглавіемъ: «дополнительныя распоряженія касательно удаленія евреевъ отъ границы на 50 верстъ». При этомъ, срока на выселеніе оттуда евреевъ положено не было, изъ чего можно заключить, что выселеніе это предполагалось немедленное (П. С. З., т. XL, № 30402).

Внезапная высылка всѣхъ евреевъ, жившихъ въ пограничныхъ полосахъ, на 50-ти верстное разстояніе отъ границы, въ томъ видѣ, въ какомъ эта мѣра, согласно съ распоряженіями сенатора Сиверса, предполагалась и министерствомъ финансовъ, должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, лишеніе тамошнихъ владѣльцевъ доходовъ отъ отдачи въ наемъ евреямъ хозяйственныхъ статей, — доходовъ, которые, по признанію самого министерства, были значительны, а съ другой стороны — общее раззореніе тамъ евреевъ, съ лишеніемъ многихъ изъ нихъ, безъ суда и даже безъ ихъ личнаго въ чемъ либо обвиненія, недвижимой собственности. Хотя, при, этомъ, мини-

стерствомъ было выражено мнѣніе, что число всѣхъ евреевъ, жившихъ у границъ, не должно было быть велико и что они, не взирая на ихъ внезапную высылку оттуда, легко могли бы снискать себѣ пропитаніе въ другихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости; но это было однимъ лишь предположеніемъ, ничѣмъ, въ дѣйствительности, не оправдывавшимся, если-бы было принято во вниманіе, какъ то, что пятидесяти-верстная полоса, согласно съ предложеніемъ министерства, не должна была ограничиваться одною волынскою губерніею, но распространиться и на прочія пограничныя губерніи, такъ и то, что въ мѣстахъ ихъ осѣдлости господствовала общая нищета, которая, при многочисленности евреевъ, и оттѣсняла ихъ, преимущественно, къ границамъ. Изъ этихъ обстоятельствъ, если бы они не были упущены изъ вида, можно было сдѣлать совершенно противоположный выводъ, а именно, что сказанною высылкою евреевъ, ихъ масса, во внутреннихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости, увеличилась бы не малымъ, а весьма значительнымъ числомъ пролетаріевъ и, что едва ли можно было надѣяться, чтобы эти послѣдніе, въ такомъ разоренномъ состояніи, могли бы тамъ найти себѣ пристанище, безъ отягощенія еврейскихъ обществъ, и безъ того отягощенныхъ уже множествомъ другихъ подобныхъ единовѣрцевъ. Равнымъ образомъ, можно было усмотрѣть, что чрезъ это и сама казна понесла бы ущербы и потери и что, въ этомъ случаѣ, она едва ли не потерпитъ, сравнительно, болѣе, чѣмъ отъ встрѣчавшихся случаевъ тайнаго привоза товаровъ, особенно при условіи удовлетворительнаго устройства и состоянія пограничной таможенной стражи.

Не оправдываемая, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія практической пользы, вышесказанная мѣра, въ то же время, не находила оправданія и съ точки зрѣнія надлежащей справедливости.

Предложенная министерствомъ финансовъ внезапная высылка евреевъ на 50-ти верстное разстояніе отъ границы была основана, главнымъ образомъ, на предположеніи объ особой склонности всѣхъ, вообще, евреевъ къ тайному провозу тамъ товаровъ. Между тѣмъ, вполне извѣстно, что такою же точно склонностью отличаются, во всѣхъ странахъ, въ томъ числѣ и у насъ, всѣ, вообще, пограничныя жители, безъ различія классовъ и вѣроисповѣданій, такъ точно, какъ жители, вблизи лѣсовъ, отличаются особымъ расположеніемъ къ мѣстнымъ порубкамъ и браконьерству, или какъ нашъ народъ, во время откупной системы — стремленіемъ къ корчемству, въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ и не

было евреевъ. Вооруженная стража, съ достаточнымъ комплектомъ расторопныхъ людей, и строгія мѣры наказанія лицъ, пойманныхъ, съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія—всегда и вездѣ представлялись, по общимъ о томъ понятіямъ, единственными и самыми надежными средствами къ предупрежденію частыхъ случаевъ браконьерства, корчемства и контрабанды, а слѣдовательно, къ защитѣ частнаго и казеннаго интереса. Поэтому, причина развитія, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, этого рода незаконныхъ промысловъ всегда и вездѣ относилась, главнымъ образомъ, къ неудовлетворительному устройству и состоянію личнаго состава лѣсной, кордонной или пограничной стражи, но не къ природнымъ качествамъ или склонностямъ того или другаго класса населенія, такъ - какъ жажда къ наживѣ или удовлетворенію своихъ потребностей незаконными путями, при существованіи легкихъ и благопріятныхъ къ тому условій, проявляются въ народныхъ массахъ, какъ передовыхъ націй, такъ и у насъ, совершенно независимо отъ того, армяне ли они, греки, евреи, турки, татары, поляки или русскіе. Поэтому, никому, вообще, ни у насъ, ни за границую, съ цѣлію предупрежденія сказаннаго рода нарушеній частнаго или казеннаго интереса, не приходила мысль объ ограниченіи гражданскихъ правъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежали нарушители, и о наложеніи, такимъ образомъ, за предполагаемыя или дѣйствительно совершенныя преступленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, *огульной и постоянной кары* на все ихъ населеніе, безъ всякаго различія праваго отъ виноватаго.

Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, какъ видно, правительствомъ было допущено отступленіе отъ этихъ общихъ понятій, по отношенію собственно къ евреямъ, тогда какъ это было тѣмъ менѣе справедливымъ, что принятая мѣра была не вполне согласна съ обстоятельствами, изъясненными самимъ министерствомъ финансовъ и, слѣдовательно, имѣвшимися у него въ виду, какъ по приведенному дѣлу, такъ и по другому, касавшемуся, равнымъ образомъ, пограничныхъ евреевъ.

Это послѣднее дѣло возникло за нѣсколько времени передъ тѣмъ, а именно, по вопросу о воспрещеніи постоянного водворенія въ Россіи евреямъ, выходящимъ изъ за границы.

Для побужденія правительства къ принятію этой мѣры, министерствомъ финансовъ было объяснено, между прочимъ, что въ пограничныхъ мѣстностяхъ развитію контрабанды способствовали, пре-

имущественно, не евреи, жившіе въ Россіи, а евреи сосѣднихъ государствъ, которые, уклоняясь тамъ отъ отбыванія рекрутской повинности натурою и перебѣгая оттуда къ намъ, скоплялись на нашихъ границахъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ поводовъ состоявшагося 15 марта 1824 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ о воспрещеніи евреямъ, выходящимъ изъ заграницы, водворяться въ Россіи (П. С. З., т. XXXIX, № 30004).

Нельзя не обратить вниманія еще на то обстоятельство, что въ запискѣ, по предмету удаленія евреевъ на 50-ти верстное разстояніе отъ границы, министерство финансовъ, основываясь на донесеніяхъ нѣкоторыхъ начальниковъ пограничной стражи лишь объ ихъ *подозрѣніи* въ тайномъ провозѣ товаровъ евреями, изъ числа русскихъ подданныхъ, безъ указанія кто именно изъ нихъ былъ пойманъ и уличенъ въ томъ преступленіи, объяснило, между прочимъ, что изъ многихъ дѣлъ усматривается, что они не только сами занимаются этимъ незаконнымъ промысломъ, но *способствуютъ къ тому и другимъ*. Изъ этого выводится прямое заключеніе, что и само министерство признавало тотъ фактъ, что на границахъ тайнымъ провозомъ товаровъ и пользованіемъ предметами, не оплаченными тарифомъ, занимаются не одни евреи, но и другіе люди, изъ числа русскихъ подданныхъ, различныхъ классовъ и состояній, имѣвшихъ въ евреяхъ только болѣе или менѣе ловкихъ пособниковъ. Фактъ этотъ подтверждался, въ то время, многочисленными случаями и дѣлами. Очевидно, поэтому, что удаленіе отъ границъ евреевъ, хотя и лишило бы прочихъ тамъ жителей удобствъ, проистекавшихъ отъ содѣйствія, евреевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не искоренило бы зла, а только открыло бы для прочихъ жителей болѣе обширное поле, для личныхъ упражненій въ промыслѣ этого рода, съ помощію которыхъ, они, въ скоромъ времени, достигли бы искусства въ обманахъ и ухищреніяхъ, для обхода бдительности пограничной стражи, и безъ содѣйствія евреевъ. Потери казны, при отсутствіи удовлетворительнаго устройства пограничной стражи, были бы, поэтому, вышесказанною мѣрою мало чѣмъ уменьшены, и это предоставляло бы только особыя выгоды для прочихъ контрабандистовъ, такъ какъ они, безъ конкуренціи со стороны евреевъ, имѣли бы возможность неоплаченные пошлинами товары сбывать мѣстнымъ жителямъ и отправлять для продажи въ внутръ Россіи, по цѣнамъ гораздо вышшимъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что средствомъ къ положенію извѣстныхъ предѣловъ развитію контрабанднаго промысла въ пограничныхъ поло-сахъ могло и тогда служить, единственно, приведеніе пограничной таможенной стражи въ удовлетворительное положеніе, но отнюдь не такая мѣра, какъ высылка оттуда евреевъ, представлявшая ограниче-ніе ихъ правъ жительства въ самой чертѣ ихъ осѣдлости, т. е. мѣра, которая, кромѣ разоренія жившихъ тамъ евреевъ, должна была тя-жестью своею пасть и на все ихъ населеніе, съ наложеніемъ на него, въ тоже время, новаго нравственного пятна.

Монаршее правосудіе и чувства справедливости Наслѣдника Це-саревича спасли отъ немедленныхъ послѣдствій такой мѣры часть по-граничнаго населенія евреевъ, изъ русскихъ подданныхъ, а именно тѣхъ, которые обладали тамъ недвижимою собственностію; изъ чего видно, въ какой степени чувства Монаршей справедливости нашихъ Государей, во всѣ времена, не были расположены къ угнетенію евреевъ, изъ однихъ предубѣжденій противъ нихъ. Но по усвоеннымъ тогда правительственнымъ взглядамъ, это не могло предупредить, однако, всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій такихъ взглядовъ, для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, какъ евреевъ, такъ и самой страны.

Вскорѣ, однако, строгость вышеозначенной мѣры, по отношенію къ евреямъ, которые должны были подвергнуться ей, въ силу Высочайше утвержденнаго 11 Апрѣля 1825 года положенія Комитета Ми-нистровъ, была нѣсколько смягчена появившимся, 14 Ноября того же 1825 года, указомъ Сената, которымъ разъяснено, что срокомъ, для приведенія ея въ исполненіе должно считаться истеченіе конт-рактовъ и условій, законнымъ образомъ заключенныхъ, до обнаро-дованія того положенія, за исключеніемъ, впрочемъ, изъ сего во-лынской губерніи, по которой мѣру удаленія евреевъ на 50-ти верст-ное разстояніе отъ границъ было признано Сенатомъ необходимымъ привести въ исполненіе тотчасъ, не дожидая истечения вышесказан-ныхъ сроковъ, на томъ основаніи, что Высочайшее о томъ повелѣ-ніе существовало съ 1812 года, было подтверждено въ 1816 году и никакимъ другимъ постановленіемъ не отмѣнено (П. С. З., т. XL, № 30581).

Передъ этимъ, именно 30 Іюня 1825 года, состоялось, по дру-гому частному случаю, Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, изъ котораго усматривается нѣкоторая нерѣшительность уже высшаго правительства въ принятіи строгихъ мѣръ къ ограни-

ченію правъ жительства евреевъ въ Россіи, въ виду разработывавшагося учрежденнымъ, въ 1823 году, особымъ Комитетомъ проекта новаго Положенія о евреяхъ. Случай этотъ слѣдующій.

По поводу просьбы мѣщанина г. Орши, изъ евреевъ, Есселя Резакова, о перечисленіи его, съ семействомъ, въ Георгіевское мѣщанство кавказской губерніи, Министръ Финансовъ вошелъ съ запискою въ Комитетъ Министровъ, къ которой, объяснилъ, что хотя Положеніемъ 1804 г. о евреяхъ, въ видѣ поощренія ихъ къ земледѣлію, разрѣшено имъ пріобрѣтать земли и селиться въ астраханской и кавказской губерніяхъ, но что онъ, съ своей стороны, полагалъ бы воспретить имъ, разъ на всегда, постоянное водвореніе въ астраханской губерніи и кавказской области, съ отмѣною вовсе и предоставленнаго имъ вышесказаннымъ Положеніемъ права пріобрѣтенія въ тѣхъ краяхъ земель и поселенія на помѣщичьихъ и казенныхъ земляхъ, разрѣшивъ имъ тамъ лишь временное пребываніе, на основаніяхъ, указанныхъ тѣмъ Положеніемъ. Въ подтвержденіе правильности этого мнѣнія, министерствомъ финансовъ были приведены, между прочимъ, слѣдующія соображенія: 1) что со временъ Императрицы Елисаветы Петровны, правительство всегда закрывало евреямъ путь къ водворенію ихъ въ *внутреннихъ губерніяхъ Россіи* 2) что «евреи, чуждаясь, какъ по опытамъ извѣстно, земледѣлія, не могутъ принести, въ семъ отношеніи, никакой пользы для края»; 3) что съ другой стороны, «водвореніе сихъ людей, уклоняющихся, при всякой возможности, отъ исполненія Государственныхъ постановленій, когда оныя не соотвѣтствуютъ исключительно ихъ выгодамъ, въ такихъ губерніяхъ, которыя по положенію своему отверсты для внѣшней торговли, безъ сомнѣнія нанесло бы ущербъ Таможеннымъ сборамъ и общественному кредиту и послужило бы къ подрыву тамошняго купечества».

Обстоятельства, касающіяся евреевъ въ Россіи, вообще, и правительственныхъ, по отношенію къ нимъ, мѣръ, въ ихъ историческомъ ходѣ, въ особенности, на столько теперь извѣстны, изъ всѣхъ приведенныхъ выше, со временъ Царя Алексія Михайловича, данныхъ, что ошибочность вышеизложенныхъ трехъ доводовъ министерства финансовъ становится вполнѣ ясною. *Первый изъ нихъ* не могъ имѣть значенія, потому что онъ заключался въ мысли о примѣненіи къ евреямъ мѣръ той политики, которая относилась къ періоду времени, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, а

слѣдовательно, возможной еще тогда, но не соотвѣтствовавшей уже положенію вещей, измѣнившемуся со времени присоединенія бѣлоруссіи и пріобрѣтенія евреями, вступившими въ русское подданство, значенія *составной части общаго народонаселенія Россіи*, въ числѣ образующихъ ея другихъ племенъ и народностей. Къ тому же, ссылка на правительственныя мѣры, какія были приняты, относительно евреевъ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, не имѣли и исторической вѣрности, такъ-какъ въ основаніи тѣхъ мѣръ лежала мысль не о недопущеніи евреевъ только въ внутрь Россіи, не о *локализациі* ихъ въ ней; но, какъ объяснено выше, о *равномѣрномъ очищеніи отъ евреевъ всѣхъ частей Имперіи*, т. е. объ изгнаніи ихъ вовсе изъ нея, что, при существованіи возможности къ тому, могло быть раціональнѣе, чѣмъ стѣсненіе и ограниченіе правъ евреевъ, съ этою цѣлію, когда возможность ихъ выселенія изъ Россіи уже миновала. Почему, приведеніе министерствомъ финансовъ вышесказаннаго довода могло служить лишь доказательствомъ, или совершеннаго упущенія имъ изъ вида касавшагося евреевъ положенія вещей, какъ прежняго, такъ и современнаго тогда, или же недостаточнымъ знакомствомъ, какъ съ нимъ, такъ и съ законодательными предначертаніями Императрицы Екатерины II, относительно уравниванія евреевъ, въ правахъ съ прочими подданными. *Второй доводъ* былъ основанъ на однихъ лишь общихъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ, относительно скрывающагося, будто, въ евреяхъ и поддерживаемаго ихъ талмудическимъ вѣроученіемъ природнаго нерасположенія къ земледѣльческому труду, съ ссылкой, въ подтвержденіе такого предположенія, на свидѣтельство *опыта*, какого Россія, относительно земледѣльческихъ занятій евреевъ и ихъ природной къ нимъ способности или неспособности, въ то время, по причинамъ, изложеннымъ выше, не имѣла и имѣть не могла.

Что касается, наконецъ, *третьяго довода*, то онъ былъ основанъ, отчасти, на предположеніи въ евреяхъ обычной какъ бы склонности къ уклоненію отъ выполненія государственныхъ постановленийъ страны, не признававшихся ими, исключительно для себя, выгодными; тогда какъ подобное предположеніе было лишено, въ сущности, и надлежащей справедливости, если принять въ соображеніе, что евреи могли естественно побуждаться къ тому, такъ-какъ всѣ вообще мѣры, принимавшіяся правительствомъ въ отношеніи ихъ, подобно той, о которой идетъ рѣчь, носили на себѣ характеръ ис-

ключительности, клонившейся не къ выгодамъ евреевъ, но къ стѣсненію и ограниченію ихъ правъ во всѣхъ сферахъ гражданской и общественной дѣятельности; отчасти, на недостаточно разъясненномъ выводѣ, что евреи несомнѣнно принесли бы ущербы таможеннымъ въ губерніяхъ астраханской и кавказской сборамъ и общественному кредиту; отчасти же, на ошибочномъ экономическомъ взглядѣ, что торговая конкуренція, со стороны евреевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, могла бы быть, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ чемъ либо вреднѣе, чѣмъ въ западномъ краѣ, при ихъ чрезмѣрномъ тамъ многочисленіи. При чемъ, упустивъ какъ бы совершенно изъ вида общіе интересы потребителей, т. е. всего вообще населенія въ вышесказанныхъ губерніяхъ, министерство финансовъ, въ данномъ случаѣ, ограничило свои соображенія интересами мѣстнаго тамъ купечества, и притомъ, не одного русскаго, но также и азіатскаго, въ пользу котораго приносились, такимъ образомъ, какъ бы въ жертву, торговые и промышленные интересы, въ мѣстахъ осѣлости евреевъ, гдѣ уменьшеніе ихъ численности, какъ людей, исключительно, торговыхъ и промышленныхъ, составляло, уже въ то время, одну изъ жизнѣйшихъ тамъ потребностей.

Нужно полагать, что приведенные министерствомъ финансовъ основанія, въ данномъ случаѣ, не были признаны достаточными; такъ какъ Комитетъ Министровъ, согласившись, въ принципѣ, съ доводами министерства, не рѣшился, однако, испросить Высочайшее соизволеніе на отмѣну содержавшихся въ Положеніи 1804 года о евреяхъ постановленій, которыми имъ разрѣшалось водвореніе въ астраханской губерніи и на кавказѣ; но признавъ нужнымъ пріостановить переселеніе туда евреевъ, въ видѣ *временной* лишь мѣры, впредь до разсмотрѣнія вышеупомянутымъ особымъ Комитетомъ общаго ихъ положенія въ государствѣ, полагая передать въ тотъ Комитетъ и сказанное дѣло, по прошенію Есселя Резакова. Это положеніе Комитета Министровъ (30 Іюня 1825 г.) удостоилось Высочайшаго утвержденія; но распубликовано Сенатомъ, подъ заглавіемъ, не вполне соотвѣтствовавшимъ, впрочемъ, точному смыслу этого положенія, а именно подъ слѣдующимъ: «о воспрещеніи евреямъ селиться въ Астраханской губерніи и Кавказской области» (П. С. З., т. XL, № 30404).

Въ то самое время, какъ Комитетъ Министровъ поколебался въ безусловномъ принятіи, относительно евреевъ, предложенной министерствомъ финансовъ вышесказанной ограничительной мѣры, Сенатомъ, въ духѣ прежнихъ его мѣръ, были допущены болѣе строгія

дѣйствія. Это видно изъ его указовъ, состоявшихся одинъ за другимъ, по двумъ различнымъ случаямъ.

Одинъ изъ этихъ случаевъ заключался въ томъ, что 25 семействъ вышедшихъ изъ Австріи евреевъ, издавна поселившихся въ г. Николаевъ и принявшихъ уже присягу на русское подданство, представивъ поручителей въ исправномъ платежѣ ими податей, просили объ утвержденіи ихъ въ правахъ гражданства, съ припискою ихъ въ томъ городѣ къ мѣщанскому состоянію. Херсонская казенная палата, согласно съ ходатайствомъ николаевского городского магистрата, не встрѣтивъ къ удовлетворенію просьбы тѣхъ евреевъ никакихъ препятствій, вошла, по этому предмету, съ представленіемъ въ Сенатъ, который, хотя и не нашелъ оснований къ отказу сказаннымъ евреямъ въ ихъ ходатайствѣ, но отнесся съ особою строгостію къ этому случаю, предписавъ казенной палатѣ, указомъ 27 Августа 1825 года, въ виду Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 15 Марта 1824 года ¹⁾, впредь выходящихъ изъ-заграницы евреевъ и живущихъ по паспортамъ Миссіи, къ присягѣ на русское подданство не приводить и къ постоянному жительству въ Россіи не допускать (П. С. З., т. XL, № 30465).

Въ другомъ случаѣ, Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ и помѣщикахъ минской губерніи, преданныхъ суду, за допущеніе недостатка въ продовольствіи крестьянъ, нашелъ

1) Нельзя не замѣтить, что изъ этого Положенія Комитета Министровъ, касающагося правъ иностранныхъ евреевъ, по водворенію въ Россіи, усматривается, что въ представленіи министерства финансовъ, съ какимъ оно входило, по этому предмету, содержатся отзывы непріязненнаго содержанія и по отношенію къ евреямъ, состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ, какъ къ племени, вообще, вредному для благосостоянія государства; при чемъ, такой взглядъ подкрѣплялся министерствомъ, отчасти, несогласными съ фактами предположеніями, что евреи не платятъ исправно подати, единственно вслѣдствіе ихъ уклоненія отъ этого и упорства въ непродуктивныхъ родахъ занятій; отчасти, указаніемъ, что русскимъ правительствомъ постоянно признавалась необходимость подвергать ихъ права ограниченіямъ и отягощать ихъ податями, съ совершеннымъ умолчаніемъ о законоположеніяхъ Императрицы Екатерины Великой, дѣйствовавшихъ о евреяхъ до принятія въ 1791 и 1794 годахъ, т. е. въ концѣ ея царствованія, ограничительныхъ мѣръ. Аргументація министерства была, слѣдовательно, та же, какая была допущена имъ въ только что приведенномъ нами представленіи его, по предмету закрытія для евреевъ губерній астраханской и кавказской (П. С. З., т. XXXIX, № 30004).

одного изъ тѣхъ помѣщиковъ, по фамиліи Щитъ, виновнымъ въ противозаконной отдачѣ своего имѣнія въ арендное содержаніе евреямъ и приговорилъ его, Щита, за этотъ проступокъ, къ аресту, при полиціи, срокомъ на двѣ недѣли. За разногласіемъ Сенаторовъ о такой мѣрѣ наказанія, дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, по обсужденіи его, сперва въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи Департаментовъ, карательная мѣра Сената была принята большинствомъ голосовъ, и вослѣдовавшее, по этому предмету, мнѣніе Государственнаго Совѣта, 22 Октября 1825 г., Высочайше утверждено; вслѣдствіе чего, Щитъ, по всей вѣроятности, и былъ подвергнутъ аресту, къ которому онъ былъ приговоренъ, безъ суда, въ административномъ порядкѣ, Сенатомъ (П. С. З., т. XL, № 30543).

Въ этомъ же самомъ мѣсяцѣ, т. е. въ Октябрѣ 1825 г., обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о евреяхъ, отправлявшихъ товары изъ пограничныхъ таможенъ, *по комисіямъ*, въ великороссійскія губерніи. Государственный Совѣтъ, по поводу этого вопроса, рассуждалъ, что «узаконеніями не дозволено доселѣ евреямъ производить торговлю внутри Государства, что давъ имъ новое право комисіонеровъ или прикащиковъ, ожидать можно стачки у нихъ, какъ съ иностранными торговыми домами, такъ и съ купцами великороссійскихъ губерній, чрезъ что непременно перейдетъ современемъ торговля въ ихъ руки, и сами евреи, въ видѣ прикащиковъ, воспользуются свободою имѣть долговременное пребываніе внутри Государства». По симъ причинамъ, Государственный Совѣтъ полагалъ: «по торговлѣ, евреямъ предоставленной, не вводить ничего новаго и ограничивать оную для нихъ единственно 15-ю губерніями, кои поименованы въ Высочайше подтвержденномъ 9 Декабря 1804 г. докладѣ». Мнѣніе это, 26 Октября 1825 г., Высочайше утверждено (П. С. З. т. XL № 30561).

Въ настоящее время, какъ извѣстно, допущены свободныя торговыя отношенія между русскими купцами и евреями, какъ непосредственно, такъ и по комисіямъ, а въ одной изъ внутреннихъ губерній, именно Харьковской, имѣется довольно значительное уже населеніе евреевъ, изъ купцовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, находящихся въ постоянныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ съ прочими тамъ жителями и русскимъ купечествомъ. Между тѣмъ, изъ имѣющихся нынѣ, оффиціальныхъ свѣдѣній усматривается, что отъ сказанныхъ сношеній и самаго пребыванія тамъ евреевъ не истекаетъ ника-

кой особый вредъ, ни для населенія, ни для купеческаго класса, ни для казны.

Поэтому, изъ вышеприведенныхъ, имѣющихся въ законодательномъ постановленіи 26 Октября 1825 года, мотивовъ, весьма затруднительно выяснить, что именно разумѣлось, въ то время, подъ стачкою отправлявшихъ на комиссію свои товары евреевъ, съ иностранными негоціантами и русскими купцами, а также огражденіе чьихъ именно интересовъ разумѣлось правительствомъ въ мѣрѣ воспрещенія продажи товаровъ евреями внутри Россіи, *по комиссіямъ*: торговыхъ-ли классовъ, класса-ли потребителей или же казны? Не вполне понятно также, почему именно отправка евреями изъ пограничныхъ таможенъ на комиссію товаровъ, оплаченныхъ тарифомъ, а слѣдовательно, поставленныхъ въ условія, достаточно ограждавшія отечественную мануфактурную и фабричную промышленность, могла имѣть послѣдствіемъ переходъ торговли въ руки, исключительно, однихъ евреевъ? Но какъ, при этомъ, выражено опасеніе, что такого рода операціи дадутъ евреямъ поводъ пріѣзжать во внутреннія губерніи и имѣть въ нихъ долговременное пребываніе, то нужно полагать, что въ сказанномъ случаѣ, руководили существовавшіе, въ то время, въ правительственной сферѣ, общіе мотивы, скрывавшіеся въ недостаточно точныхъ и ясныхъ понятіяхъ о всемъ, что касалось евреевъ, и побуждавшіе правительство, какъ бы безотчетно, принимать, въ отношеніи ихъ, разнохарактерныя мѣры, съ закрытіемъ, по возможности, для нихъ и ихъ торговыхъ операцій, доступа во внутреннія губерніи Россіи. Нерѣшительность, въ этомъ случаѣ, правительственнаго образа дѣйствія могла, конечно, имѣть свою причину и въ томъ, что, въ то время, обсуждались въ вышеупомянутомъ особомъ Комитетѣ, «для лучшаго устройства евреевъ», общіе вопросы объ ихъ гражданскомъ положеніи въ Россіи.

Этою законодательною мѣрою, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Сенатскимъ указомъ 14 Ноября 1825 года, объ удаленіи евреевъ отъ границы, по истеченіи срока ихъ обязательныхъ отношеній съ мѣстными владѣльцами, по аренднымъ контрактамъ, заканчиваются правительственныя дѣйствія, относительно евреевъ, въ царствованіе Императора Александра I.

Изъ настоящаго обзора принимавшихся у насъ, въ Россіи, относительно евреевъ, законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, въ ихъ историческомъ ходѣ, начиная со временъ Царя Алексія Михайловича, вытекаютъ слѣдующіе *главные выводы*:

I. Нынѣ дѣйствующему въ Россійской Имперіи законодательству о евреяхъ предшествовали, по отношенію къ нимъ, *два различные*, по характеру политики, и съ государственной точки зрѣнія, не подлежащіе смѣшенію, *періода времени*: одинъ, когда евреи, не состояли въ русскомъ подданствѣ и государство наше могло, въ извѣстной степени, по усмотрѣнію правительства, подлежать закрытію для нихъ; другой, когда евреи, по воссоединеніи съ Россіей прежнихъ областей древней нашей Руси, находившихся подъ владычествомъ Польши, вступили въ русское подданство и приобрѣли, въ качествѣ *натурализованнаго класса гражданъ*, значеніе составной и многочисленной части общаго народонаселенія государства, которое, вслѣдствіе этого, такому закрытію, въ силу самихъ вещей, подлежать уже не могло.

II. Въ первомъ изъ тѣхъ двухъ періодовъ времени, въ политической сферѣ, хотя и проявлялась мысль о безусловномъ очищеніи русской территоріи отъ евреевъ, но лишь въ моменты царствованія Императрицъ Екатерины I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, исключительно, вслѣдствіе ихъ *религіозныхъ* взглядовъ на евреевъ; при чемъ, ни эти царствованія, ни предшествовавшія имъ, не представляютъ слѣдовъ *идеи о локализациіи евреевъ* въ какой либо извѣстной части государства, съ одновременнымъ закрытіемъ для нихъ всѣхъ другихъ его частей.

III. Императрица Екатерина Великая, по принятіи евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, держалась лично политики безусловнаго *уравненія евреевъ въ ихъ гражданскихъ правахъ съ прочими подданными*; но правительствомъ, вопреки законодательнымъ предначертаніямъ Государыни, усвоенъ, съ первыхъ же моментовъ вступленія евреевъ въ русское подданство, а затѣмъ внесенъ и въ законодательную область, совершенно иной образъ дѣйствія, направленный къ *локализациіи евреевъ* въ воссоединенныхъ съ Россією краяхъ и областяхъ, съ мыслью о понужденіи евреевъ къ переходу въ христіанство, или ихъ вытѣсненія, по возможности, вовсе изъ предѣловъ государства, путемъ стѣсненія и ограниченія ихъ гражданскихъ правъ и отягощеніемъ ихъ податями; послѣдствіемъ чего, было появленіе, въ концѣ того же царствованія, *ограничительныхъ*, въ этомъ смыслѣ и съ этою цѣлію, *узаконеній*.

IV. Главными причинами къ такому образу дѣйствія правительства, относительно евреевъ, были слѣдующія: 1) преслѣдованіе *религіозной цѣли* обращенія евреевъ въ христіанскую вѣру, безъ различія

вѣроисповѣданій, вопреки основнымъ законамъ государства о защитѣ и оборонѣ, исключительно, господствующаго Греко-Восточнаго-Каѳолическаго исповѣданія; 2) не проверенныя изслѣдованіями предубѣжденія о природныхъ свойствахъ евреевъ и качествахъ ихъ вѣроученія, — предубѣжденія, не дававшія возможности различать, съ достаточною ясностію, слѣдствія отъ самихъ причинъ, 3) религіозно-политическій взглядъ на евреевъ, какъ на народъ чуждый, къ коренному населенію не принадлежащій, даже въ числѣ жителей другихъ не христіанскихъ исповѣданій, и ошибочное признаніе, вслѣдствіе этого, что Россія, для евреевъ, не можетъ и не должна быть отечествомъ, 4) упущеніе изъ вида *экономическаго условія* о равномѣрнѣйшемъ распредѣленіи въ государствѣ его торговыхъ и промышленныхъ силъ, путемъ водворенія въ немъ начала свободной торговли, съ примѣненіемъ этого начала и къ евреямъ, и 5) отступленіе отъ условія о *единообразномъ устройствѣ государства*, на началахъ гражданскаго и политическаго равенства всѣхъ его частей и обитающихъ въ нихъ племенъ и народностей, не принадлежащихъ къ числу степныхъ или кочующихъ.

V. Сказанные взгляды на евреевъ и вытекавшій изъ нихъ исключительный образъ дѣйствія правительства, по отношенію къ нимъ, установившись, такимъ образомъ, въ политической нашей сферѣ, не былъ, за симъ, подвергаемъ въ ней дальнѣйшимъ обсужденіямъ, въ законодательномъ порядкѣ, и по учрежденіи, въ царствованіе Императора Александра I, Государственнаго Совѣта.

VI. Послѣдствіемъ исключительнаго порядка вещей, принятаго относительно евреевъ, было *исчезновеніе ихъ личности въ понятіи объ ихъ націи*, какъ чуждой и непріязненной для русской страны и русскаго народа, и появленіе понятія о нравственной ея отвѣтственности за cadaго изъ своихъ членовъ, что не могло не повлечь за собою ослабленіе въ сознаніи властей, нисшихъ и высшихъ, *идеи справедливости*, по отношенію къ каждому изъ такихъ подданныхъ, въ отдѣльности.

VII. Подъ вліяніемъ сказанныхъ взглядовъ и вытекавшаго изъ нихъ режима установились въ политической сферѣ: 1) шаткость и неопредѣлительность правъ состоянія евреевъ въ Россіи, по которымъ имъ было присвоено положеніе въ государствѣ, сходственное съ положеніемъ *степныхъ или кочующихъ* инородныхъ племенъ и, отчасти, даже *блуждающихъ, бродячихъ чужестранцевъ*, не взирая на то, что еврей, на самомъ дѣлѣ, имѣли въ мѣстахъ, гдѣ застигло ихъ русское владычество, весьма древнюю осѣдлость, что они обитали тамъ

среди прочаго населенія и, съ *политической точки зрѣнія*, не имѣли никакихъ правъ на *отдѣльную* въ государствѣ *національность*; 2) стѣсненія евреевъ, путемъ ограниченій ихъ гражданскихъ правъ, во всѣхъ сферахъ ихъ общественной дѣятельности, — стѣсненія, которыя были сопряжены съ частыми нарушеніями коренныхъ законовъ о правѣ частной собственности, свободѣ торговли и силѣ договоровъ, основанныхъ на добровольныхъ соглашеніяхъ, по отношенію, не только къ евреямъ, но и частнымъ лицамъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, изъ числа рабочаго класса людей, купечества, владѣльцевъ поземельной собственности и даже класса потребителей, какъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, такъ и внѣ оной, съ нерѣдкими, въ тоже время, случаями отступленія, по дѣламъ частнаго и общественнаго интереса евреевъ, отъ *надлежащей справедливости*, которая, иной разъ, возстановлялась лишь дѣйствіемъ Монаршаго правосудія.

VII. Исключительный образъ дѣйствія, относительно евреевъ, образовалъ въ нашемъ законодательствѣ, еще въ періодъ времени, предшествовавшій нынѣ дѣйствующимъ о нихъ узаконеніямъ, *наслоеніе разнохарактерныхъ, противорѣчивыхъ и непоследовательныхъ мѣръ и постановленій*, въ основаніи которыхъ, судя по ихъ мотивамъ, не заключалось, въ большинствѣ случаевъ, достаточныхъ соображеній о практическихъ пользахъ государства, съ точки зрѣнія его *торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ*, вслѣдствіе чего, въ концѣ царствованія Императора Александра I, появилось въ самомъ правительствѣ сознаніе о крайней неудовлетворительности тогдашнихъ узаконеній о евреяхъ, — сознаніе, выразившееся въ учрежденіи особаго, изъ Министровъ, Комитета, для лучшаго устройства евреевъ.

Въ слѣдующемъ, за симъ, царствованіи Императора Николая I произведены, несомнѣнно, весьма существенныя измѣненія въ гражданскихъ правахъ евреевъ, отмѣною двойныхъ съ нихъ податей, привлеченіемъ къ отбыванію рекрутской повинности натурою и расширеніемъ правъ евреевъ, съ цѣлію поощренія ихъ къ общему образованію; но на сколько этимъ улучшено общее правовое положеніе евреевъ въ Россіи — составляетъ вопросъ, относящійся къ періоду нынѣ дѣйствующаго о евреяхъ законодательства.

О П Е Ч А Т К И:

СТР.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАТЬ.
8	3	установленія	установленіе
9	31	чувство, —отрѣшиться	—чувство, отрѣшиться
10	12 (примѣч.)	народъ	народѣ
17	26	практичечкихъ	практическихъ
18	2	проступка	преступнаго
32	22	Маллороссіи	Малороссіи
49	1	исключительно	единственно
63	2 (примѣч.)	brebs	brebis
74	6—7	промысловъ ремесль	промысловъ и ремесль
94	26—27	и изъ приведеннаго выше сенатскаго указа	и изъ сенатскаго указа
95	34	вышеуомянутыхъ	вышеупомянутыхъ
101	29	практичными	практическими
116	19	подтверждается	подтверждается
—	—	бостоятельствомъ	обстоятельствомъ
117	16	просторъ	простора
118	25	узаконеній	узаконенія
119	32	вступленія въ русское подданство	вступленія евреевъ въ русское подданство
128	18	мѣрами	мѣра
130	10	Импрератрицы	Императрицы
136	29	была	были
137	37	свобода	свободу
139	6	можно былъ	можно было
169	36	въ наблюденіи чтобы	въ наблюденіи, чтобы
192	15	примѣненіе этого закона вися	примѣненіе этого закона, вися
199	17	нребываніе	пребываніе.
200	11	что, при этомъ	что, при этомъ,
205	22	Академіи	Академіи
—	9 (примѣч.)	Semiticarum	semiticarum
211	32	учрежденіемъ въ этомъ отношеніи	учрежденіемъ, въ этомъ отношеніи
212	9	обособленности	обособленности
—	10	нелзя	нельзя
219	8	порвоначально	первоначально
233	25	христіанъ, Государю	христіанъ. Государю
239	3	дозволяется	дозволяется;“
245—246	38—1	котоомъ	которомъ
261	2	находившихся	находившимися
300	26—27	повсемѣстномъ	повсемѣстному

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В 0.5 лин. 54
СЛАВЛАДИМІРСК. ПР. 4

ГРАДОВСКІЙ

ПРАВА ЕВРЕЕВЪ

ВЪ РОССІИ

1

М. Ф.